Журнал зарегистрирован в Министерстве печати и информации Российской Федерации Свидетельство о регистрации № 0110347 от 27 октября 1993 г.

РЕДКОЛЛЕГИЯ

Ю.И.ИГРИЦКИЙ
кандидат исторических наук, член-корреспондент МАИ, главный редактор

Л.Н.ВЕРЧЁНОВ
кандидат философских наук

В.И.ГЕРАСИМОВ
кандидат филологических наук, член-корреспондент МАИ, зам. главного редактора

Л.П.ДЕЛЮСИН
доктор исторических наук, профессор

Е.Б.КАЛОЕВА
кандидат исторических наук, зам. главного редактора

А.Д.НЕКИПЕЛОВ
доктор экономических наук, академик РАН

Б.С.ОРЛОВ
доктор исторических наук, профессор

Т.Г.ПАРХАЛИНА
кандидат исторических наук

Ю.С.ПИВОВАРОВ
доктор политических наук, академик РАН

Л.В.СКВОРЦОВ
доктор философских наук, профессор, академик МАИ

Б.А.ХЕЙФЕЦ
доктор экономических наук

Л.Н.ШАНШИЕВА
кандидат философских наук

В.М.ШЕВЫРИН
кандидат исторических наук, зам. главного редактора

Ответственный секретарь
А.А.ХАЛАТОВ

Редактор-консультант
И.Л.БЕЛЕНЬКИЙ

Литературный редактор
Д.А.СЕМЁНОВА

Художник обложки
Г.И.КОЗУБОВ

ISSN 1726-5223

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ
INSTITUTE FOR SCIENTIFIC INFORMATION IN SOCIAL SCIENCES
ИНСТИТУТ ЭКОНОМИКИ
INSTITUTE OF ECONOMY

Россия и современный мир

RUSSIA AND THE CONTEMPORARY WORLD

3(60)

In This Issue:

Россия и мировая регионализация
Russia and World Regionalization

Власть и повседневная российская жизнь
State Authorities and Everyday Life in Russia

Все о Ленине
All about Lenin

Россия и страны Балтии: Груз взаимных обид
Russia and the Baltic States: The Burden of Mutual Scores

Социальные и этические проблемы нанотехнологии
Social and Ethical Problems of Nanotechnologies

МОСКВА
2008

© ИНИОН РАН

СОДЕРЖАНИЕ
CONTENTS

РОССИЯ И МИР В XXI ВЕКЕ

Л.Б. Вардомский
Россия в мировых процессах регионализации 5

А.Н. Авдулов
Становление современной парадигмы научно-технического развития 30

RUSSIA AND THE WORLD IN THE 21ST CENTURY

L.B. Vardomsky
Russia in the World Regionalization Processes 5

A.N. Avdulov
The Formation of the Current Paradigm of Scientific and Technological Progress 30

РОССИЯ ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

С.А. Королёв
Власть и повседневность: Социально-философский взгляд 49

В.Н. Лившиц, Н.И. Белоусова, Е.М. Васильева
Государство и естественные монополии в трансформации российской экономики 74

А.М. Кулькин
Разрушительные последствия «приватизации» – барьер на пути России в информационное общество 80

Х.Х. Валиуллин
Несколько слов о российском рубле 92

RUSSIA YESTERDAY, TODAY, TOMORROW

S.A. Korolev
State Authorities and Everyday Life: A Socio-Philosophical Outlook 49

V.N. Livshits, N.I. Belousova, Ye.M. Vasilyeva
The State and Natural Monopolies in the Transformation of the Russian Economy 74

A.M. Kulkin
Destructive Privatization as a Barrier for Russia on Its Way to Information Society 80

Kh.Kh. Valiullin
A Few Words about the Russian Ruble 92

ЭХО РЕВОЛЮЦИЙ XX в.

С. Дудаков
В.И. Ульянов: Знакомый незнакомец 101

THE ECHO OF THE 1917 REVOLUTIONS

S. Dudakov
V.I. Ulyanov: The Familiar Stranger 101

А.П. Ненароков
По следам 1917-го: Революции и мифы 132

ПОСТСОВЕТСКОЕ ПРОСТРАНСТВО

Р.Х. Симонян
Россия и ее балтийские соседи: Баланс мифов и взаимных обид 149

О.Б. Подвинцев
Партийные системы бывших союзных республик как отражение разнонаправленных тенденций развития постсоветского пространства 168

РАЗМЫШЛЕНИЯ. СООБЩЕНИЯ. КОММЕНТАРИИ

О.В. Летов
И благо, и угроза: Социальные и этические проблемы нанотехнологии 175

В.В. Пациорковский
Многопоколенная семья – основа демографического развития 194

ФАКТЫ. СОБЫТИЯ. ЛЮДИ

К.В. Бобков
Музей-усадьба «Мелихово» в последние два десятилетия 210

Н.К. Меден
Русские могилы в Висбадене 217

A.P. Nenarokov
Back to 1917: The Revolutions and the Myths 132

THE POST-SOVIET SPACE

R.Kh. Simonyan
Russia and Its Baltic Neighbors: The Balance of Myths and Mutual Scores 149

O.B. Podvintsev
The Party-Systems of the Former Soviet Republics as a Reflection of Divergent Development Trends in the Post-Soviet Space 168

REFLECTIONS. COMMUNICATIONS. COMMENTS

O.V. Letov
Both Benefit and Threat: Social and Ethical Problems of Nanotechnologies 175

V.V. Patsiorkovsky
Multi-Generation Family as a Base for Demographic Growth 194

FACTS. EVENTS. PEOPLE

K.V. Bobkov
The «Melikhovo» Estate Museum in the Last Two Decades 210

N.K. Meden
Russian Graves in Wiesbaden 217

НАУЧНАЯ И КУЛЬТУРНАЯ ЖИЗНЬ

П.М. Шульгин
Мариинск – исторический город Сибири: Перспективы культурного развития **224**

С.П. Глинкина
Трансформации XXI века в исследовательских программах Отделения экономических и политических исследований ИЭ РАН **231**

ОБЗОРЫ. РЕФЕРАТЫ

Хаунер Д.
Эффективность государственных социальных расходов в Российской Федерации **246**

Развитие мировой экономики в 2007–2008 гг. **252**

Огг Дж., Рено С.
Жизнь на пенсии: Разнообразие и сходство **256**

SCHOLARLY AND CULTURAL LIFE

P.M. Shulgin
Mariinsk, an Historical Siberian Town: Prospects for Growth **224**

S.P. Glinkina
The 21st Century Transformations in the Research Programs of the Department for Economic and Political Studies **231**

SURVEYS. DIGESTS

Hauner D.
The Behchmarking the Efficiency of Public Social Expenditures in the Russian Federation **246**

Perspectives 2007–2008 pour l'economie mondiale **252**

Ogg J., Renault S.
Vivre a l'heure de la retraite: Diversities et similitudes **256**

РОССИЯ И МИР В XXI ВЕКЕ

Л.Б. Вардомский

РОССИЯ В МИРОВЫХ ПРОЦЕССАХ РЕГИОНАЛИЗАЦИИ

Вардомский Леонид Борисович – доктор экономических наук, заведующий центром постсоветского экономического сотрудничества Института экономики РАН.

Внешнеэкономическая либерализация и рыночные реформы сделали Россию частью глобальной экономики. Это значит, что развитие хозяйства страны тесно связано с внешними факторами, такими, как динамика мировых цен на товары российского экспорта и импорта, состояние мировых финансовых и фондовых рынков, колебания курсов мировых валют. Сама Россия оказывает немалое воздействие на мирохозяйственное развитие.

Глобализация ставит Россию в условия жесткой конкуренции, растущей трансграничной мобильности национальных финансовых и инновационных ресурсов, широкого проникновения в экономику страны иностранного капитала, включения ее в глобальные производственно-сбытовые сети. Глобализация экономики оборачивается для России оттоком за рубеж части ресурсов развития (кадров высокой квалификации, научно-технических разработок, финансовых средств). Но в то же время она дает стране шанс для использования своих сравнительных преимуществ через иностранные инвестиции, привлечение новых технологий, участие в мировых экономических и информационных сетях, приобретение зарубежных активов.

Россия находится между крупнейшими центрами мировой экономики, выходит к трем океанам, имеет большое число стран-соседей. Такое геополитическое и геоэкономическое положение страны создает основу для многовекторного построения внешнеэкономических связей. Одновременно это естественный потенциал участия России в процессах глобализации и регионализации. Степень его использования зависит от структуры экономики страны, ее международной специализации, уровня сотрудничества с примыкающими к России странами и интеграционными группировками.

Диверсификация направлений международных отношений – одно из центральных направлений современной внешней политики России[1]. Ее идеологической основой служит представление о многополярном мироустройстве. Причем движущей силой многополярной организации мира выступают глобализация и регионализация мировой экономики.

Какое место Россия занимает в современной структуре глобальной экономики? Является она одним из ее полюсов, либо речь может идти о ней как региональном полюсе или мировой хозяйственной периферии?

По ряду признаков в мировой экономике Россия выступает как ее периферия. Об этом свидетельствует растущий топливно-сырьевой флюс в структуре экспорта страны. В 2006 г. на долю минеральных продуктов пришлось 65,7% российского экспорта (в 2005 г. – 64,8%, в 2004 г. – 56,8%). В 2006 г. страна импортировала машин и оборудования на 65,6 млрд. долл. при экспорте в 17,5 млрд. долл., в 2000 г. соотношение импорта и экспорта машин составляло, соответственно, 10,6 и 9,1 млрд. долл.[2]. Отрицательное сальдо по статье «машины, оборудование и транспортные средства» за 2000–2006 гг. увеличилось с 1,5 до 48,1 млрд. долл. Россия выступает в качестве чистого импортера высокотехнологичных товаров и услуг и тем самым выплачивает инновационную ренту ведущим центрам глобальной экономики.

Одновременно у российской экономики наблюдаются отдельные черты глобального центра – высокая доля в мировом производстве и экспорте вооружений, космических услугах, фундаментальных научных исследованиях в сочетании с масштабным экспортом капитала и динамичным развитием современных средств связи.

Благодаря экспорту углеводородов и металлов и росту мировых цен на эти товары, Россия существенно укрепила свое не только финансовое, но и геополитическое положение. Но, с другой стороны, в результате структурного «упрощения» промышленности заметно возросла зависимость финансового положения страны от ценовой динамики на мировых топливно-сырьевых рынках. Экономика страны стала менее инновационной, возникли серьезные диспропорции в территориальной структуре хозяйства, резко возросла поляризация населения по доходам.

Топливно-сырьевая специализация сдерживает рост конкурентоспособности страны и делает нестабильным ее экономическое и геополитическое позиционирование в мире. К тому же топливно-сырьевой сектор не обладает достаточной энергетикой динамичного развития внешнеэкономических связей и развертывания интеграционных процессов. С 2006 г. проявляется тен-

1. Богатуров А. Три поколения внешнеполитических доктрин России // Международные процессы. – Т. 5, № 1, 2007.

2. Россия в цифрах 2007 / ФСГС. – С. 463, 467.

денция замедления роста экспорта из-за колебания мировых цен на нефть и стабилизации уровня добычи и экспорта.

С глобализацией тесно связана регионализация международных экономических и политических отношений. Способность страны консолидировать вокруг себя соседние государства, наладить эффективное региональное сотрудничество в немалой степени влияет на ее глобальное позиционирование.

В статье делается попытка оценить специфику российского участия в процессах мировой регионализации в контексте как глобального позиционирования, так и развития отдельных сегментов российского экономического пространства.

Глобализация или регионализация?

В современной научной литературе, посвященной мировой экономике, политике и международным отношениям, понятие «глобализация» является ключевым, при том, что общепринятое его понимание пока не сложилось. Представители разных научных дисциплин трактуют его по-разному. Так, историки рассматривают глобализацию как один из этапов развития капитализма. Экономисты полагают, что главным в глобализации является транснационализация финансов и экономики в целом. Политологи делают упор на распространение демократических институтов. Культурологи связывают появление глобализации с вестернизацией культуры, с акцентом на американскую культурную экспансию.

Для ***«глобализации»*** характерны такие черты, как 1) универсализация или стандартизация процессов, протекающих в различных сферах общественной жизни; 2) растущая взаимозависимость стран и народов; 3) размывание суверенитетов национальных государств в результате либерализации внешнеэкономических связей, формирования глобальной финансовой системы и быстрого роста трансграничных взаимодействий; 4) формирование многоуровневой системы глобального управления в виде мировых и национальных центров власти и регулирования; 5) общность проблем развития, с которым сталкиваются все страны мира и для решения которых необходимы усилия всех членов мирового сообщества.

В обобщенном виде это означает широкое распространение по всему земному шару практик, ценностей и технологий и других достижений человеческой мысли, которые оказывают все более сильное воздействие на развитие в любой точке планеты. В этом смысле глобализация сужает возможности для государств развиваться особым образом, по собственному пути.

Глобализация экономики выросла из динамичной интернационализации в 70–80-е годы производства и финансов, быстрого роста международного движения капиталов и численности транснациональных компаний. С середи-

ны 80-х годов развитие мировой экономики происходит на основе глобальных сетей с характерным для них широким включением национальных экономических агентов в мировое движение капиталов, товаров, инноваций, рабочей силы[3].

Формирование глобальных транспортных и информационных систем создает предпосылки для постоянного повышения трансграничной мобильности производственных ресурсов и передовых технологий. Прогресс телекоммуникаций обеспечил необходимые технические предпосылки для деятельности мирового финансового рынка, развития ТНК и ускорения распространения нововведений. Киберпространство не признает национальных границ, и события, происходящие за пределами национального государства, сегодня прямо или косвенно оказывают на него влияние.

Глобализация является синонимом взаимопроникновения и слияния экономик отдельных стран под совместным давлением все более острой конкуренции и ускоряющегося технического прогресса. В результате этого мировое сообщество все явственнее превращается в саморазвивающееся целое. При этом обостряется конкуренция, но одновременно из-за роста трансграничной мобильности факторов производства появляются новые возможности для развития национальной экономики.

В основе ***регионализма*** лежит стремление властей и общественных институтов сохранить, укрепить или создать новую идентичность в рамках определенного региона, который могут составлять части страны, страны и группы стран, находящихся в одном географическом регионе. Регионализм представляет собой систему взглядов, подходов и конкретных действий и рассматривается как один из центральных дискурсов общественных наук и реальной политики.

Регионализация представляет собой реализацию идей регионализма в виде создаваемых институтов, изменяющегося законодательства, проводимой государствами внутренней и внешней политики, происходящих структурных преобразований в экономике, внешних и внутренних связях. Регионализация имеет несколько измерений. Это, прежде всего, интеграция или дезинтеграция исходного пространства, а также изменение властных полномочий между разными уровнями власти – от местного до наднационального. Кроме того, под регионализацией понимается разграничение исходного пространства (группа стран, страна, часть страны) по разным основаниям – уровень развития, функции, культурные особенности, этнический состав и т.д.

Как же глобализация соотносится с регионализацией, понимаемой как процесс региональной экономической интеграции? Проблема соотношения регионализма и глобализма активно дискутируется. Проводимые исследова-

3. Богомолов О.Т. Мировая экономика в век глобализации. – М., 2007. – С. 13–27.

ния пока не дают однозначного ответа. По мнению немецкого ученого М. Бри, «глобализация – это, прежде всего, процесс интеграции крупных регионов и их более тесное сотрудничество друг с другом»[4]. В таком понимании глобализация осуществляется через регионализацию, через формирование «больших экономически интегрированных пространств» и является вторичной в отношении регионализации.

В то же время регионализацию можно рассматривать как реакцию стран на вызовы глобализации, как способ ограничить негативное влияние на национальную экономику посредством региональных преференций и коллективного протекционизма.

С одной точки зрения, глобализм и регионализм действуют однонаправленно (взаимозависимость, рост трансграничного движения факторов производства, нацеленность на решение экологических и социальных проблем). В этом случае регионализм рассматривается как ступень на пути к глобализму. С другой же точки зрения, регионализм представляет собой самостоятельное явление, противостоящее глобализму в результате установления внутрирегиональных преференций и внешних барьеров. Региональная интеграция противоречит главному принципу многостороннего сотрудничества, лежащему в основе глобализации, – одинаковый режим для всех.

Вместе с тем остается фактом высокая динамика образования региональных объединений стран в последние 10–15 лет, которое происходит как на многосторонней, так и двухсторонней основе. Если в 1948–1994 гг. в ГАТТ были нотифицированы всего 124 региональных торговых соглашений (РТС), из которых сейчас действуют только 38, то с 1 января 1995 г. – уже 206 новых (из которых 142 функционируют). В середине 2005 г. в ВТО было нотифицировано 330 РТС[5]. В настоящее время почти все члены ВТО входят в одно или более региональных торговых соглашений[6]. Высокая динамика регионального сотрудничества обусловлена, с одной стороны, растущей конкуренцией внутри развитой части мира, а с другой – стремлением использовать это сотрудничество для ускорения экономического роста в его отсталой части.

Глобализм и регионализм имеют общую природу, связанную с интернационализацией мировой экономики, использованием конкурентных преимуществ в большом экономическом пространстве. Схожесть глобализма и ре-

4. Бри М. Вклад Европейского союза в создание многополярного мира // Европейские страны СНГ. Место в «большой Европе». – М., 2005. – С. 30.

5. Смаилова Г. Региональная торговая интеграция: Расширение торговли и стимулирование торговли / Казахстанский институт стратегических исследований // Analitic, № 32006.

6. Юдина Н. Формирование международной торговой системы будущего / Алтайская школа политических исследований (http://hist.asu.ru/ashpi/research/2002/yudina).

гионализма проявляется также и в том, что главные импульсы этих процессов исходят из развитой части мира. И глобализм, и регионализм делают неизбежным введение международных стандартов в области качества продукции, экологических требований к средствам транспорта, технических стандартов средств коммуникаций, международное признание дипломов в области образования и т.д., что, безусловно, является стимулом к дальнейшему развитию международных отношений и контактов.

Принципиальные различия обусловлены тем, что глобализм в основном опирается на технологическую и культурную унификацию мира, на либерализацию мирохозяйственной деятельности. Регионализм же реализуется через культурную, историческую и географическую близость и стремление соседних стран и регионов сохранить свою культурную и экономическую идентичность через региональные торгово-экономические преференции и коллективный протекционизм.

Естественной основой регионализации является подчинение внешнеэкономических связей, равно как и любых разворачиваемых в пространстве отношений, ***гравитационной закономерности***: интенсивность международных связей находится в прямой зависимости от экономического веса взаимодействующих субъектов, но в обратной зависимости от разделяющих их расстояний. Фактор географической близости (удаленности) играет немалую роль в пространственной структуре внешних связей. По оценке П. Кругмена, торговля между США и Канадой была бы в 13 раз меньше, а между Германией, Францией, Великобританией и Италией в 7 раз меньше, если бы они не были соседями[7]. Гравитационная закономерность оказывает существенное влияние на регионализацию международного сотрудничества, которое отражает региональные различия в плотности международных экономических отношений, повышенную тесноту экономических, культурных и политических связей между соседями по географическому региону.

Можно предположить, что в ходе развития мирового хозяйства происходит попеременная активизация процессов регионализма и глобализма, что отражает происходящие в нем структурные изменения, в частности, сдвиги в балансе экономических и политических центров силы, соотношение либеральных и протекционистских тенденций, экономики масштабов и экономики разнообразия и т.д. На их динамику большое влияние оказывает соотношение эффективности регулирования международной торговли по линии ВТО и по линии региональных организаций.

Для России, учитывая ее геоэкономическое положение и международную специализацию, весьма важны торгово-экономические связи с соседними

7. Kugman P. L'emergence des zones regionales de libre echange // Problemes economique. – Paris, 1992, N 2289. – P. 22.

странами и группами стран. На них приходится более 4/5 внешнеторговых связей и еще большая доля инвестиций, практически весь импорт рабочей силы. Россия – пример страны, которая включена в процессы глобализации через экономическое сотрудничество со своим ближайшим окружением. При этом сотрудничество с ЕС, СНГ и странами Северо-Восточной Азии, прежде всего Китаем, весьма различно по механизмам регионализации и влиянию на экономическое развитие прилегающих частей российского пространства.

Европейский вектор

Среди главных векторов международных экономических отношений России выделяется Европейский союз. Это отражает географическая структура внешнеэкономических связей страны. Доля ЕС во внешней торговле России с 2000 г. устойчиво увеличивалась. За 2001–2006 гг. в формате 25 стран она возросла с 47,6 до 52,7%. Особенностью внешнеторговых связей России и ЕС является устойчивое положительное сальдо, которое в 2006 г. равнялось почти 111 млрд. долл. В экспорте России на долю стран Союза в 2006 г. пришлось 56,7%, а в импорте – 44,0%. Доля России во внешней торговле ЕС на порядок ниже: в общем экспорте ЕС в 2006 г. она равнялась 2,0%, а в импорте – 3,1%.

Преобладание европейского вектора наглядно иллюстрирует состав первой десятки стран по величине российского экспорта и импорта, который во времени довольно стабилен. В первой десятке стран по величине российского экспорта в 2006 г. находилось пять стран ЕС – Нидерланды (35,9 млрд. долл.), Италия (25,1), Германия (24,5), Польша (11,5), Великобритания (10,4); две страны СНГ – Украина (15,0) и Белоруссия (13,1); Турция (14,3), Швейцария (12,1) и внеевропейский Китай (15,8%). В импорте страны среди первых десяти стран-партнеров было четыре страны ЕС – Германия (18,5%), Италия (5,7), Франция (5,9), Финляндия (4,0), две страны СНГ – Украина (9,2) и Белоруссия (6,8) и четыре страны АТР – Китай (12,9), Япония (7,8), Южная Корея (6,8) и США (6,4). Причем состав крупнейших торговых партнеров остается во времени стабильным. Основные различия связаны с изменением позиции стран внутри десятки.

Во внешнеторговом взаимодействии с ЕС преобладает традиционная модель: вывоз топливно-энергетических товаров (доля которых возрастает в связи с ростом цен на углеводороды) в обмен на продукцию машиностроения, а также химической и пищевой промышленности. Так, из общего объема российского экспорта в ЕС в 2006 г. 70,4% приходилось на топливно-энергетические и сырьевые товары (в том числе 66,9% на минеральное топливо), 10,6% – на металлы и изделия из них. Доля машин, оборудования и транспортных средств в российском экспорте в ЕС составляла всего 0,85%.

В структуре же российского импорта из ЕС преобладали машины, оборудование и транспортные средства – 46,5%, далее шла прочая готовая продукция – 26,2, продукция химической промышленности и каучук –15,1, продовольственные товары и сельскохозяйственное сырье – 8,2%[8].

Страны ЕС являются крупнейшими инвесторами в России. В первой десятке стран по объемам накопленных на октябрь 2007 г. ПИИ шесть были членами ЕС. По данным МЭРТ всего накопленные ПИИ из стран ЕС на указанный период составили 74,7 млрд. долл., или 85,1% от их общего объема. Одновременно страны ЕС являются наиболее привлекательными для российских юридических и физических лиц местами помещения капиталов и приобретения бизнеса.

Безальтернативность европейского рынка для России определяется его громадной емкостью – 497 млн. жителей и 11,6 трлн. евро ВВП. По доле в мировом ВВП ЕС сравнялся с США – 21% (2005), а по доле в мировой торговле существенно их опережает – 42% (2006). Для сравнения: доля России в мировом ВВП и торговле составляет около 3 %.

Кроме того, это соседний с Россией рынок. Сравнительно небольшие расстояния, разделяющие Россию и страны ЕС, являются одним из важных факторов их экономического сотрудничества. Важно подчеркнуть, что Россия обращена к ЕС своей наиболее освоенной и развитой частью. Внешнеэкономический европоцентризм России неразрывно связан с асимметрией пространственной структуры ее экономики. Причем за 1995–2005 гг. доля европейской части России (Северо-Западный, Центральный, Южный и Приволжский федеральные округа) в общем валовом региональном продукте России увеличилась с 64,4 до 67,2%.

Экономическое тяготение к Европе прослеживается в большинстве субъектов РФ вплоть до восточной части Западной Сибири. Со странами ЕС непосредственно граничат значительно более благополучные в социально-экономическом плане российские регионы, чем регионы, граничащие с Китаем, Монголией, странами СНГ. Пограничные с ЕС регионы более привлекательны для отечественных и иностранных инвесторов, чем регионы других частей российского приграничного периметра. В большинстве из них началась модернизация экономики, в них быстрее создается необходимая инфраструктура, развертывается сеть сборочных производств, внедряются различные технологические инновации.

Быстрая модернизация экономики Санкт-Петербурга и Ленинградской области за счет иностранных инвестиций вкупе с культурным потенциалом этого региона может превратить его в главный центр сотрудничества России

8. О торгово-экономическом сотрудничестве России и ЕС (www.economy.gov.ru/wps/wcm/myconnect/).

с ЕС. Динамичное развитие Петербургского региона, а также большое внимание, уделяемое федеральным центром Калининградской области, объективно усиливает экономическую важность для России европейского вектора сотрудничества.

Отношения между Россией и ЕС пронизаны противоречиями. С одной стороны, их связывают взаимозависимость и партнерство. Наиболее ярко это прослеживается в энергетическом секторе, хотя и с элементами асимметрии в пользу ЕС. Доля ЕС в экспорте российских углеводородов в 1,5–2 раза выше, чем доля России в европейском импорте нефти и газа (соответственно 32 и 42% в 2005 г.).

С другой стороны, ЕС и Россия – конкуренты, стремящиеся укрепить свои экономические и политические позиции. Равновесие в отношениях между ними постоянно нарушается растущей экономической и политической мощью Союза, стремящегося расширить зону своего влияния и повысить свою конкурентоспособность по отношению к США, Китаю и другим странам (регионам)-конкурентам. Россия, окрепшая на благоприятной ценовой конъюнктуре для главных товаров своего экспорта, стремится вернуть статус великой державы и самостоятельного игрока на мировой арене, и в связи с этим ее интересы нередко сталкиваются с интересами ЕС[9].

Учитывая неготовность ЕС видеть Россию полноправным членом Союза и желание России восстановить в полном объеме статус великой державы при объективно возрастающей экономической, а также и политической взаимозависимости, обе стороны ведут поиск взаимоприемлемой институциональной формулы регионализации, позволяющей последовательно углублять сотрудничество, не поступаясь главными приоритетами. Необходимость этого обусловлена сохраняющимися барьерами на пути углубления сотрудничества.

Отношения между ЕС и Россией регулируются Соглашением о партнерстве и сотрудничестве (СПС) от 1994 г., которое вступило в силу 1 декабря 1997 г. и было рассчитано на десять лет (до 2007 г.). Соглашение базируется на основных принципах ГАТТ/ВТО и предполагает во взаимной торговле применение режима наибольшего благоприятствования. Весной 2004 г. специальным протоколом нормы СПС были распространены на новых членов ЕС.

Хотя СПС устанавливает между сторонами отношения наибольшего благоприятствования в торговле и национальный режим в инвестициях, рядовой

9. Противоречия в отношениях России и ЕС по поводу стран СНГ подробно рассматриваются в докладе «Россия–Евросоюз–Страны СНГ: Экономические и политические отношения на пространстве общего соседства», подготовленным Институтом экономики РАН и Национальным инвестиционным советом в 2007 г.

практикой ЕС являются нетарифные ограничения для российских производителей, осложняющие для них выход на европейский рынок. Существенным административным ограничениям и коррупционным воздействиям подвержен европейский бизнес в России. Среди концепций дальнейшего развития взаимного сотрудничества выделяется совместный проект России и ЕС создания общего европейского экономического пространства (ОЕЭП) и проект ЕС «Широкая Европа – новое соседство».

ОЕЭП является более высокой стадией регионального экономического сотрудничества, чем зона свободной торговли. Впервые идея ОЕЭП была реализована в 1992 г. для включения стран – не членов ЕС в процессы общеевропейской интеграции. Такое соглашение подписали ЕС и семь государств ЕАСТ. Участие в пространстве предполагает тесный уровень экономического взаимодействия, унификацию нормативно-правовых условий предпринимательской деятельности путем создания «однородной европейской экономической зоны». Вместе с этим статус участника ОЕЭП позволяет обойти проблему членства в ЕС. Для деятельности общего пространства необходимо соблюдение четырех главных условий: свободы торговли (свобода перемещений товаров, людей, услуг и капиталов), свободной конкуренции (честная), углубления и расширения кооперации и создания соответствующих институциональных и правовых структур. Во многом эти условия совпадают с требованиями членства в ВТО.

Осенью 2003 г. Россия и ЕС утвердили концепцию общего экономического пространства. В ходе работы над ней был согласован перечень ключевых проблем и областей, где имеется общая заинтересованность сторон и в которых сотрудничество будет содействовать росту торговли и инвестиций. Речь идет о таких областях, как стандарты, техническое регулирование и оценка соответствия, таможенная сфера, финансовые услуги, бухгалтерский учет и аудит, транспорт, услуги по космическим запускам, государственные закупки, телекоммуникации, конкуренция, отдельные отрасли промышленности (в том числе черная и цветная металлургия) и сельского хозяйства (в том числе производство мяса и мясопродуктов, а также зерна).

В концепции записано, что общая цель ОЕЭП в широком смысле должна заключаться в установлении между ЕС и Россией привилегированных отношений, прежде всего проявляющихся в сближении законодательства и регулирования, а также содействии торговле и инвестициям. Сближение в области нормативно-правового регулирования предпринимательской деятельности должно принести существенную выгоду как ЕС, так и России за счет предоставления экономическим субъектам возможности действовать на основе общих правил и в одинаковых условиях.

На саммите ЕС–Россия в Москве в мае 2004 г. была поставлена более широкая задача создания четырех общих пространств. Помимо ОЕЭП пред-

полагается создание общих пространств: свободы, безопасности и правосудия; науки, исследований и культуры; внешней безопасности. В 2005 г. для их реализации были разработаны четыре «Дорожные карты». Данные документы нацелены на достижение более тесного сотрудничества России и ЕС и строятся на поэтапном подходе. При всей декларативности эти документы задают ориентиры экономического и гуманитарного сотрудничества и пути их достижения.

В целом же посредством общих «пространств» ЕС рассчитывает постепенно распространить на Россию свои нормы и правила. При этом для России не предусматривается возможность непосредственного участия в их разработке. По образному выражению М. Стрежневой, на Россию в Европе смотрят сверху вниз как на ученика, который для того, чтобы приблизиться к европейскому качеству, должен старательно штудировать европейские нормы и правила[10].

В представлении ЕС общее экономическое пространство отождествляется с унифицированным правовым пространством России и ЕС в части, регулирующей экономическую деятельность и свободу трансграничного движения товаров, капиталов, а также людей. Это институциональное понимание экономического пространства, которое лишь косвенно включает в себя объекты регулирования и вообще не рассматривает структурные особенности российского пространства.

Аналогичные цели преследует проект ЕС «Широкая Европа – новое соседство». Разработанная в ЕС в 2003 г. стратегия отношений с соседними странами после кардинального расширения Союза в 2004 г. предполагала принятия для каждого нового соседа «Плана действий», частью которого стали программы «нового соседства». В рамках этих программ ЕС через свои фонды финансирует на основе принципа софинансирования проекты взаимного сотрудничества.

Россия не восприняла эту инновацию ЕС, усмотрев ущемление своих интересов. Она не рассматривает себя как объект политики «нового соседства» и отказалась разрабатывать свой «План действий». Россия настаивает на особом характере стратегического партнерства с ЕС вне рамок политики соседства. Очевидно, эту свою позицию Россия будет пытаться зафиксировать в новом СПС. На содержании документа, работа над которым началась летом 2008 г., неизбежно скажутся противоречия между сторонами в энергосфере и в сфере отношений со странами СНГ, а также различия в политических системах.

---

10. Стрежнева М.В. Общее европейское экономическое пространство: Концепция и реальность // Европейские страны СНГ. Место в «Большой Европе» / Под ред. М.М. Наринского. – М., 2005. – С. 142.

Таким образом, для европейского вектора регионализации характерны высокая динамика внешнеэкономических связей, в которых центральное место занимает ТЭК, насыщенность сотрудничества разными региональными институтами (в рамках ЕС действуют такие проекты, как «Северное измерение», еврорегионы, разнообразные программы развития приграничных регионов и т.д.), обеспеченных финансированием со стороны ЕС при отсутствии определенности в создании общей институциональной модели сотрудничества России и ЕС. Регионы, примыкающие к ЕС, в среднем характеризуются более высокими темпами модернизации экономики, чем Россия в целом[11].

Вектор СНГ

Существенно иная ситуация складывается в отношениях со странами СНГ. С этим вектором связаны главные попытки России выступать в качестве лидера и конструктора интеграционных процессов. Особенностью сотрудничества России с новыми независимыми государствами (ННГ) является широкий фронт новых границ – более половины от всей протяженности сухопутных границ. К этим границам выходят 28 из 46 приграничных субъектов РФ. Для сравнения: с ЕС и Китаем граничат по шесть регионов. К соседним странам СНГ Россия выходит преимущественно освоенными, достаточно развитыми своими регионами. В 2005 г. на долю 28 регионов, граничащих со странами СНГ, пришлось 31,4% общего ВРП России. Примерно столько же было и в 1995 г. – 31,3%. Однако за этот период доля крупнейшего региона этой части российского порубежья – Тюменской области – увеличилась с 7,7 до 12,4% общего ВРП.

Тем не менее Россия в силу своих размеров может получить от деятельности постсоветских региональных объединений в относительном выражении существенно меньший эффект, чем другие страны-участницы. В совокупном ВВП Содружества, составившем в 2005 г. 4,1% от мирового[12], около 3/4 приходится на РФ. Партнеры России по Содружеству создают чуть более 1% мирового ВВП (по ППС в 2005 г.) и с такой же примерно долей участвуют в мировой торговле. Они имеют ограниченный инвестиционный и инновационный потенциал, который Россия могла бы использовать для модернизации своей экономики.

---

11. Вардомский Л. Модернизация экономики в приграничных регионах России // Модернизация экономики: Факторы, инструменты, проблемы / Серия «Проблемы постсоветских стран». – М., 2006, № 8.

12. Основные итоги глобального раунда международного сопоставления валового внутреннего продукта по данным за 2005 г. // Статистика СНГ: Статистический бюллетень. – М., 2008, № 1. – С. 35.

За 1995–2006 гг. доля ННГ во внешней торговле России сократилась с 22,5 до 14,7%. Это сокращение происходило при наличии взаимных торговых преференций, которых нет в отношениях с ЕС и странами Восточной Азии.

Уровень сотрудничества России со странами СНГ во многом определяется структурой товарообмена. Многие из них нуждаются в топливе и сырье из России, но испытывают дефицит товаров, которые востребованы на российском рынке. Все ННГ в той или иной мере проводят политику импортозамещения, которая осуществляется преимущественно на основе традиционных технологий. Производя малоконкурентную на внешних рынках продукцию, эти страны мало что могут предложить для наращивания экспорта на рынки друг друга. Фактором, сдерживающим развитие взаимных связей, являются также изменения в структурах национальной промышленности, в которых сократилась доля производств с высокой степенью переработки. Кроме того, на относительное сокращение взаимной торговли повлияли: переход при взимании НДС с принципа «страны происхождения» на принцип «страны назначения» (особенно это коснулось торговли с Беларусью), льготные цены на углеводороды во взаимном обороте, а также многочисленные «торговые войны» – «мясо-молочная», «стальная» с Украиной, «винная» с Молдовой и Грузией и т.д.

Торговые связи со странами СНГ затрудняют большие транспортные издержки, связанные с большими расстояниями, необорудованными пунктами пропуска, необходимостью транзита в большом числе взаимных сообщений (с Арменией, Грузией, Молдовой, Киргизией, Таджикистаном и Узбекистаном).

Под общим влиянием всех этих факторов внешнеторговые связи России со странами Содружества развиваются медленнее, чем с остальным миром (табл. 1).

Таблица 1

ДИНАМИКА ЭКСПОРТНО-ИМПОРТНЫХ СВЯЗЕЙ РОССИИ В 1995±2006 гг.

Показатели	1995	2000	2005	2006
Экспорт всего, млрд. долл.	82,4	105,0	243,6	304,5
Индекс	100,0	127,4	295,6	369,5
Экспорт в страны СНГ, млрд. долл.	17,0	14,3	33,5	43,4
Индекс	*100,0*	*84,1*	*197,1*	*255,3*
Импорт всего, млрд. долл.	62,6	44,9	125,3	163,9
Индекс	*100,0*	*71,7*	*200,1*	*261,8*
Импорт из стран СНГ, млрд. долл.	18,3	13,4	21,8	25,2
Индекс	*100,0*	*73,2*	*119,1*	*137,7*

Источник: Россия в цифрах 2007. – М., 2007. – С. 454.

Доля стран СНГ в российском экспорте в 2006 г. составила 14,2% и была немногим выше, чем в 1995 г. – 13,4%. Сравнительно стабильная доля экспорта во многом связана с ростом цен на углеводороды. За 2001–2006 гг. доля минеральных продуктов в российском экспорте в рассматриваемые страны увеличилась с 43,7 до 47,1%. Возросла также доля в экспорте таких статей как «металлы, драгоценные камни и изделия из них» – с 11 до 12,7%, «продукция лесной и целлюлозно-бумажной промышленности» – с 3,1 до 3,6%.

Доля же стран СНГ в импорте России за 1995–2006 гг. сократилась в 2 с лишним раза – с 34,2 до 14,9%. За 2000–2006 гг. положительное сальдо России в торговле с ННГ увеличилось с 2,2 млрд. долл. до 19 млрд. долл. За 2001–2006 гг. в структуре импорта произошло увеличение доли «металлов» с 14,5 до 20,2% и «машин, оборудования и транспортных средств» – с 25,3 до 28,8%. Импорт машин в Россию из стран СНГ за 2000–2006 гг. возрос с 2,6 млрд. долл. до 6,4 млрд. долл., но доля этих стран в российском импорте машин и оборудования за этот период сократилась с 24,5 до 9,8%. При этом на Россию приходится около половины машиностроительного экспорта стран Содружества[13].

Для России ННГ – основной рынок сбыта машиностроительной продукции. За 2000–2006 гг. доля этих стран в российском экспорте этой товарной группы увеличилась с 35,8 до 74,3%, при том, что объем машиностроительного экспорта вырос с 2,4 до 7,5 млрд. долл. Тем не менее в настоящее время Россия удовлетворяет всего около 1/5 импортных потребностей своих постсоветских партнеров в машиностроительной продукции. Общей тенденцией для России и ее партнеров по СНГ является повышение доли рынков друг друга в машиностроительном экспорте и сокращение доли в машиностроительном импорте, что свидетельствует о прогрессирующей утрате конкурентоспособности ключевой для модернизации экономики отрасли.

В общем виде сокращение доли стран СНГ во внешней торговле России отражает то, что эта доля постепенно приходит в соответствие с их экономическим потенциалом. Тем не менее она остается относительно высокой, особенно в сопоставлении с долей этих стран в мировом ВВП и мировой торговле.

Важным преимуществом отношений России и стран СНГ является безвизовый режим трансграничного движения населения (за исключением Грузии и Туркменистана). Благодаря этому в их сотрудничестве значительно большее место, чем в случае ЕС и Китая, занимают социальные связи, в которых центральную роль играют трудовые миграции. По некоторым оценкам, в России численность занятых мигрантов, в основном из стран СНГ, колеблется от 10 до 12 млн. человек в пик сезонного привлечения рабочей силы. «Теневой»

13. Рассчитано по данным, опубликованным в статистическом ежегоднике «Внешняя торговля стран СНГ 2005» (М., МСК СНГ, 2006).

заработок иностранных рабочих достигает 8 млрд. долл., из которых не менее половины вывозится из России. Таджикистан получает от своих рабочих в России больше, чем от экспорта[14]. Страны СНГ закрывают преобладающую часть потребности РФ в импорте рабочей силы низкой и средней квалификации.

В последние годы заметно активизировалось инвестиционное взаимодействие России со странами СНГ. Согласно данным официальной статистики России, объем ее инвестиций в страны Содружества за 2000–2006 гг. вырос с 131 до 4127,8 млн. долл.[15]. Однако статистику иностранных инвестиций трудно назвать достоверной, что убедительно показали в своем исследовании А.М. Либман и Б.А. Хейфец. Она фиксирует торговые и прочие кредиты, которые далеко не всегда идут на инвестиционные цели, но одновременно не учитывает российские инвестиции, идущие через офшоры[16]. Несмотря на очевидный рост, доля российских инвестиций в общем объеме привлекаемых иностранных капиталов в отдельные страны СНГ, по данным национальной статистики, в основном колеблется в пределах 5–15%[17] и направляется преимущественно в топливно-сырьевые отрасли (ТЭК, металлургия, электроэнергетика), в пищевую промышленность, банковский сектор, в сферы телекоммуникаций, торговли и недвижимости. Значительную часть в этих инвестициях занимает приобретение пакетов акций и недвижимости.

За 2000–2006 гг. сильно выросли инвестиции стран СНГ в Россию – с 22,4 до 3032,1 млн. долл., а в относительном выражении с 2 до 5,5% от всего их объема[18]. Они направляются в основном в сферы услуг и недвижимости и в некоторые отрасли промышленности, прежде всего в металлургию и пищевую промышленность. В целом встречные потоки капиталов нацелены на укрепление позиций на внутренних рынках стран – импортеров капитала, получения доходов от розничных продаж, обеспечения поставок топлива и сырья, увеличения капитализации национальных компаний. Они важны для принимающих стран с точки зрения создания или сохранения рабочих мест, обеспечения действующего производства топливом и сырьем, сохранения сложившихся кооперационных связей. Эти инвестиции важны для восстановительного роста в странах, но пока играют ограниченную роль в начавшейся модернизации экономики в ННГ.

Сотрудничество России с ННГ осуществляется в многостороннем и двустороннем форматах. Пока все действующие постсоветские группировки

14. www.infohouse.us/ Migration US news, 27.01.2004.

15. Россия в цифрах 2007 / ФСГС. – С. 422.

16. Либман А.М., Хейфец Б.А. Экспансия российского капитала в страны СНГ. – М., 2006. – С. 45–62.

17. Без учета капитала, поступающего из офшоров.

18. Россия в цифрах 2007 / ФСГС. – С. 423.

(СНГ, ЕврАзЭС, Союзное Государство Белоруссии и России) не стали значимым явлением в системе мирового хозяйства.

Начальная концепция СНГ формировалась в первой половине 1990-х годов на основе неверного представления о возможности реинтеграции в условиях формирования национального суверенитета. Далее была попытка упрощенного копирования ЕС. Предполагалось, что это будет довольно замкнутый торговый блок в форме таможенного союза с постепенным движением в направлении создания регионального экономического союза. Однако процессы экономического сотрудничества в рамках СНГ с самого начала пошли трудно, противоречиво, дифференцированно по отдельным частям постсоветского пространства. Одна из главных причин этого кроется в расхождении экономических и политических интересов России и ее постсоветских партнеров[19].

Россия в рамках формируемой государственной идентичности ставит задачу контроля над пространством СНГ в военном и внешнеполитическом плане, заявляет о нем как о зоне своих жизненных интересов, ревниво относится к появлению в этой зоне новых сильных игроков. В геополитическом плане данное пространство важно России для укрепления ее позиций как самостоятельного субъекта международных отношений. В последние годы существенно возросло значение стран СНГ для России с точки зрения восполнения сокращающегося населения и сохранения ее позиций как одного из крупнейших игроков на мировом энергетическом рынке.

Противоречия между политическими и экономическими интересами России приводят к тому, что, оставаясь стержнем постсоветской геополитической и геоэкономической конструкции, Россия не сформулировала привлекательную концепцию развития СНГ. Продекларированная В.В. Путиным в конце 2005 г. цель превратить Россию в «энергетическую базу для мировой цивилизации», невозможно без партнерских отношений со странами Содружества. Однако возникающие многочисленные противоречия между Россией и этими странами в энергосфере свидетельствуют о том, что эта идея в ближайшее время не сможет сыграть консолидирующую роль на всем пространстве СНГ.

США, ЕС, а также Китай и Иран предлагают свои проекты сотрудничества в пространстве Содружества. Для руководящих элит ряда стран СНГ предложения США и ЕС по политической модернизации выглядят привлекательными и перспективными. Речь идет на первом этапе о приобщении этих

19. См. об этом подробнее в статье: Гринберг Р., Косикова Л. Новые тенденции экономического сотрудничества на постсоветском пространстве // Россия в глобализирующемся мире. Политико-экономические очерки / Под ред. Д.С. Львова. – М., 2004.

стран (Грузия, Молдова, Украина, а также Азербайджан) к западным стандартам демократии в обмен на материальную и интеллектуальную помощь, а в последующем – об интеграции ряда стран в евроатлантические структуры.

Стремление элит упомянутых стран политически переориентироваться на евроатлантический полюс обусловлено также и тем, что Россия не в состоянии широко содействовать их экономической модернизации, погасить тлеющие на постсоветском пространстве конфликты. Азербайджан, Грузия и Молдова все активнее апеллируют к международному сообществу для возвращения Абхазии, Южной Осетии, Приднестровья и Нагорного Карабаха в свои государственные пределы (соответствующие административным границам на момент распада СССР).

Растущие различия между странами по политическим ориентирам, уровню централизации (децентрализации) власти, социально-экономическому и институциональному развитию и т.д. серьезно затрудняют выработку общей повестки дня для стран – участниц СНГ. Серьезным тормозом являются различия в моделях проводимых реформ, что объективно понижает совместимость экономик. Растет и конкуренция между ННГ на мировых рынках – особенно на рынках углеводородов, металлов, химикатов, текстиля, что не только препятствует развитию интеграции, но и приносит государствам Содружества серьезные убытки.

По мере того, как прошлое утрачивает консолидирующий потенциал, организация СНГ все больше выступает, по оценке бывшего Президента РФ, как инструмент «цивилизованного развода». После «оранжевых революций» политика России в отношении стран СНГ начала меняться. Она стала более дифференцированной по странам, в зависимости от проводимой ими внешней политики и условий ведения бизнеса для российских компаний. В арсенале политики России сегодня используются такие инструменты, как паспортно-визовый режим трансграничного движения, экспортные налоги на главные товары топливно-сырьевого экспорта, цены на природный газ и другие стратегические товары, миграционный режим (количество дней пребывания в России без регистрации и условия трудовой деятельности), тарифные и нетарифные ограничения в отношении некоторых чувствительных для экспортеров товаров.

Переход России на так называемые рыночные цены на природный газ для стран Содружества по сути разрушил одну из экономических основ существования организации в прошлом. Но одновременно в условиях довольно высокого экономического роста все большую притягательную силу приобретает громадный для стран СНГ российский рынок товаров, услуг и труда.

В целом благодаря безвизовому режиму, режиму свободной торговли (хотя и на двустороннем уровне с изъятиями и ограничениями) и общим движением, пусть и с разной скоростью, в сторону рыночной трансформации,

несмотря на произошедшую дивергенцию и действие пограничных барьеров, сохраняются контуры общего экономического пространства СНГ. На саммите СНГ в 2007 г. в Душанбе была принята концепция развития организации, одним из ключевых пунктов которой является создание многосторонней зоны свободной торговли (ЗСТ), соответствующей требованиям ВТО.

В рамках ЕврАзЭС делается попытка перейти к более глубоким формам сотрудничества. В программных документах указывается, что задача организации – способствовать формированию единого экономического пространства, а в перспективе выйти *«на реальную интеграцию»*. Страны – участницы Сообщества признают геополитическое лидерство России. Их объединяют общие внешние угрозы. Сообщество – важный инструмент обеспечения безопасности южных рубежей России. Вместе с тем экономические мотивации этой организации, в которой участвуют самые богатые и самые бедные страны СНГ, явно недостаточны, чтобы ее деятельность была стабильной и развивалась по восходящей линии. В 2006 г. на страны Сообщества (без Узбекистана) пришлось 7,4% российской внешней торговли (в 2004 г. эта доля превышала 10%). В октябре 2005 г. было принято решение о слиянии ОЦАС и ЕврАзЭС, а фактически о вступлении Узбекистана в ЕврАзЭС, что и произошло в январе 2006 г.

Летом 2006 г. в Минске на заседании Межгосударственного совета ЕврАзЭС было принято политическое решение о создании Таможенного союза (ТС) в рамках Сообщества. В общем виде его создание планировалось по следующему алгоритму. На первом этапе ТС образуют Белоруссия, Казахстан и Россия. Далее к нему могут присоединиться по мере готовности другие страны ЕврАзЭС и Украина. Иными словами, ЕврАзЭС выступает в роли оболочки регионального объединения, а внутри ее могут в течение определенного времени сосуществовать разные режимы сотрудничества от уровня неполной ЗСТ до ТС. Принцип дифференцированного включения в интеграционные процессы наиболее адекватен для ЕврАзЭС, учитывая большие различия между странами-участниками. Осенью 2007 г. на саммите в Душанбе было принято соглашение о создании ТС к 2010 г.

Ядро ЕврАзЭС, а также СНГ в целом, составляют Россия и Казахстан, экономические отношения которых характеризуются активным взаимопроникновением национальных капиталов. Казахстан экономически и политически наиболее близкая к России страна. Весьма важно и то, что с Казахстаном граничат сибирские и поволжские регионы России, удаленные от мировых рынков. В приграничных с Казахстаном областях располагаются крупнейшие промышленные центры России – Волгоград, Самара, Саратов, Челябинск, Омск и Новосибирск. На приграничные районы приходится более половины взаимной торговли обеих стран.

Другая ведущая пара на постсоветском пространстве, Россия и Белоруссия, на мой взгляд, остановилась в развитии экономического сотрудничества. Фактически заморожено формирование Союзного государства. Максимум, что удалось – создать неполный ТС, наладить программный инструмент сотрудничества и сохранить свободное, без паспортного контроля, взаимное трансграничное сообщение граждан обеих стран. При этом, несмотря на то, что по уровню политической централизации страны за последние годы заметно сблизились, между ними сохраняются большие различия в степени либерализации экономики. Ради интеграции Белоруссия не готова пожертвовать своим экономическим суверенитетом и бюджетообразующими активами. В связи с этим заморожен вопрос о переходе на единую валюту. Белоруссия исходит из того, что единая валюта даст больший экономический выигрыш России, а для нее это обернется значительными социальными потерями, которые они оценивают в 1,8 млрд. долл. в год[20].

Непростые политические отношения России с Украиной существенно осложнились после победы там проевропейских сил на выборах в конце 2004 г. Новое руководство остановило реализацию проекта международного газового консорциума, начало передел собственности, который задел интересы российских компаний. В конце 2005 г. случилась «газовая война» и ограничение поставок на российский рынок ряда украинских товаров. Изменение политического режима на Украине сделало еще более неопределенными взаимоотношения двух стран. В то же время ввиду сохранения неустойчивого равновесия в Верховной раде Украины после досрочных выборов в Раду осенью 2007 г. и раскола украинского общества вряд ли можно ожидать серьезного продвижения по пути реализации проекта ЕЭП. Ориентация украинской элиты на вступление в НАТО и ЕС не предполагает углубления сотрудничества в рамках СНГ. Украина выступает за создание ЗСТ в рамках на принципах ВТО.

Тем не менее Украина – наиболее крупная, географически и культурно наиболее близкая к России страна. Ее рынок и ресурсы весьма важны для устойчивого развития российской экономики. Украина является потенциально наиболее привлекательной для российского бизнеса страной СНГ. В еще большей степени сотрудничество с Россией важно для развития украинской экономики и особенно ее восточной и южной частей. Проблема заключается в определении такой модели сотрудничества, которая в меняющихся политических условиях обеспечивала бы стабильный рост экономических взаимосвязей.

20. Колесников А. Александр Лукашенко просит за рубль 1,8 млрд. долл. // Коммерсантъ, 25.01.06.

Таким образом, вектор регионализации СНГ в своем развитии сталкивается с большими ограничениями социально-экономического, институционального, структурного и геополитического характера. К 2008 г. не удалось ни в каком формате существенно продвинуться по пути углубления регионального сотрудничества. Довольно многочисленные институты сотрудничества (соглашения, программы, еврорегионы) не подкреплены соответствующими финансовыми механизмами. Сотрудничество ориентировано преимущественно на восстановление и развитие традиционных хозяйственных связей. Экономические и политические отношения России с каждой из стран СНГ весьма специфичны, что предполагает поиск баланса интересов и формирование общего экономического пространства, прежде всего на двусторонней основе. Сотрудничество со странами СНГ не оказывает заметного влияния на экономическую модернизацию российских регионов, равно как и смежных регионов стран-партнеров.

Китайский вектор

На фоне СНГ сравнительно быстро растет экономическое сотрудничество России со странами Северо-Восточной Азии (Китай, Япония, обе Кореи), среди которых заметно выделяется Китай. Объем внешней торговли России и Китая увеличился с 8 млрд. долл. в 2000 г. до 28,7 млрд. долл. в 2006 г., а доля этой великой страны во внешнеторговом обороте РФ за этот период увеличилась с 4,4 до 6,5%. По величине доли Китай превосходит доли Японии – 2,8 % и Республики Корея – 2,1% взятые вместе. Доля России во внешней торговле Китая в 2006 г. составила 1,6%.

По данным китайской статистики, в 2007 г. объем взаимной торговли составил почти 48 млрд. долл. и превысил объем торговли России с ЕврАзЭС. Быстрый рост развития сотрудничества с Китаем опирается на высокую динамику этой страны. Доля Китая в мировом ВВП увеличилась с 6,5% в 1995 г. до 9,7% в 2005 г.[21]. Ожидается, что в 2020 г. она приблизится к 20%[22]. Доля Китая в мировой торговле за 1993–2006 гг. возросла с 2,6 до 7,2%[23].

Структура внешней торговли России с Китаем и другими странами Северо-Восточной Азии отличается от структуры торговли с европейскими странами. Это вызвано отсутствием развитой транспортной инфраструктуры, в том числе и для экспорта энергоносителей. Так, например, в Китай до по-

21. Основные итоги глобального раунда международного сопоставления валового внутреннего продукта по данным за 2005 г. // Статистика СНГ. Статистический бюллетень. – № 1, 2008. – С. 33–41.

22. World Economic Outlook. IMF, Washington DC, different issues; Foresight 2020: Economic, Industry and Corporate Trends. Economic Intelligence Unit, 2006.

23. World Trade Development (www. wto.com).

следнего времени нефть поставлялась по железной дороге, пропускная способность которой ограничена. Тем не менее в структуре российского экспорта в Китай доля топливно-энергетических товаров в 2006 г. составила 41,9%, заметно увеличившись по сравнению с 2004 г. (34,5%)[24].

Китай представляет собой крупный рынок сбыта российской древесины и лесоматериалов. Древесина и лесоматериалы по итогам 2006 г. составили 14,6% всего российского экспорта в Китай. Особенностью российского лесного экспорта является то, что в нем преобладает круглый лес. Крупной товарной позицией российского экспорта являются металлы: на черные металлы пришлось около 6,7% экспорта (11% – в 2005 г.). Следует подчеркнуть, что доля этой статьи неуклонно сокращается. Такая же тенденция наблюдается в российском машиностроительном экспорте. Доля машин, оборудования и транспортных средств в российском экспорте в Китай в 2006 г. составила 13,0% (16,4% – в 2005 г.)[25].

В структуре импорта России из Китая преобладают товары массового потребления, но в них все большую роль играют сложные товары. В 2006 г. лишь 10,3% всех китайских поставок в Россию составили мех и меховые изделия, обувь, кожаные изделия, трикотаж, около 6% – продукты питания. В то же время доля импорта из Китая товаров машиностроения в 2006 г. достигла 52,8% (49% – в 2005 г.).

Особенностью российско-китайских торговых связей является сохранение заметной роли челночной торговли, несмотря на введенные Россией в последние годы ограничения веса перемещаемого через границу багажа и частоты пересечений границы, запрет иностранцам торговать на рынках. Она поддерживается преференциальным визовым режимом для туристического движения населения.

В 2007 г. экспорт Китая, по данным китайской статистики, в Россию увеличился на 80%. Резкий рост произошел за счет удвоения импорта товаров широкого потребления, почти двукратного роста импорта машин, оборудования и комплектующих, значительного роста импорта проката. Россия смогла ответить только заметным ростом экспорта лесопродукции. Впервые с 1991 г. Россия закончила год с отрицательным сальдо в торговле с Китаем, которое сразу же составило почти 9 млрд. долл. С Японией и Южной Кореей Россия и ранее имела отрицательное сальдо внешней торговли.

Таким образом, хотя экспорт из России в Китай и другие страны Северо-Восточной Азии более диверсифицирован, чем в ЕС, он также в основном представлен продуктами низкой степени переработки (помимо топливно-

24. БИКИ. – 2006, № 85, 29 июля. – С. 2.

25. Рассчитано по данным Таможенной статистики внешней торговли РФ. (Годовой сборник 2006 г.)

энергетических товаров, – древесина, металлы). В то же время в импорте наблюдается значительная (в случае с Китаем – растущая) доля товаров с высокой добавленной стоимостью (в первую очередь, продукция машиностроения).

В последнее время активно наращивается инвестиционное взаимодействие России и Китая: в 2005 г. объем привлеченных контрактных инвестиций из Китая в Россию составил около 320 млн. долл., а накопленный объем контрактных инвестиций – 980 млн. долл., тогда как накопленный объем российских контрактных инвестиций в Китае – 1,4 млрд. долл. (при фактическом использовании 540 млн. долл.)[26].

Геоэкономической особенностью регионального сотрудничества России со странами Северо-Восточной Азии является широкий фронт границ. Однако выходящие к ним регионы представляют собой слабоосвоенные и слабозаселенные территории страны. За 1995–2005 гг. доля Сибирского и Дальневосточного федеральных округов в общем ВРП России сократилась, соответственно, с 15,3 до 10,9% и с 6,1 до 4,6%. Сокращение связано со структурными причинами. В рыночных условиях, при сильно выросших транспортных и энерготарифах, многие производства в Сибири и на Дальнем Востоке оказались несостоятельными. Внешнеэкономические связи с соседними государствами в значительной степени смягчили резко ухудшившиеся условия хозяйствования.

Китай играет ведущую роль во внешнеэкономических связях дальневосточных регионов России. На долю этой страны во внешней торговле Хабаровского края в 2006 г. пришлось 43% экспорта и 57% – импорта. У Приморского края доля Китая равнялась 51% в экспорте и 32% – в импорте. Доля Китая во внешнеторговых связях Сибирского федерального округа в 2006 г. составила 23%[27].

В сотрудничестве с Китаем важное место занимает трансграничное движение граждан. В 2006 г. из 2,8 млн. россиян, посетивших Китай, 2/3 были сибиряками и дальневосточниками. На Дальнем Востоке довольно активно используется рабочая сила из Китая и КНДР.

Однако для Китая, равно как и для его соседей по Северо-Восточной Азии, наиболее интересны с точки зрения торговли и инвестиций европейские регионы России. Именно там реализуются наиболее значимые проекты сборочных производств, недвижимости и услуг.

В 90-е годы была создана обширная договорно-правовая база торгово-экономических отношений с Китаем, которое регулирует сотрудничество как

---

26. БИКИ. – 2006, № 86. – 1 августа. – С. 2.

27. Ларин В. Межрегиональное взаимодействие России и Китая в начале XXI века: Опыт, проблемы, перспективы // Проблемы Дальнего Востока. – 2008, № 2. – С. 43.

на уровне стран, так и отдельных регионов. Сердцевину этой базы составляет Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве 2001 г., в рамках которого в 2004 г. был принят План действий по реализации положений договора на 2005–2008 гг., действует Среднесрочная программа двустороннего торгово-экономического сотрудничества на 2006–2010 гг. Летом 2005 г. было завершено юридическое оформление границы между двумя государствами.

Двустороннее сотрудничество с Китаем дополняется сотрудничеством в многостороннем формате. Летом 2001 г. Россия, Китай, Казахстан, Киргизия, Таджикистан и Узбекистан учредили международную организацию ШОС – Шанхайскую организацию сотрудничества. Ее главной задачей на первых порах была борьба с терроризмом в регионе Центральной Азии. Однако сейчас в ней стала увеличиваться экономическая составляющая. На Совете глав государств ШОС в Бишкеке в сентябре 2004 г. был утвержден план мероприятий по реализации Программы многостороннего торгово-экономического сотрудничества стран-участниц до 2020 г., включающей в себя более 120 инвестиционных проектов. Последовательность их реализации будет определяться Комиссией старших должностных лиц и утверждаться на заседании глав правительств. В 2003 г. была принята Программа многостороннего сотрудничества в торгово-экономической сфере, в которой были определены ориентиры и этапы сотрудничества до 2020 г. Документ нацелен на создание благоприятных условий в торговле и инвестициях, углубление сотрудничества в области энергетики, транспорта, телекоммуникаций, охраны окружающей среды и рационального природопользования. В 2005 г. были созданы Деловой совет и Межбанковское объединение, а в 2006 г. Энергетический клуб ШОС. В рамках ШОС предполагается постепенно создать условия для обеспечения свободного обращения товаров, капиталов, технологий и услуг между государствами – членами объединения.

При большой общности интересов в подходах к сотрудничеству у стран – членов этой организации есть определенные расхождения и противоречия. Китай, в частности, настаивает на создании зоны свободной торговли в рамках ШОС. Для России и ее партнеров по СНГ создание ЗСТ с Китаем создает определенные риски, учитывая экономическую и демографическую мощь этой страны. У России не может не вызывать обеспокоенность экономическая экспансия Китая в страны Центральной Азии, особенно в энергетической сфере. В настоящее время можно говорить об угрозе Шанхайской организации сотрудничества вторгнуться в сферу деятельности ЕврАзЭС. Сейчас эта организация находится на начальном этапе регионального экономического сотрудничества. Ее перспективы зависят от соблюдения интересов всех стран-участниц, от того, в какой мере ее деятельность будет усиливать глобальные позиции стран-участниц не только в геополитическом измерении, но

и в экономике, а также от того, как будут разделены функции ЕврАзЭС и ШОС в экономической сфере.

Таким образом, высоко оценивая потенциал регионального сотрудничества России с Китаем, нельзя не видеть факторы, которые его сдерживают. Это, прежде всего, экономическая, инновационная и демографическая слабость российских регионов приграничных с Китаем. Их доля в общем ВРП России за 1995–2005 гг. сократилась с 4,6 до 3,4%. Хотя эти регионы широко включены во взаимные связи, их влияние на общую динамику сотрудничества России и Китая довольно ограниченно. Экономическое развитие дальневосточных и восточно-сибирских регионов во многом определяется потребностями китайской экономики, которые усиливают сырьевую ориентацию их хозяйства. Кроме того, особенностью регионализации на Дальнем Востоке является сравнительная малочисленность институтов сотрудничества и их нацеленность преимущественно на торговлю. Усилить позиции России в сотрудничестве с Китаем можно только при опережающем развитии российского Дальнего Востока и создании здесь мощного финансово-экономического центра. Этому призвано содействовать строительство нефтепровода Восточная Сибирь – Тихий океан, наращивание экспорта углеводородов на рынки Китая, Японии, Южной Кореи, развитие транспортной инфраструктуры, реализация масштабной федеральной целевой программы по развитию данного региона, рассчитанной на 2007–2013 гг. Началом осуществления этой программы отчасти объясняется бурный рост импорта из Китая в 2007 г.

Проведенный анализ позволяет сделать ряд заключений.

1. Институциональные различия в ходе регионализации по рассматриваемым векторам довольно существенны. Однако не ими объясняются большие различия в динамике регионального сотрудничества. Различия в первую очередь связаны с уровнем взаимодополнения экономик России и ее партнеров по регионализации и условиям трансграничного движения товаров, людей, капиталов и услуг. Большое влияние на динамику экономического сотрудничества оказывают политические факторы.

2. Прослеживается довольно тесная связь между характером сотрудничества с ЕС, СНГ, Китаем и экономическим развитием прилежащих российских регионов. Экономические интересы Северо-Запада требуют развития сотрудничества с ЕС. В то же время для России в целом и особенно для сибирских и дальневосточных регионов весьма важно усиление тихоокеанского и центральноазиатского противовесов сложившемуся внешнеэкономическому европоцентризму.

3. Хотя Китай может производить для России большинство нужных ей потребительских товаров, строительных материалов, черных металлов, широкую гамму инвестиционных товаров по сравнительно низким ценам и все сильнее конкурирует с ЕС, переход от европоцентризма к китаецентризму в

обозримой перспективе вряд ли возможен. Формирование дальневосточного центра регионализации – дело неблизкого будущего, да и то при условии целенаправленной и энергичной государственной политики. Кроме того, пока в Китае отсутствует сопоставимый с Европой спрос на российские нефть и газ. Тем не менее в ближайшее десятилетие позиции европейского вектора будут постепенно ослабевать в пользу азиатского вектора. Темпы этих изменений тесно связаны с ростом доли азиатских стран в российском экспорте углеводородов.

4. Доля вектора стран СНГ, вероятно, сильно меняться не будет. Альтернативу СНГ для России по многим товарам представляет Китай. Для России с точки зрения создания благоприятных условий развития порубежных регионов необходимо поддерживать динамику торгово-экономических связей со своими ближайшими соседями. Характер возможных изменений обусловлен степенью взаимосвязанности модернизации экономики России и ее партнеров по Содружеству, интенсивностью проникновения российского капитала в эти страны, объемом привлечения рабочей силы в Россию.

5. Развитие регионального сотрудничества в целом несет в себе отпечаток современного противоречивого положения России в мировой экономике, в котором совмещаются стремление к великодержавности при технологической слабости, централизация власти при рыночной системе хозяйствования, ограничение широкого круга сфер экономики для иностранных инвестиций при растущей зависимости модернизации хозяйства и освоения природных ресурсов от иностранных технологий.

А.Н. Авдулов

СТАНОВЛЕНИЕ СОВРЕМЕННОЙ ПАРАДИГМЫ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ*

Авдулов Андрей Николаевич – доктор философских наук, главный научный сотрудник ИНИОН РАН.

Цель данной работы состоит в том, чтобы кратко охарактеризовать состояние парадигмы научно-технического развития, проследить перемены, произошедшие за последние примерно полвека как внутри науки, так и в ее внешних взаимосвязях, рассмотреть вероятные направления ее дальнейшего развития.

Динамика внутренних характеристик сферы науки

Первое, что характеризует ситуацию внутри сферы науки сегодня – это значительные изменения дисциплинарного спектра. Традиционные отрасли, такие как физика, химия, биология и т.д., с одной стороны, все больше сближаются, а с другой – дробятся на узко специализированные дисциплины. Процесс сближения отчетливо проявился уже несколько десятилетий тому назад, когда стали возникать так называемые междисциплинарные отрасли – физическая химия, химическая физика, молекулярная биология и т.п.

На атомном уровне нет ни физики, ни химии, ни биологии, есть единая атомарная материя, о которой мы знаем уже довольно много. Процесс сближения естественнонаучных дисциплин объективен, он происходит с ускорением, и в перспективе, не очень близкой, но весьма вероятной, может привести к постепенному слиянию их в единое целое.

Возможно, что предвестником такого рода качественного изменения служит появление нанонауки. То, что уже известно о наночастицах, позволя-

* *Грант РФФИ, проект № 05-06-80000.*

ет найти им много чрезвычайно полезных практических приложений в самых разных областях: в медицине, в сельском хозяйстве, в электротехнике и т.д.

Дисциплинарный спектр науки изменяется в настоящее время и в связи с укрупнением предметных отраслей – науки о Земле, науки о жизни, науки о человеке, экологии, искусственного интеллекта. Такого рода отрасли объединяют большие группы традиционных дисциплин, естественных, технических, гуманитарных – единой целевой функцией. В ходе этих изменений гуманитарная составляющая проникает в чуждый ей ранее мир естественных и технических наук и начинает играть при решении определенной категории проблем значительную, а в отдельных случаях и решающую, определяющую роль.

Наряду с трансформациями в дисциплинарном спектре, размывается и традиционное деление науки по видам исследований на фундаментальную и прикладную. В целом ряде дисциплин граница между ними оказывается весьма условной.

Наука нашего времени обходится обществу очень дорого, требует больших капиталовложений, и общество идет на крупные затраты, будучи уверено, что если не сегодня, то завтра они окупятся повышением качества жизни в самом широком смысле этого слова. Даже такая, казалось бы, далекая от повседневной жизни наука, как астрономия, по мере освоения человеком космического пространства обретает практическую составляющую и активно развивается во многом благодаря выводу оптических телескопов, работающих также в радиодиапазоне, в инфракрасном спектре или спектре гамма излучения, за пределы земной атмосферы на околоземные орбиты.

Примерами областей исследований, в которых фундаментальная и прикладная наука практически слились воедино, могут служить генетика и ряд других отраслей биологии, кибернетика, создание новейших интегральных схем и архитектур суперкомпьютеров, программное обеспечение решения сложных проблем, вычислительное моделирование, климатология, материаловедение, физика элементарных частиц, нанонауки и нанотехнологии.

Параллельно описанным трансформациям внутри научной сферы развивается и очень близкий по содержанию, но не идентичный процесс «сращивания» науки и технологии. Важным этапом на пути наукофикации технологий стала интеграция науки и производства, начавшаяся в середине XIX столетия. С момента появления первых промышленных исследовательских лабораторий научная работа, получение новых знаний, стали необходимым этапом производственного процесса, предшествующим технологическим разработкам. Вечный спор о том, что появилось раньше, яйцо или курица, был бесповоротно решен в пользу науки.

Во второй половине XX в. исследовательская работа оказалась органически вплетенной в технологический процесс. Научные знания и научный под-

ход в наукоемких отраслях хозяйства необходимы с первого до последнего шага инновационного цикла. Научная составляющая производственного процесса является самой дорогостоящей, и в себестоимости наукоемкой продукции доля расходов на исследования и разработки гораздо выше, чем в других, еще не наукофицированных отраслях. Правда, таких остается все меньше во всех областях жизни общества.

Наконец, перечисляя крупные перемены внутри сферы науки, нельзя не отметить колоссальный рывок в ее техническом оснащении. Новейшие приборы, аппараты и инструменты позволяют производить исследования на качественно новом, по сравнению, допустим, с серединой прошлого столетия, уровне. Ученые могут сегодня наблюдать воочию на экранах компьютеров тоннельных микроскопов* атомы вещества, постепенно овладевают техникой манипулирования молекулами, есть сообщения о создании искусственным путем простейших бактерий. Гигантский шаг вперед совершила медицина, диагностируя состояние пациента с помощью компьютерных томографов, биологи расшифровали геномы многих животных и определили последовательность нуклеидов в геноме человека, овладели техникой клонирования живых существ, материаловеды создают новые, неизвестные природе материалы и т.д. и т.п., все перечислить просто невозможно.

Многие из этих достижений стали возможны на базе стремительного прогресса информационных технологий – вычислительной техники, средств телекоммуникации, оптики и оптоэлектроники. Появились гораздо более эффективные методики изучения сложнейших процессов. В качестве примеров можно назвать компьютерное моделирование взрывов водородных бомб или динамики климата планеты, экспериментальные испытания и «проигрывание» моделей крупных сооружений, механизмов, даже ландшафтов. Согласно установленному в 1965 г. сотрудником фирмы «ИНТЕЛ» закону Мура, число транзисторов на чипе удваивается каждые 12–18 месяцев (16, гл. 9, с. 6). Вычислительные мощности интегральных схем стремительно возрастают, а цена их столь же стремительно падает. Как еще в конце 80-х годов отмечал один из американских науковедов, «если бы автомобили прогрессировали столь же стремительно как полупроводники, все мы сегодня (1989) водили бы роллс-ройсы, развивающие скорость 1 млн. миль в час и стоящие 25 центов» (8, с. 29).

Помимо новых замечательных приборов и методик, ученые, благодаря информационным технологиям, обрели возможности общения и обмена информацией, которые недавно и предвидеть-то было невозможно. Научные коллективы, работающие над одной проблемой, могут теперь не объединять-

---

* *Современные сканирующие тоннельные микроскопы позволяют наблюдать объекты размером 1–5 нанометров.*

ся территориально, совместный труд в режиме реального времени стал возможен сегодня с помощью скоростного Интернета. Очевидно, что для новой парадигмы характерно активное использование целого ряда новых форм организации и управления исследовательской работой. Глобализация науки обрела прочную эффективную техническую базу, и если раньше она протекала полустихийно и медленно, то теперь научные коллективы всего мира практически могут, если это потребовалось бы, работать совместно и одновременно над единым комплексом проблем.

Глобализация науки, однако, не сводится к информационному обмену и сотрудничеству в рамках научного сообщества. Применительно к науке это означает появление новых научных центров, новых стран-игроков на рынке разработки и производства наукоемкой продукции, расширение и перераспределение «плотности» мирового научно-технического потенциала.

Различают три основных волны глобализации (12). Первая приходится на 50-е и 60-е годы прошлого века. В ходе ее американские, а частично и оправившиеся от военной разрухи западноевропейские фирмы переносили (строя свои филиалы или продавая лицензии и ноу-хау) сравнительно простые, зачастую устаревшие технологии в страны, как тогда говорили, «третьего мира», чтобы наращивать прибыли на менее требовательных, чем «дома», рынках как рабочей силы, так и потребительских. Конкуренции поставщики таких технологий не опасались, поскольку собственные производства были на голову выше, да к тому же внутренние рынки защищались торговыми ограничениями.

В конце 60-х годов формируется вторая волна послевоенной глобализации. Для нее характерно появление большого числа конкурентоспособных «незападных», прежде всего японских, фирм в целом ряде важных отраслей, таких, как автомобилестроение, станкостроение, производство бытовой электроники, металлургия и т.д. Япония и некоторые другие страны Восточной Азии постепенно становятся в ряд основных центров нововведений и финансовой мощи мира. К тому же на своих национальных и близлежащих рынках они имели безусловное преимущество перед иностранцами, а рынки эти росли быстрее, чем в западных странах. Транснациональные компании рассредоточивают свои производственные мощности по всему миру, стремясь экономически оптимизировать производственный процесс в целом, активно диверсифицируют производство. В 80-е годы США потеряли сотни тысяч рабочих мест из-за того, что транснациональные компании перевели многие производства в регионы с более дешевой рабочей силой, с облегченным налоговым режимом. Одновременно новые транснациональные корпорации из Японии и Южной Кореи теснили западных конкурентов, наращивая свою долю мирового рынка.

Сегодня мы наблюдаем «глобализацию третьего поколения», качественное отличие которой от предыдущих состоит в том, что транснациональные компании, большинство которых базировалось в США, где при выводе производственных мощностей оставались штаб-квартиры и научно-исследовательские подразделения, начали и свою науку все в большей мере выводить за рубеж, создавая разрабатывающие новые виды продукции и новые технологии подразделения в Китае, Индии и других бурно развивающихся странах. Так поступают «General Electric», «General Motors», «IBM», «Intel», «Microsoft», «Motorola», такой перечень становится все длиннее и длиннее. Некоторые американские специалисты уже опасаются, что этот процесс ослабит инновационные возможности США, ослабит связи промышленности и вузов, финансирование последних и, следовательно, приведет к ухудшению системы образования.

О масштабах «вывоза» ИР из американских «материнских» фирм в зарубежные страны можно судить по данным таблицы 1, памятуя при этом, что США сегодня – это страна, которая всегда первой формирует новые тенденции в экономике, позже перенимаемые другими государствами.

Таблица 1 (17, гл. 4. с. 84).

ОСНОВНЫЕ ПОКАЗАТЕЛИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МАТЕРИНСКИХ КОМПАНИЙ И ИХ ЗАРУБЕЖНЫХ ФИЛИАЛОВ

	Показатели					
	Валовая продукция (млрд. долл.)	Доля (%)	Продажи (млрд. долл.)	Доля (%)	Затраты на ИР (млрд. долл.)	Доля (%)
Материнские компании	2089,4	78,0	6547,1	72,0	131,6	87,0
Зарубежные филиалы	605,4	22,0	2486,9	28,0	19,8	13,0
Всего	2694,8	100	9034,0	100	151,4	100

«Переезд» ИР происходит, главным образом, в страны Западной Европы, но в качестве новых территорий фигурируют и Япония, и Азиатско-Тихоокеанский регион, и Латинская Америка, и даже Африка и Средний Восток (там же). Как видно из таблицы, масштабы «третьей волны глобализации» пока не очень велики (13%), но для выявления тенденции вполне достаточны.

Одновременно растут крупные собственные национальные научно-исследовательские центры в странах-реципиентах технологий и результаты их работ достигают мирового уровня. Например, Китай уже занимает второе место в мире по числу научных публикаций из области нанотехнологий, а Индия стала мировым центром офшорного программирования. Короче гово-

ря, теперь происходит не только виртуальная, но и вполне материальная глобализация научно-технического потенциала.

В итоге этот потенциал в мире интенсивно растет, возможности кооперации технически не ограничены и все это создает условия для значительного ускорения научно-технического прогресса, а основным сдерживающим этот процесс препятствием становятся политические факторы – конфликты, кризисы, войны и т.п., отвлекающие огромные ресурсы, концентрирующие научные усилия в военных отраслях, причем наличие так называемых «технологий двойного назначения» этих потерь не компенсирует.

Однако трансформациями, которые происходят внутри научно-технической сферы, особенности современной парадигмы научно-технического развития отнюдь не ограничиваются. Действуют не менее весомые внешние факторы.

Изменения внешних взаимосвязей науки

Из числа внешних факторов, влияющих на развитие науки, мы рассмотрим два наиболее значительных – это отношения науки с государством и ее контакты с широкой общественностью.

Взаимосвязи с государством определяются той ролью, которую играет наука в современном обществе. Со времен окончания Второй мировой войны, когда наука заявила о себе как о важнейшем источнике военной мощи страны, фактически полностью перестроив военно-технический потенциал сражавшихся держав и увенчав военные годы овладением атомной, а затем и ядерной энергией, сформировалась научно-техническая политика, как одно из основных направлений государственной деятельности, возникли соответствующие государственные органы, программы и т.д. (2). В частном промышленном секторе исследовательские лаборатории еще в довоенные годы прочно заняли место «мозговых центров». Наука постепенно превращалась в главное, определяющее звено системы производительных сил, главный источник экономического роста и успехов в конкурентной борьбе на мировых рынках. В 2003 г. Д. Бромлей, бывший в 1989–1993 гг. советником по вопросам науки при президенте США, в статье «Растущая политическая сила науки» подчеркивал, что «утверждение газеты “Нью-Йорк Таймс” от 5 марта 2001 г., гласившее “нет науки, нет и прироста экономики”, остается сегодня столь же справедливым, каким оно было и два года и 20 лет назад. Будущее Соединенных Штатов зависит от мощной государственной поддержки научных исследований» (9, с. 5). Столь же отчетливо роль науки в обеспечении благосостояния, темпов развития, военной мощи, влияния страны уже во второй половине XX в. понимали правительства всех развитых государств мира.

Соответственно, политика государства по отношению к научно-технической сфере за последние чуть более полувека претерпела коренные изменения. Главные из них можно свести к четырем моментам.

1. Финансовая поддержка науки со стороны государства (так же, как и со стороны частного капитала) в указанный период постоянно возрастала. Небольшие перебои в отдельных странах случались в связи с экономическими спадами, но общий рост не прерывался. Более того, в тех случаях, когда какая-либо из крупных держав попадала в тяжелое экономическое положение, она искала выход, наращивая вложения в исследования и разработки (ИР). Так, в частности, поступала Япония после того, как в начале 90-х годов лопнул «мыльный пузырь» ее экономики, и страна попала в длительную полосу депрессии. На международном уровне в качестве показателя, обеспечивающего высокий и плодотворный уровень научно-исследовательской деятельности в стране признан объем затрат на ИР, равный 3% от ВВП. Европейский союз выдвинул достижение этого уровня в качестве официального требования к своим членам. Если считать, что суммарный ВВП в мире сегодня равен приблизительно 40 трлн. долл. (13, с. 2), то речь идет о сумме, близкой к 10–12 трлн. долл. в год. Разумеется, эта цифра завышена, поскольку далеко не все страны обладают заметным научно-исследовательским потенциалом, но грубую ориентировку она дает, так как львиную долю мирового ВВП обеспечивают именно развитые государства. Намеченный рубеж в 3% на сегодняшний день преодолело лишь несколько стран. Крупные державы в этой группе представлены Японией, остальные относятся к числу небольших, но высокоразвитых и весьма благополучных в социальном плане стран – Финляндия, Швеция, Сингапур и др. В России этот показатель равен 1,17 (2004), и занимает она по нему 25-е место в мире (3, с. 280).

Причин непрерывного возрастания государственных расходов две. Первой является отмечавшийся еще Максом Планком давно известный факт, что каждый шаг науки вперед сложнее предыдущего и требует гораздо больших ресурсов. Английский физик и философ Н. Решер даже сформулировал так называемый «закон логарифмической отдачи», согласно которому для поддержания существующего темпа появления крупных открытий в науке необходимо наращивать затрачиваемые ресурсы по экспоненте (15).

2. Вторая причина обусловлена тем, что начиная с 80-х годов прошлого века (а в Японии еще раньше, с начала 70-х годов) правительства передовых стран постепенно переходят от финансирования фундаментальных исследований к более широкому охвату научно-технической сферы своей поддержкой. Даже термин в государственных документах меняется, вместо «научной» политики речь теперь идет о «научно-технической» или «научно-технологической». Государственная поддержка постепенно распространяется на следующие после фундаментальных ИР этапы инновационного цикла:

прикладные исследования, разработки, технологическую стадию и в конце концов даже на этап внедрения новой продукции на рынок – ее коммерциализацию. Процесс этот достигает зрелости к концу XX в. Используются не только финансовые или юридические рычаги внутри страны, но и возможности политического и экономического влияния на международной арене, в двусторонних отношениях и через организации типа ВТО.

Приведем лишь пару примеров государственной поддержки этапов ИР, отличных от фундаментальной науки. Одним из важнейших актов, затрагивающих науку США, был подписанный в 1988 г. президентом Рейганом «Сводный закон о торговле и конкурентоспособности» («Omnibus Trade and Competitiveness Act»), который, по мнению американских обществоведов (12, с. 2), «…содержал радикальную перемену в правительственной политике: Программу передовой технологии, направленную на повышение коммерческой конкурентоспособности в области высоких технологий» (Advanced Technology Program – ATP) (11, с. 2). Переданная в ведение коммерческого отделения Национального института стандартов и технологии, ATP рассчитана на снижение рискованности частных капиталовложений в инновации, имеющие хороший коммерческий потенциал. На самых ранних стадиях таких исследовательских проектов государство поддерживает их, финансируя половину расходов. На первых порах на программу выделялись небольшие средства, но в 1990 г. Белый Дом принял постановление «Технологическая политика США», согласно которому ассигнования на ATP утроились. Обозреватели подчеркивали, что этим постановлением правительство США впервые официально признало необходимость государственной технологической политики.

Второй пример иллюстрирует участие государства в практической коммерческой реализации новых изделий, поддержки их сбыта и внедрения в повседневную жизнь. В Японии, как, впрочем, и в других передовых странах, в том числе в США, уже далеко не первый год ведутся работы по созданию двигателей внутреннего сгорания, работающих не на бензине, а на водороде. Сначала его использованию мешала взрывоопасность этого газа. Проблема была решена, когда нашли исключающие взрывоопасность присадки. И сегодня образцы водородных или гибридных (на водороде и бензине) двигателей есть уже у всех ведущих изготовителей автомобилей в мире. Важнейшим достоинством водорода в качестве автомобильного топлива является его экологическая безопасность. При сгорании водорода никаких вредных соединений не выделяется, образуется только водяной пар.

Японские фирмы «Тойота» и «Хонда» создали и поставили на серийное производство несколько моделей машин с гибридными двигателями (20, с. 77). Но с продажей их возникли серьезные трудности: они были значительно дороже обычных, поскольку получение водорода известным сегодня спо-

собом (гидролитическое разложение воды) требует крупных затрат электроэнергии. И тогда правительство пошло на субсидирование продаж новых автомобилей, оно компенсировало покупателю различие в ценах. Это в значительной мере решило проблему сбыта. По мере совершенствования технологического процесса, роста масштабов производства и сбыта цены машин на водороде и обычных сближались, а правительственные субсидии уменьшались и в конце концов сошли на нет. Хотя новые машины остались несколько дороже, к ним уже привыкли, и сегодня более половины новых продаваемых легковых автомобилей имеют гибридные двигатели.

3. На протяжении последних десятилетий государство последовательно принимает разнообразные меры для консолидации национального научно-технического потенциала. Во всех странах наука делится на сектора – государственный, частный промышленный и вузовский. Последний на Западе называют академическим или университетским. Взаимодействие этих секторов, их кооперация, а также кооперация близких по профилю фирм между собою в научной сфере являются важным, если не решающим фактором интенсивного научно-технического развития и усиления конкурентоспособности страны на мировом рынке, где все большее значение приобретают наукоемкие технологии и виды продукции. Долгое время на пути такой кооперации стояли два основополагающих принципа свободного капитализма: его своего рода «священные коровы», которых нельзя было трогать – принцип равных возможностей и принцип свободы конкуренции.

Первый из них затруднял передачу технологий из государственного сектора в промышленность. Нововведения, разрабатывавшиеся в госсекторе, оплачивались из бюджета, т.е. налогоплательщиками. Следовательно, они должны принадлежать государству и быть доступны любому гражданину. Если какая-либо фирма получит на такое новшество лицензию, то эта лицензия не даст ей исключительного права производить и продавать соответствующий товар, чтобы частный предприниматель был заинтересован в коммерциализации новинки, он должен такое право иметь. Иначе вкладывать деньги в организацию производства, маркетинг и т.д. слишком рискованно, конкуренты, коль скоро они тоже имеют доступ к патенту, могут перехватить рынок, и дело кончится убытками, если не разорением.

Второй принцип – свобода конкуренции – вылился в так называемое «антитрестовское законодательство», нарушение которого было чревато огромными судебными издержками, штрафами и вполне могло поставить фирму на грань разорения.

Первыми от этих пут, мешавших консолидации национального научно-технического потенциала избавились японцы, которые еще в 1962 г. приняли «Закон о научно-технической кооперации в добывающей и обрабатывающей промышленности». Этот закон вводил право промышленных фирм как субъ-

ектов научно-технической деятельности на кооперацию. Этот вид кооперации – в научно-технической сфере – выводился из-под антитрестовского законодательства. Первенство Японии в решении данной проблемы вполне объяснимо. Во-первых, она больше других нуждалась в наиболее рациональном и эффективном использовании выделяемых на научно-техническое развитие средств, поскольку, едва оправившись от послевоенной разрухи, бросилась «сломя голову» догонять наиболее развитые на тот момент страны, прежде всего США, а во-вторых, она традиционно была империей, страной с авторитарной властью и демократические принципы свободного капитализма ее не слишком волновали.

Дольше всех этим вопросом занимались американцы. Наиболее бросающаяся в глаза особенность американской науки – это ее давно сложившееся традиционное деление на три анклава – промышленность, правительство и академия – каждый из которых преследует совершенно разные цели и руководствуется разными принципами и мотивами (10, с. 35). Государственные научные лаборатории, одна из наиболее мощных частей национального научно-технического потенциала США, тратя большие деньги налогоплательщиков, мало пользы приносили экономике страны в целом, поскольку контактировали только с корпорациями, выполнявшими госзаказы, распространявшиеся почти исключительно на вооружения и освоение космоса. «Когда мы вступали в 80-е годы ИР в наших национальных лабораториях со всех точек зрения выглядели как пленник, застрявший в непроходимой чаще законов и постановлений, относящихся к проблемам интеллектуальной собственности, кооперации в научной сфере, лицензирования и участия ученых в процессе коммерциализации», – утверждал на слушаниях в конгрессе президент Института промышленной технологии в штате Мичиган (18, с. 328).

Шаг за шагом американские законодатели распутывали эту ситуацию, всякий раз не решаясь исправить ее коренным образом, и в то же время испытывая очень сильное давление со стороны японских конкурентов, которые вместе с некоторыми странами Западной Европы фактически вытеснили США из целого ряда сегментов мирового рынка. В Америке не стало станкостроения, производства бытовой электроники, сократилось производство ширпотреба, интегральных схем памяти и т.д. В период с 1980 по 1993 г. конгресс США принял восемь законодательных актов, которые в своей совокупности сформировали юридическую базу, позволявшую решить две крупные, консолидирующие научно-технический потенциал задачи*. Во-первых, раз-

* *Последний закон, касающийся данной проблемы и несколько улучшавший один из предыдущих был принят в 2000 г. Он облегчил министерствам и ведомствам коммерциализацию их разработок.*

вернуть при выполнении ИР на так называемой «доконкурентной» стадии[**] кооперацию субъектов научно-технической деятельности в любой возможной комбинации (частные фирмы между собою, они же с университетами, с государственными центрами, госцентры с университетами или, наконец, все упомянутые организации совместно). Во-вторых, была открыта дорога беспрепятственной коммерциализации объектов интеллектуальной собственности, созданной с использованием средств федерального бюджета, где бы она ни создавалась – в государственных лабораториях или вне их, но на основе правительственных грантов или контрактов.

Более того, руководителям национальных лабораторий и иных научных учреждений госсектора вменялось в обязанность организовывать передачу разработанных новинок в промышленность, заключать с частными фирмами и университетами соглашения о кооперации. Эта работа рассматривалась как одно из важнейших направлений деятельности упомянутых учреждений. Этот «кнут» был дополнен «пряником» в виде системы материальных поощрений.

В ведущих странах Западной Европы процесс консолидации научного потенциала не вызывал особых проблем. Видимо потому, что основная его часть изначально концентрировалась так или иначе в государственном секторе. Сегодня актуальна проблема создания «общеевропейского научного пространства». Над ее решением активно работает Европейский союз, в рамочных программах которого пять–шесть лет тому назад появился специальный крупный раздел данного направления. В Великобритании разработана и внедряется методология «Форсайт» (18), предусматривающая тесную координацию деятельности всех уровней управления (от местного до общеевропейского) в целях развития научного потенциала, использования его достижений для обеспечения экономического роста и конкурентоспособности того или иного региона (методика отрабатывалась на примере Шотландии) на национальном и мировом рынке.

4. Тут мы подходим к наиболее актуальному сегодня аспекту взаимодействия государства со сферой наука–техника – к инновационной государственной политике. Тема эта обширна, и в нашем случае ее подробное рассмотрение не предусматривается. Отметим лишь наиболее важный, на наш взгляд, момент: государство впервые за время своих связей с наукой конкретно и до-

[**] *«Доконкурентная» стадия – это теоретические работы, эксперименты, разработка и испытания опытного образца. Чтобы на его основе создать рыночный продукт необходимо выполнить еще большой объем работ. Вот на этом этапе между кооперировавшимися фирмами разворачивается острейшая конкуренция – кто быстрее и лучше использует совместно созданный задел. Таким образом, «доконкурентная» кооперация не исключает, а, скорее, обостряет конкуренцию, обеспечивая в то же время повышение технического уровня всех участников сотрудничества.*

вольно жестко поставило перед последней задачу прямого, непосредственного содействия экономическому росту. Обеспечивая науке солидную финансовую поддержу, создавая все условия для ее развития, государство ждет и требует отдачи от этих капиталовложений, в первую очередь в виде самого различного рода инноваций, которые вели бы к ощутимым экономическим результатам, к росту ВВП, конкурентоспособности страны на мировом рынке, расширению своей доли этого рынка и, соответственно, росту благосостояния населения и совершенствованию всей социальной сферы.

Буквально через несколько месяцев после инаугурации президента Клинтона появился официальный документ Белого Дома, названный «Технологический и экономический рост Америки: новое направление экономической мощи», где на первой же странице провозглашалось: «Традиционная роль федерального правительства в развитии технологии ограничивалась поддержкой фундаментальной науки и целевых исследований министерства обороны, НАСА и других ведомств. Такая стратегия была правильной для предыдущего поколения, но она не соответствует требованиям сегодняшнего дня. Мы не можем просто полагаться на благотворное восприятие частным сектором военных технологий, мы должны прямо ставить перед собой такие цели, помогая частным фирмам развивать инновации и получать от них прибыли» (15, с. 38). И наука отвечала «взрывом» инноваций. Появился даже специальный термин «каскадные инновации», иными словами, получение от какого-нибудь достижения фундаментальной науки целых серий технических и технологических новинок, чуть ли не каждый год менявших ассортимент на рынке наукоемкой продукции.

Ситуация в начале нынешнего века на этом рынке такова. Соединенные Штаты занимают 42,5% (2003)*, Япония – 12, страны Европейского союза – 18,4% (18, с. 6–12).

Американский обществовед В. Бонвиллиан, обсуждая эту проблему, сформулировал четкий вывод: «Откуда появилась новая, каскадная форма инноваций, где ее корни? Строительные блоки, по которым льется нынешний каскад, созданы фундаментальной наукой 20–30 лет назад» (18, с. 31). Таким образом, и в условиях современной парадигмы фундаментальная наука остается важнейшим приоритетом государственной научно-технической политики. Правда, волна коммерциализаций все же фундаментальную науку задела. Появились и поощряются так называемые «целевые фундаментальные ИР» (теперь их называют ориентированные фундаментальные исследования), нечто среднее между чисто фундаментальными исследованиями и прикладными.

* *Оценка.*

В глобальном плане следствием консолидации национальных научно-технических потенциалов ведущих стран мира стало энергичное наращивание потенциала мировой науки в целом. Если выразить прогресс общества за последние 400–500 лет в цифрах, то мы получим весьма впечатляющую картину. В 1500 г. совокупный мировой валовой продукт в стоимостном выражении составлял сумму порядка 0,5 трлн. долл. США и очень медленно возрастал до 1800 г., когда стал приближаться к одному трлн. долл. Затем рост несколько ускорился и за XIX в. ВВП мира достиг примерно двух трлн., а в XX в. нарастал по крутой параболе и к концу столетия насчитывал уже около 37,5 трлн. долл. В начале XXI в. функция ВВП(t) при масштабе по оси абсцисс в один дюйм (25,4 мм) составляет уже столетие, превращается в почти вертикальную прямую (21, с. 2). Основой этого роста является научно-технический прогресс и, следовательно, развитие глобального научного потенциала влечет за собою рост экономики, благосостояния и социального благополучия населения.

Второй внешний фактор – это взаимоотношения науки с широкими слоями населения, с общественностью и ее организациями. В докладе американского президента конгрессу о состоянии науки в стране, который в соответствии с законом представляется каждые два года (начиная с 1972) всегда присутствует раздел, посвященный оценке уровня научной грамотности населения и его отношения к науке и наиболее актуальным на данный момент научным проблемам, имеющим важное значение для жизнедеятельности общества и потому привлекающим его пристальное внимание. Материалы этого доклада четко свидетельствуют, что общий фон упомянутых выше взаимоотношений безусловно положителен. В одном из обследований, проведенных в США университетом штата Вирджиния в 2004 г., с утверждением «наука помогла сделать общество лучше» согласились 90% респондентов, а с более четкой формулировкой «научные исследования весьма важны для повышения качества жизни человека» согласились 92%, причем, эти показатели в указанном году были выше, чем когда-либо раньше. Примерно те же результаты дают и опросы в Западной Европе: девять из каждых десяти опрошенных согласились с тем, что «развитие науки и технологии повысили качество жизни их поколения», а восемь из каждых десяти заявили, что «наука и технология улучшают жизнь будущих поколений». Аналогичные результаты были получены в Японии, в России, КНР и Южной Корее, Малайзии (198, с. 6–23).

Однако в ходе научно-технического прогресса взаимоотношения науки и каждого гражданина претерпевают качественные изменения. Сравнительно недавно обычный средний гражданин лишь пассивно воспринимал результаты прогресса и как все в принципе одобрял развитие науки. К тому же у него

всегда был выбор, он мог воспользоваться тем или иным техническим достижением, а мог и пренебречь им.

В последние же десятилетия глобализация, развитие информационных технологий и прочие научно-технические достижения настолько меняют общество, что никакого выбора индивидууму не оставляют, захватывая его в свой поток. Если он не пользуется современными технологиями, например Интернетом или телевизором, то в результате резко сокращает его возможности в деловой сфере, в исследовательской работе, в образовании, трудоустройстве, знакомстве с достижениями культуры и искусства, развлечениях и других аспектах повседневной жизни. В то же время и государство теряет активного и, возможно, квалифицированного специалиста, обедняется его кадровый потенциал общества – главная движущая сила прогресса.

Есть и другой аспект взаимоотношений науки с обществом. Мы имеем в виду реальные и потенциальные негативные последствия научно-технических достижений. Они тоже затрагивают всех и каждого. Речь идет о воздействии новых технологий на окружающую среду, о связанных с ними рисках, о таких проблемных со многих точек зрения направлениях науки, как клонирование живых организмов, использование эмбриональных стволовых клеток в медицине, генная инженерия, нанотехнология. Значительная часть населения в какой-то мере опасаются научного прогресса. Его сходство с двуликим Янусом широко известно: многие научно-технические достижения, с одной стороны, приносят блага, а с другой – содержат в себе потенциальную опасность. Примеров тому более чем достаточно, от атомной энергии и до пестицидов. Поэтому, поддерживая и одобряя науку в целом, многие респонденты проявляют серьезную озабоченность. Например, в уже упоминавшемся выше обследовании Вирджинского университета, когда подавляющее большинство поддержало науку, 61% респондентов (следовательно, и часть тех, кто одобрял научные исследования и положительно оценивал их результаты) признали, что «сегодня исследователи не уделяют достаточного внимания моральным ценностям общества», а 59% в 2002 г. и 51% в 2004 г. считали, что «научные исследования создают для общества столько же проблем, сколько они их решают» (19, с. 6–23). В том же обследовании выяснилось, что в США, Южной Корее, Малайзии более половины опрошенных (56%) полагают, что «мы слишком сильно зависим от науки и недостаточно полагаемся на веру». Правда, в Европе и в России такое утверждение поддержали значительно меньшее число респондентов. Кроме того, треть американцев и россиян, а в других странах еще больше – до половины респондентов, ощущают, что «наука изменяет нашу жизнь чересчур быстро» (там же, с. 6–24).

На этом фоне события типа эпидемии «коровьего бешенства» в Великобритании и ее ошибочной оценкой учеными вызывают очень резкую реакцию в обществе. Чрезвычайно осторожно, а зачастую и негативно реагирует об-

щественность и на генетическую модификацию продуктов питания, а, допустим, клонированию человека подавляющее большинство всех цивилизованных стран говорит решительное «нет», и президент США налагает вето на закон, разрешающий использовать бюджетные средства на использование эмбриональных стволовых клеток в медицинских целях. Все это при том, что ученые утверждают: модифицированные с помощью генной технологии продукты совершенно безопасны, а упомянутые стволовые клетки способны резко продвинуть лечение таких недугов, как болезнь Паркинсона или Альцгеймера, а то и вовсе от них избавиться.

Важной особенностью современной парадигмы научно-технического развития является несравнимо более высокая активность общественности, чем это было в предыдущие годы.

Наибольшую озабоченность общественность проявляет в Западной Европе. В США, в России и на Востоке обстановка в этом плане немного спокойнее. В ходе дискуссий о влиянии на окружающую среду того или иного проекта на европейских и мировых форумах на одно из первых мест выдвинулся так называемый «принцип упреждения» (ПУ). Смысл его состоит в том, чтобы заранее, на стадии проработки того или иного проекта, направления исследований, выработки политических решений оценить уровень риска от возможных результатов перечисленных шагов и либо согласиться с такого уровня риском, либо отказаться от планируемых мероприятий, сочтя его неприемлемым. Хотя смысл принципа очевиден, его четкого определения в ходе дискуссий, продолжающихся уже несколько лет, пока не выработано. Во всех официальных документах, где ПУ фигурирует, а таковых набралось уже много, в том числе Декларация ООН, Директива ЕС, национальные документы вплоть до конституции Франции формулировки расплывчаты, юристы толкуют его по-разному, одни считают неким общим принципом, другие определенным подходом к проблемам, третьи – политической декларацией и т.п. (14, с. 307). Дать строгую формулировку действительно трудно, поскольку ПУ неразрывно связан с вероятностными характеристиками, а следовательно, и с неопределенностью. Но ситуация эта открывает широкое поле для дискуссий и различных толкований.

Особенно явно разноголосица проявляется в вопросе об использовании генетически модифицированных зерновых культур. Так, на уровне Европейского союза они не запрещены, хотя порядок их выращивания и использования жестко регламентирован. Но на национальных уровнях царит разнобой: где-то запрещают, где-то разрешают одни культуры, но не разрешают другие, где-то наоборот, в иных странах некоторые регионы объявляют себя свободными от ГМ продуктов. Австрия, например, вообще хотела бы быть свободной от них страной. Создаются и работают много всевозможных экспертных групп, комиссий, правительственных органов. После случаев с коровьим бе-

шенством, заражением СПИДом при переливании крови, разных, часто противоположных экспертных заключений о ГМ продуктах авторитет научной экспертизы пошатнулся. Общественные организации требуют максимальной открытости процесса принимаемых решений, прозрачности их разработки. Иной раз под сомнение ставится даже объективность научной экспертизы (6, 7). О серьезности деятельности общественности свидетельствует такой факт. В 2005–2006 гг. в США был опубликован доклад бесприбыльной организации «Наука в интересах общества». В течение года она обследовала состав консультативных комитетов и экспертных групп АН США, работающих с правительственными органами. Выяснилось, что у каждого пятого эксперта присутствует так называемый «конфликт интересов», т.е. в настоящее время или в недавнем прошлом он имел финансовые связи с фирмами, которые были заинтересованы в исходе обсуждения в правительстве вопросов по профилю консультативного органа, где состоял данный эксперт. В докладе не ставилась под сомнение объективность рекомендаций, исходивших от упомянутого органа, но наличие «конфликта интересов» считается в таких случаях недопустимым. Подобную работу провела и общественная группа «Граждане». Были проведены 221 заседание 16 консультативных комитетов, и оказалось, что в 73% хотя бы один член комитета обладал «конфликтом интересов». Правительство вынуждено было пересмотреть порядок формирования консультативных органов, ограничить число представителей из промышленных кругов, установить обязательность сбалансированности состава (промышленность, академия, представители общественности) и широкого представительства разных взглядов на обсуждаемую проблему. Что же касается «конфликта интересов», то любой эксперт или консультант не должны иметь финансовых связей с заинтересованными фирмами в течение не менее пяти последних лет.

Новая характерная особенность современной парадигмы научно-технического развития – это широкое и активное участие общественности в лице ее различных организаций в формировании решений по вопросам развития научных исследований. Можно говорить об определенной степени общественного контроля за наукой. К сожалению, в этом вполне положительном явлении есть и негативная сторона: научные проблемы начинают зачастую переплетаться с политикой, становиться объектом политических спекуляций.

Особенности современной парадигмы научно-технического развития интернациональны. Они, в конечном счете, определяют государственную политику в области науки и техники развитых стран. Это относится и к России. Но ситуация с наукой, инновациями, малыми наукоемкими фирмами и иными компонентами научно-технического комплекса, начиная с фундаменталь-

ной науки, в РФ все еще неутешительная. Не вдаваясь в подробности, отметим лишь несколько основных моментов.

Как и в прошлом, главным источником финансирования науки России остается государство. Причем не только фундаментальной, но и таких ее форм, где первую скрипку в других странах (кроме КНР, недавно начавшей кампанию создания государственных научных парков) изначально играл и продолжает это делать уже более полувека бизнес. В России есть все современные формы организации науки – и парки, и фонды, и центры трансферта технологий, и всякого рода программы, но все это формируется и оплачивается государством, нередко становясь удобным каналом перекачивания денег в частные, в том числе в чиновничьи карманы. По определению сотрудника Высшей школы экономики И.Л. Строганова, «в условиях сложности и неэффективности вложений в науку для частного бизнеса государство вынуждено играть его роль и выступать неким глобальным венчурным инвестором» (3, с. 26). К сожалению, пока бизнес не будет массово заинтересован наукой, эффективность перечисленных выше форм будет очень мала. Они выглядят, как нагромождение новых, комфортабельных домов и домиков, но без тех жильцов, для которых строились. Возможно, есть смысл сосредоточить львиную долю выделяемых государством на науку средств (и это предлагают некоторые специалисты) в фундаментальном секторе. Ведь инновации, конкурентные технологии и изделия вырастают из его достижений. Фундаментальную науку необходимо поднять на мировой уровень в плане финансовой, технической и кадровой обеспеченности, пусть и за счет малоэффективных квазинаучных программ-кормушек. Ведь мы и сегодня тратим на науку из госбюджета несравнимо меньше других развитых стран[1], а ученые имеют зарплату намного ниже, чем заработки работников многих секторов сферы обслуживания, строительства, даже учителя многих школ получают в несколько раз больше ученых. Малый бизнес в городе и на селе под государственной опекой, задыхается от гнета коррумпированной бюрократии, не может пробиться сквозь ее препоны без взяток на всех стадиях своего существования. А как фундаментальная наука порождает инновации можно увидеть на примере совсем недавно созданной (5) в Новосибирске фирмы «Сибирский центр фармакологии и биотехнологии», начавшей производство нового полностью конкурентоспособного препарата «Тромбовазим», очень перспективного лекарства, предотвращающего образование тромбов и разрушающего уже существующие. Правда, инициаторами и учредителями в данном случае выступили три академика и один бизнесмен со средствами. Два академика – директора двух из трех институтов, обеспечивавших (без

1. Приблизительно в 16 раз меньше США, в 7 раз – Японии, в 3 раза – Германии, даже меньше Канады, где население всего около 30 млн. человек (3, с. 278).

затрат бюджетных средств) разработку препарата, а третий академик является одним из руководителей Сибирского отделения РАН. При таком составе учредителей наш малый бизнес может утвердиться. Но необходимо снять бюрократические заслоны для всех, может быть тогда этот сегмент экономики, обеспечивающий в развитых странах до 70% занятости, заработает и у нас в полную силу. А пока нужно сконцентрировать усилия государства на том, чтобы поднять, омолодить и перевооружить фундаментальную науку. Выступление президента на заседании Совета по науке, технологии и образованию в конце ноября 2007 г. позволяет надеяться на позитивные сдвиги в этом направлении. Пока же государственная (в лице Министерства образования и науки) «забота» выражается в первую очередь в усилении бюрократизации научной деятельности – бесконечные инструкции, планы, отчеты, подсчеты неких баллов, якобы характеризующих эффективность, и прочие хорошо знакомые с советских времен совершенно непродуктивные мероприятия.

В заключение подчеркнем, что парадигма научно-технического развития – это динамичная многофакторная система, которая не стоит на месте, она постоянно меняется, меняется и дисциплинарный спектр науки, и состав основных «игроков» на мировой арене, и, судя по последнему десятилетию, перемены эти происходят с ускорением и нелинейно. Через пять–десять лет мы будем иметь иную парадигму, которая будет лучше, а может быть, и хуже сегодняшней.

Литература

1. Авдулов А.Н. Наука и производство: Век интеграции. – М.: Наука, 1992.

2. Авдулов А.Н., Кулькин А.М. Периодизация государственной научно-технической политики промышленно развитых стран: Становление, эволюция, тенденции и этапы ее формирования // Вестник РФФИ, № 2(24), июнь 2001. – С. 25–37.

3. Индикаторы науки. Статистический сборник. – М., 2006.

4. Стерлигов И.А. А нужна ли нам национальная инновационная система? // Конкурс. – М., 2007, № 3. – С.7 26–27.

5. Юдина Л. Даешь тромбовазим! // Наука в Сибири. – Новосибирск, М., 2007, № 43.

6. Are the National Academies fair and balanced? CSPI news room. – 2006. July 27. – Mode of access: http://nuw.cspient.org/new/200607241.html.

7. Baley R. Buying science // Reasonline, 2006. – July 28. Mode of access: http:// w2ww.reason.com/rt/rb072806.shtml.

8. Bonvillian W.B. Science at a crossroads // Technology in society. – NY etc., 2002, Vol. 24, N 1–2. – P. 27–38.

9. Bromlay D., Lubell M. Science's growing political strength. Issue in science and technology on line. Fall 2003. – http://www.nap.edu/issues/19.4/Bromley and Lubell.html. – 5 p.

10. Grinberg D.S. Innovate they must // Business month. – N.Y., 1988. – Vol. 131, N 3. – P. 32–40.

11. Lewis M. Branscomb. What's Next for Technology policy? Issues in science and technology on line. – Summer 2003. http://www.isues/19.4/branscob.html. 9 p.

12. Lynn L., Salzman H. Collaborative advantage. Issues in Science and Technology, winter 2006. http://www.issues.org/22.2/lynn.html. 14 p.

13. MEXT. Changes in society one to scientific and technological progress. White paper on science and technology 2004. http://www.mext.gp.jp/english/news/2005/04/05051301/001/htm.

14. How the French GM controversy led to the reciprocal emancipation scientific expertise and policy making? Marris C., Joly P., Ronda S., Bonneulis C. // Science and public policy. – Guildford, 2005. – Vol. 32, N 4. – P. 301–308.

15. Resher N. Scientific progress: A philosophical essay on the economics of research in natural science. – Oxford, 1978.

16. Science and Engineering Indicators 2000. National Science Board. – Wash.: Gov. print. off., 2000.

17. Science and Engineering Indicators 2004. – Nat. Science Board. – Wash.: Gov. print. off., 2004.

18. Science & Engineering Indicators 2006. – Nat. Science Board. – Wash.: Gov. print. off., 2006.

19. Transfer of technology from federal laboratories: Hearing before the subcomm. on technology a. competitiveness of the Comm. on science, space a. technology, House of representatives, 102nd Congr., 151 sess., May 30, 1991. – Wash.: Gov. print off., 1991.

20. Watanabe C., Tokumasu S.. National innovation policies in an IT society: the myth of technology policies focusing on supply side // Science and public policy. – Guildorf., 2003. – Vol. 30, N 2. – P. 70–84.

21. Wite paper on science and technology 2004. Mode of access. http://www.next.go.jp.// english/news.2005/04/05051301/001/htm.

РОССИЯ ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

С.А. Королёв

ВЛАСТЬ И ПОВСЕДНЕВНОСТЬ: СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ ВЗГЛЯД

Королёв Сергей Алексеевич – доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Института философии РАН.

Исследование повседневности до сих пор оставалось прерогативой феноменологов, историков и, с некоторых пор, представителей сравнительно нового научного направления, именуемого социальной эпистемологией. Стремясь найти подходы к анализу этого пласта общественной жизни с позиций социального философа, автор обращает особое внимание на проблематику, которую можно было бы обозначить как «повседневность и власть».

1. Специфика современной российской власти

1. *Понимание власти.* Ключевым понятием при рассмотрении феномена власти для автора является понятие *технологии власти*, введенное в этом смысле, насколько известно, М. Фуко и в отечественной философии наиболее продуктивно использованное В.А. Подорогой. Основное значение публикаций этого исследователя заключается в выявлении технологической сущности российского пространства, адаптации фукианской методологии к реалиям России, в выработке собственной, не сводимой к идеям Фуко, техники и стратегии исследования феномена власти в России[1].

---

1. Некоторые из этих идей были акцентированы В.А. Подорогой в процессе сотрудничества с автором данной статьи в первой половине 1990-х годов (см.: Бессознательное власти. Беседа В.А. Подороги с С.А. Королёвым/ Бюрократия и общество, М.: 1991; Подорога В.А. Феномен власти. Беседа с С.А. Королёвым / Философские науки, 1993, № 1–3; Подорога В.А. Россия. XX век. Власть. Беседа с С.А. Королёвым // Дружба народов, 1994, № 3).

Специфика российской власти, как о том многократно писал автор, предопределена в значительной мере ее исторической генетикой, которая и обусловила особенности российского пространства власти, тех макро- и микротехнологических констант, в которых обречена развиваться российская, в частности постсоветская повседневность[2]. Автор стремится исследовать проявления власти в России/СССР/России именно как системы технологий власти и дисциплинарных механизмов, исходя из того, что технологии власти в подобном понимании существуют независимо от политически оформленных властных отношений[3]. Подобный подход позволяет, в частности, дифференцировать эманации государства или того или иного рода политического режима – и власти, избежать их если не отождествления, то «слипания», найти оптику для рассмотрения мельчайших проявлений власти, того, что можно называть микрособытиями, демистифицировать власть, очистить ее от политического и идеологического камуфляжа, проанализировать соотношение власти на микро- и макроуровнях, зафиксировать формы и способы ее экспансии в социуме, рассмотреть опыты по формированию разного рода властных пространств (в том числе террористического пространства в первые послеоктябрьские десятилетия и идеальных дисциплинарных пространств, создававшихся, например А.С. Макаренко[4]) и т.д.

Существенное значение для понимания динамики взаимоотношений власти и субъектов, раскрывающихся в пространстве повседневной жизни, имеет концепция дисциплинарного общества М. Фуко. Последний глубоко исследовал механизм действия современных дисциплинарных, т.е. ориентированных на косвенное воздействие на человеческое тело, технологий власти и проанализировал механизмы функционирования некоторых структур власти, где эти технологии проявляют себя в полной мере (школа, армия, психиатрическая больница, тюрьма). Многое в фукианской методологии с определенными коррективами и оговорками может быть использовано при анализе российской (в том числе и постсоветской) повседневности (особенно, конечно, если речь идет о повседневной жизни микросоциумов, которые регулируются порой жесткими, но все же косвенными, ненасильственными дисциплинарными способами). Тем более что сам Фуко полагал, что отношения власти в Советском Союзе, по всяком случае, на микрофизическом уровне, ничем не отличаются от отношений власти в странах, которые называют капиталисти-

2. Подробно об этом см.: Королёв С.А. Бесконечное пространство. Гео- и социографические образы власти в России. М.: Институт философии РАН, 1997.

3. См.: Бессознательное власти. Беседа В.А. Подороги с С.А. Королёвым // Бюрократия и общество, М.: 1991. – С. 56.

4. Автором был осуществлен детальный анализ технологического устройства трудкоммуны им. Дзержинского, возглавлявшейся А.С. Макаренко. См.: Королёв С.А. Трудкоммуна. Фабрика автоматической дисциплины // Философские науки, 2003, № 1.

ческими, и что советская власть использовала в своих целях все дисциплины существования (военную, школьную и т. д.), добавив к ним нечто новое – партийную дисциплину[5] (наша точка зрения на эту проблему будет обоснована чуть позже).

2. *Способы воздействия власти на социум. Макротехнологии.* Можно выделить три основных способа влияния власти на российскую повседневность:

а) посредством макротехнологических воздействий;

б) с помощью дисциплинарных технологий;

в) осуществляя социокультурное регулирование.

Набор макротехнологий, при помощи которых власть на протяжении столетий стягивала и структурировала российское пространство, изменялся достаточно медленно; ядро его оставалось неизменным по крайней мере до конца советской эпохи. Если говорить о советском периоде российской истории, то доминирующими, своего рода системообразующими элементами технологической структуры, были (1) технологии *локализации* (инструментами которой являлись институты крепостного права в Московской Руси – Российской империи, особый паспортный режим, прописка, «невидимые очереди» на получение жилья по месту жительства и месту работы в СССР[6], режим разрешительной регистрации в постсоветское время и т.д.); (2) технологии *манипулирования дефицитом* (жилья, продовольствия, культурных ценностей, возможностей получить образование и т.д.; горбачёвская антиалкогольная кампания была, в сущности, не чем иным, как попыткой искусственно интегрировать алкоголь в стратегию распоряжения, распределения и манипулирования дефицитом); (3) технологии *индоктринации* (идеологическая обработка населения, пропаганда, навязывание образцов мышления и поведения, все то, что сегодня принято называть пиаром); (4) технологии *изоляции* (тюрьма); (5) технологии *изъятия* (прежде всего, призыв на воинскую службу).

Каждая из названных технологий и все они в совокупности формируют режим социальных отношений, который вступает в противоречие со сложившимися в обществе или в отдельных сегментах общества культурными ориентациями, системами ценностей (хотя, формируя систему социальных отношений, власть вступает в конфликт с действующими структурами социальности также). Иными словами, практически любая макротехнология явля-

5. См.: Кола, Доминик. Фуко и Советский Союз // В кн.: Мишель Фуко и Россия. Сб. статей. СПб. – М.: 2000. – С. 227–228.

6. Классификация очередей на спонтанные и административные, с выделением среди последних так называемых «невидимых» очередей (за квартирами, машинами, мебелью и т.д.), дана в работе: Zemtzov I. Encyclopedia of Soviet Life. New Brunswick; London, 1991.

ется инструментом, порождающим, воспроизводящим и обостряющим того или иного рода социальные и/или социокультурные противоречия.

Данная выше классификация властных технологий, представляет собой, разумеется, *типологическое различение*. Реальное действие власти, направленное на решение глобальных задач, носит кумулятивный характер и, как правило, основано на сочетании различных технологических инструментов и операций, концентрируемых в том или ином сегменте пространства власти или той или иной точке приложения технологических усилий. Если говорить о повседневности, о прямом, причем насильственном, воздействии власти на повседневную жизнь, то военные поселения XIX в. и советские колхозы – наиболее масштабные проекты подобной перекройки и перестройки повседневной жизни в российской истории.

Особое место в контексте такого рода концептуализации занимает интерпретация технологий *локализации* как ключевого элемента властной, технологической структуры, традиционно обеспечивавшего целостность пространства власти в России и эффективность властных воздействий[7].

Ситуация перманентного дефицита, недостатка жизненных ресурсов, переходящая в голод, – типичная ситуация для России на протяжении веков, связанная отчасти с неблагоприятными климатическими условиями, отчасти с архаической системой общественных отношений. Однако мы говорим о стратегии власти, о монополизации права распоряжаться имеющимися ресурсами, использовать это распоряжение в качестве карательного инструмента для подчинения индивидов, социальных групп и человеческих множеств. В.А. Подорога, характеризуя макрополитику имперского типа власти, замечает, что «она базировалась на избыточности видимых природных и людских ресурсов; она даже достигла неких форм спонтанной искусности в разработке стратегий дефицита как политических стратегий (особенно эффективной оказалась политическая и идеологическая манипуляция продуктами первой необходимости). Эта власть дает своему подданному право на жизнь, но только в той мере, в какой он остается ее вечным должником…»[8]

Вспомним только голод на Украине 1932–1933 гг., вызванный в значительной мере искусственно: люди бежали из голодающих районов и умирали на улицах, так как у них не было карточек. Укажем также на искусственный дефицит земли, выделяемой в пользование гражданам: пресловутые шесть

7. Проблематика локализации весьма подробно рассмотрена в уже упоминавшейся выше монографии автора «Бесконечное пространство. Гео- и социографические образы власти в России» (М.: Институт философии РАН, 1997) и ряде других публикаций, поэтому здесь нет необходимости останавливаться на этом сюжете подробно.

8. Подорога В.А. Феномен власти. Беседа с С.А. Королёвым // Философские науки, 1993, № 1–3. – С. 50.

соток в стране, составлявшей, как известно, когда-то одну шестую часть суши.

Если говорить о чем-то, что стало «изобретением» советской системы в сфере технологий власти, технологической инновацией, то следует сказать о *массовом терроре* как систематической практике власти на протяжении определенного периода (в прошлом царской/имперской России были отдельные всплески массового террора в отношении своих подданных, например во времена Ивана Грозного).

3. *Технологии власти и механизмы контроля.* Существенным элементом властной структуры, наряду с технологиями власти, являются механизмы контроля. В целом контроль – это кумулятивное действие всех не-властных структур общества, плюс действие контролирующих инстанций самой власти. Кумулятивное – это значит моральное, идеологическое, институциональное контролирование.

Особенность России – слабость механизмов контроля по сравнению с технологиями власти (на что не раз обращал внимание В.А. Подорога) и нераздельность власти и контроля: основной инстанцией, которая контролирует, является сама власть[9]. Соответственно, основным инструментом властного контроля в социуме с явно выраженной гипертрофией власти становится давление макротехнологий или вообще технологических систем более высокого уровня. Если в цивилизованном обществе доминируют механизмы контроля гражданского общества, то в России, напротив, – властного контроля. Когда где-нибудь на Западе государственный чиновник, партийный функционер или руководитель компании совершает противозаконные действия, государство оказывается перед необходимостью применить к нему определенные формы принуждения; если же этого не происходит, то общество через неподконтрольные государству и независимые от него СМИ может воздействовать на власть, инициировав, например, политический или коррупционный скандал, который создаст реальную угрозу репутации правительства, партии или компании.

В России средства контроля, имеющиеся у гражданского общества, весьма ограничены. Более того, определенной эрозии подвергаются традиционные для российского общества механизмы властного контроля, в частности микропространств. Один из наиболее мощных векторов развития власти, ее извечное стремление – выйти из сферы действия механизмов контроля. Как

9. Позволю себе воспроизвести здесь весьма оригинальную мысль В.А. Подороги, высказанную в свое время в беседе с автором этой статьи и в существенной мере проясняющей соотношение технологий власти и механизмов контроля: «Механизмы контроля – это как бы авторефлексия самих структур власти, а технологии власти сами по себе – это своего рода бессознательное власти».

раз в постсоветский период властные системы на микроуровне, выходя из-под действия макротехнологий, становится практически неконтролируемыми.

4. *Заданность векторов жизнедеятельности.* Важно зафиксировать ситуацию заданности параметров того, что феноменологи называют интерсубъективным миром, генетическими и конкретно-историческими особенностями того или иного пространства власти, изначально технологически ограничивающего возможности свободного построения индивидом своего жизненного мира и сужающего набор «форм жизни» (Э. Гуссерль), возможных и реализуемых в российском социуме.

Можно говорить о своеобразной канализации жизнедеятельности индивида системой властных технологий. Замечу, что П. Бергер и Т. Лукман используют понятие «социальная канализация», правда, в достаточно ограниченном контексте и в весьма ограниченном смысле (речь идет о социальной канализации сексуальности и питания; при этом социальная канализация рассматривается как результат успешной социализации, т.е. как следствие добровольного, совершаемого вне прямого давления, выбора индивида – последний не способен, например, к сексуальному функционированию с «ложным» сексуальным объектом, и его может стошнить при встрече с «ложной» пищей)[10].

Мы же говорим о *властной канализации*, т.е. ограничении спектра социального выбора коридорами, жестко прочерченными властью. Так, в СССР в разное время предосудительным, а часто и недопустимым считалось вступление в сексуальные отношения с «классово чуждыми» лицами, иностранцами, женатыми мужчинами/замужними женщинами, лицами своего же пола.

Регламентация питания в советской, атеистической России[11] не была столь жесткой. Но явление как таковое имело место. Достаточно вспомнить принудительное введение в общепите так называемых «рыбных дней» (помнится, по четвергам). В советское время появлялись многочисленные статьи специалистов по питанию из различных НИИ, сообщавших гражданам о небезусловной полезности черной икры и исключительной ценности морской капусты как продукта питания (технологии, которые мы отнесли бы к социокультурному регулированию). Тем не менее нормально социализированный советский гражданин предпочитал все же употреблять – по мере возможностей – икру и прочие деликатесы, не говоря уже о мясе.

---

10. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. – М., 1995. – С. 292.

11. Проблема религиозной регламентации питания (посты и т.д.) лежит за рамками данного исследования.

Такой же формой социокультурного регулирования, в данном случае регулирования потребления спиртных напитков, было создание в московских гастрономах первой половины 80-х годов возможностей для того, чтобы выпить шампанского за стойкой, где продавались соки, создание сети «рюмочных». Полное осуществление этой, вполне имеющей право на существование программы, было пресечено началом горбачёвской антиалкогольной кампании.

Кроме того, пространство повседневной жизни было определенным образом зонировано, и в нем выделялись сегменты, где формальные требования к разного рода социокультурным проявлениям были значительно жестче. Например, в известный период времени женщинам – сотрудницам государственных учреждений и некоторых партийных органов запрещалось ходить на работу в брючных костюмах. Известна почти апокрифическая история об одном из первых секретарей Ленинградского обкома КПСС, который категорически запрещал появление на местном телевидении бородатых мужчин и собак. Власть поддерживает представление о некой сакральности зон, приближенных к ней или особо важных для нее; по тем же резонам сегодня бескровный захват сторонниками радикальной оппозиции приемной президента рассматривается властью как несравненно более тяжкое преступление, чем, например, нападение неидентифицированных молодых людей на тех же лимоновцев, осуществленное с использованием арматуры и бейсбольных бит, т.е. с применением прямого физического насилия.

Равным образом существует система предрассудков и предубеждений, проявляющаяся в этой сфере, в основном связанная с традиционалистским сознанием, определенные коллективные представления, о том, что вписывается в контекст того или иного общества, а что нет, какие продукты «правильны», а от каких, употребляя термин Бергера и Лукмана, нормального человека должно стошнить. Вспоминается один характерный эпизод. В ситуации, когда власть вела пропагандистскую войну против «гусинского» НТВ, в СМИ была раскручена информация о какой-то презентации, где руководству и журналистам компании подавалась *фуа-гра*. Апеллировали к массовому потребителю информации, для которого еще с советских времен фуагра и все прочее иноземные деликатесы были социально маркированы как проявления чуждого (классово, социально) образа жизни и иностранного (социокультурного) влияния. Употребление фуа-гра (проще говоря, гусиной печенки) было в социокультурных контекстах постсоветской (но во многих измерениях еще совершенно советской) России своего рода компроматом. В сознании населения еще оставались рудиментарные представления о зажравшихся буржуях и о том, чем именно они «зажирались»: революционное «ешь ананасы, рябчиков жуй, день твой последний приходит, буржуй» сме-

нилось предубеждением и ненавистью к устрицам, трюфелям и различным «новорусским» изыскам типа фуа-гра.

Таким образом, «каналы» в нашем понимании были не результатом успешно осуществленной социализации индивида, а пролагались вдоль силовых векторов пространства власти; пересечение последних было опасным или невозможным. Индивиды, нарушающие установленные властью табу, становились объектами жесткого технологического воздействия. Интерсубъективный мир внезапно обрывался, заканчивался там, где власть считала необходимым положить ему предел.

Успешно социализированный советский гражданин знал, что как бы его ни обделили, как бы ни обидели – чиновники в госучреждениях, милиция, соседи, начальство на работе – нельзя протестовать на улице, но можно писать жалобы на начальство в партийные и государственные инстанции и даже обратиться в суд.

Иными словами, властная канализация – это совсем не то, что Бергер и Лукман называют *упорядоченной реальностью*, т.е. реальностью, феномены которой уже систематизированы в образцах, которые кажутся не зависимыми от понимания индивида и которые налагаются на него[12]. Ибо когда мы говорим о властной канализации, мы констатируем не только наличие некоего конституированного порядка объектов, но и не можем обойтись без, используя снова оборот Бергера и Лукмана, «дальнейшего исследования оснований этой реальности», т.е. выявления тех сил, которые предопределили изначально «данный» индивиду порядок объектов или ответа на вопрос, почему одни объективации становятся доминирующими, а другие – периферийными? При ближайшем рассмотрении главной среди этих сил оказывается власть.

Специфика российской повседневности в значительной степени обусловлена исторической генетикой структур власти; в свою очередь реализуемые индивидами и группами «формы жизни», имеющийся у них коридор повседневных возможностей детерминирован действием властных технологий, прежде всего макротехнологий (речь идет о воздействии технологий локализации, стратегии дефицита, индоктринации и т.д.). Так, у русского крепостного крестьянина, у советского колхозника 30–50-х годов, у рядового советского гражданина, стоящего в очереди на получение квартиры в исполкоме, у строителя-мигранта в современной Москве, притесняемого, преследуемого и обираемого милицией, нет и не может быть возможностей «находиться в определенной им самим физической и социокультурной среде», о чем писал в свое время А. Шюц; все они помещены в определенного рода пространство

12. «Реальность повседневной жизни оказывается уже объективированной, т.е. конституированной порядком объектов, которые были обозначены как объекты до моего появления на сцене» (Бергер П., Лукман Т. Указ соч. – С. 41).

власти и превращены в объекты чрезвычайно мощных в России технологий локализации.

5. *Типология власти.* Когда мы пытаемся выявить особенности воздействия власти на повседневность, важно рассматривать эту проблему в контексте типологии власти, прежде всего ее дифференциации на активную и реактивную власть.

Концепт реактивной власти не столь употребителен в социально-философской литературе и, как представляется, еще не применялся при анализе повседневности современной России (хотя на некоторые параметры реактивной власти обращалось определенное внимание, например на практики постоянного зондажа общества[13]). Использование упомянутого концепта дает нам возможность рассмотреть российскую повседневность именно как своеобразную «машину» взаимодействия власти и граждан, зависимых от власти, но имеющих возможность в известной степени влиять на нее.

Необходимо специально акцентировать внимание на том, что анализ механизмов взаимодействия власти и *тех-кто-под-властью* в пространстве повседневности актуализируется именно в ситуации власти реактивной, постоянно зондирующей социум и порой весьма чутко реагирующей на приходящие от него ответные импульсы. Последнее имеет непосредственное отношение к ситуации современной России, где власть приблизительно с середины 90-х годов обрела многие качества реактивной власти.

При анализе российской власти следует иметь в виду, что пагубным для социума является не только грубое и необоснованное вторжение власти в сферу повседневности, приводящее к ее (повседневности) деформации и дезорганизации (типа антиалкогольной кампании первых лет перестройки), но также утрата качества реактивности, самоустранение власти от регулятивных функций, угасание интереса к тому, что происходит на микроуровнях социальности, предоставление индивидам возможности решать проблемы своего выживания и выстраивания повседневной жизни исключительно посредством стихийной самоорганизации.

2. Советская повседневность: Контроль и безразличие

1. *Специфика гиперномии советского типа.* Советская система была системой гиперконтроля за всеми проявлениями социальности, предельной регламентации поведения индивида, социальных групп, человеческих множеств любого рода. А.И. Ракитов констатирует, что одной из основных целей большевистских лидеров – конструкторов советского общества было создание

13. См.: «Хорошее общество». Социальное конструирование приемлемого для жизни общества. – М.: ИФ РАН, 2003.

системы универсального централизованного планирования, контроля и регламентации производства, управления, распределения, духовно-культурной, личной и общественной жизни, образования и других видов социально значимой деятельности. «Планируемость, контроль и регламентация в подобных масштабах и подобной полноте, – замечает философ, – исторически беспрецедентны»[14].

Этот контроль простирался до самых укромных закоулков частной жизни, до самых потаенных складок социальности и являлся одной из самых тягостных особенностей советской системы. «Насилие над душой и бытом человека, творившееся в его семье, в его углу, – писал выдающийся русский философ Г.П. Федотов, – было мучительнее всякой нищеты и политического бесправия»[15].

Фуко отметил удивительный парадокс советской системы, заключавшийся в сочетании гиперконтроля и полного безразличия к жизни человека: «В Советском Союзе и Китае очень высок уровень контроля за личной жизнью индивидов. Кажется, что нет ничего в жизни индивида, к чему правительство было бы равнодушно. Советская власть истребила шестнадцать миллионов человек, чтобы построить социализм. Массовое истребление людей и контроль за жизнью индивида – две фундаментальные характеристики современных обществ»[16].

В нашей литературе достаточно часто приводится высказывание Р. Дарендорфа относительно того, что в посткоммунистических обществах прежняя гиперномия (сверхнормированность) периода расцвета коммунистических режимов сменилась аномией (отсутствием норм и их рассогласованием)[17]. Существенным вопросом, однако, является то, какими технологическими средствами была обеспечена эта изначальная гиперномия. Иными словами, как соотносились микро- и макротехнологии в процессе обеспечения советской гиперрегламентации. Только понимание этого аспекта проблемы дает возможность понять также и природу последующей аномии.

Не могу полностью солидаризироваться с уже приводившимся выше высказыванием М. Фуко о том, что отношения власти в Советском Союзе, во всяком случае на микрофизическом уровне, ничем не отличались от отношений власти в странах, которые называли капиталистическими, и что советская власть использовала в своих целях все дисциплины существования. То,

---

14. Ракитов А.И. Новый подход к взаимосвязи истории, информации и культуры: Пример России // Вопросы философии. – 1994, № 4.

15. Федотов Г.П. Судьба и грехи России. Избранные статьи по философии русской истории и культуры. – Т. 2. – М., 1992. – С 83–84.

16. См.: Кола, Доминик. Фуко и Советский Союз // В кн.: Мишель Фуко и Россия. Сб. статей. СПб. – М.: 2001. – С. 232–233.

17. Дарендорф Р. Письмо польскому другу // Путь. – 1994, № 3.

что советская власть «использовала все», – это, как мне кажется, не подлежит сомнению. Но дисциплинирование на советском и на капиталистическом предприятии – это существенно разные феномены. Если в «капиталистической» системе рабочий, нарушивший дисциплинарные установления, подлежал увольнению и временно терял источник существования, то в СССР меры дисциплинарного наказания носили комплексный, кумулятивный характер (поскольку источник власти и источник всех санкций был один): за увольнением следовало исключение из очереди на жилье, выселение из общежития, также могло последовать исключение из партии, если виновный состоял в ней. Далее уволенный часто подлежал уголовному наказанию (уголовная ответственность за опоздание на работу, введенная в 1940 г., была лишь крайним, наиболее одиозным проявлением этой тенденции). Более того, он мог стать объектом преследования по абсолютно вымышленным политическими обвинениям, например, как «вредитель», и подвергнут репрессиям; вслед за ним часто репрессировались члены его семьи.

Эти различия, разумеется, детерминированы не социально-экономической «пропастью» между «капитализмом» и «социализмом», а коренными различиями власти, властных пространств: тоталитарная власть, рассматривавшая человека как один из природных объектов и считающая нормой переработку исторического снова в природное[18] (В.А. Подорога), никогда не существовала за пределами так называемого «социалистического лагеря».

Иными словами, воздействие жестких макротехнологий на структуры микросоциальности в советской системе (особенно ее сталинского образца) было несравнимо сильнее, чем в западных демократиях, и советская микрофизика, во всяком случае до конца сталинского периода, существенно отличалась от микрофизики, которая была предметом описания М. Фуко.

Гиперномия, о которой идет речь, была достигнута не столько дисциплинарными, сколько макротехнологическими методами. В СССР власть очень быстро утратила интерес к формированию дисциплинарных пространств, даже к экспериментам в этой области. Выяснилось, что насаждение формальной дисциплины не ведет к изменению сущности человека и не становится столь же эффективным средством обеспечения его послушания, как, скажем, массовая индоктринация населения, «воспитание страхом» и, конечно же, традиционная система наказаний. Для власти дисциплина стала ритуалом, лишенным смысла, профанацией *дела власти*. Модель созданной А.С. Макаренко коммуны им. Дзержинского, как и модель существенно по-иному организованной болшевской трудкоммуны, были сметены экспансией

18. Бессознательное власти. Беседа с В.А. Подорогой // Бюрократия и общество / Отв. ред. С.А. Королёв. М., 1991. – С. 60.

ГУЛАГа. Нет резона перевоспитывать или, в других терминах, дисциплинировать.

Если дисциплина предполагает одновременное увеличение как послушности, так и полезности всех элементов социальной системы, оптимизирует ее, создает новые экономии времени и ресурсов (как указывал на то Фуко[19]), то ГУЛАГ основан на безудержной растрате человеческих и природных ресурсов и ни в какой экономии (как и полезности входящих в него элементов) не нуждается. Что же касается послушания, то оно достигается прямым и предельно жестким воздействием на человеческое тело. Если дисциплина – это стратегия нормализации, но ГУЛАГ – это унификация за гранью нормы.

Советскую систему взаимодействия микропространства и макропространства, скорее, можно было сравнить (да и то с большой натяжкой, учитывая отсутствие в Европе ГУЛАГа и механизма переработки человеческого в природное) с технологическими системами европейского Средневековья, когда человек, исключенный из цеха ремесленников, был обречен стать бродягой и в качестве такового объектом самых жестких властных макротехнологий или, в лучшем случае, превратиться в солдата.

2. *Ломка базовых параметров повседневности.* Повседневность включает в себя несколько базовых измерений: 1) дом; 2) семья, воспитание детей; 3) труд; 4) потребление; 5) сексуальные отношения; 6) язык; 7) ритуал (от форм презентации власти до осознанно или неосознанно поддерживаемых семейных ритуалов)[20]. Наконец, следует специально сказать о значении социальной ауры (страх – свобода самовыражения, независимость – обязательное выражение лояльности власти как часть повседневности и т.д.) и стилистики жизни в целом (моностилистическая культура – полистилистическая культура, хотя в рамках каждой из этих моделей может быть множество различных с точки зрения конкретного наполнения структур).

После Октябрьской революции все измерения повседневного существования людей были самым радикальным образом перекроены. Жизнь самостоятельного хозяина, имевшего собственный дом и землю (а это было все российское крестьянство, составлявшее подавляющее большинство населения страны), значительной части мещанства, предпринимательского класса и дворянства, – заменило существование в общежитиях, бараках и коммунальных квартирах.

---

19. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. – М., 1999. – С. 308, 320.

20. Н.Н. Козлова, изучавшая семейную переписку в позднем СССР отмечала, что такого рода переписка, превратившаяся в наше время в «уходящую натуру», тогда являлась «одним из ритуалов, которые и создают то, что мы называем семьей» (см.: Козлова Н.Н. Сцены из частной жизни периода «застоя»: Семейная переписка // Журнал социологии и социальной антропологии. – 1999, № 2).

Известно, что среди многочисленных концепций организации «революционизированного» жизненного пространства людей, предлагавшихся в первые послереволюционные годы, была и идея города/дома-сада, воспетая Маяковским, и замысел гигантского дома-коммуны, и наброски некоего переходного пространства, создаваемого как бы в ожидании того, когда рядовой, массовый человек дозреет до новых форм общежития. По-видимому, вполне обоснован вывод Е.Ю. Герасимовой о том, что массовое расселение в коммунальные квартиры не являлось изначальным идеологическим проектом советской власти, а стало непредвиденным результатом дефицита ресурсов в процессе становления нового общества[21]. Много позже, уже в послесталинский период, появились отдельные квартиры для массового потребителя, которые давали возможность частичной эмансипации от власти в непосредственном жизненном пространстве[22]. И тем не менее в устройстве своего непосредственного жизненного пространства подавляющая часть населения страны была поставлена в прямую и жесткую зависимость от власти (очереди на получение жилья по месту работы и месту жительства, режим прописки и т.д.).

Другие параметры навязанной постреволюционной (постнэповской) повседневности также хорошо известны; перечислим их кратко. В воспитании детей центр тяжести был перенесен из семьи в общественные институты: детский сад и школу.

Труд стал работой на единственного всеобщего собственника и единственного тотального работодателя; труд и материальный интерес были разделены, во всяком случае де-факто. Более того, с известного момента труд стал не частным делом гражданина, сферой его выбора, а государственно регулируемым и обязательным. Учащихся техникумов и студентов вузов после окончания учебы ожидало распределение. Расширялась сфера принудительного труда.

Потребление было жестко регламентировано, и подавляющее большинство граждан было ограничено необходимым минимумом, который, впрочем, власть не всегда могла и не всегда считала нужным обеспечить. Для многих, особенно в деревне, повседневность обернулась голодом или, во всяком случае, недоеданием. Было введено нормированное потребление (карточки), за-

21. См.: Герасимова Е.Ю. Советская коммунальная квартира как социальный институт: Историко-социологический анализ (на материалах Петрограда – Ленинграда, 1917–1991). Диссертация на соискание ученой степени кандидата социологических наук. – СПб, 2000.

22. Феномен деформирующего воздействия власти на организацию непосредственного жизненного пространства человека, на трансформацию этого пространства под властным давлением рассмотрен автором в очерке «Двери» («Знамя», 1995. – № 2).

тем сменившееся системой внекарточного дефицита. Очередь стала символом советской повседневности.

Сексуальные отношения, после небольшого всплеска постреволюционной свободы (вызванной рядом факторов – отменой церковного брака, уравниванием женщины в правах с мужчиной, общей аурой глобальной социальной ломки) были взяты властью под жесткий контроль[23].

Язык стал средством политической индоктринации и насаждения новых идеологических смыслов через новые термины, переосмысление и наполнение новым содержанием старых понятий.

И что главное, – изменилась стилистика жизни: страх перед ни чем не ограниченной в своих действиях машиной власти стал всеобщим, необходимость постоянно демонстрировать лояльность власти стала частью повседневной жизни в СССР.

Все эти глобальные изменения выстраивались постепенно, посредством и через множество актов власти, давящей на болевые точки повседневной жизни. Каждый шаг власти в избранном направлении вызывал веер типизаций-ответов, скрытое и открытое сопротивление, апелляции к самой же власти, попытки ускользания. Воинствующее безбожничество, фактический запрет крещения детей привели к тому, что детей крестили тайно, причем тайно не только от власти – часто бабушки крестили детей в тайне от партийных или просто законопослушных родителей. Запрещение абортов привело к превращению подпольных абортов в обычное явление, в реальность повседневной жизни.

Политика в области повседневности изменялась неожиданным и порой неротефлексированным самой властью образом. Запрет рождественских елок – и разрешение новогодних елок в канун 1936 года. Борьба с буржуазностью, «мещанством», проповедь революционного аскетизма – и вдруг поворот к «культурности», с занавесками на окнах и покупкой ширпотреба[24]. Однако ужесточение контроля, регламентация были доминирующим вектором, а все неожиданные послабления были обусловлены случайными и конъюнктурными обстоятельствами. Апогея эта тенденция достигла в послевоенный период: раздельное обучение в школах, введение школьной формы, необходи-

23. Ужесточение контроля власти за проявлениями сексуальности в советском обществе и распад данной системы контроля после 1991 г. подробно проанализированы автором в статьях: Королёв С.А. Сублиманты у власти: Заметки о происхождении «политической шизофрении» // Архетип. – 1995, № 1; Королёв С.А. Россия. Конец века. Десублимация общества // Архетип. – 1995, № 2.

24. Подробно этот поворот описан в статье: Волков В.В. Концепция культурности, 1935–1938: Советская цивилизация и повседневность сталинского времени // Социологический журнал. 1996, № 1/2.

мость давать в газетах объявления по поводу возбуждения дел о разводе и т.д.

Описанные выше трансформации базовых параметров повседневности так или иначе связаны с социально-экономической, «классовой» ломкой основ российского общества и возникновением явления, которое мы называем властной гиперномией. Но существуют еще некие национальные константы повседневности, связанные с национальной традицией и до известной степени безотносительные вектору социально-экономических трансформаций. В этом национальном измерении российская повседневность советского и постсоветского периода может быть охарактеризована:

а) как пьяная повседневность (полагаю, эта позиция не нуждается в подробном обосновании)[25];

б) как гулагоморфная повседневность, как повседневность пораженных в правах и искалеченных властью, физически или морально, людей (Россия – страна, где едва ли не каждый шестой «сидел» и по которой прокатилась волна массового террора, аналогов которому в XX в. не было нигде в мире); до сих пор многие города и населенные пункты России существуют в своеобразном симбиозе с примыкающими к ним «зонами».

в) как криминализованная повседневность (криминализованная в смысле отсутствия восприятия закона как ценности, а законопослушания как мотива социального поведения, в смысле стилистики жизни, влияния криминального начала на поведение, манеры, разговорный язык.

И если первая из обозначенных выше особенностей может быть связана с очень глубокой национальной традицией, то вторая – это результат кумулятивного воздействия власти в течение немногих – советских – десятилетий. Третья же черта, присущая в той или иной степени советскому обществу, была гипертрофирована в последние полтора десятилетия и, видимо, только в этот период в полной мере стала национальной чертой повседневности.

3. *Ослабление регламентации.* В послесталинский период контроль и регламентация повседневности стали значительно менее жесткими. Власть предприняла попытку тотально нормализовать жизнь (в том числе и повседневную жизнь), очистив ее от наиболее одиозных черт сталинской эпохи, найти какие-то иные точки опоры и принципы жизнеустроения (не случайно именно в этот период появился «Моральный кодекс строителя коммунизма»).

Собственно, вполне закономерно и естественно, что ослабление контроля и некоторая либерализация начинались не с политической системы и не с

25. Известны целые деревни, где подавляющая часть жителей не работает и просто спивается, где дети начинают пить с четырех-пятилетнего возраста и где первоклашки являются в школу с запахом перегара (см., например: Келина С. Пьяное горе // Версты, 30 окт. – 1 ноября 1999 г.

экономики, а с социокультурной сферы и повседневности. В годы, когда расстреливали валютчика Рокотова, увидев в его деятельности нетерпимый, хотя и символический, вызов экономической безопасности страны, поэты и молодые люди собирались у памятника Маяковскому для чтения стихов, а год вторжения в Афганистан с целью удержать страну в орбите «социалистической ориентации» был также годом приезда в СССР Элтона Джона, «Бонни М» и «Буди Битлз».

Власть уже не реагировала на «антисоветские разговоры» в курилках, на «антисоветские» анекдоты, милиция не разгоняла очереди у магазинов, как это было в 30-е годы, но вела отчаянную борьбу со «стилягами», позже – советскими хиппи и иными молодежными субкультурами. При этом в 1959 г. власти не побоялись провести американскую выставку в Москве.

Воздействие власти на повседневную жизнь все чаще принимало не характер насилия, а облик воспитательных мер. Хрущёвский «черный пиар», направленный против безбилетников (стенды «Не проходите мимо» и карикатуры в автобусах, троллейбусах и трамваях), высмеивание «чуждых явлений», сатира, карикатуры в «Крокодиле» и других советских изданиях дают представление о стилистике эпохи.

Сам механизм, система институций и контингент агентов власти, непосредственно осуществляющих воздействие на социум, стал постепенно видоизменяться, точнее расширяться. В хрущёвские времена, в годы, когда страна по официальной версии была «к коммунизму на пути», появились представления, что функции власти могут отправлять самодеятельные, т.е. общественные объединения граждан. Народные дружины, ОКО, т.е. оперативные комсомольские отряды (описанные автором в ряде публикаций[26]) появились как общественный аналог силовых структур, созданных для упорядочивания локальных и микропространств.

В русле перемещения центра тяжести властных воздействий от насилия к воспитанию находилось и усиление акцентов на морали, за которой надзирали те же ОКО. Для членов КПСС «аморалка» была чревата санкциями вплоть до лишения партбилета. Что касается дружинников, то они боролись не столько с преступниками, сколько со «стилягами», «длинноволосыми» и тунеядцами. В деятельности разного рода общественных помощников власти просматривались, наряду со всем прочим две вещи которые следует особо отметить. Во-первых, возрождение, правда в весьма специфическом виде, того, что Э. Канетти назвал появлением *двухмассовой системы*[27], расколом

26. См., в частности: Королёв С.А. Точки-в-хаосе. Микрособытие как квинтэссенция технологий власти // Архетип, 1996, № 2; Королёв С.А. Недреманное ОКО. Технологии власти в микросоциуме // Независимая газета, 28 мая 1996 г.

27. См.: Канетти Э. Масса и власть. – М., 1997. – С. 72–73.

микросоциума на две части, одна из которых властным путем подавляет вторую (по этой модели поддерживалась дисциплина в закрытых военно-учебных заведениях имперской России[28], и эту же модель фактически реализует нынешняя власть, когда попустительствует дедовщине в армии). Во-вторых, в акциях ОКО, дружинников и т.д. вполне внятно осуществляется еще сталинская установка на десексуализацию слоя повседневной жизни.

Одновременно приверженность ценностям власти становится все более формальной и фиктивной.

Реалии брежневской эпохи, в силу краткости исторической дистанции, помнятся достаточно хорошо, и, очевидно, нет необходимости подробно их характеризовать. Конспективно перечислим: овощные базы, выезды студентов, рабочих и научной интеллигенции «на картошку», многолетние очереди на жилье, очереди в магазины и в магазинах, макулатурные «Женщина в белом» и «Три мушкетера», снятие студентов и школьников с занятий для торжественной встречи космонавтов и зарубежных гостей, распродажи промтоваров по предприятиям и учреждениям. «Голубые огоньки» и «Кабачок 13 стульев». Анекдоты («Самый короткий анекдот: коммунизм»). «ГрОб» – занятия по гражданской обороне в вузах: как вести себя в случае начала ядерной войны. Военные кафедры в тех же вузах. «Колбасные» электрички и автобусы, стремящиеся в Москву и в несколько других, более или менее сносно снабжаемых продуктами городов, – месть экономики за нарушение экономических законов. И на стыке эпох, на выходе из социализма, – знаменитая антиалкогольная кампания (продажа крепких напитков с двух часов дня, очереди, рукоприкладство в отношении продавщиц, строго выполняющих установки вышестоящего начальства, вырубка виноградников ретивыми сторонниками генеральной линии, тайные, за запертыми дверями, выпивки в партийных домах отдыха, появление журнала «Трезвость и культура», вырезание сцен употребления крепких напитков из художественных фильмов и оседание на полках фильмов, где обозначено легкомысленное, с точки зрения власти, отношение к пьянству – судьба рязановской «Иронии судьбы»).

Тем не менее, несмотря на все вышеперечисленное, неявно, подспудно советское общество двигалось в направлении полистилистического общества, хотя и не становясь еще обществом, где официально признан и социально легитимирован культурный плюрализм.

Эпоха «развитого социализма» принесла более осторожное лавирование власти, сочетание всех методов воздействия – макротехнологических (прописка не отменена и даже не встает вопрос об ее отмене, хотя колхозникам уже разрешается получать паспорта и покидать колхозы), механизмов дисци-

28. Подробнее см.: Королёв С.А.. Истоки дедовщины: Двухмассовая система как технологическая модель // Философские науки. – 2003, № 6, 7, 8.

плинирования (особую роль здесь играет школа с ее октябрятскими, пионерскими и комсомольскими организациями и вузы), и даже некоторые попытки социокультурного регулирования (включая разного рода культурные инсценировки).

В этот же период становится очевидной фиктивность контроля и весьма малая эффективность технологического и дисциплинарного воздействия. К концу эпохи наступает весьма явственный кризис механизмов регулирования повседневной жизни: власть уже не в состоянии контролировать пространство повседневной жизни и обеспечивать нормальное (хотя бы по советскими меркам) его функционирование, а граждане все меньше готовы признавать право власти на регулирование и регламентацию их жизненных проявлений[29].

3. Социокультурное сопротивление и социокультурный раскол

Важнейшей и достаточно новой в контексте социально-философского анализа повседневности является проблематика *социокультурного сопротивления*. Социокультурное сопротивление – феномен, характерный прежде всего для авторитарного (если говорить о политическом и властном измерении) и моностилистического (с точки зрения культуры) общества. Длительность существования и укорененность этой традиции противостояния власти в России, многообразие форм ее проявления, по-видимому, в значительной мере связаны именно с многовековым и весьма жестким противодействием российской власти каким-либо формам политической или социальной оппозиции. Однако можно констатировать, что самосожжение раскольников в скитах в XVII–XVIII вв., картофельные бунты века XIX-го, «стиляжничество» 50-х, отращивание длинных волос «а ля «Битлз» и ношение немыслимой ширины расклешенных брюк школьниками и студентами 60–70-х годов XX в., перезапись песен Высоцкого с одного домашнего магнитофона на другой в разгар «периода застоя» могут быть классифицированы как различные проявления одного и того же феномена, который мы связываем с понятием социокультурного сопротивления.

При анализе феномена социокультурного сопротивления чрезвычайно важными представляются веберовские понятия ***персональности*** и ***внутренней дистанции***. Способность следовать своим принципам, не поддаваться

29. Автор проанализировал этот феномен на материалах студенческого общежития и коммунальных структур – см.: Королёв С.А. Студенческое общежитие «периода застоя». Эрозия регламентирующих технологий // Свободная мысль – XXI, 2003. – № 7; Королёв С.А. Коммунальные структуры переходного времени: Власть вне контроля? // Россия и современный мир, 2003, № 2.

давлению обыденности (и, что важно для нас, давлению власти на мир обыденного, повседневного), способность индивида игнорировать те образцы поведения, которые противоречат его жизненным принципам (и соответственно, определенные модели и механизмы властного дисциплинирования), – это, на наш взгляд, основа, ядро подобного сопротивления, не всегда отчетливого и видимого. А разного рода поведенческие вызовы и акты социокультурного эпатажа – это уже сопротивление следующего, второго уровня. Без того, что Вебер называл персональностью, без внутренней дистанции оно как таковое становится проблематичным.

В советской системе факты социокультурного сопротивления фиксируются с первых лет существования советского режима, фиксируются в самых неожиданных сегментах социальности и принимают порой неожиданные, курьезные формы. Отрицание настоящего и отсутствие перспектив в его изменении заставляло молодых либо создавать альтернативную систему ценностей, либо – уходить из жизни. Историк С.И. Быкова приводит факты, свидетельствующие о попытках вполне советской молодежи еще в 30-е годы противостоять тотальному влиянию идеологии и официальным мотивам поведения. Иногда студенты становились инициаторами создания групп и обществ, демонстративно отказывавшихся от признаваемых моральных ориентиров. Так, в г. Шуя студенты техникума политпросвещения, по донесениям информаторов за 1935 г., «саботируют учебу, богемствуют, поют в общежитии “Гимн смелой анархистской личности”»; в Москве рабфаковцы кожевенного института организовали «Свободную ассоциацию хулиганов» с лозунгом «Хулиганы всех стран, соединяйтесь!»; в железнодорожном техникуме им. Андреева студент Козаков Н.Д. (1910 г. р.) создал «Общество любителей выпить и закусить (ОЛЮВИЗ)»[30].

В 50-е годы отчетливо выраженной формой сопротивления официальным, навязываемым властью культурным и поведенческим стандартам стало появление так называемых стиляг. Это было предельно публичное и демонстративное выдвижение ряда культурных альтернатив: в одежде, в образе жизни, в речи. Л.Г. Ионин полагает даже, что стиляг можно назвать первыми диссидентами[31]. Если вернуться к изначальному значению понятия «диссидент», то это, очевидно, так, хотя в контексте предлагаемого автором более

30. См.: Быкова С.И. Между прошлым и будущим: Повседневность 1930-х годов в интерпретации современников // В кн.: Образы власти в политической культуре России / Под ред. Е.Б. Шестопал. М., 2000.

31. Ионин Л.Г. Социология культуры. М.: 1996. – С. 165.

жесткого различения между социокультурным и социальным сопротивлением с указанной точкой зрения можно, вероятно, поспорить[32].

Феномен самиздата (о котором писалось много и подробно), несомненно, также следует рассматривать в контексте социокультурного сопротивления. Хотя в тоталитарном СССР самиздат развивался преимущественно как форма политического сопротивления и, безусловно, именно в качестве такого рассматривался и преследовался властью. Однако в нем была и культурная составляющая: автор может это засвидетельствовать как включенный в процесс наблюдатель, поскольку «Собачье сердце» М.А. Булгакова и ряд других запрещенных властью художественных произведений были им впервые прочитаны в 70-е годы в машинописных копиях.

Однако существовали и менее очевидные, более размытые формы культурного сопротивления. Например, весьма отчетливо отмечались симптомы скрытого, вялотекущего социокультурного сопротивления в годы хрущёвского «великого десятилетия». В частности, практически во всех сегментах социума выражалось ироничное отношение к пропагандистским кампаниям власти. Примером может быть отношение к кампании по насаждению в СССР (насаждению в прямом и переносном смыслах) кукурузы. Граждане страны, очевидно, ничего не имели против кукурузы как таковой, но не принимали технологий навязывания и оголтелой псевдопросветительской пропаганды (бесчисленное количество статей в прессе и сюжетов по радио и телевидению, магазины «Кукуруза» и «Кукурузница», мультфильмы «Чародейка», огромное количество фотографий тех или иных лиц – от Никиты Сергеевича до знатных звеньевых и передовиков сельского хозяйства – на фоне кукурузных стеблей и початков в газетах и журналах).

Для того, чтобы не интерпретировать понятие социокультурного сопротивления бесконечно широко, следует, очевидно, во-первых, дифференцировать социокультурное сопротивление и социокультурное дистанцирование, социокультурное ускользание (уход в субкультуры), а во-вторых, – социокультурное и социальное (в самом широком смысле, включая сюда политическое и идеологическое) сопротивление. Произведя подобного рода операцию, мы, очевидно, будем иметь основания квалифицировать проявления диссидентства как социальное сопротивление, а стиляжничество – как форму сопротивления социокультурного.

Подобно тому как все разнообразные формы культурного сопротивления, все поведенческие вызовы несут в себе некое общее содержание, реакции власти и ее агентов в микросоциальных пространствах также отличаются

32. Весьма интересный анализ движения стиляг содержится в статье: Рот-Ай, Кристин. Кто на пьедестале, а кто в толпе? Стиляги и идея советской «молодежной культуры» в эпоху «оттепели» // Неприкосновенный запас, № 36.

характерной однотипностью. Писатель Анатолий Приставкин рассказал когда-то, как его семи- или восьмилетний сын и его приятель, обиженные несправедливой критикой в классной стенгазете, решили выпустить свою, инициативную стенгазету. Целый день делали ее, рисовали, сочиняли тексты, пришли в школу пораньше, чтобы повесить ее на стену... Но учительница, как на грех, тоже пришла пораньше, и газета провисела ровно пять минут, никто ее не видел...[33]

К социокультурному сопротивлению следует отнести и языковое противостояние власти. Многократно фиксировалось, что многие представители старой, досоветской интеллигенции в течение десятилетий разговаривали на уже не конвертируемом в советской России правильном, литературном русском языке, сопротивляясь давлению советского новояза. Ибо приверженность к несоветизированному языку – это отстаивание права и мыслить не по-советски. Полагаю, что сегодня такой формой социокультурного противостояния власти в определенной степени является язык Интернета.

Если же говорить о дифференциации социокультурного сопротивления и ускользания от власти, в том числе и в контексте разного рода субкультур, то социокультурное сопротивление предполагает, на наш взгляд, качество публичности и качество демонстративности (что вполне присутствует в приведенном выше примере из школьной жизни). Все прочее, лишенное этого качества, следует, видимо, квалифицировать как ускользание от власти. Вспомним известное изречение Эпикура: «Хорошо прожил тот, кто хорошо спрятался» и констатируем, что жизненная позиция, заключенная в этой формуле, бесконечно далека от публичной демонстрации своего несогласия с властью и ее социокультурными стандартами. Хотя при желании можно квалифицировать саму эту позицию укрывания в складках социальности, ухода в частную жизнь как форму сопротивления.

Другим типом социокультурного сопротивления было традиционалистское сопротивление. Хотя для традиционализма характерно скорее не демонстративное противостояние власти, а упорное, последовательное и неафишируемое следование старому канону повседневности. Тайное – скрываемое от властных структур и нередко от родителей – крещение детей было, несомненно, актом социокультурного сопротивления. Сохранение старых ритуалов (свадьба, полузабытые народные праздники, приметы и т.д.), пусть порой во фрагментарном и даже карикатурном виде, – тоже.

Все виды социокультурного сопротивления основываются на негативных типизациях действующей власти и всего, что с ней связано, и соответственно, продолжаются в политических представлениях о нелегитимности этой власти. При этом социокультурное сопротивление – это последовательное вы-

33. Приставкин А. Ванюшка и Селигерович. – М.: 1977 (?). – С. 37.

страивание жизненной стратегии, потому что здесь нет несоответствия между типизациями и образцами поведения, которые вырабатывает для себя индивид на основе этих типизаций.

Власть в СССР, разрушившая социально-экономическую и культурную основу традиционализма, прежде всего русскую деревню со всеми присущими ей формами жизни, осуществившая в невиданных ранее масштабах перемещение дешевой рабочей силы из деревни в город, начавшая разнузданную антирелигиозную кампанию и сделавшая атеизм официальной идеологией, во многих своих проявлениях парадоксальным образом действовала в унисон с понятиями и ценностями традиционалистского сознания (патернализм, порядок как главная социальная ценность, запрещение абортов, предельное затруднение разводов, смертная казнь, ненависть ко всему иностранному, особенно приходящему с Запада, результировавшаяся в конце концов в «борьбе с космополитизмом» и открытом антисемитизме, и т.д.). Именно эта двойственность власти дала возможность традиционализму выжить и сохраниться в качестве важного фактора социокультурной ситуации в современной России и константы повседневности – и, соответственно, сохранить базовые параметры социокультурного раскола России. В 90-е годы, после краха коммунистической системы, обнаружилось, что Россия, несмотря на дореволюционную и сталинскую модернизации, несмотря на мощную политическую индоктринацию в течение семи с половиной десятилетий советской эпохи, является гораздо более традиционалистской страной, чем можно было предполагать.

Существенно, что ситуация культурной расколотости общества оказывается во многом скрытой в условиях давления тоталитарного или авторитарного режимов, устанавливающих единомыслие и единообразие поведения, и становится явной, когда этот пресс с общества снимается, и индивиды и группы получают возможность более или менее адекватного социокультурного самовыражения. Это последнее замечание важно, потому что существует достаточно отчетливо обозначенная позиция, согласно которой именно демократизация, ослабление контроля является *причиной* (а не условием проявления) культурного «раздрая» в обществе.

Подводя итоги нашему анализу структур советской повседневности и ее противостояния власти и адаптации к власти, реакций на вызовы «сверху» и появление «ответов» «снизу», мы можем констатировать, что тотальный контроль первых советских десятилетий, предельная формализация последних лет сталинского правления затем постепенно вырождается в полуфиктивную модель социального контроля, включающую в себя организацию того или иного рода дисциплинарных механизмов, предполагающую рутинизацию мелочного и часто совершенно формального контроля, но в ситуациях кризиса уповающую на прежние, казалось бы, уже оставшиеся в прошлом жесткие

макротехнологические способы подавления социума (как случилось, например, в Новочеркасске в 1962 г.).

Существенно, что в связи с обозначенной выше спецификой советской «микрофизики власти», с тем, что эффективность дисциплинарных технологий в микросоциумах опиралась на потенциальное действие жестких макротехнологий (как о том было сказано выше). По мере эрозии жестких макротехнологий расстраивались, разлаживались дисциплинарные механизмы на микроуровне. Более того, власть во многих случаях стремилась самоустраниться от разрешения социальных проблем на микроуровне, от контроля микропространств, что в ситуации крайней слабости или отсутствия микро- и локальных структур гражданского общества вело к социальной дезорганизации и возрождению архаических технологий власти, подавлению сильным слабого[34].

В целом к концу советской эпохи действия власти и ее стратегии в отношении пространств повседневной жизни привели:

а) к возникновению повторяющихся образцов поведения, ориентированных на ускользание от власти или на акты социокультурного сопротивления, вроде демонстративной самоидентификации с «чуждой» культурной традицией (предельный пример – джинсы с изображением американского флага на заднем кармане);

б) к самолегитимации не только осуждаемых властью, но часто прямо противозаконных практик;

в) к деинституционализации, обесцениванию сложившихся институтов (институтов в понимании П. Бергера и Т. Лукмана), т.е. объективированных типизаций. Например, в такой девальвирующийся институт все более превращалась апелляция к власти как к таковой (заявления в партком, ЖЭК, товарищеский суд, милицию, связанные с микроконфликтами повседневной жизни). Причиной подобной деинституционализации являлась, очевидно, растущая неэффективность подобных методов решения жизненных проблем;

г) наконец, на исходе советской эпохи мы в полной мере обнаруживаем обозначенное Бергером и Лукманом явление *дереификации*[35].

---

34. Некоторые из этих процессов зафиксированы автором при анализе советского студенческого общежития и коммунальных структур последнего советского десятилетия (коммунальная квартира, домком, товарищеский суд, их взаимоотношения с органами власти и т.д.). См., в частности: Королёв С.А. Студенческое общежитие «периода застоя». Эрозия регламентирующих технологий // Свободная мысль – XXI, 2003. – № 7; Королёв С.А. Коммунальные структуры переходного времени: Власть вне контроля? // Россия и современный мир, 2003. – № 2.

35. «Историческое и эмпирическое измерения социологии знания требуют обратить особое внимание на социальные обстоятельства, благоприятствующие дереификации, – такие, как всеобщее крушение институциональных порядков, усиление

4. Дезорганизация, или краткий миг перехода

Повседневность может быть барьером против дезорганизации социума, как о том пишет А.С. Ахиезер[36], но до определенного предела, за которым она сама дезорганизуется и становится, напротив, катализатором общей дезорганизации. В конце 80-х, в ситуации тотального экономического, финансового, политического и культурного кризиса СССР появились талоны на сигареты, на водку, удостоверения, дающие право на приобретение потребительских товаров (карточка москвича-потребителя). Участились распродажи товаров на предприятиях и в учреждениях. Иными словами, в ситуации обесценения денег и усугубления дефицита наметился возврат к своего рода карточному распределению, но на основе товарно-денежных отношений. Тогдашний председатель исполкома Моссовета (ныне мэр Москвы) взывал с телеэкранов к москвичам: привезите с дач *бутылку*... Московские власти завезли в столицу вино, которое было в дефиците и в силу этого продавалось по талонам, но вино в цистернах, его не во что разливать…

Пустые прилавки и толпы, штурмующие пустые магазины, рукоприкладство, к которому прибегали граждане в процессе борьбы за элементарные жизненные ресурсы, отсутствие в магазинах даже водки и табака, обеспечение которыми никогда ранее не было проблемой для власти, в отличие от продовольственных товаров, – все это показало полный крах существующей власти, в измерении повседневной жизни прежде всего. Возможно, какие-то предприятия ВПК работали в этот момент вполне пристойно, возможно, программа освоения космоса успешно осуществлялась, возможно, расцветала культура, освобожденная горбачёвской гласностью от идеологического давления и цензуры, возможно, еще был какой-то шанс сохранить СССР хотя бы как конфедерацию – но краха повседневности общество выдержать было не в состоянии. Вера в обеспечение гарантированного минимума как основание целого класса советских типизаций и объективаций рухнула, несостоятельность власти, фиктивность официализированных коллективных представлений, эрозия легитимации власти стали очевидными.

Важно подчеркнуть, что кризис повседневности в последние годы существования СССР был связан как с постепенным уходом власти из сферы повседневной жизни, отказом от ее контролирования (причем в ситуации, когда не были и не могли быть созданы контролирующие и регулирующие меха-

---

взаимодействия между обществами, которые раньше были изолированными, имеющие огромное значение феномены социальной маргинальности» (Бергер П., Лукман Т. – Указ. соч. – С. 149–150).

36. Ахиезер А.С. Россия: Критика исторического опыта. (Социокультурный словарь). – Т. III. – М., 1991. – С. 244.

низмы гражданского общества), так и с элементарной неспособностью этой, почти агонизирующей власти осуществлять свои функции.

В контексте подобного понимания реальностей советского общества кризисные явления постсоветской повседневности (разрушение типизации и институционализации, кризис легитимации и т.д.[37]) уже не выглядят исторически необъяснимыми, не кажутся результатом бессмысленного разрушения «хорошей» или, во всяком случае приемлемой реальности. Наконец, понимание факта социокультурной расколотости России, осознание длящегося столетия и отнюдь не ликвидированного при «социализме» культурного раскола, заставляет исследователя весьма скептически оценивать степень общепринятости коллективных представлений, существовавших в советское время и разрушенных в постсоветский период. Очевидно, что слой общепринятых – реально, а не фиктивно – коллективных представлений заполнял лишь какой-то сегмент общественного сознания эпохи; при этом в нем (сознании) (со)существовало множество различных, часто диаметрально противоположных и абсолютно несовместимых друг с другом представлений.

37. Подробнее об этом см. главу автора «Власть и повседневность в постсоветской России» в кн.: «Новые идеи в социальной философии». – М., 2006. – С. 162–184.

В.Н. Лившиц, Н.И. Белоусова, Е.М. Васильева

ГОСУДАРСТВО И ЕСТЕСТВЕННЫЕ МОНОПОЛИИ В ТРАНСФОРМАЦИИ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ

Лившиц Вениамин Наумович – доктор экономических наук, профессор, заведующий лабораторией ИСА РАН.

Белоусова Наталия Ивановна – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник ИСА РАН.

Васильева Елена Михайловна – кандидат экономических наук, старший сотрудник ИСА РАН.

Осуществляемая в России в течение двух последних десятилетий трансформация экономики и общества привела к ряду существенных позитивных и негативных последствий социально-экономического характера, заметно изменивших ситуацию в стране и ее международный имидж.

К позитивным последствиям проводимых экономических реформ в первую очередь следует отнести демократизацию различных сторон общественной и экономической жизни, создание элементов рыночной инфраструктуры, ликвидацию товарного дефицита, расширение экономической свободы бизнеса и возможностей населения для самостоятельной и добровольной перемены мест жительства, работы и отдыха.

К негативным последствиям относится, прежде всего, резкий, особенно в 90-е годы, спад производства в экономике в целом и практически во всех отраслях и регионах, интенсивный рост безработицы, снижение реального уровня жизни, чрезмерная дифференциация доходов населения и рост бедности значительных его слоев, криминализация политической и хозяйственной жизни. Производство в отдельных отраслях промышленности до дефолта

1998 г. упало на 40–50% (с учетом теневой экономики), в стране появились десятки миллионов лиц с доходами ниже прожиточного минимума, существенно сократились инвестиции, средний возраст оборудования приблизился к 20 годам и сегодня примерно сохраняется на том же уровне. Износ основных фондов превысил допустимый предел и поэтому равноправная конкуренция со странами, находящимися на стадии экономики знаний, вряд ли возможна. Это связано с неэффективной амортизационной воспроизводственной политикой, резким падением инвестиций в производство.

Анализ макро- и мезоэкономических данных официальной российской статистики за два последних десятилетия свидетельствует о крайне неустойчивой, нестабильной динамике и позволяет считать, что в результате проведенных в 90-е годы радикальных экономических реформ страна оказалась в глубоком социально-экономическом кризисе.

По нашему мнению, одной из важнейших причин кризиса является теоретическая ошибка – не та макроэкономическая теория была принята при проведении радикальных реформ, и в основе осуществляемой государственной социально-экономической политики лежит ряд заблуждений, неверных, неадекватных российским реалиям представлений, которые уместно назвать иллюзиями, мифами и миражами[1].

При правильной ориентации реформ на переход от централизованно-плановой к смешанной экономике тактика проведения реформ в нашей стране, к сожалению, в значительной мере опиралась на российский вариант монетаристской экономической теории, включающей:

- саморегулируемость рыночной системы;
- минимизацию государственного вмешательства в экономику;
- целесообразность глобального разгосударствления и приватизации;
- направленность государственной политики на кредитно-денежную составляющую, а не на реальный сектор;
- полезность весьма широкого копирования в России западных моделей конкуренции, институтов.

В практике проведения российских реформ целый ряд заблуждений, связанных с упованием на могущество и самоорганизацию рыночных механизмов, были прямо инкорпорированы в государственную политику, и по существу была реализована концепция слабого государства в экономике. Это концепция государства, которое приоритетным de facto считает интересы крупного бизнеса и основные усилия направляет на снижение налогов (прежде всего корпоративных), приватизацию государственных благ и собственно-

1. Детальное рассмотрение этих вопросов см.: Лившиц В.Н., Лившиц С.В. Макроэкономические теории, реальные инвестиции и государственная российская экономическая политика. – М., 2007. (Труды ИСА РАН.)

сти по бросовым ценам, обеспечение практически беспрепятственного и бесконтрольного доступа к природным ресурсам при необоснованно низкой цене их использования.

Между тем, как показал еще Дж. М. Кейнс, в условиях кризиса для переходного периода более эффективна концепция сильного государства. Сильное государство заметно присутствует в экономике, в определенном смысле посредством государственных институтов управляет ею, причем приоритетным de facto считает интересы населения страны, а не бизнеса и соответственно строит свою деятельность, ориентируя ее на решение основных реальных проблем: борьба с бедностью, т.е. значительное повышение реального уровня жизни основной массы населения; подъем реального производства; обеспечение безопасности жизнедеятельности и материального благосостояния будущих поколений россиян.

Некоторые элементы усиления государства в последнее время стали появляться в жизни страны: национальные проекты, создание холдингов в авиационной и судостроительной промышленности, программа по нанотехнологиям. Но это скорее принятие вынужденных мер по экономической безопасности, а не переход к политике сильного государства.

Представляется, что эффективная инновационная и социально-экономическая политика должна быть направлена на интересы основной массы россиян, согласование интересов общества и интегрированных корпоративных структур, бизнес-групп, в том числе инфраструктурных подсистем, имеющих статус *естественных монополий*.

Введение естественных монополий в отечественную практику государственного регулирования обычно связывается с выходом в 1995 г. Федерального закона РФ «О естественных монополиях»[2]. Согласно ст. 3 Федерального закона, «естественная монополия – состояние товарного рынка, при котором удовлетворение спроса на этом рынке эффективнее в отсутствие конкуренции в силу технологических особенностей производства (в связи с существенным понижением издержек производства на единицу товара по мере увеличения объема производства), а товары, производимые субъектами естественной монополии, не могут быть заменены в потреблении другими товарами, в связи с чем спрос на данном товарном рынке на товары, производимые субъектами естественных монополий, в меньшей степени зависит от изменения цены на этот товар, чем спрос на другие виды товаров».

2. Федеральный закон РФ «О естественных монополиях» № 147-ФЗ, от 17.08.1995 (с изменениями от 8 августа, 30 декабря 2001 г., 10 января, 26 марта 2003 г., 29 июня 2004 г., 31 декабря 2005 г., 4 мая 2006 г.).

В соответствии с указанным Федеральным законом (ст. 4)[3] и разработанными в его развитие «Положениями о реестрах», речь идет о государственном регулировании деятельности субъектов естественных монополий в следующих сферах (с последующей расшифровкой по видам деятельности): транспортировка нефти и нефтепродуктов по магистральным трубопроводам; транспортировка газа по трубопроводам; железнодорожные перевозки; услуги транспортных терминалов, портов и аэропортов; услуги общедоступной электросвязи и общедоступной почтовой связи; услуги по передаче электрической энергии; услуги по оперативно-диспетчерскому управлению в электроэнергетике; услуги по передаче тепловой энергии; услуги по использованию инфраструктуры внутренних водных путей.

Само определение, как показывает анализ с позиций современной теории, не является бесспорным (прежде всего, по выделяемым характеристическим свойствам объектов, их идентификации).

При анализе положений Федерального закона «О естественных монополиях», а также пакетов основополагающих официальных документов законодательного и исполнительного характера, непосредственно связанных с проведением реформ в сферах естественных монополий, было выявлено[4]:

• представление о естественной монополии как объекте регулирования крайне упрощено, причем до такой степени, что перестает быть корректным по сути и может приводить к принятию неверных управленческих решений. Само определение естественной монополии, сформулированное в Федеральном законе «О естественных монополиях» (даже с учетом его последних поправок), допускает неоднозначную трактовку, не вполне соответствует современным теоретическим представлениям об объекте и нуждается в доработке и уточнении;

• установлению границ естественно-монопольных отраслевых структур, их идентификации, обоснованию включения субъектов хозяйствования в Реестр естественных монополистов уделяется недостаточное внимание. Эти вопросы отодвинуты на второй план и продолжают решаться совершенно формально, с преимущественным использованием чисто бюрократических процедур, без достаточных обоснований и расчетов, необходимых для идентификации естественной монополии, хотя их игнорирование во многом усугубляет неэффективность проводимых реформ;

---

3. С учетом поправок и изменений к Федеральному закону «О естественных монополиях», в том числе предусмотренных Федеральным законом от 31 декабря 2005 г. №199-ФЗ, по расширению перечня субъектов естественных монополий, деятельность которых подлежит государственному регулированию.

4. Белоусова Н.И., Васильева Е.М. Вопросы теории государственного регулирования и идентификации естественных монополий. – М., 2006. (Труды ИСА РАН.)

• отсутствуют необходимые обоснования интенсивно проводимых в процессе реформ мер структурного регулирования (горизонтального и вертикального) естественных монополий, представляемых как естественно-монопольные отраслевые структуры;

• далеко не в полной мере предусматриваются возможности использования в процессе реформирования совместимых с естественной монополией конкурентных сред, других связанных с ними эффективных механизмов, направленных на оптимизацию экономического поведения в системе государственного регулирования;

• несмотря на то, что ценовым методам государственного регулирования в сфере естественных монополий придается, пожалуй, ключевое значение и определены многие «болевые» проблемы ценообразования, а также некоторые эффективные пути их решения, однако, спектр предлагаемых средств является далеко не полным, а характер регламентирующих мер ценового регулирования зачастую не отвечает требованиям оптимизации. Как следствие, в практике регулирования отсутствуют «точки отсчета», ориентиры, обеспечивающие оптимизацию уровней и структуры цен (тарифов) как на конечную, так и на промежуточную продукцию в этой области;

• существует разрыв между рекомендациями по структурному, ценовому и контрактному регулированию, т.е. эти вопросы, как правило, по-прежнему рассматриваются изолированно, а не в системе;

• наблюдается явное несоответствие между масштабностью намечаемых структурных преобразований и практическим отсутствием анализа рекомендуемых мер в плане оценки состояния существующей технической базы отрасли и возможностей ее модернизации, инновационной и инвестиционной политики в естественно-монопольных отраслевых структурах.

Происходящие институциональные изменения предопределяют сложность и растущую значимость управленческих решений в сфере отечественных естественных монополий, необходимость разработки теоретических основ стратегического управления развитием инфраструктурных отраслей (с учетом особенностей процессов становления корпораций), повышают требования к системе государственного регулирования, к адекватности оценок отраслей естественной монополии в условиях нестационарной экономики.

Формирование адекватной оценки деятельности естественно-монопольных отраслевых структур представляет собой весьма сложную проблему государственного регулирования. Она включает в себя целый спектр задач (как теоретического, так и прикладного характера) – начиная от определения самого понятия «естественная монополия» и вплоть до измерения характеристик ее поведения в той или иной экономической среде. Применительно к условиям стационарной экономики разработка этих вопросов достаточно продвинута – с позиций экономической теории, эмпирических иссле-

дований, а по ряду направлений и с точки зрения применения в хозяйственной практике. Представляет интерес изучение возможностей использования соответствующего аналитического инструментария при анализе процесса российских реформ, построении стратегии реформирования отечественных естественных монополий, оценке их эффективности и т.п. (конечно, с необходимой адаптацией к российским реалиям).

Предварительные расчеты с учетом факторов нестационарности и анализ целого ряда характеристик деятельности отраслей естественной монополии (например, российского железнодорожного транспорта) показывают, что по многим направлениям реформы приводят к результатам, далеким от социально желаемых. Так, при проведении грамотной тарифной политики было бы целесообразно предусмотреть для отдельных сегментов рынка перевозок возможность установления цен на уровне предельных издержек и, при необходимости, соответствующих государственных дотаций. Подобный широко практикуемый в мире подход к ценовому регулированию транспортных подсистем следовало бы рассматривать дополнительно к принятой в нашей стране повсеместной ориентации естественно-монопольных компаний на самофинансирование и самоокупаемость, в результате которой цены на инфраструктурные услуги становятся обременительно высокими для потребителей.

Обоснованное введение конкуренции, совместимой с естественной монополией, также невозможно без сильного и умного государства, продуманной государственной политики регулирования/дерегулирования. Представляется, что выбор и последовательное осуществление таких всесторонне обоснованных мероприятий по реформированию отечественных естественных монополий предопределит изменение функций и процедур государственного регулирования, включая организацию соответствующих служб статистики и проведение модельных расчетов с целью выработки существенно более широкого спектра рекомендаций естественно-монопольным корпорациям по регламентации их поведения и контроля за выполнением.

А.М. Кулькин

РАЗРУШИТЕЛЬНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ «ПРИВАТИЗАЦИИ» – БАРЬЕР НА ПУТИ РОССИИ В ИНФОРМАЦИОННОЕ ОБЩЕСТВО*

Кулькин Анатолий Михайлович – доктор философских наук, руководитель Центра научно-информационных исследований по науке, образованию и технологиям ИНИОН РАН.

В данный исторический момент сформировались несколько факторов разрушения экономики и научно-образовательного потенциала страны. Один из них, ставший барьером на пути России в информационное общество, это последствия криминальной приватизации. Политическое руководство допустило стратегический просчет, в результате которого Россия была обречена на трагические социально-экономические потрясения. Тем самым была упущена реальная возможность перехода к постиндустриальной хозяйственной системе, минуя навязанные реформаторами рыночные отношения раннего (XVII–XVIII вв.) капитализма. Между тем была иная альтернатива криминальной приватизации: ориентация на создание постиндустриальной хозяйственной системы. Для этого страна располагала всем необходимым: научно-техническим потенциалом и промышленностью, еще способной воспринять наукоемкие технологии. Такая ориентация определила бы и научную политику России на государственном уровне, направленную на стремительное развитие научно-образовательного потенциала, необходимого для формирования хозяйственной системы информационного общества, а не на разрушение этого потенциала, свидетелями которого мы являемся в настоящее время.

Здесь уместно напомнить слова А.Х. Бурганова: «Не пора ли извлечь урок из постыдно-губительного управления бюрократией российским народом? Ведь плоды ее правления апокалиптичны: первый ее клан погубил царскую империю, второй клан – коммунистическая номенклатура – развалил советскую империю, третий клан – нынешние квазилиберал-демократы – до-

* *Грант РФФИ, проект № 09-06-00008а.*

канывает постсоветскую Россию. …Я бы сказал, что на поставленный великим Гоголем вопрос: “Русь, куда же несешься ты?”, она сегодня отвечает агонизированием; уже почти ополовинилась территориально, дальнейший распад прогнозируем, ибо принципы взаимоотношений Москвы с регионами, приведшие к распаду СССР, не претерпели существенных изменений».[1]

Итак, каковы же последствия приватизаторской деятельности так называемых реформаторов в 90-е годы прошлого века?

Криминальная приватизация

Прежде чем начинать приватизацию, необходимо было бы, по общему признанию, познакомиться с соответствующим опытом других стран. Приватизация государственного имущества как метод повышения эффективности национальной экономики известна в мире давно. Она проводилась в Англии, Франции, латиноамериканских, восточноевропейских и других странах. Приватизационные процессы там не вызывали резкой негативной реакции. К проблеме разгосударствления довольно спокойно относятся все политические партии, включая левые. На основе международного опыта была отработана технология проведения приватизации, сформулированы ее принципы и правила. И в России можно было бы, используя этот опыт, провести не криминальную, а нормальную приватизацию, направленную на повышение эффективности национальной экономики. Однако у нас не соблюдалось ни одно из общепринятых в мировом сообществе правил нормальной приватизации, применялись методы и приемы, приводившие к тяжелым социальным и экономическим последствиям. Банальные причины – элементарное невежество и корыстный умысел.

Началом первого этапа приватизации в России можно считать январь 1990 г., именно тогда были введены в действие «Основы законодательства СССР и союзных республик об аренде». Указанный закон регулировал отношения, связанные с выкупом трудовыми коллективами арендуемого имущества государственных предприятий союзного и республиканского подчинения. В 1991 г. Совет министров СССР и правительства десяти союзных республик, в том числе и РСФСР, разработали Программу совместных действий по выводу экономики страны из кризиса в связи с ее переходом к рынку. Во исполнение Программы Верховный Совет РСФСР 3 июля 1991 г. принял Закон РСФСР «О приватизации государственных и муниципальных предприятий в Российской Федерации», а за несколько месяцев до его принятия, 31 октября 1990 г., Верховный Совет РСФСР поручил Совету министров

1. А.Х. Бурганов. Непонятый Ленин (Российский опыт «народного капитализма») // Россия и современный мир, 2007, № 1. С. 97–98.

РСФСР сформировать Государственный комитет РСФСР по управлению государственным имуществом, разработать и внести на утверждение в Верховный Совет РСФСР проект закона о приватизации с введением трех уровней управления объектами собственности: РСФСР, республик, входящих в состав РФ, муниципалитетов, а также гарантии владения и распоряжения собственностью производителями продукции. Комитету предписывалось организовать работу по разграничению федеральной собственности, собственности республик в составе РСФСР, автономных областей, округов и краев, а также муниципальной собственности. Он получил права преобразования государственных предприятий, находящихся в федеральной собственности, в акционерные общества, их приватизации и сдачи в аренду, а также права держателей государственной доли акций в акционерных обществах[2].

Но прорвавшиеся к руководству страной младореформаторы быстро сменили направление приватизации. Главной ее целью стало не превращение государственной собственности в частную, а приватизация бюджетообразующих отраслей производства, основных финансовых потоков и присвоение бюджетных ресурсов на пути их следования в казну, т.е. команда Чубайса осуществляла приватизацию государственных функций, в результате которой капитал обретал не производительный, а хищнический характер.

Нормальный, легитимный приватизационный процесс был грубо оборван. Каким образом? В начале ноября 1991 г. на политической сцене появились никому не известные люди. Указами президента РФ были назначены: вице-премьером правительства и одновременно министром экономики и финансов – Е. Гайдар, вице-премьером, министром труда и социальной защиты – А. Шохин; председателем госкомитета РФ по управлению государственным имуществом – А. Чубайс. К власти были допущены люди, в руках которых была передана судьба экономики, жизнь и благополучие населения, до этого не имевшие никакого опыта практического управления даже отдельным предприятием, не говоря уже об управлении экономикой страны. Они обладали самыми смутными представлениями о рыночных отношениях, не имели каких-либо научных трудов, известных хотя бы в академических кругах. Степень их неподготовленности для решения возложенных на них задач была фантастической. Это был волюнтаристский выбор президента РФ, сделанный в качестве альтернативы всей имевшейся в стране научной и хозяйственной элите.

Возникает вопрос: почему такой выбор стал возможен? По свидетельству исследователей и экспертов, практически все лидеры так называемого демократического движения в России в течение нескольких лет «эпохи пере-

2. Подробно о первом, дочековом, этапе приватизации см.: Хохлов О. Приватизация России. – Нижний Новгород, 2005. – С. 215–223.

стройки» на многочисленных зарубежных семинарах, стажировках и конференциях проходили идеологическую и психологическую обработку. В головы кандидатов в новые национальные лидеры внедрялись мифы радикального либерализма, им внушалась уверенность в неполноценности постсоциалистического общества и чувство собственного превосходства в качестве носителей «передовых» идей. Разумеется, все участники этих семинаров, стажировок, конференций были в поле зрения иностранных спецслужб. Как отмечает эксперт по проблемам приватизации О. Хохлов, обычно «выбор останавливался на относительно молодых, амбициозных, малообразованных кандидатах с ярко выраженным комплексом неполноценности, легко проникавшихся агрессивной россофобией или антикоммунизмом». «Последующее приближение этих людей к власти, сдобренное поощрением коррупции, породило гремучую смесь некомпетентности, преступности и россофобии, доминировавшую все последние годы в кругах, определявших политику российского правительства»[3]. На этих стажировках-семинарах фактически формировался контингент агентов влияния, пригодных для разрушения российской экономики.

Первым актом так называемого правительства реформ, которое фактически возглавил Е. Гайдар, стало крупное приватизационное мероприятие, а именно: изъятие у населения денежных сбережений, хранившихся в Сбербанке. Сделано это было путем либерализации цен, т.е. снятия всякого государственного контроля над ценами и введения на основе указа «свободного рынка». Возникшая в результате этих мер инфляция в один миг превратила все сбережения населения в ничто. Необходимо напомнить, что в тот момент на счетах населения хранилось около 300 млрд. руб. (при официальном курсе 2 руб. 90 коп. за один доллар). Эти деньги были вложены в заводы, газо- и нефтепроводы, жилищное и коммунальное строительство и т.д. Поэтому говорить, что они не имели товарного обеспечения, нет основания. Эта акция свидетельствовала о беспредельном цинизме новой «демократической» власти, которая, провозгласив священность и неприкосновенность частной собственности, начала свою работу с экспроприации денежных средств граждан России[*].

---

3. См.: Хохлов О. Указ. соч. – С. 173.

[*] Чем объяснить, что конфискация 300 млрд. руб. не вызвала гражданского протеста населения, как это произошло бы в других странах?

Это необычное явление объясняется историей России XX в., глубокой и всеохватывающей социально-психологической усталостью народов страны, накопившейся в течение всего этого периода. Россиянам пришлось пережить три революции и Первую мировую войну, за которыми последовала Гражданская война и коллективизация сельского хозяйства, Великая Отечественная война и последовавшее восстановление народного хозяйства – все эти исто-

Начать приватизацию следовало бы с разработки законопроекта о ней с детальной проработкой ее социального аспекта. Надо было продолжить законотворческую работу, начатую в 1990 г. Верховным Советом РСФСР, когда был принят пакет документов о приватизации.

Своевременное принятие (что было возможно в 1991 г.), закона о приватизации, учитывающего опыт зарубежных стран, сняло бы социальную и политическую напряженность в обществе, не допустило бы событий августа 1993 г. А самое главное – позволило бы предотвратить национальную трагедию, которая последовала в результате безграмотно проведенной приватизации, конечные последствия которой по человеческим жертвам и социально-экономическим потрясениям сопоставимы с октябрьским переворотом и гражданской войной или с человеческими, социальными и экономическими потерями в Отечественной войне. Здесь уместно сослаться на Владимира Полеванова, пришедшего в Госкомимущество и пытавшегося изменить стратегию приватизации. Чубайс тогда с беспримерным цинизмом заявил: «Что вы волнуетесь за этих людей? Ну, вымрет тридцать миллионов. Они не вписались в рынок. Не думайте об этом, новые вырастут»[4]. Реформаторов не беспокоило то обстоятельство, что в ходе непродуманных общественных реформ, когда резко меняется социально-экономическая среда, и население оказывается в совершенно других условиях, лишенное привычных социальных ориентиров и ценностей, люди чаще болеют и преждевременно умирают. В этом основная причина сложившейся в России тяжелейшей демографической ситуации. По данным В. Сидорова, известного специалиста по экономике труда и социологии, «суммарные экономические потери страны за годы ельцинских реформ (1992–2000) в 2,5 раза превысили потери СССР в годы Отечественной войны. По внутреннему производству, т.е. по реальному богатству населения, Россия скатилась к уровню 1960 г. Накануне реформ РСФСР уступала

рические события сопровождались репрессиями власти против собственного народа.

В августе 1991 г. неожиданно для всех политиков в стране развалилась структура политической власти: рухнула власть КПСС, а сама партия оказалась под запретом. Президент СССР практически лишен всех властных полномочий. Власть внезапно «свалилась» на Б. Ельцина и группы «либералов» при нем. Новая власть, не имея экономического базиса, чувствовала себя неуверенно, опасалась того, что все отраслевые министерства и директорский корпус, сформировавшиеся в условиях социалистической хозяйственной системы, могли бы стать экономической основой социалистического реванша в политике. На самом деле такой реванш был нереален: во-первых, партия, только что утратившая власть по определению, не в состоянии была возглавить борьбу за ее возвращение; во-вторых, отраслевые министерства и директорский корпус добровольно взяли курс на рыночную экономику.

4. Хохлов О. Указ. соч. С. 301.

по валовому продукту США в 4 раза, Японии в 2 раза. К 2000 г. она стала уступать США в 17 раз, Японии – в 5 раз, Индии в 2 раза»[5].

Фактически в России под видом реформ была организована колоссальная афера, в результате которой произошло присвоение самой крупной собственности в интересах подавления экономической самостоятельности производителей. Главная проблема для возникшей в России олигархии заключалась в сохранении и закреплении полученных результатов. Это достигалось путем деморализации и сокращения населения, окончательного разложения государственной власти, отказа России от важных элементов государственного суверенитета, навязывания ей невыгодных и ущербных международных обязательств. Сами обладатели рычагов государственной власти вели себя как многие коррумпированные транснациональным капиталом марионеточные правительства слаборазвитых государств, зарабатывающие свой процент на обслуживании интересов мировой олигархии[6].

Итак, вместо стратегического курса, ориентированного на формирование постиндустриальной хозяйственной системы в России, политическое руководство страны в лице ее первого президента фактически взяло курс на расчистку экономического пространства для международных транснациональных корпораций и превращение России в сырьевой придаток стран «золотого миллиарда».

Внешнее управление Россией

Ко всем общенациональным бедам, связанным с приватизацией, добавилась еще одна – внешнее управление Россией.

В конце 1991 г., после формирования нового правительства, новоиспеченные государственные деятели уже вели переговоры, содержание которых стало известно только в 2000 г.[7]. Речь шла тогда о «сотрудничестве» с Институтом международного развития при Гарвардском университете. В этой сделке заинтересованы были обе стороны. США – в получении подробной информации о российской промышленности и о сырьевой базе России, а Гайдар и Чубайс использовали консультации внешних «специалистов» в деле приватизации. Институт вплоть до 1997 г. фактически стал центром внешнего управления Россией. По инициативе 14 заинтересованных зарубежных организаций, в том числе Института международного развития, был основан Российский центр приватизации (РЦП), который создал сеть своих региональных

5. См.: Валерий Сидоров. Куда идет Россия // Аргументы и факты, № 40, 2005. – С. 6.

6. См.: Глазьев С.Н. Геноцид. – М.: Терра, 1998.

7. См.: Леонов Н.С. Крестный путь России. – М., 2005. – С. 93.

отделений по всей стране. Формально учредителями РЦП были Государственный комитет по управлению имуществом (образован постановлением Совета министров РСФСР еще в январе 1991 г.) и Российский фонд федерального имущества, созданные для проведения политики разгосударствления экономики. Фактически центр работал в автономном режиме. Все его региональные отделения были заняты составлением подробных паспортов российских предприятий. США выделили целевым назначением 116 млн. долл. на работу РЦП. Разумеется, вся информация, подготовленная региональными отделениями РЦП, становилась достоянием США.

Завершающим этапом формирования аппарата внешнего управления Россией было привлечение иностранных советников и специалистов. С началом массовой приватизации в Государственном комитете по управлению имуществом был создан Отдел иностранной помощи и экспертизы, полностью укомплектованный американцами, «часть которых была ранее известна российским спецслужбам как разведчики». Начальником Отдела был назначен Джонатан Хей (по данным ФСБ, кадровый разведчик ЦРУ). «Общая численность различного рода советников и консультантов достигла 200 человек. Все они размещались в служебных помещениях российских ведомств, пользовались всеми видами связи, которые имелись в госучреждениях»[8]. В Госкомимуществе приказом Чубайса от 5 октября 1992 г. была создана специальная экспертная комиссия, которой было поручено «в обязательном порядке рассматривать все проекты указов президента России, постановлений правительства, распоряжений председателя и заместителей председателя Госкомимущества по поводу определения специфики приватизации в отдельных отраслях народного хозяйства»[9]… Заместителем председателя комиссии был назначен все тот же Джонатан Хей, а в ее состав были введены еще четыре иностранца.

Таким образом, система внешнего управления Россией по своей структуре, функциям и механизмам представляла собой систему оккупационного типа. Институт международного развития совместно с другими научно-исследовательскими центрами и государственными учреждениями США выполнял функцию «мозгового» центра, анализировал поступающую к нему исчерпывающую информацию о приватизируемых в России предприятиях и в целом о ее экономическом потенциале, представлявшем большой интерес для бизнеса и определенных государственных учреждений США. Государственный комитет РФ по управлению имуществом, получая рекомендации, советы и прямые указания из-за рубежа, своей деятельностью фактически спо-

8. Леонов Н.С. Указ. соч. С. 114–115.

9. Лисичкин В.Л. Черная приватизация. М.: Самиздат, 1997.

собствовал разрушению экономики России, ее превращению, повторим, в сырьевой придаток стран «золотого миллиарда».

В результате такой приватизации нависла угроза противостояния между властью и обществом. А создание нового класса частных собственников, якобы соответствующих социально ориентированной рыночной экономике, с самого начала приобрело криминальный характер. Поскольку банковские сбережения населения, инвестированные советским государством в общественную собственность, были ликвидированы путем либерализации цен, вкладчики были лишены доступа к приватизационному процессу. Их доля государственного имущества была присвоена «новыми русскими», скупившими основную часть промышленных и иных предприятий страны. При этом, как хорошо известно, продажа приватизируемых предприятий осуществлялась не по реальным рыночным, а по заниженным ценам. Вопреки логике и зарубежному опыту, приватизаторы руководствовались целевой установкой, ориентированной на минимальную стартовую цену на аукционах. Российский фонд федерального имущества назначал стартовую цену по «остаточной стоимости», т.е. по последним оценкам, проводившимся еще в советское время, когда уровень цен вообще формировался на другой основе и был искусственно занижен. Имущество, таким образом, выставлялось по символическим ценам. Фактически это было направлено на ограбление населения страны[10]. Допуск на конкурсные аукционы был до предела ограничен. Это достигалось разными способами: аукционы проводились на основе заявочного принципа (кто первым подал заявку, тот и становится первым в качестве участника), публиковались заведомо ложные, компрометирующие материалы о конкурентах; преступные группировки, используя угрозу физической расправы или финансового разорения, добивались от конкурентов снятия заявок и ухода с торгов и т.д. Все это порождало необъятную коррупцию и рост преступности.

Среди участников передела государственной собственности были и уголовники, и лица без судимостей, но ради обогащения готовые действовать, невзирая на законы. Этот факт получил официальное подтверждение. Степашин, в те годы председатель ФСБ, выступая в Думе в 1994 г., прямо признал: «Да, идет война, настоящая война, с массовыми убийствами». В 2000 г. первый заместитель министра внутренних дел РФ Владимир Козлов в интервью «Московским новостям» (№ 44, 7–14 ноября 2000 г.) заявил, что 40% россий-

10. Так, знаменитый Уралмаш с 34 тыс. рабочих был продан за 3,72 млн. долл., Челябинский металлургический комбинат – за 3,72 млн., Челябинский тракторный завод (54,3 тыс. рабочих) – за 2,2 млн. долл. и т.д. Для сравнения – средняя хлебопекарня в Европе стоит около 2 млн. долл., а один только цех по разделке леса и выпуску «вагонки» (отделочной доски) обходится покупателю в 4,5 млн. долл. (см.: Н.С. Леонов. Указ. соч. С. 122–123).

ской экономики криминализировано, т.е. контролируется преступниками. «Все мы, – сказал он, – в свое время очень сильно упустили момент приватизации. Криминальные группировки буквально разрывают государственную собственность».

Под прикрытием приватизационного процесса был нанесен огромный ущерб в сфере национальной безопасности России, поскольку был открыт доступ в военно-промышленный комплекс для разведок США и их натовских партнеров. Для проникновения в оборонный комплекс использовались, как правило, подставные, зарегистрированные в России предприятия, которые затем на законных основаниях включались в приватизационный процесс. Таким способом приобретались многие уникальные предприятия оборонного характера, не вошедшие в перечень объектов, не подлежащих приватизации. Другим способом получения необходимой информации стало создание совместных предприятий при российских оборонных фирмах. Широко практиковалось разрешение на доступ иностранных аудиторских фирм, чаще всего американских, на предприятия и в различные ведомства России якобы для оценки эффективности и определения других макроэкономических показателей. Такой «чести», например, удостоился Ижевский машиностроительный завод. Ясно, что в данном случае аудит был использован в качестве «крыши» для получения засекреченной информации.

Под предлогом экономии средств стали сокращать или ликвидировать режимно-секретные структуры, обеспечивающие защиту государственных тайн. Такая «экономия» оборачивалась для России в сотни, а то и в тысячи раз большей потерей, чем все расходы, направленные на сохранение государственных тайн. Как свидетельствует Н.С. Леонов, «для американцев наступили просто райские времена. При штаб-квартире НАТО в Брюсселе был создан специальный центр по оценке и сортировке военно-технической информации, где сотни специалистов денно и нощно выбирали из завалов информации жемчужные зерна, которые направлялись на предприятия ВПК США и европейских стран для использования заложенных в них идей в совершенствовании оружия, которое, не приведи господи, может быть использовано против России»[11].

Еще одну наглядную иллюстрацию антигосударственного характера проведенной приватизации представляет собой «Анализ первого этапа приватизации и предложения по его совершенствованию» – доклад, подготовленный В.П. Полевановым для В.С. Черномырдина[12]. Во второй части документа дан анализ реализации главных целей государственной программы приватизации

11. Н.С. Леонов. Указ. соч. С. 126.

12. См.: http://ralarm.hostonfly.ru./Doklad.hom.

государственных и муниципальных предприятий в РФ на 1992 г. В ней было обозначено семь целей.

1. «Формирование слоя частных собственников, содействующих созданию социально ориентированной рыночной экономики». Быстрый передел собственности, отмечается в докладе, преследовал в первую очередь не экономические, а политические цели. «Около 60% предприятий стали негосударственными, порядка 40 млн. человек – акционерами» (там же). Последняя цифра – блеф. Для рядовых держателей акций участие в управлении акционерным обществом невозможно, так как для управления АО необходим, если не контрольный, то крупный пакет акций. Поэтому, делает вывод автор, «акционеры не стали и не могли стать эффективными собственниками». Иначе говоря, предприятия оказались в руках крайне узкой группы лиц, располагавших стартовым капиталом в виде скупленных ваучеров.

2. «Повышение эффективности предприятий путем их приватизации». Смена формы собственности сама по себе не обеспечивает эффективности производства. Последнее, как известно, возможно за счет замены устаревшего оборудования на новое, использования современных наукоемких технологий, подготовки достаточного числа рабочих высокой квалификации и корпуса менеджеров, отвечающих современным требованиям. Без выполнения этих условий, а на это потребуется десятилетие, если не больше, создать современную экономику невозможно.

3. «Социальная защита населения и развитие объектов социальной инфраструктуры за счет средств, поступивших от приватизации». Реализованная модель приватизации была криминальной, поэтому третья цель приватизации не реализована полностью.

4. «Содействие процессу стабилизации финансового положения в Российской Федерации». Финансовое положение России не стабилизировалось. Об этом свидетельствуют следующие данные: «Дефицит федерального бюджета за 10 месяцев 1994 г. равнялся 49,8 трлн. руб. или 10,7% к ВВП, в то время как в 1993 г. он составлял 6,4%» (там же).

5. «Создание конкурентной среды и содействие демонополизации народного хозяйства». Цель не достигнута, так как технологически отсталое производство на большинстве предприятий не в состоянии конкурировать с более развитым западным производством. «Во многом из-за этого выпуск продукции в целом по машиностроительному комплексу уменьшился в 1994 г. на 45%, более чем наполовину потерян рынок товаров народного потребления. Стремление к демонополизации любой ценой во многом разрушило агропромышленный комплекс, разорвало технологические линии и хозяйственные связи, что особенно сказалось в лесной промышленности и металлургии» (там же).

6. «Привлечение иностранных инвестиций». По данным Госкомстата РФ объем иностранных инвестиций резко сократился с 2 млрд. 921 млн. долл. США в 1993 г. до 768 млн. долл. за 9 месяцев 1994 г. Причем валютные инвестиции, в основном, направляются в добывающие отрасли промышленности (там же).

И только седьмая цель программы: «Создание условий и организационных структур для расширения масштаба приватизации в 1993–1994 годах» была выполнена полностью. Эта цель была достигнута благодаря тому, что формирование этих «организационных структур» находилось, как было отмечено выше, под контролем Института международного развития при Гарвардском университете, получая целевое финансирование со стороны США.

Спустя десять лет со дня представления В.С. Черномырдину своего доклада о приватизации, 18 января 2005 г., В.П. Полеванов в интервью ИА «Росбалт» заявил, «что на протяжении всего последнего десятилетия приватизация госимущества в России продолжает оставаться “бандитской” и “воровской”»[13].

Выводы о разрушительном характере «приватизации», проведенной в России в 90-е годы, подтверждают и другие исследователи. Так, О.С. Сухарев, анализируя состояние научно-технического комплекса России, пишет: «Парадокс приватизации состоит в том, что она не только не привела к возникновению эффективного собственника, но разрушила саму основу его возникновения, т.е. привела к разбазариванию активов, к снижению рентабельности производства, спекуляции имеющимися в распоряжении новых собственников фондами, возрастанию трансакционных издержек, порождаемых борьбой за собственность, которую можно приобрести довольно дешево. В итоге значительно пострадала производственная и технологическая база экономики, которая уже не может воспроизвести нужный инновационный результат». Более того, «приватизация, разрушив технологические цепочки, разорвала связь проектных организаций, конструкторских бюро, вузов и производства, занимающегося тиражированием новаций на внутреннем рынке. Иными словами, произошел слом системы разработки, освоения и распространения инноваций, прекратили существование многие экспериментальные производства и лаборатории… Государство, несмотря на то, что его предприятия демонстрировали большую инновационную активность, тем не менее порождало условия, обеспечивающие дальнейшую деградацию инновационного сектора, соответствующей инфраструктуры… Дисфункция управления на правительственном уровне породила масштабную коррупцию, которая в свою очередь не только вылилась в острейшую борьбу за собственность, но и

13. AKSnews. RU-Агентство конфликтных ситуаций – 18.01.2005: Экс-глава Госкомимущества.

“институционализировала” низкоэффективные схемы функционирования промышленных организаций, насадив повсеместную практику “отката”. Поэтому категорически нельзя согласиться с точкой зрения, будто “российские промышленные предприятия и компании успешно переложили свое “инновационное бремя” на государство”»[14].

Все перечисленные факторы основательно замедлят формирование в нашем Отечестве постиндустриальной хозяйственной системы.

14. О.С. Сухарев. Новые технологии и промышленная политика: Факторы экономического роста // Конкурс, 2007, № 1 (37). – С. 44–45.

Х.Х. Валиуллин

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О РОССИЙСКОМ РУБЛЕ

**Валиуллин Хасан Хафизович –
кандидат экономических наук,
доцент Университета «Дубна».**

В рамках проводимой в России валютной либерализации ее национальная валюта – рубль – официально объявлена конвертируемой со второй половины 2006 г. Какова предыстория конвертируемости российского рубля, а также его твердости и обеспеченности – на этот вопрос автор статьи отвечает с хронологических и макроэкономических позиций. История России содержит несколько периодов высокой конвертируемости национальной валюты, что было связано преимущественно с ее твердым золотым содержанием (златники, империалы, червонцы). В настоящее время гарантией полной конвертируемости российского рубля могут выступить устойчивый рост экономики страны, высокая степень ее открытости, наличие собственных сырьевых бирж, а также внешняя конкурентоспособность экспортной продукции – не только углеводородного сырья, но и товаров наукоемких секторов российской экономики. Полная конвертируемость национальной валюты в XXI в. зависит от высокой конвертируемости отечественных знаний и технологий на мировых рынках.

Из истории конвертируемости рубля

...Яко у нас в России вера содержитца христианская самая чистая, никакова примеса еретическаго неимущая, тако требе и денгам российским быть самым чистым без веякаго примеса... Видел я, российские червонцы состроены манером и мастерством самые чистые, а существом уронены, ибо во иных, золото плохо и в запарку нейдет, а надобно, чтоб и в сусалное золото годны были без выжиганья.

Посошков И.Т. Книга о скудости и богатстве, 1724

Деньги как продукт многовекового хозяйствования человека на Земле продолжают эволюционировать и совершенствоваться сообразно изменяющимся потребностям экономического развития общества. Их функциональная эффективность как меры стоимости, средства обращения и накопления, а равно и мировых денег, во многом зависит от того, насколько они отвечают таким основополагающим свойствам, как твердость, устойчивость, обеспеченность, конвертируемость и т.д.

В данном контексте актуализируется множество насущных вопросов, требующих своевременного прояснения: Что придает деньгам необходимую твердость? Чем они могут быть обеспечены? Как определить степень их конвертируемости? Найти ответы на подобные вопросы можно соответственно из теории и практики денежного обращения. Отчасти их можно найти в форме подсказок и в самих деньгах. Скажем, золотая монета говорит сама за себя – это полноценная деньга, обеспеченная самим монетным металлом, т.е. золотом[1]. На бумажных деньгах более-менее правдоподобный ответ может найти всяк умеющий читать – на многих из них указано их обеспечение, значится эмитент и т.д.

На Руси за одну копейку покупали беличью шкуру, да и сама копейка не была наименьшим номиналом – она состояла из двух денежек и четырех полушек. На первых золотых русских монетах златниках, чеканенных в период княжения Владимира Святославича (978–1015), отца Ярослава Мудрого, имелось изображение Иисуса Христа в венце, со священной книгой в левой руке и благословляющей правой рукой. Монеты имели вес от 1 золотника до 1 золотника и 2–3 долей (золотник = 1/96 фунта = 1/3 лота = 96 долям; русский фунт = 409,512 г). На лицевой стороне златника имелась круговая надпись «Ісусъ Христосъ». Чеканкой монет закреплялись суверенитет Руси и официальное принятие ею христианства в 988 г.[2].

Возглавивший в 1893 г. Министерство финансов Российской империи Сергей Юльевич Витте в ближайшие два-три года добился неимоверного по тем временам – стабилизации рубля. Денежная реформа Витте опиралась на предшествовавшем тому планомерном увеличении золотого запаса России, который в 1895 г. составил 645,7 млн. руб. (против 327 млн. руб. в 1890 г.). Целью реформы было поддержание такой стабильности курса рубля, которая позволила бы осуществить обмен рублевой массы на соответствующее количество золота. Немаловажными для Витте были и социально-политические

1. «Что "золото и серебро по природе своей не деньги, но деньги по своей природе – золото и серебро", доказывается согласованностью естественных свойств этих металлов с функциями денег» (Маркс К. «Капитал», – М., 1967. – Т. 1, кн. 1. – С. 99).

2. Спасский И. Г., Сотникова М. П.. Сводный каталог русских монет X–XI веков. – Л., 1983.

последствия реформы. «*Реформа должна быть осуществлена так, чтобы не произвести ни малейших потрясений, ибо на денежной системе покоятся все оценки, все имущественные и трудовые интересы населения*», – декларировал на Государственном совете новый министр финансов. Витте добился того, что не удавалось в свое время Бунге и Вышеславскому, его предшественникам по министерскому портфелю, – он убедил царя в необходимости введения в стране золотого денежного обращения[3].

Это обеспечило Россию вплоть до 1914 г. твердой валютой и притоком иностранных капиталов. Место бумажных ассигнаций занял обращаемый в золото кредитный рубль, рыночный курс которого был снижен до 66,6 коп. золотом. В начале XX в. монетной единицей России выступал полноценный рубль, содержавший 0,7742 г. (17,424 доли) чистого золота. Главными были золотые 900-й пробы монеты достоинством в 15 руб. (империал, равноценный 40 франкам), в 10 руб., в 7 руб. 50 коп. и в 5 руб. Таким образом, империал обеспечивался почти десятью граммами монетного золота.

После октябрьских событий 1917 г. молодой Советской власти потребовалась денежная реформа, предусматривающая не просто замену царских и иных дензнаков, но и создание устойчивой советской валюты, и ликвидацию высокой инфляции, порожденной империалистической войной. Инфляция и спонтанный валютный плюрализм расшатывали финансово-денежную систему молодого государства. За первое же пятилетие советской власти с 1917 по 1922 г. эмитированная денежная масса в тысячи раз превысила емкость товарного рынка, номинально увеличившись при этом в 54 370 раз. В августе 1921 г. Председатель совнаркома В.И. Ульянов (Ленин) предписал народному комиссару продовольствия продавать крестьянам соль исключительно за хлеб и ни в коем случае не за дензнаки.

Устойчивости советского рубля должна была способствовать и госмонополия на золото – постановлением ВСНХ РСФСР от 12 января 1918 г. «Об утверждении секции благородных металлов ВСНХ и об установлении казенной монополии торговли золотом и платиной» устанавливалось всем золотодобывающим предприятиям сдавать золото в казну по 32 руб. за золотник чистого золота 96-й пробы. Частным лицам, банкам и учреждениям устанав-

3. Царский Высочайший Указ «О чеканке и выпуске в обращение золотых монет» последовал 3 января 1897 г. В нем повелевалось: «Возобновить чеканку золотой монеты, а также в целях устранения поводов в сомнениях, порождаемых в населении несоответствием нарицательного достоинства в цене, определенной для размена на кредитные деньги, Повелеваем – чеканить золотую монету с означением на империалах цены 15 руб. и на полуимпериалах цены 7 руб. 50 коп., согласно описанию, Нами утвержденному, и по изготовлении золотой монеты, выпускать оную в обращение» (Смирнов К. Рубль так относится к доллару, как власть к народу. Краткая история финансовых реформ России. – http://www.vitte1897.chat.ru)

ливалось в месячный срок сдать золото в Государственный банк и в его отделения по указанной цене, если вес золотых изделий превышал 16 золотников.

В октябре 1922 г. Госбанк эмитировал первые советские банковские билеты, и основной денежной единицей был объявлен червонец, равный российской дореволюционной золотой десятке. Золотое содержание червонца было установлено в 7,74234 грамма чистого золота (или около четверти тройской унции – 31,10348 г)[4].

Червонная валютная масса на четверть обеспечивалась драгметаллами и устойчивой иностранной валютой по курсу на золото, остальная часть – высоколиквидными товарами и ценными бумагами в червонном номинале. Нарком финансов Григорий Сокольников неоднократно подчеркивал, что задачей денежной реформы является «не возвращение к системе золотого обращения, а восстановление золотого обеспечения денег». Во избежание падения курса червонца Сокольников категорически выступал против необоснованного включения печатного станка и даже предлагал повесить рядом с ВСНХ лозунг: «Эмиссия – опиум для народного хозяйства».

Устойчивость червонца достигалась четко просчитанной игрой на легальной и «черной» биржах с использованием интервенций по отношению к иностранным валютам и к золотым царским рублям. В структуре валютного управления Наркомфина на основании секретного приказа по Наркомфину от 8 августа 1923 г. была создана секретная Особая часть (ОЧ). Во многом благодаря усилиям именно этой «спецслужбы» червонец оставался достаточно устойчивым. За годы реформы золотое его обеспечение никогда не падало ниже 50%. В 1924 г. соотношение червонца с долларом было 1:1,9, с фунтом стерлингов – 1:8,68. В выступлении 28 октября 1925 г. на заседании Совета труда и обороны Сокольников четко определил значимость фактора устойчивости советской валюты для хода строительства коммунизма: «Пока мы сохраним твердую валюту, до тех пор вся хозяйственная система останется в равновесии и сохранит способность к движению вперед»[5].

Сталин придерживался валютного курса Ленина, но вопреки завещанию того распорядился на новых бумажных червонцах 1937 г. напечатать облик вождя мировой революции. В январе 1933 г. Сталин утверждал: «Устойчивость советской валюты обеспечивается, прежде всего, громадным количеством товарных масс в руках государства, пускаемых в товарооборот по устойчивым ценам». Лев Троцкий охарактеризовал эту фразу Сталина как «загадочный афоризм», не получивший никакого развития или разъяснения, но

4. Таким образом, сегодня червонец своим обеспечением золотом соответствовал бы 150 долл. Федеральной резервной системы США или 4 тыс. руб. ЦБ РФ.

5. Цит. по: Смирнов К. Указ соч.

ставший «основным законом советской теории денег, точнее сказать – той самой инфляции, которая отрицалась».

После войны, в 1950 г., Сталин озадачил Центральное статистическое управление (ЦСУ) СССР пересчетом валютного содержания рубля. Он не скрывал своего желания иметь высокий валютный курс советских денег, хотя о конвертируемости рубля не могло быть и речи. Полученное от статистиков соотношение валют двух новоявленных атомных сверхдержав – 14 советских руб. за 1 долл. США – явно не устроило Сталина и он своим любимым синим карандашом перечеркнул эти расчеты, собственноручно надписав: «4 рубля». При этом в пику Бреттон-Вудскому соглашению 1944 г. Совмин СССР в том же 1950 г. в обход долларового курса, существовавшего с июля 1937 г., перевел рубль на золотую базу (рубль был приравнен к 0,222168 г чистого золота). 10 лет спустя, при Никите Хрущёве, золотое содержание рубля повысилось до 0,987412 г (покупная цена золота устанавливалась в 1 руб. за 1 г). Расчетный валютный курс рубля после денежной реформы 1961 г. определился в 9 коп. за 10 центов США.

Макроэкономика, либерализация и национальная валюта

Только на мировом рынке деньги в полной мере функционируют как товар, натуральная форма которого есть вместе с тем непосредственно общественная форма существования человеческого труда in abstracto.

К. Маркс, «Капитал»

В 1992 г., уже после распада СССР, Федеральным законом РФ «О валютном регулировании и валютном контроле» была отменена валютная монополия государства – рубль стал внутренне конвертируемым, т.е. обмениваемым на территории России практически на любую валюту мира. Введена была и частичная конвертируемость рубля (возможность его обмена на иностранную валюту для ряда экономических агентов и внешнеторговых операций). В 1996 г. Россия подписала статью VIII Соглашения МВФ, согласно которой «ни одно государство – член МВФ не налагает ограничений на производство платежей и переводов по текущим международным операциям без согласования с Фондом». Новый Закон «О валютном регулировании и контроле» (2003) заменял разрешительный порядок осуществления операций, связанных с движением капитала, на уведомительный. Кроме того, резиденты получили право открывать счета в иностранной валюте в зарубежных банках. Это был важный шаг в направлении либерализации валютной политики страны.

Следует отметить, что финансисты склонны видеть различия между терминами «конвертируемость», «обратимость» и «твердость» валюты: конвертируемость есть свойство валюты использоваться без каких-либо ограниче-

ний для любых денежных операций, обмениваться на любую валюту по официальному курсу (определение МВФ). При этом различают текущую, капитальную, полную (частичную) форму конвертируемости; обратимость – одно из свойств конвертируемости денежной единицы, ее способность обменивать на другие валюты; твердость валюты характеризуется стабильным курсом и высокой покупательной способностью как у себя в стране, так и на международном рынке. По характеру и масштабу своего фактического использования валюты могут быть разделены на свободно конвертируемые (СКВ), замкнутые (неконвертируемые) и частично конвертируемые.

В настоящее время денежная масса в стране, согласно данным ЦБ РФ, составляет около 7 трлн. руб., а золотовалютные резервы (ЗВР) страны – 280 млрд. долл., что почти эквивалентно денежной массе по официальному обменному курсу между указанными валютами[6]. Налицо выполнение Банком России основного макрофинансового условия, необходимого для реализации профилактического по своей сути валютного режима *currency board*, при котором, в первую очередь, количество денег во внутреннем обращении во избежание инфляции жестко связано с количеством золотовалютных резервов страны. Поддержанию этого режима способствуют высокие мировые цены на нефть, профицит бюджета и валютные интервенции Центробанка.

Для России этот режим не нов. Уместно напомнить, что 105 лет назад в Российской Империи в обращении находилось кредитных билетов на 630 млн. руб., золотой и серебряной монет – на 856,5 млн. руб. (в том числе золотой – на 694,9 млн. руб.). В российском Государственном банке находилось золота на 830,1 млн. руб. и серебра – на 61,9 млн. руб. Перед началом Первой мировой войны, в июле 1914 г., кредитных билетов было в обращении на сумму 1633 млн. руб., тогда как золотой запас равнялся 1604 млн. руб. Таким образом, практически весь период царствования в России последнего монарха из династии Романовых – Николая II – выполнялись базовые критерии классического варианта валютного управления. Это обстоятельство наряду с другими макроэкономическими достижениями напрямую способствовало тому, что к 1914 г. Российская империя стала постепенно занимать ведущие позиции в мировой экономике.

Однако можно заручиться безупречным авторитетом Нобелевского лауреата 2001 г. по экономике Р. Манделла, полагающего, что в случае с Россией начала XXI в. вполне разумно ввести режим валютного управления, базирующегося либо на евро, либо на долларе, или на их комбинации. Оппоненты

6. Согласно так называемым показателям внешнеэкономической уязвимости, отслеживаемых специалистами МВФ по России, отношение широкой рублевой денежной массы к резервам упало с 1,4 в 2002 г. до 1,2 в 2005 г. (Доклад МВФ по Российской Федерации № 06/429, декабрь 2006 г. – С. 46.)

же валютного режима *currency board* отмечают, что он дает лишь краткосрочный положительный результат, а в долгосрочной перспективе эффективен только тогда, когда в стране достигнут уровень производительности труда страны-эмитента твердой валюты-привязки. Этот режим также уязвим перед лицом спекулятивных атак (что доказывает опыт Аргентины 1995 г. и Гонконга 1997 г., когда девальвации удалось избежать лишь ценой жесткого экономического спада, вызванного бегством капитала)[7].

Способствующая достижению российским рублем полной конвертируемости стабильность экономического роста национальной экономики во многом предопределяется конъюнктурой мировых цен на углеводородное сырье, столь масштабно экспортируемое в настоящее время Россией. В данном случае таится определенный риск в форме так называемой «голландской болезни», не стимулирующей отраслевую диверсификацию экономики страны как крупного нетто-экспортера углеводородного сырья. В данном контексте повышению шансов рубля стать конвертируемой валютой может способствовать создание отечественной биржи по организованной торговле основными экспортными позициями как по углеводородному сырью, так и по другим сырьевым составляющим. В частности, создание первой российской нефтяной биржи в Санкт-Петербурге находится в стадии продвинутого проекта и призвано решить ряд стратегических для экономики страны задач: минимизировать несоответствие цен отечественной нефти марки Urals и нефтяной смеси Rebco цене мировых марок Brent и WTI на международных биржах, организовать свободный внутренний рынок торговли нефтью и нефтепродуктами, содействовать укреплению конвертируемости национальной валюты как расчетной денежной единицы на бирже. Переход от нефтедолларов и нефтеевро к нефтерублям – один из основных весомых шагов в приближении национальной валюты к статусу мировой валюты.

Выводы

Российский рубль был провозглашен президентом как полностью конвертируемый в июне 2006 г. Тем самым был анонсирован переход к полной конвертируемости рубля, что по определению устава МВФ предполагает

7. Будет опрометчивым обосновывать целесообразность введения этого режима в сегодняшней России теми практическими результатами, к которым этот режим привел, будучи установленным в 1918–1920-х годах в оккупированной интервентами северной части большевистской страны путем жесткой привязки всей рублевой массы к стерлинговым резервам. Ведь здесь налицо два большие временные и идеологические различия: годы борьбы с военной интервенцией за сохранение военно-коммунистического курса и годы борьбы за сохранение валютно-капиталистического курса с союзником в лице валютной интервенции.

полное отсутствие ограничений по всем текущим операциям. Это российское валютное начинание безусловно требует встречного движения – со стороны других стран. Для реального признания конвертируемости рубля требуется, чтобы большинство развитых стран согласились использовать деньги Банка России в качестве своей резервной валюты наряду, скажем, с тем же долларом США, а также платить за экспортируемые Россией нефть, газ и другие товары непосредственно национальной валютой экспортера, т.е. теми же рублями.

Очень высокую внешнюю конвертируемость рублю придала бы некоторая гибкая и регулируемая привязка его к цене на сырую нефть отечественной марки Urals (т.е. введение вместо традиционного обеспечения золотом обеспечение «черным золотом» – нефтью), или его индексация по мировой рыночной цене сырьевой корзины, включающей в себя наряду с углеводородным сырьем продукцию черной и цветной металлургии, алмазов, химикатов и т.д.

Еще более высокую и качественную конвертируемость рублю придаст обеспеченность его качественным содержанием экспортируемой продукции, а именно рост ее интеллектоемкости, наукоемкости. Увеличение доли затрат высококвалифицированного труда в структуре полной себестоимости экспортируемой Россией продукции при существенной открытости экономики страны в отношении труда и капитала заметно укрепит позиции ее национальной валюты как средства платежа в международной торговле и финансах, как мировой резервной валюты[8].

В толковом словаре В.И. Даля применительно к слову «сырой» автором приводится следующая поговорка: «Из Руси идет за море сырой товар, а оттуда товар в деле». Как видим, проблема отрицательного сальдо внешнеторгового товарного ассортимента в плане содержания в структуре его себестоимости его труда имеет глубокие корни. Россия должна экспортировать не «сырой», а «выделанный», т.е. полученный в результате качественной выделки (обработки) товар. Не сырье, а полуфабрикаты и фабрикаты. Экономика страны должна встать на рельсы так называемой «новой экономики», основанной на знаниях и придерживаться инновационной модели своего развития в XXI в. От обеспеченного сырьем рубля следует переходить к наукоемкому и информационному рублю, или образно выражаясь, от золотого и углеводородного – к силиконовому.

8. В августе 2006 г. правительство Китая заявило, что около двух процентов своих золотовалютных резервов оно собирается держать в российских рублях, что эквивалентно в настоящее время 20 млрд. долл. США или половине триллиона руб. (см. статью «Линейная экономика» в: Коммерсант-Деньги, № 42(598). 23.10.06).

Более того, полная внешняя конвертируемость предполагает и осуществление в последующем преимущественно рублевых иностранных инвестиций как иностранцами в российскую экономику, так и отечественными хозяйствующими субъектами в экономику зарубежных стран. Подобная инвестиционная открытость отечественной экономики требует, в частности, значительного расширения доступа западных экономик к отечественным финансовым, фондовым и валютным рынкам, дальнейших шагов по усилению валютной либерализации. Однако все эти меры требуют адекватных мер в части обеспечения должного уровня экономической безопасности страны.

Если говорить о текущем валютном обменном курсе рубля относительно лидирующих мировых валют, то реальный эффективный обменный курс рубля (Real Effective Exchange Rate, REER) заметно повышается в силу благоприятной для России конъюнктуры на мировых рынках энергоносителей, хотя мнения специалистов в этом вопросе могут заметно расходиться. Согласно точке зрения сотрудников Исследовательского департамента МВФ[9], курс российской валюты представляется заниженным приблизительно на 15%, а по мнению директора инвестиционного фонда «Templeton Asset Management» Марка Мебиуса, рубль является самой переоцененной валютой Восточной Европы[10]. По всей видимости, укрепление рубля тревожит западные финансово-промышленные круги. Большинство российских аналитиков склонны полагать, что рубль еще обладает очень большим потенциалом для своего укрепления относительно и доллара, и евро. При этом их выводы базируются на эмпирических выкладках с использованием различных моделей описания и прогнозирования обменного курса – паритета покупательной способности (ППС), паритета процентных ставок, монетарных моделей, модели Мандела-Флеминга и т.д.

Однако от продолжительной стабильности обменного курса рубля по отношению к мировым СКВ до его полной внешней конвертируемости еще далеко. И при всех вышеуказанных оговорках и расширительных толкованиях понятия «конвертируемость валюты», а также с учетом анализа основных макроэкономических показателей развития российской экономики нам остается только согласиться со специалистами, утверждающими, что говорить о полной конвертируемости рубля пока рано. Однако согласимся при этом и с восточной мудростью, гласящей, что достаточно быстро делается то, что делается достаточно хорошо.

---

9. Доклад МВФ по Российской Федерации № 06/429, декабрь 2006. – С. 11.
10. Деревягин Б. Рубль слишком дорог // РБК-Daily, 13 декабря 2006.

ЭХО РЕВОЛЮЦИЙ XX в.

С. Дудаков

В.И. УЛЬЯНОВ: ЗНАКОМЫЙ НЕЗНАКОМЕЦ

Саввелий Дудаков – историк и публицист (Израиль).

Как должен поступить исследователь, который в процессе работы наткнулся на редкие воспоминания о Ленине? В какой-то момент я ощутил себя героем поэмы Б. Пастернака. Громадное количество материала в подавляющем большинстве случаев – апологетика, все это затрудняло знакомство с оригиналом и отделяла меня от искомого:

«Задача состояла в ловле фраз
О Ленине. Вниманье не дремало.
Вылавливая их как водолаз,
Я по журналам понырял немало» (1).

Мы имеем свидетельства о детстве и юности Владимира Ульянова «с того берега». Надо же быть такому обстоятельству, что Володя сидел за одной партой с будущим последним министром земледелия царской России Александром Николаевичем Наумовым (1868–1950. Как видим, Наумов был немного старше своего одноклассника и намного пережил его). Свидетельство Наумова – одно из самых ранних.

«Центральной фигурой во всей товарищеской среде моих одноклассников был, несомненно, Владимир Ульянов, с которым мы учились бок о бок, сидя рядом на парте в продолжение всех шести лет, и в 1887 г. окончили вместе курс.

Маленького роста, довольно крепкого телосложения, с немного приподнятыми плечами и большой, слегка сдавленной с боков головой Владимир Ульянов имел неправильные, я бы сказал, некрасивые черты лица: маленькие уши, заметно выдающиеся скулы, короткий, широкий, немного приплюснутый нос и вдобавок – большой рот с желтыми, редко расставленными зубами. Совершенно безбровый, покрытый веснушками, Ульянов был светлый блон-

дин с зачесанными назад длинными, жидкими, мягкими, немного вьющимися волосами.

Но все указанные выше неправильности невольно скрашивались его высоким лбом, под которым горели два карих круглых уголька. При беседах с ним вся невзрачная его внешность как бы стушевывалась при виде его небольших, но удивительных глаз, сверкавших недюжинным умом и энергией…

Ульянов в гимназическом быту довольно резко отличался от всех нас, товарищей. Начать с того, что он ни в младших, ни тем более в старших классах никогда не принимал участия в общих детских и юношеских забавах и шалостях, держась постоянно в стороне от всего этого и будучи беспрерывно занят или учением или какой-либо письменной работой. Гуляя даже во время перемен, Ульянов никогда не покидал книжки и, будучи близорук, ходил обычно вдоль окон, весь уткнувшись в свое чтение. Единственное, что он признавал и любил как развлечение – это игру в шахматы, в которой обычно оставался победителем даже при единовременной борьбе с несколькими противниками. Способности он имел совершенно исключительные, обладал огромной памятью, отличался ненасытной научной любознательностью и необычайной работоспособностью. Повторяю, я все шесть лет прожил с ним в гимназии бок о бок, и я не знаю случая, когда Володя Ульянов не смог найти точного и исчерпывающего ответа на какой-либо вопрос по любому предмету. Воистину, это была ходячая энциклопедия, полезно-справочная для его товарищей и служившая всеобщей гордостью для его учителей…

По характеру своему Ульянов был ровного и, скорее, веселого нрава, но до чрезвычайности скрытен и в товарищеских отношениях холоден: он ни с кем не дружил, со всеми был на «вы», и я не помню, чтоб когда-нибудь он хоть немного позволил себе со мной быть интимно-откровенным. Его «душа» воистину была «чужая», и как таковая для всех нас, знавших его, оставалась согласно известному изречению, всегда лишь «потемки».

В общем, в классе он пользовался среди всех большим уважением и деловым авторитетом, но вместе с тем нельзя сказать, чтоб его любили, скорее его ценили. Помимо этого, в классе ощущалось его умственное и трудовое превосходство над всеми нами, хотя надо отдать ему справедливость: сам Ульянов никогда его не выказывал и не подчеркивал.

Наследство оставил Ульянов после себя столь беспримерно-сложное и тяжкое, что разобраться в нем в целях оздоровления исковерканной сверху донизу России сможет лишь такой недюжинный ум и талант, каким обладал отошедший ныне в историю гениальный разрушитель Ленин» (2).

Когда Наумов пришел в третий класс, в нем было 30 учеников, из которых менее половины дошли до выпускных экзаменов. При таком незначительном количестве учащихся неудивительно, что этот класс дал несколько

выдающихся личностей. К Ульянову и Наумову следует добавить поэта Аполона Апполоновича Коринфского (1868–1937).

Коринфский попал в Симбирскую гимназию в 1879 г., где семь лет учился в одном классе с В.И. Ульяновым. В пятом классе он издавал рукописный журнал, а в выпускном был исключен из гимназии за чтение «недозволенных» книг и за связь с политическими ссыльными. Факт необыкновенно интересный (3). Ничего подобного в биографиях Ленина не приводится. Это действительно говорит о том, что Володя Ульянов был несколько в стороне от своих однокашников. Либо этот факт мешал авторам работ о Ленине, показывая, что и до него в его классе кто-то занимался антиправительственной деятельностью!

Наумов рассказывает историю, происшедшую в их гимназии накануне выпускных экзаменов… «Все темы на экзаменационной сессии (по словесности, математике – алгебраические, геометрические и тригонометрические задачи, переводы на древние и новые языки) присылались из особого отдела Учебного Округа. Содержание, естественно, сохранялось в глубочайшей тайне. Факт, что за неделю до открытия сессии были получены копии тем. Со всех товарищей выпуска была взята соответствующая мзда. А перед самым экзаменом пронесся слух, что темы заменены, что вызвало переполох и ужас всех, … кроме Володи Ульянова». «К счастью, тревога была ложной и “ворованные” темы не были заменены. Экзамены закончены и Ульянов и Наумов получили медали с изображением Афины Паллады по древним языкам…» (3). Работоспособность Ульянова была поражающая. Товарищ по минусинской ссылке вспоминал, что Владимир Ильич работал с огромным, поражающим всех упорством. «Он работал с методичностью немца… Про каждого гения можно сказать, что он складывается из трех десятых прирожденных способностей и семи десятых упорства и настойчивости. Эта методичность в соединении с огромной силой воли и с большими способностями помогли ему совершить титаническую работу, свидетелями которой мы были» (4).

Другой, заинтересовавшей меня книгой о Ленине, были хорошо известные воспоминания Н. Валентинова (Вольского) «Встречи с Лениным». Одна из глав книги носит название «Ленин – спортсмен…». Я, конечно, тогда (сразу после переезда в Израиль в 1971 г.) почти не обратил на нее внимания, хотя в ней присутствовали детали, которые, по словам автора, вытравливались из официальных гроссбухов, а мелочи чрезвычайно интересны. Теперь, перечитав Наумова, я удостоверился в том, что вся история Ленина-спортсмена вписывается в эпоху: восхищение борцами, цирком, увлечение борьбой, гимнастическими упражнениями, гирями и т.п. Вольский – сам изрядный любитель спорта – был в восхищении ленинской хваткой, мгновенно схватывающий новые для него элементы поднятия тяжестей. И для него было ясно, откуда у вождя большевиков «такая крепкая сложенная фигура», сразу бро-

сающаяся в глаза. «Он был настоящий спортсмен с большим вкусом ко всей гамме спорта. Оказалось, что он умел хорошо грести, плавать, ездить на велосипеде, кататься на коньках, проделывать разные упражнения на трапеции и на кольцах, стрелять, охотиться и, как я мог убедиться, ловко играть на бильярде. Он мне поведал, что каждое утро, полуголый, он проделывает не менее 10 минут разные гимнастические упражнения, среди них на первом месте разведение и вращение рук, приседание, сгибание корпуса с таким расчетом, чтобы, не сгибая колен, коснуться пола пальцами вытянутых рук» (5). Причем эту систему он сам установил для себя.

Гениальна статья Л.Д. Троцкого «О пятидесятилетнем (Национальное в Ленине)», опубликованная в апреле 1920 г. в «Правде». Основная идея Троцкого: Ленин есть производное российских условий, Ленин-русак, хотя вопросы, разрешаемые им, конечно, не замыкаются в национальные рамки. Ленин в оценке международных факторов и сил «свободнее, чем кто-либо, от национальных пристрастий». «…Ленин отражает собой русский рабочий класс не только в его пролетарском настоящем, но и в его столь еще свежем крестьянском прошлом. У этого самого бесспорного из вождей пролетариата не только мужицкая внешность, но и крепкая мужицкая подоплека… Литературный и ораторский стиль Ленина страшно прост, утилитарен, аскетичен, как и весь его уклад. Но в этом могучем аскетизме нет и тени моралистики. Это не принцип, не надуманная система и уж, конечно, не рисовка: это просто внешнее выражение внутреннего сосредоточения сил для действия. Это хозяйская, мужицкая деловитость, только в грандиозном масштабе» (6).

По словам Троцкого, вождь обладал интуицией действия, что «по-русски зовется **сметкой**» (текст выделен Л.Д. Троцким. – *С.Д.*).

Интересно, знал ли Троцкий о наличии еврейских корней у Вождя? Тогда политически понятно подчеркиванье мужицкой сущности Ленина, а, следовательно, русского характера революции. И конечно, в прицеле статья Ленина «Лев Толстой как зеркало русской революции», в которой сделан упор на то, что великий писатель – носитель крестьянской идеи.

В свете статьи Троцкого интересны чуть ли не первые стихи о Ленине, подтверждающие его мысль, написанные Николаем Алексеевичем Клюевым (1884–1937) в 1918 г. Речь идет о цикле под названием «Ленин». Ни о каком государственном или партийном «заказе» не могло идти и речи. Так утверждается русский мужицкий характер деятельности революции и Вождя:

«Есть в Ленине керженский дух, / Игуменский окрик в декретах / Как будто истоки разрух / Он ищет в «Поморских ответах».

В литературоведении бытует мнение, что поэт Николай Клюев был сектантом, возможно хлыстом. Его восприятие Ленина – это признание Нового Учения, создатель которого своей биографией дублирует иудейского Иисуса–Мессию. Параллели просты. Казненный Иоанн Предтеча – Предательство и

смерть Христа, выстрел Фани Каплан: «Есть в истории рана всех слав величавей / Миллионами губ зацелованный плат…»

«Зацелованный плат» должен вызвать ассоциации с платом св. Вероники, отершей кровавый пот Спасителя. А помимо этого у Клюева «Стада носорогов в глухом Заонежье, Бизоний телок в ярославском хлеву», ассоциируемые с поклонением волхвов и животных Христу и дополняемые строками: «С Пустозерска пригонят стада бедуины, / Караванный привал узрят Кемь и Валдай…» (7).

Клюев послал оттиск своих стихов лично Ленину с дарственной надписью в своем обычном витиеватом стиле: «Ленину от моржовой поморской зари, от ковриги-матери из русского рая красный гостинец посылаю я, Николай Клюев» (8).

Другая поэтическая крайность – Игорь Северянин. В 1918 г. он публикует стихотворное приветствие Ленину: «Его бесспорная заслуга / Есть окончание войны. / Его приветствовать как друга / Людей, вы искренне должны…» (1918) (9).

И одновременно вещи названы своими именами: «Ты потерял свою Россию. / Противопоставил ли стихию / Добра стихии мрачной зла?» (10).

«Россию нужно заслужить!» Так Северянин заканчивает стихотворение и можно только диву даваться, как это стихотворение проникло в советский сборник: кажется, в советской печати никогда нельзя было прочитать о «стихии мрачного зла».

Интересен и поэтический портрет Ленина, исполненный Пастернаком:

«…Он был – как выпад на рапире,
Гонясь за высказанным вслед,
Он гнул свое, пиджак топыря
И пяля передки штиблет.
И эта голая картавость,
Отчитывалась вслух во всем,
Что кровью былей начерталось:
Он был их звуковым лицом.
Столетий завистью завистлив,
Ревнив их ревностью одной,
Он управлял теченьем мыслей
И только потому – страной.
Из ряда многих поколений
Выходит кто-нибудь вперед,
Предвестьем льгот приходит гений
И гнетом мстит за свой уход» (1923, 1928) (11).

Жирным шрифтом я хотел подчеркнуть главную идею Пастернака: ранняя смерть Ленина в конечном итоге привела к тирании.

Двойственно решение этой же темы С. Есениным в поэме «Анна Снегина»: «Скажи / Кто такое Ленин?» / Я тихо ответил: / «Он – вы». (1925) (12).

Интересен образ Ленина в одноименной поэме, задуманной еще в 1921–1922 гг., но законченной летом 1924 г., уже после смерти вождя. Вновь задается вопрос: откуда появился Ленин? как он мог стать символом эпохи?..

«Народ стонал, и в эту жуть
Страна ждала кого-нибудь…
И Он пришел…
Он мощным словом
Повел нас всех к истокам новым…
И мы пошли под визг метели,
Куда глаза Его глядели:
Пошли туда, где видел Он
Освобожденье всех племен…
И вот Он умер…» (13).

Нечто библейское в стихах Есенина, как и Клюева: **Страна ожидает Мессию** – Он приходит и народ идет за ним в стране крестьянской и христианской. Еще более интересен отрывок из главы «Сестра моя – жизнь», автобиографической прозы «Люди и положения» Пастернака. Причем поэт не боится говорить иносказательно о пресловутом «пломбированном вагоне» и терроре.

«Ленин, неожиданность его появления из-за закрытой границы; его зажигательные речи; его в глаза бросающаяся прямота; требовательность и стремительность; не имеющая примера смелость его обращения к разбушевавшейся народной стихии; его готовность не считаться ни с чем, даже с ведшейся еще и не оконченной войной, ради немедленного создания нового невиданного мира; его нетерпеливость и безоговорочность вместе с остротой его ниспровергающих, несмешливых обличений поражали несогласных, покоряли противников и вызывали восхищение даже во врагах. Как бы ни отличались друг от друга великие революции разных веков и народов, есть у них, если оглянуться назад, одно общее, что задним числом их объединяет. Все они – исторические исключительности или чрезвычайности, редкие в летописях человечества и требующие от него столько предельных и сокрушительных сил, что они не могут повторяться часто. Ленин был душой и совестью такой редчайшей достопримечательности, лицом и голосом великой русской бури, единственной и необычайной. Он с горячностью гения, не колеблясь, взял на себя ответственность за кровь и ломку, каких не видел мир, Он не побоялся кликнуть клич к народу, воззвать к самым затаенным и заветным чаяниям, Он дал морю разбушеваться, ураган пронесся с его благословения» (14).

Здесь уместно вспомнить, что же мог знать о Ленине средний русский интеллигент в дореволюционное время? Проще всего он заглянул бы в 24-й том нового энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона и мог бы прочитать довольно скромное сообщение на 34 строках. Приводится биография политического деятеля, использующего псевдоним «Ленин». Исключение из Казанского университета трактуется как следствие того, что Ульянов был «родственником казненному брату». Перечислены его экономические и политические работы. Его представляют как крайнего и последовательного марксиста, лидера большевизма. В энциклопедическом словаре Ф. Павленкова (СПб, 1913) всего-навсего семь строк. И это кажется – все (15).

Мы перечислили ряд поэтов, заметивших Ленина. Ну, а где «первый поэт России» Блок? «Блок проходит мимо Ленина. Он не слышит "музыки" в речах Ленина. Ему, напротив, кажется, что большевики-то – это какой-то поплавок на поверхности разбушевавшихся народных масс, а Ленин и его разумность, очевидно, казались Блоку лишь порождением того же интеллигентского разума, который хочет сделать прививку своих программных затей великому, внезапно выросшему таинственному древу, родившемуся в недрах народа» (16).

Вот образ Ленина, созданный старым большевиком Н. Осинским (В.В. Оболенским) «Голова его, гладкая, словно полированная, сидит на крепком туловище, одетом в темный, непритязательный костюм. Рыжеватые, отнюдь не гладкие усы и борода, лицо с резкими чертами и блещущие от времени до времени небольшие глаза создают какое-то противоречие к остальному и невольно наворачивается сравнение – отполированный, блестящий снаряд, начиненный взрывчатым веществом колоссальной силы… С одной стороны, человек настолько «будничной» и «нормальной» внешности, что почему бы ему и в самом деле не встретиться с Ллойд-Джорджем и мирно потолковать об устроении дел Европы. А с другой стороны, как бы в результате не взлетели на воздух и Ллойд-Джордж, и вся Генуэзская конференция! Ибо он, с одной стороны, Ульянов, а с другой стороны, он – Ленин» (17). В книге Б. Горева «От Томаса Мора до Ленина» встречаем страшную фразу. «Ленин соединяет в себе глубокий революционный энтузиазм и даже фанатизм с холодным политическим расчетом, доходящим до последовательного применения принципа «цель оправдывает средства» (18). Что там Сталин, что там Макиавелли – не только интеллект иной, но и размеры приложения сил!

Примечательна концовка эссе К. Радека о Ленине, вводящая образ Ленина в библейский контекст. Ленин сравнивается с Моисеем: «В день 25-летия партии, которая несет на спине своей не только ответственность за судьбы шестой части земного шара, но которая является главным рычагом победы мирового пролетариата, русские коммунисты, и все, что есть революционного в мировом пролетариате, будут иметь одну мысль, одно горячее желание,

чтобы этот Моисей, который вывел рабов из земли неволи, вошел с нами в Землю Обетованную» (19). В 1939 г. Радек был расстрелян. Думал ли он тогда о земле обетованной?

Здесь я хочу вернуться к тем дням юности Ленина, когда был осужден на смертную казнь Александр Ульянов. На процессе присутствовали некоторые представители либеральной общественности, которые восхищались его поведением. Знаменитый профессор права, будущий член Государственного совета и академик Российской академии наук Н.С. Таганцев (1843–1923) вспоминал: «Был я и на его процессе, просидел от начала до конца, и с болью на сердце выслушал присуждение его в числе других к смертной казни. Вспоминаю, что из соподсудимых он производил наиболее симпатичное впечатление как искренне преданный тому делу, за которое он шел на казнь; тем идеям, осуществление коих хотя бы и путем террора он считал необходимым для счастья и блага родины» (20).

Напомним, что мировое светило Н.С. Таганцев был защитником народовольцев на процессе «193», а также автором знаменитой книги «Смертная казнь» (1913), где, естественно, академик осуждал эту крайнюю меру наказания. А теперь – внимание! Благодарность за сочувствие: в 1921 г. академик Таганцев направил на имя «Вождя Мирового пролетариата» письмо о смягчении участи своего сына, профессора В.Н. Таганцева, обвиняемого в активном участии в деятельности контрреволюционной организации «Союз освобождения России». Об этом же просила Ленина А.Ю. Кадьян, знавшая семью Ульяновых еще по Симбирску, вдова врача, лечившего Ленина от воспаления легких в 1895 г.

…Не желая отвечать ей прямым отказом, Ленин поручает Л.А. Фотиевой следующее: «Напишите ей, что я письмо прочел, по болезни уехал и поручил Вам ответить: Таганцев так серьезно обвиняется и с такими уликами, что освободить сейчас невозможно; я наводил справки о нем не раз» (21). Ленин как бы старается быть в стороне. Хотя, думаю, что его одного звонка было бы достаточно для смягчения участи заговорщика, расстрелянного в августе 1921 г. в числе многих лиц, включая поэта Н.С. Гумилёва.

Я не хотел бы оставить «врачебную тему» без продолжения. После ранения Ленина выстрелом Фани Каплан, к нему был приглашен знаменитый хирург Сергей Михайлович Руднев. Врач отказался смотреть раненого. По поводу его отказа нарушающего клятву Гиппократа, оказать врачебную помощь Ленину, Сергей Михайлович отвечал: «Но ведь Ленин – не человек, он принадлежит к особому виду человекоподобных существ, называемых большевиками». Прямо пассаж из «Собачьего сердца» профессора Преображенского. Впоследствии, когда об отказе С.М. вспомнили в ЧК, Ленин запретил его трогать и разрешил выехать за границу…

В шахматы Володю научил играть брат Александр. Любовь к этой логической игре навсегда осталась в Ленине. Можно предположить, что молодой Ульянов был знаком с новейшей шахматной литературой: Андрей Иванович Хардин (1842–1919) – юрист, в конторе которого проходил практику Ульянов, был шахматным мастером. Он устраивал в Самаре домашние турниры, в которых принимал участие и его стажер. Здесь Ульянов числился во второй категории; в первой был лишь сам Хардин. Затем в ссылке Ленин постоянно играл со своими товарищами и даже давал сеансы вслепую на трех досках, выигрывая все партии, что само по себе говорит о его силе (22)…

В одном из писем Дм. Ульянова (Дмитрий Ульянов – младший брат вождя, врач по профессии, как и дед А.Д. Бланк) была прислана шахматная задача последнего, помещенная в литературном приложении к «Ниве», что тоже говорит о семейном интересе Ульяновых. Задача была несложная, и Ленин мгновенно ее решил, – мат в два хода. Но он обратил внимание брата на помещенный в газете «Речь» от 17 февраля 1910 г. (№ 31(1269), этюд № 195 перепечатку этюда братьев Платовых из «Ригер тагеблат» 1909 г., получивший первый приз. Этюд был решен не сразу. Ленин был в восхищении. Он писал брату: «Положение такое: белые – Kpg3, Ce7, Kg1 и пешки d3 и h5. Черные: Kpe3 и пешки h7, d5 и a2 (т.е. последняя за ход до превращения в королеву). Белые начинают и выигрывают. Красивая штучка!» (23).

Этот этюд был оценен по заслугам другим гением – уже гением шахмат. Чемпион мира Эммануил Ласкер приводит его в качестве высшего примера шахматной эстетики. Конечно же, Ласкер не знал приватного письма Владимира Ульянова своему брату; тем больше у нас причин отдать должное Ульянову-Ленину, его эстетическому вкусу, выделившему это произведение, случайно попавшее ему на глаза. Кажется, есть нечто общее между двумя гениями – шахмат и политики. Возражения принимаю с кротостью.

В СССР шахматы, как высшее выражение интеллекта, были патронированы сверху, в том числе благодаря тому, что основатель советского государства В.И. Ленин был, как мы указали выше, незаурядным шахматистом-любителем.

В воспоминаниях П.Н. Лепешинского можно прочитать следующее: «Я не могу отказать себе в удовольствии перенестись мысленно от этого маленького эпизода из моих далеких воспоминаний к нынешнему моменту мировой революции. Сейчас перед взором Владимира Ильича Ленина расстилается не шахматная доска, а карта всего мира. Он стоит лицом к лицу не с минусинской шахматной “антантой”, а с коалицией лидеров буржуазного хора, хищников всей Европы, Азии и Америки. Игра, что и говорить, – потруднее и посложнее, чем та, которую когда-то Ильич вел с “чемпионами” сибирского ссыльного захолустья. Но и теперь вся сила его ума, вся его огромная воля мобилизованы полностью, без остатка – *для победы во что бы то ни стало*.

Его великолепно устроенная голова напряженно работает и сейчас над своей мировой шахматной проблемой. Всмотритесь в эту «игру». Вот он выдвигает вперед пешечную демократию против цитаделей отечественного капитализма. Вот "делает гамбит" – соглашается на брестскую жертву. Вот производит неожиданную рокировку – центр игры переносит из Смольного за Кремлевские стены. Вот развертывает силы – с помощью Красной армии, красной конницы, красной артиллерии, обороняется, защищает результаты сделанных завоеваний, а если возможно, то и нападает. Вот "заманивает" противника – выбрасывает идею концессий. Вот как будто отступает и делает чреватые последствиями "тихие ходы" – идет на соглашение с крестьянством, облюбовывает план электрификации и т.д. Вот приводит пешки на ту линию, где они обращаются в большие фигуры – через аппараты советских партийных организаций подготовляет из рабоче-крестьянской среды новую интеллигенцию, – крупных администраторов, политиков, творцов новой жизни. И хочется думать, что рано или поздно, и скорее рано, чем поздно – весь мир был потрясен финалом "игры": ильичёвское "шах и мат" по адресу капитализма положит конец "игре", которую будут тщательно изучать следующие поколения на протяжении сотен и тысяч лет…» (24).

Вот еще одна черта, зафиксированная художником И.И. Бродским (1884–1939). Исаак Израилевич был блестящим портретистом. Понятно, вполне беспринципным. Рисовать Императорский Государственный Совет вместе с Репиным и Кустодиевым – пожалуйста! А потом всех одиозов вплоть до наркома К.Е. Ворошилова. А в промежутке и А.Ф. Керенского. На Марсовом поле после возложения венков «придворному» живописцу хотелось получить автограф «самого» и подписать рисунок. «Пристально всмотревшись в карандашный набросок, Владимир Ильич ответил мне, что он не похож. Окружающие нас стали убеждать Владимира Ильича в том, что он похож, что он совершенно не знает лица в профиль и портрет, без сомнения, удачен. Владимир Ильич усмехнулся и принялся подписывать рисунок. «Первый раз подписываюсь под тем, с чем не согласен!», – сказал он с улыбкой, передавая мне обратно набросок. Но через несколько минут, когда рисунок пошел по рукам и большинство сказало, что сходство уловлено большое, Владимир Ильич снова посмотрев, промолвил: «А ведь, кажется, действительно похож».

Портрет Ленина работы Бродского – это нечто мистическое, загадочное. Во дворе Кремля, на фоне церкви, церковных строений, броневиков, часовых, в осенний дождливый день стоит коренастый, сильный человек, попирающий ногами упавшие листья. Взгляд суров и сосредоточен. Кепи скрывает так называемый «сократовский лоб». Ленин весь в черном – пальто, костюм, ботинки, за исключением отворота белой рубахи, галстук, темный, с едва видными светлыми просветами. О чем думает этот угрюмый властелин? Нам не

дано этого знать. От картины исходят токи, хотел сказать, Люциферовы, но Светозарного здесь ничего нет. Да, это памятник эпохи!

Выше этой работы в иконографии Ленина я считаю полотно Аркадия Александровича Рылова (1870–1939) «Ленин в Разливе». Писана она лишь в 1934 г., но Рылов несколько раз лично видел вождя. Сюжет не удавался, и по совету своего племянника композитора Миши Юдина (1891–1948), он решил изобразить вождя не у шалаша, как дачника, а как человека, идущего против ветра (25). Картина страшная: на фоне кровавой зари и черных туч, в полутьме стоит одинокий человек с мощно выписанным лбом и монгольскими чертами лица, современный Чингисхан! Выставлялась эта работа в начале 60-х годов в Академии художеств в Ленинграде. Больше ее я никогда не видел, хотя она воспроизводится в альбомах Рылова с совсем неадекватным текстом.

Еще необыкновенно интересны воспоминания художника Юрия Павловича Анненкова (1889–1974), вошедшие в его книгу «Дневник моих встреч». Он из известной в русской истории фамилии, а отец Павел Семенович (умер в 1920) был народовольцем, другом и сподвижником Желябова, Перовской, Кибальчича, Веры Фигнер. Ленина Анненков до Октября видел несколько раз, в том числе и в Куоккола, где была дача отца.

«Ленин был небольшого роста, бесцветное лицо с хитровато прищуренными глазами. Типичный облик мелкого мещанина, хотя Ленин (Ульянов) и был дворянин». Одну фразу запомнил юноша: раскачиваясь на качелях, будущий вождь произнес: «Какое вредное развлечение: вперед-назад, вперед-назад! Гораздо полезнее было бы “вперед-вперед”. Всегда вперед». Все рассмеялись вместе с Лениным (26).

Вторая встреча произошла в 1911 г. на квартире Веры Фигнер в Париже, куда зашел и Ульянов. Он поинтересовался, по какой причине Анненков оказался в эмиграции, и услышал, что он всего-навсего выехал заниматься живописью: это огорчило старую народоволку – она бы предпочла видеть в сыне друга революционера новой формации. Думаю, и реакция Ленина была аналогичной.

Третья встреча была «общественной» – Анненков был у Финляндского вокзала при возвращении Ульянова из эмиграции. Для нас интересно и то, что в «пломбированном» вагоне вместе с «немецким шпионом» ехал знаменитый эсер Борис Савинков, он же писатель Ропшин. Его-то и встречал художник. Оба не дослушали речь с броневика. Сын-Анненков к марксизму был равнодушен, а старший Анненков во время июльского восстания 1917 г. в негодовании порвал и сжег все письма Ленина. Об этой вспышке, конечно, последний не узнал и, находясь у власти, предложил отцу через Марка Елизарова занять пост наркома по народному страхованию. Отец отказался – все его счета были блокированы, и он в минуту стал нищим. Далее интересно то,

что после смерти старого народовольца (в его квартире говорили, что повесили не того Ульянова) в 1920 г. мать художника получила приличную пенсию как «вдова революционера». Это было сделано лично вождем. Анненков задает вопрос, на который нет ответа: «Был ли это у Ленина просто акт политического лицемерия или жест, вызванный желанием очистить свою совесть, я не берусь судить. Второе предположение так же возможно, как и первое» (27).

В 1921 г. «советская власть» заказала Анненкову портрет Ленина. В «Дневнике…» художник вспоминает о своей беседе с Лениным перед началом работы. Вот некоторые моменты этого диалога:

Ленин: «Я – жертва нашей партии… она заставляет меня позировать художникам».

Анненков: «…Я рассказал, что Ленин олицетворяет собой движение и волю революции, и что именно это я вижу необходимым отразить в портрете».

Ленин (улыбаясь): «Но, простите, я ведь только скромный журналист. Я предполагал, что на вашем портрете я буду изображен просто сидящим за столом.

Анненков: «Право и привилегия художника – создавать образы и даже легенды. Если наши произведения оказываются в противоречии с правдой, то будущее наказывает за это прежде всего нас самих… О Ленине-журналисте, простите меня, я не задумывался, а писать портрет обывателя с бородкой я считаю сейчас несвоевременным».

Ленин: «Хорошо. Я нахожу недопустимым *навязывать* художнику чужую волю. Оставим это право буржуазным заказчикам. Поступайте так, как вам кажется наиболее правильным. Я в вашем распоряжении, приказывайте, я буду повиноваться. Но сначала договоримся честно: я подчиняюсь партийной дисциплине, я исполняю волю партии, но я – не ваш сообщник». И добавил, рассмеявшись: «Ответственность, как вы сказали, останется на ваших плечах» (28).

Весь диалог интересен. Верно, что Ленин не был позером. Он отличался этим от других диктаторов, будь-то Муссолини, «обожавший обожание»; Гитлер с его нарочитыми жестами и любовью к кинематографу; и, конечно же, Сталин, чьи безобразные портреты и бюсты украшали даже выставку, посвященную Рембрандту (о чем писал Лион Фейхтвангер – «Москва, 1937»). Нет ни одного нехудожественного портрета или скульптуры Ленина, сделанных при жизни вождя. Все они художественны – это реакция живописцев на естественность поведения вождя.

Из воспоминаний о встрече с Лениным Ф.И. Шаляпина в его книге «Маска и душа»: «…Я не знал, что такое Ленин. Мне вообще кажется, что исторические “фигуры” складываются либо тогда, когда их ведут на эшафот,

либо тогда, когда они посылают на эшафот других людей. В то время расстрелы производились еще в частном порядке, так что гений Ленина был мне, абсолютно невежественному политику, мало еще заметен» (29).

Уместно здесь привести известную мысль Шаляпина о русской революции:

«…В том соединении глупости и жестокости, Содома и Навуходоносора, каким является советский режим, я вижу нечто подлинно российское. Во всех видах, формах и степенях – это наше родное уродство…» (30).

По мановению волшебной палочки страна не могла превратиться в рай: горбатенький сапожник не становился Аполлоном Бельведерским. Все сатирические типы русской литературы «пришли и добром своим поклонились Владимиру Ильичу Ленину…» (31).

Возвращаясь к иконографии Ленина, укажем, что большинство критиков первое место отводят работам Натана Альтмана. К 50-летию со дня рождения Ленина (1920) Отдел ИЗО Наркомпроса, естественно при поддержке А.В. Луначарского, добился разрешения работать в кабинете Ленина именно Альтману. В семейном архиве сохранилась рукопись художника «250 часов с Лениным. Страницы моей жизни». Работал художник шесть недель подряд, почти без «прогулов»: вторая половина апреля – первые числа июня 1920 г., по пять-шесть часов ежедневно. Ленин имел право в шутку жаловаться английской художнице Клэр Шеридан, что «последний скульптор поселился на целые недели в его кабинете». По словам Альтмана, когда Ленин сидит, он кажется выше своего роста. Друг по ссылке отметил высочайшую интеллектуальную концентрацию: «Легенда гласит, что Архимед, углубленный в решение своей геометрической задачи, не подарил ни малейшим знаком внимания римского солдата, который обнаружил по отношению к нему достаточно явные агрессивные намерения. Ильич в этот момент (во время шахматной игры. – *С.Д.*) напоминает Архимеда. По-видимому, если б кто-нибудь крикнул сейчас: “Пожар! Горим! Спасайтесь!..”, он бы и бровью не пошевельнул. Цель его в жизни в данную минуту заключается в том, чтобы не поддаться, чтобы устоять, чтобы не признать себя побежденным. Лучше умереть от кровоизлияния в мозг, а все-таки – не капитулировать, а все-таки выйти с честью из затруднительного положения» (32).

Альтман принес репродукции и фотографии некоторых художников-футуристов, которые с интересом были рассмотрены вождем. Но, видимо, они были весьма далеки от его передвижнического вкуса (33).

Небольшое отступление. В связи с темой «В.И. Ленин и новое искусство» любопытно замечание Марка Шагала: «Ленин перевернул ее (Россию. – *С.Д.*) вверх тормашками, как я все переворачиваю на своих картинах» (34).

Понимая, что сложность характера «не уложить» в скульптуру, Альтман ограничивает задачу: надо показать ведущие черты характера. Он строит

композицию бюста как композицию круглой скульптуры, воспринять которую можно, лишь осмотрев ее со всех сторон. Удивительно, но Альтман сумел передать громадный ум, интуицию, динамику, энергию, концентрацию воли и, хотел того или нет Натан Исаевич, но и жестокость, кроющуюся в монгольском разрезе глаз и в острой бородке. Работу экспонировали в 1925 г. в Париже. На нее не могли не обратить внимание. Это был первый Ленин, увиденный на Западе. Несмотря на протесты белой эмиграции, она получила золотую медаль!

Так как рукопись Альтмана по понятным причинам никогда не публиковалась, то любые извлечения из нее интересны. Из коротких бесед, которые художник имел с Лениным, следует отметить одну, в которой выяснилось, что Ленин довольно равнодушно относился к искусству: «Я могу двадцать раз слышать одну и ту же мелодию и не запомнить ее» (35). Впрочем, это не столько самооговор, а самоотречение: политика съедала все свободное место.

И раз речь зашла о скульптуре, стоит вспомнить еще одного мастера. Разговор идет о Науме Львовиче Аронсоне (1872–1943), получившем мировую известность, и стоит вспомнить восторженную и забытую статью о его творчестве, принадлежащую А.И. Куприну: «Вот и Ленин, вылепленный из слабо-зеленого пластилина. Это, несомненно, он. Именно таким я видел его однажды, глядя не на поверхность, а вглубь. Правда, преувеличены размеры его головы, как преувеличены его алгебраическая воля, его холодная злоба, его машинный ум, его бесконечное презрение к спасаемому им человечеству, и полное отсутствие милых, прелестных человеческих чувств, подаривших миру и поэзию, и музыку, и любовь, и патриотизм, и геройство» (36).

Однажды А.И. Куприн встретился с Лениным на аудиенции. Дело было, по словам писателя, в начале 1919 г. (писатель запамятовал: это было 25 декабря 1918 г.). По словам писателя, его дело не стоило и ломаного гроша. Но ему пришлось встретиться с «самодержцем всероссийским». Куприн решил издавать беспартийную газету.

«Просторный и такой же мрачный и пустой, как и передняя, в темных обоях кабинет, три черных кожаных кресла и огромный стол, на котором соблюден чрезвычайный порядок. Из-за стола подымается Ленин и делает навстречу несколько шагов. У него странная походка: он так переваливается с боку на бок, как будто хромает на обе ноги; так ходят кривоногие, прирожденные всадники. В то же время во всех его движениях есть что-то “облическое”, что-то крабье. Но это наружная неуклюжесть не неприятна: такая же согласованная ловкая неуклюжесть чувствуется в движениях некоторых зверей, например, медведей и слонов. Он маленького роста, широкоплеч и сухощав. На нем скромный темно-синий костюм, очень опрятный, но не щегольской: белый отложной мягкий воротничок, темный, узкий длинный

галстук. И весь он сразу производит впечатление телесной чистоты, свежести и, по-видимому, замечательного равновесия в сне и аппетите…

Разговаривая, он делает руками близко к лицу короткие тыкающие жесты. Руки у него большие и очень неприятные: духовного выражения их мне так и не удалось поймать. Но на глаза его я засмотрелся… От природы они узки; кроме того, у Ленина есть привычка щуриться, должно быть, вследствие скрываемой близорукости, и это, вместе с быстрыми взглядами исподлобья, придает им выражение минутной раскосости и, пожалуй, хитрости…

Голос у него приятный, слишком мужественный для маленького роста и с тем сдержанным запасом силы, который неоценим для трибуны. Реплики в разговоре всегда носят иронический, снисходительный, пренебрежительный оттенок – давняя привычка, приобретенная в бесчисленных словесных битвах. “Все, что ты скажешь, я заранее знаю и легко опровергну, как здание, возведенное из песка ребенком”. Но это только манера, за нею полнейшее спокойствие, равнодушие ко всякой личности.

Вот, кажется, и все. Самого главного, конечно, не скажешь: это всегда так же трудно, как описывать словами пейзаж, мелодию, запах…

Ночью, уже в постели, без огня, я опять обратился памятью к Ленину, с необычайной ясностью вызвал его образ и… испугался. Мне показалось, что на мгновенье я как будто вошел в него, почувствовал себя им.

“В сущности, – подумал я, – этот человек, такой простой, вежливый и здоровый, гораздо страшнее Нерона, Тиверия, Иоанна Грозного. Те, при всем своем душевном уродстве, были все-таки людьми, доступные капризам дня и колебаниям характера. Этот же – нечто вроде камня, вроде утеса, который оторвался от горного кряжа и стремительно катится вниз, уничтожая все на своем пути. И при том, подумайте!: камень – в силу какого-то волшебства – мыслящий! Нет у него ни чувств, ни желаний, ни инстинктов. Одна острая, сухая, непобедимая мысль: падая – уничтожаю”» (37).

Мне кажется, озлобленность у Куприна несколько преувеличена. Все это горечь голодной безнадежной эмиграции, заставившей его в конце жизни «приползти» умирать к родному очагу. Не в укор, а для справки. Ну, например, внешность Ленина, его монгольский разрез глаз, скуластость. Александр Иванович – потомок татарского рода, мог спокойно подойти к зеркалу и увидеть самого себя. Как хотите, а есть что-то общее в облике писателя и политика.

Горький пишет о широте мышления Ленина. Таков рассказ, как бы мы сказали сейчас, об экологии. Ленин в разговоре со своим идеологическим врагом А.А. Богдановым-Малиновским об утопическом романе напирал на собеседника: «Вот вы бы написали роман для рабочих на тему о том, как хищники капитализма ограбили землю, растратив всю нефть, все железо, весь уголь. Это была бы очень полезная книга, господин махист!» (38).

Дальше Горький отмечает ленинское знание «человеков»: в 1920-х годах обостренное чувство будущности – безошибочно предсказывал эволюцию личности. Высказывался откровенно – люди обижались, но, к сожалению, его скепсис оправдывался. Предвиденья войны и неизбежности ее. Речь идет о Первой мировой. Немыслимые жертвы. «Чего ради сытые гонят голодных на бойню друг против друга? Можете вы назвать преступление более идиотическое и отвратительное, … Но враги пролетариата – обессилят друг друга. Это тоже неизбежно (39). У Горького есть описание внешности Ульянова: «А этот лысый, картавый, плотный крепкий человек, потирая одною рукой сократовский лоб, дергая другою мою руку, ласково поблескивая удивительно живыми глазами…» (40).

Для контраста укажем на Ивана Бунина, который никогда лично не встречался с Лениным. Для него Ленин – чудовище, животное, врожденный преступник почти по Чезаре Ломброзо. «Бог шельму метит. Еще в древности была всеобщая ненависть к рыжим и скуластым… А современная уголовная антропология установила: у громадного количества так называемых “прирожденных преступников” бледные лица, большие скулы, грубая нижняя челюсть, глубоко сидящие глаза. Как не вспомнить после этого Ленина и тысячи прочих?» (41).

Бунин собирает всевозможные сплетни о Ленине, отнюдь не украшающие вождя. Но единственный раз он беседует с человеком, который знал лидеров Октября, – писателем А.Н. Тихоновым (1880–1956) из окружения М. Горького: «Возвращались с Тихоновым. Он дорогой много-много рассказывал о большевистских главарях как человек очень близкий им: Ленин и Троцкий решили держать Россию в накалении и не прекращать террора и гражданской войны до момента выступления на сцену европейского пролетариата. Их принадлежность к немецкому штабу? Нет, это вздор, они фанатики, верят в мировой пожар» (42).

Стоит сказать несколько слов о «немецких деньгах». О них исписаны тонны бумаги, но ясных доказательств до сих пор не обнародовано. Мне кажется, искать подписи Ленина под получением миллионов марок бессмысленно. Хочу указать на несколько моментов, часто забываемых в пылу полемики. Немецкая социал-демократия, как «богатая тетушка передавала большие деньги на рабочее движение и была даже держателем “спорных средств” из-за конфликта между большевиками и меньшевиками. Парвус еще до войны занимался подозрительной финансовой деятельностью… Равно как и многие другие “спонсоры” русской революции: Савва Морозов, Леонид Андреев, Максим Горький, Н.Г. Гарин-Михайловский, племянник Морозовых московский фабрикант Н.П. Шмит и мн. др. Некоторые давали анонимно и немалые средства. Это субсидирование революции началось давно. Так, М.А. Бакунин, возможно лишь благодаря богатейшим чаеторговцам и золо-

тоискателям Сабашниковым сумел бежать из Восточной Сибири в Японию (43). Во времена народовольцев средства поступали из самых разнообразных источников, в том числе и из рук первейших чиновников империи. С.М. Степняк-Кравчинский рассказывает о десятках тысяч рублей, идущих на террор. Средства вносились от высшей аристократии до именитейшего дворянства. Причина ясна: ненависть к существующему строю. Террористы могли действовать лишь в сочувствующем обществе. Этим благодетелям несть числа. Жертвовали средства и некоторые частные лица, жившие за рубежом, возможно, из США. И считать их всех за заведомых негодяев – абсолютно бессмысленно. Вот, например, старинный знакомец с 1890 г. Владимира Ульянова А.И. Ерамасов, предприниматель из Сызрани. Спустя 15 лет обратился к нему Ленин уже из Женевы с просьбой организовать помощь для издания большевистской газеты. И писал ему он дважды, и тот не отказывал. Было что-то в молодом Ульянове, что навсегда оставило след в биографии этого человека. Среди этих «покровителей» большевиков интересен писатель Н.Г. Гарин-Михайловский (1852–1906), отец 11(!) детей. Неужели он желал им «социалистического» будущего, которое мы пережили? Будущее – и слава Богу – скрыто от нас непроницаемой завесой.

Что касается идеи переезда из Швейцарии через Германию, то ее поначалу высказал Мартов. Ленин метался подобно птице в клетке, по выражению Троцкого, в нейтральной стране, и придумывал способ вырваться из плена. Ему приходила в голову нелепая мысль: со шведским паспортом, притворившись глухонемым переехать через Германию.

Ленин ехал через Германию без одобрения Петроградского совета, что вызвало резкую реакцию швейцарских социалистов. Ромен Роллан, так же не советовал это делать и в знак протеста не принял приглашение явиться на вокзал провожать русских (44).

Во время Первой мировой войны противоборствующие страны ставили своей целью свержение режимов друг друга. У Германии был политический интерес предоставить социалистам возможность приехать в Россию для ее ослабления. Уже после войны выяснилось, что сам Людендорф долго колебался при принятии решения отправлять ли Ленина в Россию. Но, увы, это было императивом военного времени.

Немцы создали разветвленную сеть шпионажа в США под руководством фон Паппена. Они денежно поддерживали сторонников «нейтрализма» в Америке, так называемых «изоляционистов», пытались спровоцировать мексиканцев на войну с США за возвращение Техаса, Аризоны, Нью-Мексико, Флориды и других территорий.

Германцы, «проклятые гунны», создавали польские легионы Пилсудского (в Австрии), немцы поддерживали «самостийность» Украины гетмана Скоропадского, сепаратистов Русской Финляндии. Латвии, Эстонии, Бело-

руссии, австрийцы – Семена Петлюру; турки подстрекали мусульман России и им удалось поднять восстание в Туркестане в 1916 г., с трудом подавленное, и т.д. и т.п. Через германскую социал-демократию проводилась пацифистская кампания за скорейший мир, естественно выгодный Центристским странам. На подкуп прессы уходили миллионные суммы. Добились успеха немцы и во Франции. Так, депутат Жозеф Кайо, бывший премьер-министр в 1911–1912 гг., занимавший во время войны пост казначея армии, искал компромисса с Германией. Во время заграничных поездок он неоднократно встречался с германскими агентами и представителями правительства. В декабре 1917 г. его лишили депутатской неприкосновенности, в январе 1918 г. арестовали. Однако судили его лишь после окончания войны в 1920 г., и он отделался всего-навсего тремя годами тюрьмы, пятью годами запрещения жить в Париже и лишением гражданских прав на 10 лет (45). Будет справедливо досказать судьбу Жозефа Кайо: в 1924 г. он был амнистирован, а в 1925 г. занял пост министра финансов.

Антанта не оставалась в долгу. Она подстрекала славян Габсбургской империи на отделение, и Россия создавала чехословацкий легион. За десятилетия, предшествующие мировой войне, русские агенты «наводнили» Австро-Венгрию, Сербию, Черногорию, Болгарию, Грецию, Турцию. Русские неоднократно поднимали греков и славян на борьбу с Оттоманской империей, поставляя неограниченное количество средств и оружия. Франция создавала, в свою очередь, польские легионы Дмовского, а также и чешские; русские подстрекали армян, ассирийцев и других христиан Турецкой империи к мятежу, что привело к армянской резне 1915 г. Англичане поднимали арабов той же самой империи к восстанию, вкладывая громадные средства на князьков пустыни (будущий иракский король Фейсал, его отец Хусейн, князь Геджаса и мн. др.). Громадные деньги шли на поддержку политических деятелей, ратующих за продолжение войны, в том числе и в России. На все эти предприятия шли астрономические суммы, несравнимые с пресловутыми миллионами Ленина.

Интересно, что миф о «ноже в спину» по зеркальному принципу использовали немецкие реваншисты в своих послевоенных писаниях. Уже после войны они говорили, что если бы не ноябрьская революция 1918 г., войну Германия могла бы выиграть. Этим питался будущий нацизм. Что же касается Ленина, то еще до Брестских переговоров, а тем паче после них, по его приказу переводились средства на возбуждение революции в Германии. Он очень надеялся, что революция произойдет весной 1918 г., и выполнять условия Брестского мирного договора будет уже ни к чему.

Граф В.П. Зубов в своих воспоминаниях писал, что Ленин рассчитывал, что ему никогда не придется исполнять условий мирного договора, так как он предвидел поражение Германии на Западном фронте и не ошибся (46).

Совсем мало известно, что 17 декабря 1917 г. норвежские социал-демократы предложили норвежскому комитету, ведающему ежегодным присуждением Нобелевской премии мира, выставить в качестве кандидатов Ленина и Троцкого! (47). Им было отказано по формальному признаку: опоздание с подачей документов.

Не немецкие деньги совершили Февраль, не они совершили Октябрь. Слово Леониду Андрееву, предсказавшему будущее своей Родины. Лично знакомому с современным Мефистофелем («Анатэма») и Сатаной («Дневник Сатаны»). Статья Леонида Николаевича «Veni Creator!» (Гряди, Создатель! – *лат.*) была опубликована в газете «Русская воля» 15 сентября 1917 г., более чем за месяц до «Великого Октября». Видящий – да увидит; слышащий – да услышит!

«По июльским трупам, по лужам красной крови вступает завоеватель Ленин, гордый победитель, триумфатор, – громче приветствуй его русский народ! Вот он, серый в сером автомобиле: как прост и вместе величав его державный лик, сколько силы в каждом движении его благородной руки: одним мановением она приводит в движение пулеметы и воздвигает стихии на головы непокорных…

Ты почти Бог, Ленин. Что тебе все земное и человеческое? Жалкие людишки трепещут над своей жалкой жизнью, их слабое, непрочное сердце полно терзаний и страха, а ты неподвижен и прям, как гранитная скала… О каком-то отечестве плачут они. Зовут Россию. Земные и жалкие, они любят какую-то родину. Им мила их земля, им мило их небо, их реки и леса, их поля и убогие деревни. Они хотят дышать этим воздухом и задыхаются в другом, будто не всякий воздух одинаково пригоден для дыхания. Земные дети, они цепляются руками за игрушки, и самую любимую из всех зовут отечеством, каким-то отечеством. Но что тебе до земного? Как некий Бог, ты поднялся над их земным и ничтожным и презрительной ногою встал на их отечество, легким пинком отбросил и растоптал смешную игрушку. Разве для Бога существует география, границы, свои и чужие земли?..

Смотрю на тебя и вижу, как растет вширь и в высоту твое маленькое тело. Вот ты уже выше старой Александровской колонны. Вот ты уже над городом, как дымное облако пожара. Вот ты уже как черная туча простираешься за горизонт и закрываешь все небо: черно на земле, тьма в жилищах, безмолвие, как на кладбище. Уже нет человеческих черт в твоем лице: как хаос, клубится твой дикий образ, что-то указует позади дико откинутая черная рука.

Или ты не один? Или ты только предтеча? Кто же еще идет за тобою? Кто он, столь страшный, что бледнеет от ужаса даже твое дымное и бурное лицо?

Густится мрак, и во мраке я слышу голос:

– Идущий за мною сильнее меня. Он будет крестить вас огнем и соберет пшеницу в житницу, а солому сожжет огнем неугасимым. Идущий за мною сильнее меня».

А вот что вышло из-под пера Горького в первом издании воспоминаний о Ленине. Подчеркивание русскости Ильича приводит к удивительным сравнениям: «И был он насквозь русский человек с “хитрецой” Василия Шуйского, с железной волей Аввакума, с необходимой революционеру прямолинейностью Петра Великого. Он был русский человек, который долго жил вне России, внимательно разглядывал свою страну, издали она кажется красочнее, ярче. Он правильно оценил потенциальную силу ее – исключительную талантливость народа, еще слабо выраженную, не возбужденную историей, тяжелой и нудной, но талантливость всюду, на темном фоне фантастической русской жизни, блестящую золотыми звездами» (48). В этом подчеркиваньи русскости Горький переходит границы здравого смысла – слишком уж отличаются друг от друга обозначенные им исторические прототипы Ленина. Василий Шуйский – заведомо подленькая фигура русской истории. А если сравнивать Ленина с Аввакумом и Петром, то возникают «ножницы». В конце концов, к чему звал Россию Аввакум? К темному прошлому и у него ничего нет общего с западником Петром. Петра отделяют от нас 300 лет. Он стал знаменем стремления на Запад; потоки крови, пролитые им, забыты. Их знают лишь историки и любопытные. От смерти Ленина нас отделяют «всего» 80 лет, из коих почти 70 ушло на его увековеченье. Уверен, что спустя 20–30 лет о его преступлениях будут знать только историки. Фигура не однозначная.

…Интересно, кто первый разглядел в Ульянове Ленина? Сложно ответить на этот вопрос. Но одним из первых был Виктор (Вигдор или Вольф) Евсеевич Мандельберг (1869/70 – 1944), врач, бывший член 2-й Государственной думы от социал-демократической фракции, меньшевик, с 1907 г. в эмиграции. Он был делегатом II съезда РСДРП, где произошел раскол эсдеков на большевиков и меньшевиков, инспирированный Лениным. И щель росла, разногласия увеличивались. Почему? Вот ответ Мандельберга: «Потому что причина, вызвавшая разногласия на съезде, именно – специфическое ленинское упрощенное отношение и понимание задач партии и сущности революционной борьбы – не только оставалась, но, наоборот, благодаря расколу получила возможность выкристаллизироваться в последовательно проводимую систему. Чем сложнее задачи ставила все бурнее развивающаяся революция, тем, понятно, все более и более ошибочные ответы должен был давать все упрощающий ленинизм» (49). Это потрясающее свидетельство. Во-первых, кажется, впервые употреблено слово «ленинизм». До этого общеупотребительным для обозначения большевиков и меньшевиков были «беки» и «меки» внутри «эс-деков»-социал-демократов. Во-вторых, речь идет о кад-

рах большевизма, они неизмеримо примитивнее своих оппонентов. Одна из причин произошедшего – полный отрыв лидеров эмиграции от России. Дрязги, сплетни, взаимные обвинения – эмигрантская клоака выбрасывала все это на территорию империи, и лишь примитивные низы могли быть электоратом нового движения…

Множество версий выдвигалось в отношении псевдонима, который избрал Владимир Ульянов-Ленин. Н.К. Крупская считала выбор псевдонима делом случая и не более (50). Но у меня есть странная версия (51). В Германии существует одно стихотворное пророчество на латыни, приписываемое монаху Герману, жившему в XIII в.; иногда называют «точную» дату появления пророчества – 1300, но оно получило известность в 1693 г. и многократно переиздавалось. Выдвигались различные версии, кто в действительности создал эту фальшивку. Пророчество называется Vaticanium Lehninese (Ленинское пророчество), названное по местечку Ленин (ударение на последнем слоге), неподалеку от Потсдама…

В этом известном подлоге оплакивается гибель дома Асканиев (им когда-то принадлежал Лени́н) и прогнозируется возвышение династии Гогенцоллернов, должное привести к объединению Германии. Предрекается и гибель последней династии в 11 поколении. Наследниками Асканийской династии были князья Ангальт-Цербские. Иначе говоря, дом Романовых был тесно связан через Екатерину Великую с этой династией, ибо она принцесса Ангальт-Цербская… Все эти исторические изыскания, возможно, помогут выяснить генезис странного псевдонима. Как бы то ни было, но в этом псевдопророчестве чувствуются антироялистские тона, которые могли привлечь Владимира Ульянова в выборе псевдонима. Учтем, что впервые псевдоним «Ленин» появился в газете «Заря» в 1901 г. Том энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона со статьей о «Ленинском пророчестве» вышел в 1896 г. – версия имеет право на существование (52).

Добавим, что псевдоним «Ленин» известен в артистическом мире. В 90-е годы XIX в. он использовался провинциальным актером Н. Лениным-Менделеевым, племянником великого химика (53). Второй раз этот псевдоним использовал знаменитый актер, народный артист РСФСР (1937) Михаил Францевич Игнатюк. Он, возможно, взял псевдоним у своего учителя, великого актера А.П. Ленского, это как бы усеченная форма фамилии последнего. Была известна и актриса Ленина Елена Лазаревна, но у нее, вероятно, это как раз образование от ее имени (к сожалению, я не знаю ее девичьей фамилии). Речь в обоих случаях идет о начале XX в.

При анализе причин возвышения Ленина следует отметить его несомненную «харизму». Обратимся к ранним воспоминаниям одного из первых соратников вождя, затем исчезнувшего в «никуда», хотя он и умер в своей постели. Речь идет об экономисте Михаиле Александровиче Сильвине (1874–

1955). Дело относится к самому раннему периоду: «Остановлюсь на некоторых личных свойствах В.И., – пишет Сильвин. – …Мы единогласно, бесспорно и молчаливо признали его нашим лидером, нашей главой; это его главенство основывалось не только на его подавляющем авторитете, как теоретике, на его огромных знаниях, необычной трудоспособности, на его умственном превосходстве – он имел для нас и огромный моральный авторитет… он импонировал нам также моральным величием. Нам казалось [что] он был совершенен, свободен от тех мелких слабостей, которые можно найти в каждом… Бывали случаи, что человек достаточно зрелый, независимый в своем образе мыслей, в своих суждениях, образованный и опытный, которого никак нельзя упрекнуть в недостатке самостоятельности, после нескольких недель общения с В.И. совершенно подпадал под влияние его железной воли, его сильного ума». Одержимость идеей была привлекательной и отталкивающей одновременно: «В личных отношениях В.И. был обаятельный человек с большой выдержкой, деликатный, терпеливый к собеседникам – не всегда интересным, очень гостеприимный. [Я] знал его позже в Сибири во время ссылки, я видел его затем в эмиграции; и знаю, что когда этот человек имел дело с теми, кого он считал врагами своей идеи, а, стало быть, и своими личными, он был беспощаден. На мои сомнения в некоторых случаях, и с той насмешкой, которая часто смотрела из его глаз, замечал мне: “Революция – не игра в бирюльки”. “Это обывательские соображения”, – говорил он» (54).

Илья Лохматый был знакомым Ленина. Они встречались в эмигрантском Париже. Эренбург об этом рассказывает в своих воспоминаниях: «Меня поразила его голова. Я вспомнил об этом пятнадцать лет спустя, когда увидел Ленина в гробу. Я долго глядел на этот изумительный череп: он заставлял думать не об анатомии, но об архитектуре» (55). Наблюдал Эренбург Ленина в библиотеке Сент-Женевьев, слушал его выступления. По его воспоминаниям, сходным с воспоминаниями других, Ленин говорил спокойно, без пафоса, без красноречия, слегка картавя, иногда усмехался. Его речи похожи на спираль, для утверждения и разъяснения он возвращался и повторял: многие забывают, что спираль похожа на круг и не похожа – спираль движется дальше. Эренбург подчеркивает простоту жизни вождя, демократичность и участие в судьбе товарищей. Сия простота доступна лишь большим людям. Ленину чужд культ личности, но, конечно, сам он был неизмеримо более сложной личностью, чем могло показаться.

А.Ф. Ильин-Женевский, брат Ф.Ф. Раскольникова, встретился с Лениным весной 1914 г. в Женеве, куда вождь приехал на один день с лекцией, на квартире В.А. Капинского. Ильин увидел низенького, коренастого человека и сразу в памяти всплыло лицо Сократа. За столом перешел на интимную тему – Ленин беспокоился о состоянии здоровья жены. У Надежды Константиновны была базедова болезнь. Было два пути решения проблемы: опасная

операция или консервативный способ лечения. «С какой заботливостью и тревогой говорил Владимир Ильич о здоровье своей неразлучной и верной подруги». И вот революционер решительно расправившийся «операционным» путем со старой Россией, оказался в личной жизни консерватором: в итоге семья Ульяновых не решилась произвести операцию. Ильин обратил внимание на это несоответствие личного и общественного: оказывается, одно не есть обязательно продолжение другого (56).

Тему для доклада Ленин выбрал вызывающую для той космополитической среды эмигрантов, живущих в Женеве: «Национальный вопрос». Ибо, по словам Ильина, разного рода эмигрантские национальные социалистические группировки считали преступлением всякий последовательный интернационализм, будь-то еврейский или польский – все окрещивалось бранным словом «ассимилятор». Аудитория пришла огромная: яблоку негде было упасть. Все ожидали полемики. Ленина встретили весьма прохладно, исключая маленькую кучку большевиков. Ленин глубоко поразил Ильина, хотя с внешней стороны его нельзя было назвать блестящим оратором. Он не обладал теми артистическими данными, как, например, у местной достопримечательности итальянского анархиста Бертони. Итальянец был в первую очередь актер-трагик, обладающий соответствующей внешностью, бархатным голосом и прочими атрибутами, необходимыми для обворожения женской половины публики.

Ленин – антипод. Абсолютно невзрачная внешность, несколько хрипловатый голос и «привычка часто причмокивать в конце фраз» – этим не покоришь зрителя. Но тем не менее слушать его было приятно. Ильин поймал себя на мысли, что он, слушая оратора, как бы читает книгу. «Удивительная стройность мыслей, строгая последовательность изложения и неумолимая логичность сделали то, что вся это большая и в большинстве чуждая нам аудитория, не двигаясь и почти не дыша, как зачарованная прослушала до конца лекцию Владимира Ильича». Когда он окончил говорить, уже бóльшая половина зала аплодировала ему. Но настоящее мастерство проявилось во время полемики. Он разделался с ними быстро: «это был не бой, а избиение младенцев!» Враги повержены, собрание окончено, и дружные аплодисменты сопутствовали победе логики полемиста (57).

К месту добавить мнение графа В.П. Зубова об ораторском искусстве Ленина. «Его ораторское дарование было удивительно: каждое его слово падало, как удар молота и проникало в черепа. Никакой погони за прикрасами, ни малейшей страстности в голосе; именно это было убедительно. Позже я имел случай сравнить способ его речи с Муссолини и Гитлером. Последний сразу начинал с истерического крика и оставался все время на этой форсированной ноте, не имея возможности дальнейшего подъема; я никогда не мог понять, как этот человек мог влиять на слушателей, разве что они все были истери-

ками. Прекрасноречие Муссолини могло действовать на настроение итальянцев, но по сравнению с Лениным оно было не дельным. Один лишь западный оратор мог сравниться с Лениным – Черчилль» (58). К этому можно добавить весомое свидетельство московского обывателя Н.П. Окунева, который вел дневник в 1914–1923 гг. В записи от 17(30) апреля 1918 г. мы читаем следующее: «Ленин все пишет, все говорит… Энергия этого человека действительно выдающаяся, и оратор он, как и Троцкий, безусловно замечательный. На их выступления идут уже не одни серые большевики, пошла и «пестрая публика». Залы выступления буквально ломятся от жаждущих послушать их. Ни кадетам, ни Керенскому такого длительного и бесспорного успеха не давалось. И говорят ведь, в сущности, вещи довольно неутешительные, не хвалятся своими успехами, а вот подите, каких оваций удостаиваются! Куда тут Шаляпин!» (59). Поразительное признание человека, относящегося отрицательно к большевизму. Поразительна и честность обращения Ленина к толпе. Выше автор дневника дает такую характеристику главным деятелям революции: «Все-таки надо признать, что наши настоящие властители Ленин и Троцкий – люди недюжинные. Идут к своей цели напролом, не пренебрегая никакими средствами. Если это и нахалы, то не рядовые, а своего рода гении. Керенский перед ними мелок. Он может умереть, про него лучше того, что писали весной и летом, уже не напишут» (60).

По воспоминаниям Н.К. Крупской, во время болезни вождя она читала ему «Хулио Хуренито». Книга только что (1921) вышла в издательстве «Геликон» в Берлине. Экземпляр был направлен Ленину 28 марта 1922 г. представительством РСФСР в Германии. Крупская писала: «Из современных вещей, помню, Ильичу понравился роман Эренбурга, описывающий войну: “Это, знаешь, – Илья Лохматый (кличка Эренбурга), – торжествующе рассказывал он. – Хорошо у него вышло”».

Собственно, эта оценка потрясающа, ибо в «Хулио Хуренито» достается не только новой власти, но и самому вождю. Ясно, что в 9-томном советском собрании сочинений Эренбурга глава 27 о Ленине выпущена. Она же глубоко интересна и отдадим должное объективности вождя, не обидевшегося на эти страницы. Эренбург пишет о страхе перед людьми, «которые что-то могут сделать не только с собой, но и с другими; он поясняет: «страх мой вызывается не лицами, но чем-то посторонним, точнее, шапкой Мономаха, портфелем, крохотным мандатиком. Кто его знает, что он, собственно, захочет, во всяком случае (это уже безусловно), захотев, – сможет»…

Ирония, сатира, парадокс, фантазия, мистика и жизненная правда переплетаются так, что нам уже не отделить одно от другого. На встрече с «Капитаном» Кремля Хулио Хуренито спрашивает вождя, почему существуют расточительность, бездеятельность, разгильдяйство в Советской республике, когда на очереди посевная кампания, Донбасс, электрификация. Вопрос Про-

вокатора доводит коммунистическую идею до абсурда: почему поэты пишут стихи о мюридах и черепках Эпира, художники рисуют бороды и полоскательницы, философы выкачивают философские системы, филологи ковыряют свои корни, математики от них не отстают? Почему не закрыты все театры, не упразднена поэзия, философия и прочее «лодырничество?»

«Капитан» – политик, потому он миролюбиво отвечает, что по данному вопросу лучше обратиться к Анатолию Васильевичу. «Искусство его слабость, я же в нем ничего не смыслю и перечисленными вами ремеслами совершенно не интересуюсь». (Понятно, что это не так: искусством, музыкой, кино – Ленин интересовался. Но, кивнув в сторону Луначарского, он избавляется от неприятного вопроса.) И далее: … «Чтобы перейти к коммунизму, нужно сосредоточить все силы, всю волю, всю жизнь на одном – на экономике. Засеянная десятина, построенный паровоз, партия мануфактуры – вот путь к нему, а следовательно, и цель нашей жизни. Оставьте санскритские словеса, любовные охи, постройки новых или ремонт старых богов, картины, стихи, трагедии и прочее. Лучше сделайте одну косу, доставьте один фунт хлеба!» (61).

Я лично думаю, что в этих словах Первого коммуниста лежит секрет его личности. Он глубоко убежден, что коммунисты могут осчастливить Россию, заставив ее работать. Ирония Эренбурга в словах Учителя – Хуренито: «Я вас понимаю… – вы высокий образец однодумья… Однодумье – дело, движенье, жизнь. Раздумье – прекрасное и блистательное увеселение, десерт предсмертного ужина».

Второй вопрос Хулио касается терпимости к левым эсерам, а также к миллионам не согласных уверовать в торжество коммунизма. Первый коммунист, как в случае с Луначарским, отсылает вопрошающего к товарищу… Какому? Имя его не произносится, ибо Илья от страха прослушал фамилию или умышленно умолчал. Речь, конечно, идет о Феликсе Эдмундовиче Дзержинском и его ведомстве.

Упоминание встречи Ленина с Уэллсом чрезвычайно любопытно. Говорить о подкупе бритта просто глупо. Он многое видел и многое понял. Но не понял, пожалуй, еще больше. Основной вывод, сделанный им, заключался в том, что колоссальный, непоправимый крах империи есть результат Мировой бойни. И он сразу говорит, что нынешнее правительство – единственное возможное в России. Большевизм – это единственное, что сплачивает громадную страну (62). С этим утверждением перекликается мысль Ленина, высказанная Горькому: «…по вашему, миллионы мужиков с винтовками в руках – не угроза культуре, нет? Вы думаете, Учредилка справилась бы с их анархизмом? Вы, который так много шумите об анархизме деревни, должно бы лучше других понять нашу работу. Русской массе надо показать нечто очень простое, очень доступное ее разуму. Советы и коммунизм – просто» (63). Ленин гово-

рит правду, но его цинизм – обжигающ… Иначе говоря, смирительную рубаху на взбунтовавшуюся Русь могли накинуть лишь большевики. Удивительно, что советская цензура выхолостить до конца воспоминания Горького так и не смогла…

Здесь уместно привести высказывание о Ленине прославленного военачальника, человека, далекого от марксизма. Речь идет о генерале А.А. Брусилове. На смерть Ленина он отозвался следующим образом: «Я по своим убеждениям националист, но относился с уважением к широким идеям покойного. Я никогда его не видел, никогда с ним не говорил… Я ценил возможность работать на пользу русского народа, невзирая на то, что не принадлежал к политической партии Ленина. Я признаю заслугой его и его партии то, что под каким бы то ни было названием Россия не была расчленена и осталась единой, за исключением нескольких западных губерний, которые рано или поздно должны будут с ней вновь воссоединиться. Совершенно очевидно, что при дряблом Временном правительстве этого никогда не могло быть!» (64).

К воспоминаниям Уэллса и Брусилова я хочу присовокупить мемуары великого русского ученого-химика Владимира Николаевича Ипатьева (1867–1952).

Ипатьев окончил кадетский корпус и Михайловскую артиллерийскую академию и сравнительно быстро сделал карьеру на кафедре в академии. Работал он и заграницей в Мюнхене у мировой величины Адольфа Байера, будущего (1905) Нобелевского лауреата. В 1911 г. он получает звание генерал-майора, в 1914 г. становится заслуженным профессором. Во время войны возглавил Химический комитет в звании генерал-лейтенанта. Его сын погиб на фронте. Как такой человек встретил «приход большевиков»? Никакой личной симпатии он к ним не испытывал. Жестокость режима его отталкивала, но… «Первые выступления и речи Ленина производили впечатление, что они являются каким-то бредом сумасшедшего человека, совершенно оторванного от жизни в России и не отдающего себе отчета в проведении программы диктатуры пролетариата, т.е. главным образом беднейших крестьян и рабочих, совершенно некультурных и непонимающих в политических вопросах. Бездарные члены Временного правительства смеялись над речами Ленина и считали, что тезисы, проповедуемые им, ничего страшного для них не представляют, так как для выполнения их не найдется надлежащего количества последователей. Но Ленин знал, что он проповедовал и чего хотел. Он стоял головой выше всех своих соратников и имел твердый характер, не шатался из стороны в сторону. Он отлично понял всю обстановку в России, – как в тылу, так и на фронте, – и отдавал себе отчет, что Временное правительство в тылу не имеет достаточной физической силы для поддержки своих

постановлений, а армия на фронте больна неизлечимой болезнью: падением дисциплины.

Лозунги Ленина, которые проповедовались по всем углам русской земли, чтобы привлечь на сторону большевиков миллионы крестьян, солдат и рабочих, были так просты и понятны для них, что они готовы были, не задумываясь, признать Ленина своим вождем и безусловно исполнять его приказания. Ленин обещал безвозмездно дать крестьянам землю помещиков, рабочим – все, что раньше принадлежало господам буржуям, а стране – немедленный мир и, следовательно, прекратить войну. Народ был загипнотизирован подобными обещаниями, и наивный пролетариат готов был верить каким угодно мечтам, не будучи в состоянии подвергнуть их критическому анализу» (65).

Говоря об увековечивании Ленина, припомним фразу Троцкого из своей автобиографии: «Отношение к Ленину как революционному вождю было подменено отношением к нему как к главе церковной иерархии. На Красной площади воздвигнут был – при моих протестах – недостойный и оскорбительный для революционного сознания мавзолей… Набальзамированным трупом сражались против живого Ленина и – против Троцкого» (66). Лев Давидович не дает развернутого анализа причин построения мавзолея, хотя он прекрасно понимал подноготную не только сталинской интриги, но и сталинского проникновения в русскую душу. У русского народа только что силой отняли Бога. Взамен ему дается Новый Бог. Его нетленные мощи каждый может лицезреть. Здесь даже не мешает наука. Наоборот, бальзамирование тела – есть часть новой религии, где наука провозглашена пособницей прогресса.

В последнее время появились, на мой взгляд, спекулятивные работы жаждущих сенсаций посредственностей. Прежде всего я говорю об освещении причин смерти Ленина. С пафосом и откровенным цинизмом говорится о сифилисе, якобы сведшем в могилу тирана. Напомним две самые страшные болезни XIX и XX вв.: туберкулез и сифилис. Это болезни отнюдь не позорные, страшные же из-за состояния медицины того времени. Время пенициллина было впереди. Александр Флеминг сделал свое открытие в 1929 г. Напомним, что от последствий сифилиса умерли Роберт Шуман, Генрих Гейне, Фридрих Ницше, Ги де Мопассан, возможно и Николай Гоголь, основатель современного турецкого государства Кемаль-паша (Ататюрк), духовный основатель еврейского государства Теодор Герцль и им несть числа. И это нисколько не умаляет гения вышеперечисленных. Но смакование этого является необходимым дополнением для топтания падшего идола.

Я же вспоминаю письмо А.С. Пушкина к П.А. Вяземскому по поводу Байрона! «Зачем жалеешь ты о потере записок Байрона? Черт с ними! Слава Богу, что потеряны… Оставь любопытство толпе и будь заодно с гением…

Мы знаем Байрона довольно. Видели его на троне славы, видели в мучениях великой души, видели в гробе среди воскрешающей Греции. – Охота тебе видеть его на судне. Толпа жадно читает исповеди, записи и etc., потому что в подлости своей радуется унижению высокого, слабостям могущего. При открытии всякой мерзости она в восхищении. Он мал, как мы, он мерзок, как мы! Врете, подлецы: он и мал, и мерзок – не так, как вы, – иначе» (67).

Вот официальная выписка из заключения, подписанного рядом крупных врачей.

«Вскрытие тела Владимира Ильича констатировало изнашивание, как основную причину болезни и смерти; оно показало, что нечеловеческая умственная работа, жизнь в постоянных волнениях и непрерывном беспокойстве привели нашего вождя к преждевременной смерти» (68).

Я полагаю, что любые спекуляции по вопросу болезни Ленина неуместны. Так же постыдны публикации фотографий смертельно больного человека с несомненной и единственной целью доказать, какой чудовищный идиот правил Россией.

Отсчет несчастий человечества с ноября 1917 г. некорректен. Причины надо искать в августе 1914 г.; все остальное – следствие страшной войны.

Предсказать судьбу России было несложно. Посол Франции в Петербурге Морис Палеолог, опираясь на своих осведомителей из самых различных слоев общества, поставил диагноз: «революция – неизбежна».

Узреть в Ленине будущего властителя неизмеримо тяжелее. Еще задолго до появления Ленина на Финляндском вокзале Палеолог называл его будущим диктатором. 21 апреля 1917 г., на пятый день появления лидера большевизма, посол записал в дневнике: «Утопист и фанатик, пророк и метафизик, чуждый представлению о невозможном и абсурдном, недоступный никакому чувству справедливости и жалости, жестокий и коварный, безумно гордый. Ленин отдает на службу своим мессианским мечтам смелую и холодную волю, неутомимую логику, необыкновенную силу убеждения и умение повелевать… Субъект тем более опасен, что говорят, он целомудрен, умерен, аскет. В нем есть, как я представляю, черты Савонаролы, Бланки и Бакунина» (69).

Определить в дни смерти значение Ленина было трудно. Но вот что писал 1 февраля 1924 г. Ромен Роллан (до апологий советской власти было еще далеко):

«…Я не разделял идей Ленина и русского большевизма. Но именно потому, что я слишком индивидуалист, и слишком идеалист, чтобы присоединиться к марксистскому *кредо* и его материалистическому фатализму, я придаю огромное значение великим личностям и горячо восторгаюсь личностью Ленина. Я не знаю более могучей индивидуальности в современной Европе. Его воля так глубоко взбороздила хаотический океан дряблого человечества,

что еще долго след не исчезнет в волнах, и отныне корабль, наперекор бурям, устремляется на всех парусах вперед, к Новому миру.

Никогда еще после Наполеона европейская история не знала такой стальной воли. Никогда еще, со своих героических времен, европейские религии не знали апостола столь несокрушимой веры. И главное, никогда еще человеческая деятельность не выдвигала вождя, учителя людей, столь чуждого каких-либо личных интересов. Его духовный облик еще при жизни запечатлелся в сердцах людей и останется нетленным в веках» (70).

В 1929 г. была опубликована небольшая заметка Альберта Эйнштейна. «Ко дню смерти Ленина». В ней сказано: «Я почитаю в Ленине человека, который, употребив все силы, подчинил свою личность делу осуществления идеалов социальной справедливости. Его методы я считаю нецелесообразными. Но в одном можно быть уверенным: такие люди как он оберегают и обновляют совесть человечества» (71).

Библиография

1. Пастернак Б. Спекторский // Пастернак Б. Стихотворения и поэмы. М.–Л., 1965. – С. 304.

2. См.: Наумов А.Н. Из уцелевших воспоминаний. 1868–1917. – Нью-Йорк, 1953. – Т. I. – С. 42–44.

3. Наумов А.Н. Указ. соч. – С. 67, 78.

4. Шаповалов А. Ленин в ссылке (отрывки воспоминаний) // Красная Летопись. – Л., 1924. – № 1(10). – С. 17.

5. Валентинов Н. (Вольский) Встречи с Лениным. – Нью-Йорк, 1953. – С. 123–124.

6. См.: Троцкий Л.Д. К истории русской революции. – М., 1990. – С. 233–235.

7. Первая публикация в двухтомнике «Песнослов» (М., 1919). См.: Клюев Н. Сочинения. – Мюнхен, 1969. – Т. 1. – С. 499, 501.

8. Библиотека В.И. Ленина в Кремле: Каталог. – М., 1961. – С. 497.

9. Предисловие к книге: Игорь Северянин, Архангельск, 1988. – С. 15.

10. Северянин И. Стихотворения. – Л., 1975. – С. 365.

11. Пастернак Б. Высокая болезнь // Борис Пастернак. Стихотворения и поэмы. – М.-Л., 1965. – С. 243–244.

12. Есенин С. Собрание сочинений. – М., 1962. – Т. 3. – С. 192–193, 267.

13. Есенин С. Указ. изд. – С. 142–143.

14. См.: Пастернак Б. Стихотворения и поэмы. – Примеч. на с. 655.

15. Нет не все: первая статья о Владимире Ильиче Ульянове появилась в трехтомном «Энциклопедическом словаре». (СПб, изд. П.П. Сойкина, 1901).

16. Луначарский А.В. Блок и революция // Луначарский А.В. Статьи о литературе. – М., 1957. – С. 319.

17. См.: Ленин. – Харьков, 1924. – С. 43.

18. Горев Б. От Томаса Мора до Ленина. – М., 1923.

19. Радек К. Портреты и памфлеты. М.–Л., 1927. – С. 28. Статья написана 23 марта 1923 г.

20. Таганцев Н.С. Пережитое. М., 1919. – Вып. 2. – С. 32.

21. Ленинский сборник. М., 1970. – XXXVIII. – С. 435.

22. Богатырчук Ф.П. Мой жизненный путь к Власову и Пражскому манифесту, Сан-Франциско, 1978. – С. 188–190.

23. Д.И. Ульянов «Очерки разных лет. Воспоминания, переписка, статьи», М., 1974. С. 154–155. Вот мнение специалистов – братьев Карла и Яниса Бетиньш, судей конкурса, присудивших первый приз этому шедевру: «Из чрезвычайно простого и незаметного начальника положения в ряде тонких и неожиданных ходов развивается роскошная главная игра» (Платовы В. и М. Сборник шахматных этюдов. – М.–Л., 1928. – С. 29). Известен еще один мастер, задачу-трехходовку которого решал Ленин. Это была работа знаменитого американского проблемиста Отто Вюрцбергера (1875–1951).

24. Лепешинский П.Н. На повороте (от конца 80-х годов к 1905 г.). – Пб., 1922. – С. 92.

25. Рылов А. Воспоминания. – Л., 1977. – С. 228.

26. Анненков Ю. Дневник моих встреч. – Нью-Йорк, 1966. – С. 256.

27. Анненков Ю. Указ. соч. – С. 264.

28. Анненков Ю. Указ. соч. – С. 268–269.

29. Шаляпин Ф.И. Маска и душа. – Париж, 1932. – С. 238.

30. Шаляпин Ф.И. Указ. соч. – С. 288.

31. Шаляпин Ф.И. Указ. соч. – С. 290.

32. Лепешинский П.Н. На повороте (от конца 80-х годов к 1905 г.). Пг.; 1922. – С. 92. Лепешинский хорошо знал вождя и даже указал на его конечную болезнь.

33. Эткинд М. Натан Альтман. – М., 1971. – С. 56.

34. Шагал М. Моя жизнь. – М., 1994. – С. 133. Из главки с символическим названием «На Россию надвигаются льды».

35. Э.Г. Художники о Ленине. – Красная газета» (вечерний выпуск). – Л., 1927. 14. IX.

36. Куприн А.И. о Н.Л. Аронсоне // Рассвет. – Париж, 1926, № 9. – С. 9.

37. Куприн А.И. Ленин (моментальная фотография) // «Неман», – Минск, 1988, – № 5. – С. 26–28.

38. Горький М. Собрание сочинений. – М., 1963. – Т. 18. – С. 252.

39. Горький М. Там же. – С. 263. Предвиденье мировой войны есть результат анализа создавшейся международной обстановки. Думаю, что Ленин обратил внимание на слова Ф. Энгельса, писанные за 27 лет до начала бойни: «Для Пруссии–Германии невозможна уже теперь никакая иная война, кроме всемирной войны. И это была бы всемирная война невиданного раньше размаха, невидной силы. От 8 до 10 миллионов солдат будут душить друг друга и объедать при этом всю Европу до такой степени дочиста, как никогда еще не объедали тучи саранчи. Опустошение, причиненное Тридцатилетней войной, сжатое на протяжении 3–4 лет и распространенное на весь континент, голод, эпидемии, всеобщее одичание как войск, так и народных масс, вызванное острой нуждой, безнадежная путаница нашего искусственного механизма в торговле, промышленности и кредите; все это кончается банкротством; крах старых государств и их рутинной государственной мудрости, крах такой, что короны дюжинами валяются по мостовым и не находится никого, чтобы поднимать эти короны; абсолютная невозможность предусмотреть, как все это кончится и кто выйдет победителем из борьбы; только один результат абсолютно несомненен: всеобщее истощение и создание условий для окончательной победы рабочего класса» (К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч. – Т. XVI. – Ч. I. – С. 303–304). Гениальное предвиденье! И кажется, компас Ленина на Мировую революцию и уверенность в этом росла по мере осуществления пророчества…

40. Горький М. Собрание сочинений. – Т. 18. – С. 254.

41. Бунин И.А. Окаянные дни. – Лондон (Канада), 1971. – С. 171–172.

42. Бунин И.А. Указ. соч. – С. 42.

43. Сабашников. Бегство Бакунина // Сабашников М.В. Воспоминания. – М., 1988. – С. 44–47.

44. Раух Г. фон, Хильгер Г. Ленин. Сталин. – М., 1998. – С. 82–83.

45. Берти Л. За кулисами Антанты. Дневник британского посла в Париже 1914–1919. – М.–Л., 1927. – Примечание на с. 218.

46. Зубов В.П., граф. Страдные годы России. Воспоминания о Революции [1917–1925]. München, 1968. – С. 75.

47. Окунев Н.П. Дневник москвича 1917–1920. – М., 1997. – Т. I. – С. 215.

48. Горький М. Владимир Ленин. – Л., 1924. – С. 23.

49. Мандельберг Виктор. Из Пережитого. – Давос (Швейцария). – 1910. – С. 41.

50. См.: Энциклопедия псевдонимов. – М., 1999. – С. 126.

51. Я не первый, кто обратился к теме исторического генезиса этого псевдонима. Думаю, что первыми были сотрудники института Карла Маркса и Фридриха Энгельса во времена директорства Давида Борисовича Рязанова (Гольденбаха) (1870–1938). Рязанов лично знал Ленина и мог задать ему этот вопрос…

52. Статья о пророчестве имеется также в «Настольном энциклопедическом словаре» (М., изд. А. Гербеля и К°, 1892. – Т. IV). Но вполне вероятно, что Ульянов мог быть знаком с «Ленинским пророчеством» и по немецким источникам.

53. Кое-какие сведенья о Н. Ленине-Менделееве я почерпнул в воспоминаниях И.П. Перестиани, встречавшего этого Ленина в театриках Дальнего Востока. (Перестиани И.П. 75 лет жизни в искусстве. – М., 1962. – С. 152). Нелишне добавить, что я разыскал русскую фамилию Ленин еще в начале XVIII в. Она принадлежала шуту Алексею Никифоровичу Ленину (см.: Брук Я.В. У истоков русского жанра. XVIII век. – М., 1990. – С. 16).

54. Сильвин М.А. К биографии В.И. Ленина: Из воспоминаний // Пролет. революция. – М., 1924. – № 7 (31). – С. 77, 80.

55. Эренбург И. Люди, годы, жизнь. – М., 1990. – Т. I. – С. 96.

56. Ильин-Женевский А.Ф. Один день с Лениным (из воспоминаний «витемеровца»). – Л.–М., 1925. – С. 11.

57. Ильин-Женевский А.Ф. Указ. соч. – С. 18, 19.

58. Зубов В.П. Указ. соч. – С. 76.

59. Окунев Н.П. Указ. соч. – С. 174.

60. Окунев Н.П. Указ. соч. – С. 111.

61. Эренбург Илья [Публикация 27 главы] // Аврора. – Л., 1988. – № 10. – С. 37.

62. Уэллс Г. Россия во мгле. – М., 1959. – С. 10, 11.

63. Горький М. Собрание сочинений. М., – Т. 18. – С. 273.

64. Брусилов А.А. Мои воспоминания. – Минск, 2002. – С. 397–398.

65. Ипатьев В.Н. Жизнь одного химика: Воспоминания. – Т. II: 1917–1930. – Нью-Йорк, 1945. – С. 34.

66. Троцкий Л. Моя жизнь. Опыт автобиографии. Берлин, 1930. Т. II. – С. 259.

67. Пушкин А. Собраний сочинений. М., 1962. – Т. 9.: Письма 1815–1830. – С. 215–216.

68. Семашко Н. Вскрытие // Ленин. – Харьков, 1924. – С. 215–216.

69. Палеолог М. Царская власть накануне революции – М., 1991.

70. Ролан Р. На смерть Ленина. – Ролан Р. Собрание сочинений. – М., 1958. – Т. 13. – С. 117.

71. Gelegentliches von Albert Einstein. – Berlin, 1929. – S. 20–21.

А.П. Ненароков

ПО СЛЕДАМ 1917-ГО: РЕВОЛЮЦИИ И МИФЫ

Светлой памяти А.Н. Яковлева

Ненароков Альберт Павлович – доктор исторических наук, профессор, главный специалист Российского государственного архива социально-политической истории.

Когда в конце 2007 г., как говорится, «по горячим следам», я легкомысленно согласился написать для журнала «Россия и современный мир» статью о выставке «1917-й. МИФЫ РЕВОЛЮЦИЙ», работавшей в Москве в Выставочном зале Федеральных архивов с 28 сентября по 11 ноября 2007 г., мне представлялось это достаточно простым делом. К тому же необходимо было потрафить и начальству упоминанием, что это была выставка, подготовленная Федеральным архивным агентством и Федеральным агентством по культуре и кинематографии в рамках Федеральной целевой программы «Культура России 2006–2010» под эгидой Министерства культуры и массовых коммуникаций Российской Федерации. Кроме того, архиважным было и то, что выставка оказалась единственным мероприятием юбилейного 2007 г., которое прошло конструктивно, особенно на фоне того поляризующего общество накала страстей, с каким встретили и отметили все мы 90-летие революционных событий 1917-го. Недаром именно этой выставке были посвящены самые значительные выступления и статьи в газетах и журналах, теле- и радиопередачи. К ней прямо или косвенно обращались и, вероятно, будут обращаться еще долго все, кто пытается представить и оценить по-новому случившееся так много лет назад. И это понятно. Встреча с документом один на один – всегда событие. Желание реально соприкоснуться с историей – естественно. Прозрения, как и покаяния, всегда индивидуальны.

Рассказ о *такой* выставке, прежде всего, – это рассказ о том, насколько соответствовала экспозиция представлениям посетителей, их знаниям о прошлом. Что нового она дала им? Помогла ли она им в поисках ответа на один

главный для всех нас вопрос: что произошло с Россией в XX в., и какое значение это имело и имеет для нас и всего мира?

Уже эти-то вопросы неподъемны, а ведь на деле – их гораздо больше.

К тому же есть и ответы на них, которые, помимо выставки, пытались дать другие и другим способом. И это тоже нельзя оставить без внимания...

Словом, хотя выставка архивных документов по определению и не может претендовать на какую-либо однозначную оценку произошедшего в 1917 г. в России, она служит мощным катализатором раздумий в этом направлении.

О мифах и мифотворчестве

Еще до открытия выставки в журнале «Альтернативы» было опубликовано так называемое «Заявление 17-ти», названное «Октябрь для нас, России и всего мира»[1]. Скажу сразу: к авторам отношусь с искренним уважением. Все они – классные специалисты, каждый в своей области. Некоторых из них числю среди своих давних и потому дорогих друзей. Однако «Заявление» читал с удивлением и недоумением.

С удивлением, ибо от подобной стилистики отвык быстро и, надеюсь, безвозвратно. С недоумением, так как давно не встречал столь высокой плотности *однозначно* безапелляционных утверждений, бездоказательно выдаваемых за непреложную истину. По этому поводу Александр Николаевич Яковлев, чье бесспорное влияние на взгляды и оценки моего поколения переоценить трудно, еще в начале декабря 1985 г., осуждая царивший тогда повсеместно псевдомарксистский сленг, справедливо заметил: «…Догматическая интерпретация марксизма-ленинизма настолько антисанитарна, что в ней гибнут любые творческие и даже классические мысли»[2]. Лучше не скажешь.

Даже то, против чего и спорить то невозможно, авторы «Заявления» облекли в такую форму и такие, порой, мягко говоря, непродуманные формулировки, что трудно воздержаться от желания обратить их внимание на эти явные проколы. Чтобы не растекаться мыслью, приведу всего лишь один пример. Революции действительно не могут быть порождением заговоров либо привнесены извне. Но так ли уж совместимо используемое в разделе «Не заговор, а социальная революция» утверждение: «Октябрь был *кульминацией* Великой русской социальной революции XX века» – с одновременной классификацией самих октябрьских событий в качестве особой *социалистической революции*?

---

1. См.: «Альтернативы». – 2007, № 3. – С. 6–12.

2. Яковлев А.Н. Горькая чаша. Большевизм и Реформация России. – Ярославль, 1994. – С. 17.

Тут же возникает потребность в целом ряде вполне закономерных уточнений.

Так сколько же революций было в России 1917 г.? Одна, кульминацией которой был Октябрь? Или две? И действительно ли Великая Октябрьская социалистическая революция положила начало переходу «к более прогрессивной социальной системе – социализму» и появлению в мире «двух социально противоположных систем»?

«Заявление 17-ти» построено так, что априори исключает любое истолкование, оно аксиоматично. При этом авторов данных аксиом реакция читателей не волнует. Они исходят из того, что с ними не соглашаться нельзя, ибо они правы по определению. А размышлять – не обязательно, все и так ясно! И это, несмотря на то, что все, кто подписал его так или иначе, но причастны к работе Международного фонда социально-экономических и политологических исследований (Горбачёв-фонд). А ведь именно его основатель М.С. Горбачёв выступил в 1997 г. с докладом, призывавшим поразмышлять об Октябрьской революции. Он же заметил, что настаивать на появлении в мире после 1917 г. двух социально противоположных систем не совсем верно, ведь «развитого социализма» образца 70–80-х годов прошлого века к тому времени больше не существовало. Одну из главных причин происшедшего и основную ошибку большевиков, приведшую к столь плачевным результатам, Горбачёв видел в той «модели» социализма, «которая была избрана», заметим, «***еще до Сталина***» (выделено нами. – *А.Н.*)[3].

Тогда же, и это тоже должны были бы хорошо знать те, кто составлял и подписывал текст «Заявления 17-ти», один из наиболее талантливых исследователей Горбачёв-фонда Г.Х. Шахназаров, в прошлом один из ближайших помощников и доверенных советников М.С. Горбачёва, счел необходимым, в частности, отметить: «Наша историография утверждала, что Россия пережила в 1917 г. две революции – в феврале буржуазную и в октябре социалистическую. В действительности это была одна революция, развивавшаяся по классическим канонам. …В русской революции, как и в других великих революциях до и после нее, проявился закон неуклонной радикализации политических и социальных требований»[4].

Безусловно, если попытаться дать полный историографический срез данного аспекта новейших исследований истории событий 1917 г. в России, то можно вспомнить и еще об одном. В последнее время ответ на вопрос о том, сколько революций было в 1917 г., часто подменяется иногда интересными, но в целом бесперспективными концептуалистскими определениями хроно-

3. Горбачёв М.С. Размышления об Октябрьской революции. – М., 1997. – С. 26.

4. Шахназаров Г.Х . Past shock или роковое расставание с прошлым. – М., 2001. – С. 44–45.

логических рамок некой Великой российской революции XX в., призванными утопить выяснение сути того, что произошло в России в 1917 г., в неких «макроисторических» теориях революций.

С этих позиций, как утверждает Теодор Шанин, в России была одна «Великая русская революция». Началась она в 1905 г., а завершилась к началу 20-х годов[5]. Пожизненный секретарь Французской академии Элен Каррер д'Анкос предлагает все же отделить первую российскую революцию 1905–1907 гг. от второй – Февральской 1917 г. Впрочем, от привычного названия последней придется явно отказаться. Ведь, судя по определенной д'Анкос «особенности, даже уникальности» этой революции, длилась она «очень долго» – 75 лет, до конца 1992 г.[6].

Ленин же независимо от того, что, как и когда говорили или писали по данному поводу его соратники, был в этом вопросе весьма определенен. С первого публичного выступления после выхода из подполья в октябре 1917-го он всегда вел речь о «третьей русской революции»[7]. По его мнению, именно она положила «начало новой полосе в истории России» и «в своем конечном итоге» должна была «привести к победе социализма»[8].

Так кто же прав в трактовке октябрьских событий?

Ленин?

Или современные концептуалисты?

Или же те из числа забытых сегодня лидеров российской революции, кто еще летом 1917 г. предупреждал о возможности контрреволюции слева? Те, кто никогда не скрывал, что считает утопической и гибельной последовавшую за приходом к власти большевиков попытку насильственно реализовать «социалистические идеи»? Кто неустанно подчеркивал, что любая попытка так называемого концептуального рассмотрения революционных событий в России оборачивается в итоге банальным оправданием («теоретическим санкционированием») большевизма.

Вероятно, если задаться целью, то можно расширить и круг авторов и еще более разнообразить их точки зрения, но это не входит в задачу статьи[9]. Для меня важно в данном случае лишь указать на то, что в отличие от одномерности «Заявления» существует и разнообразие (плюрализм) мнений по

5. Шанин Т. Революция как момент истины. 1905–1907 гг. – 1917–1922 гг. М.: 1997.

6. Бангерский А. Назад дороги нет. Интервью с д'Анкос // «Московские новости». – 2007, 2 ноября – 8 ноября. – № 43.

7. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 2.

8. Там же.

9. Только представление великолепной книги Франсуа Фюре «Прошлое одной иллюзии», наверняка, обернулось бы статьей, превышающей данную раза в три. См.: Фюре Ф. Прошлое одной иллюзии. (Библиотека Московской школы политических исследований. 10). М.: 1998; перевод с издания: Furet F. Le passé d'une illusion. – Paris: 1995.

данному вопросу. И каталог выставки, о которой я, собственно, и пишу, вполне этому соответствует.

В самом деле, хотел бы обратить внимание тех, кто этого еще не заметил, на расхождение, *с одной стороны*, между названием выставки, каталога «1917 год. МИФЫ РЕВОЛЮЦИЙ», заявлением руководителя Федерального архивного агентства В.П. Козлова о том, что выставка посвящена «мифам *двух* российских революций и показывает их судьбу»[10] и, *с другой* – заголовком вводной статьи директора ГА РФ С.В. Мироненко (соавтором которой я имел честь быть) – «Мифы революции».

И это совсем не случайно. Нам было важно нацелить посетителей выставки на знакомство с ее экспонатами так, чтобы они смогли бы не только представить, что произошло в России в 1917 г., но и попытались самостоятельно понять, кто же прав в определении числа пережитых отечеством нашим в XX в. революций.

Немаловажен и еще один аспект.

Во вступительном слове к каталогу выставки В.П. Козлов дает свою весьма неординарную попытку определить понятие «миф». Он уходит от сложных научных конструкций А.Ф. Лосева, доказывающих, что миф это и *принцип*, и *возможность*, и *действительность*, и *осуществленность*[11]. По Козлову, миф – это *никогда не существовавшее прошлое*. Причем всегда – факт или событие, поскольку *явление или процесс мифологизировать невозможно*. Поэтому *миф*, считает он, *явление точечное, единичное, становящееся общественно значимым и общераспространенным*. По его наблюдению есть *миф-мотылек*, *миф-анекдот*, *миф-случай*, *миф-откровение*. Критерием исторического отбора и живучести таких мифов, он вслед за Карамзиным полагает идею высшей, принятой народным собранием справедливости. Возражая А.И. Солженицыну, Козлов считает, что ни одна из величайших катастроф российской истории, включая и мифы, о которых поминал тот в своих «Размышлениях о Февральской революции»[12], не может быть мифом по определению. Это всего лишь старательная идеологическая пропись.

Пусть так – пропись!

Но вместе с тем разве не является мифом любая «старательная идеологическая пропись», основанная на фактах или событиях и служащая абсолютно

---

10. См.: 1917 год. МИФЫ РЕВОЛЮЦИЙ. Каталог выставки под редакцией С.В. Мироненко. – М., 2007. – С. 1.

11. Лосев А.Ф. Очерки античного символизма и мифологии. – М., 1993. – С. 489. См. также «Диалектика мифа» // Его же. Философия, мифология, культура. – М., 1991. – С. 22–186. (Здесь и далее – курсив всюду мой. – А.Н.).

12. Солженицын А.И. Размышления над февральской революцией // «Российская газета», 2007, 27 февраля.

не соответствующей действительности политической трактовке реально осуществленного в прошлом явления-процесса?

Разве в таком случае эти прописи каждый раз не превращаются в мифы политические, решающие определенные идеологические задачи и в любом обществе являющиеся идеальным средством социального зомбирования?

Разве именно не в этом смысле говорил о российской революции как о мифе А.И. Солженицын?

Заметим, впрочем, что летом 2007 г. в интервью «Шпигелю» Александр Исаевич предельно прояснил собственную позицию, заявив: «“Октябрьская революция” – это миф, созданный победившим большевизмом и полностью усвоенный прогрессистами Запада»[13]. И уточнил: «То, что называется “Российская революция 1917 года”, – есть революция Февральская. Ее движущие причины – действительно вытекали из дореволюционного состояния России. …У Февральской революции были глубокие корни. …Это, в первую очередь, – долгое взаимное ожесточение образованного общества и власти, которое делало невозможным никакие компромиссы, никакие конструктивные государственные выходы. И наибольшая ответственность – конечно, на власти: за крушение корабля – кто отвечает больше капитана? …Предпосылки Февраля можно считать “порождением прежнего российского режима”»[14].

Оставим в стороне «прогрессистов Запада», усвоивших большевистский миф об Октябре. Разговор о них особый. Еще в 20-х годах прошлого века русские социал-демократы эмигранты (прежде всего П.Б. Аксельрод и А.Н. Потресов), пытавшиеся кратко определить подобную позицию, заметили, что большевизм интересовал прогрессистов лишь с точки зрения, может ли он послужить «на пользу Западу» при безусловном отвержении самой возможности подобного явления у себя. Вот почему и именовали такую позицию: «двойная бухгалтерия». Впрочем, у А.И. Солженицына была возможность убедиться в этом и на собственном опыте, когда оказался он не по своей воле на Западе в начале 70-х. Вне всякого сомнения, он хорошо знает, о чем говорит.

Как видим, Солженицын *совсем не объявляет мифом российскую революцию 1917 г.* Он определяет в качестве политического мифа попытку выдать октябрьский переворот за революцию, да еще революцию особого глобального характера.

Споры по поводу того, были ли октябрьские события революцией или вооруженным переворотом, велись еще ее современниками и участниками.

---

13. Его же. Написано кровью. Интервью журналу «Шпигель» // «Известия», 2007, 24 июля.

14. Там же.

Приход к власти большевиков, естественно, как *факт-событие*, никем и никогда мифом не объявлялся. А вот провозглашение этого события Великой пролетарской социалистической революцией многими уже *изначально* воспринималось и оценивалось весьма неоднозначно, причем не только «классовыми противниками» и «социально чуждыми элементами».

Так, один из основателей российской социал-демократии Павел Борисович Аксельрод сразу же *однозначно* определил октябрьские события в Петрограде как «переворот». И, увидев в большевистских лозунгах «воскрешение идей русского бланкизма»[15], квалифицировал происшедшее предельно жестко: «*большевистский переворот был только колоссальным преступлением и ничем иным быть не мог*»[16]. И этой своей сущностной характеристики он не изменил никогда.

Столь же резок был и еще один пионер социал-демократического движения в России – Александр Николаевич Потре́сов. По его мнению, в октябре 1917 г. произошло «убийство демократии» и возник «социализм дураков»[17].

Вообще, среди бывших ленинских соратников по созданию «Искры» и РСДРП только Юлий Осипович Мартов и его сторонники с оговорками, но предлагали рассматривать октябрьские события как, пусть вредную и даже опасную, но все же «попытку скачка в социалистическую революцию»[18], в основе которой лежали «неудовлетворенные» февралем 1917-го потребности пролетариата. Но и он почти тут же, после введения новой экономической политики в 1922 г., впервые назовет «жалкой утопией» попытку строить новое общество «*без неприкосновенности личности, свободы политических партий, демократической организации государства*»[19].

Но если критики большевизма отказывались принять его главный политический миф, то мы все росли и воспитывались на нем. Тем более тогда, когда, обличая *сталинский тоталитаризм*, нам внушали и все еще пробуют внушать, что идеалы Октября не имеют отношения к последующим дефор-

---

15. Аксельрод П.Б. Кто изменил социализму? (Большевики и социальная демократия в России). – Нью-Йорк: 1919. – С. 23.

16. Там же. – С. 30. (Курсив мой. – А.Н.).

17. Меньшевики в 1917 г. Т. 3. От корниловского мятежа до конца декабря. Часть вторая. От Временного Демократического Совета Российской Республики до конца декабря (первая декада октября – конец декабря) / Ответственные редакторы З. Галили, А. Ненароков. – М., 1997. – С. 405.

18. Там же. С. 387.

19. Серия: «Меньшевики в большевистской России. 1918–1924» // Меньшевики в 1921–1922 гг. Ответственный редакторы З. Галили, А. Ненароков. Ответственный составитель Д. Павлов. – М., 2002. – С. 432. (Курсив мой. – А.Н.)

мациям, «*как христианские идеи не ответственны за практику инквизиции*»[20].

Отвлекаясь в очередной раз, хочу заметить, что и это далеко не так однозначно. Напомню, что на нашей памяти папа Иоанн Павел II счел нужным принести извинения за практику инквизиции. Наверное, это надо было и для того, чтобы очистить христианские идеи от ее черной тени. Вместе с тем должен признаться в том странном ощущении, которое я вынес от прошлогодней кампании по случаю 70-летия событий 1937 г. Она пахнула на меня кухнями 60-х и начала 80-х годов. Нельзя топтаться на месте. Говорю это, не опасаясь возможных обвинений в недооценке борьбы со *сталинщиной*, или, того хуже, в тоске по далеким временам великого зодчего. Все, что я делал, писал и говорил – не дает для этого никаких оснований. Мне кажется важным теперь – не зацикливаться на борьбе со сталинизмом и сталинщиной, а разобраться, как неожиданно просто и четко сформулировал М.С. Горбачёв, в «главной ошибке большевиков». Позволю себе повторить так понравившуюся мне его мысль: ошибка эта состояла в неверном выборе – ***еще до Сталина*** (и здесь, как в первом случае, я с удовольствием выделяю эти три слова. – *А.Н.*) – некой «модели» для социалистических преобразований. Рискуя вызвать огонь на себя, хочу сказать, *в определенном смысле* для меня и *сталинизм* как явление – это миф, как бы это кому ни нравилось.

То, что произошло в России в октябре 1917 г., было, несомненно, закономерным последствием развития событий от марта к сентябрю. Но Ленин вторгся в это развитие со своим стремлением использовать момент для движения к социализму, и это стало началом конца. Говорю это с горечью потому, что не могу не питать к этому человеку уважения. Я рос с его именем. Сам внес, пусть небольшой, но вклад в «антисанитарную интерпретацию» марксизма-ленинизма. И теперь должен, просто обязан сказать, к чему пришел, что понял. Я никому ничего не навязываю. Просто, может быть, мои суждения помогут кому-то понять нашу историю полнее и лучше меня.

Мне же видится, что, взяв власть, большевики начали гигантский социальный эксперимент, который *изначально* был обречен. Обречен хотя бы потому, что ни одно из принимаемых ими решений не было прогностически продумано, не говоря о том, чтобы быть выверенным даже по тем социальным законам, которые в применении к обществу попытались теоретически обосновать Маркс и Энгельс. Национализация банков, обернувшаяся банальной экспроприацией, взорвала рыночную экономику. Другой основы для развития производства человечество не придумало до сих пор. Все остальное – из области благих пожеланий, но ими, как известно, мостится дорога не к храму.

20. См.: «Заявление 17-ти» // «Альтернативы». – 2007, № 3. – С. 10.

Конечно, Ленин был незаурядным человеком. Как незауряден был и Троцкий. Они многое могли пересмотреть, но переделать что-либо после того, как, разогнав в январе 1918 г. Учредительное Собрание, перешли так называемую «точку возврата», не могли. Сталин не просто подмял «строителей нового общества», он сделал это, перехватив их главный лозунг – сначала «разрушим» потом «построим». И самое главное, что люди в этом эксперименте еще до Сталина превратились из субъекта преобразований в объект. Строили много, но все для будущего, а сами строители устраивали глашатаев этого будущего все меньше и меньше, ибо имели какие-то желания и устремления, мешавшие чистоте эксперимента. Поверьте, я не только не собираюсь перечеркивать того, что удалось сделать поколениям наших дедов и отцов. Их порыв действительно изменил мир. Но я убежден, он же отбросил их потомков назад. Уверен, будет время, когда это поймут все. Мы не можем не гордится своей историей, но вместе с тем обязаны оценивать ее трезво.

Вот почему научную концепцию выставки, к разработке которой имел отношение, ее акценты и подбор экспонатов мы старались выдержать в русле все растущего и крепнущего стремления ученых-обществоведов активизировать процесс критики мифологии вообще, *политической мифологии* в частности.

Только в 1999–2000 гг. имели место несколько, на мой взгляд, весьма важных международных встреч, посвященных рассмотрению данной тематики. Это – международная конференция «Мифы и мифология в современной России», которая прошла 1–13 сентября 1999 г. в г. Шуя Ивановской области. По ее материалам двумя изданиями московское представительство Фонда Фридриха Наумана вместе с Ассоциацией исследователей российского общества XX в. (АИРО-XX) выпустило прекрасный сборник статей. Он посвящен анализу теории мифа, его структуре, функциям, традициям (статьи Андрея Топоркова и Сергея Неклюдова), мифам современного массового сознания (Елена Левкиевская и Михаэль Хагемейстер), особо его патологии (Лев Аннинский), а также *мифам власти* и *мифам о власти* (Андрей Левандовский, Татьяна Филиппова, Сергей Антоненко)[21].

В 2000 г. в стенах Казанского университета состоялись две школы (летняя и зимняя). Они предложили для обсуждения собравшихся преподавателей гуманитарных специальностей две темы, так или иначе связанные с интересующей нас проблемой: «Человек перед текстом: современные методы работы с историческими источниками» и «Историческая память как социо-

21. См.: Мифы и мифология в современной России / Под редакцией К. Аймермахера, Ф. Бомсдорфа, Г. Бордюгова. Библиотека либерального чтения (Die Stiftunq für liberale Politik. Friedrich Naumann Büro Moskau. 9). – М: АИРО-XX, 2000 (второе издание – 2003).

культурный феномен». Среди наиболее близких нам тем, прозвучавших на школах лекций, следует отметить такие, как «Память текста: автобиография и общий опыт коллективной памяти» (Виталий Безрогов), «Формирование мифа о революции и власти 1917 года» (Светлана Малышева), «Коллективная память и мифы исторического сознания» (Лорина Репина)[22].

Мне представляется, что в связи с затронутой нами проблемой следует непременно отметить и появление особого типа исследовательских работ. Их главная задача, по выражению известного историка В.В. Поликарпова, служить не столько вводу «в научный оборот» неизвестных источников и фактов, сколько, наоборот, удалению «из обращения» разного рода «необоснованных построений»[23].

Наиболее яркой работой такого рода стала, на мой взгляд, работа самого В.В. Поликарпова, посвященная развенчанию мифов об уровне экономического состояния предреволюционной России. Эти мифы обслуживали весьма важную составную так называемой большевистской политической мифологии, обосновывая «весьма высокий уровень общего развития» русского капитализма кануна 1917 г., якобы создавшего на основе прежде всего монополизации «оптимальное сочетание» «исключительно благоприятных условий» для перехода к социализму. Те исследователи, которые призывали к возможно более полному учету особенностей капиталистического развития императорской России, оказались в «противоречии с традиционно-апологетическим истолкованием отечественной истории (прежде всего советского периода), с утверждавшимся псевдопатриотическим приукрашиванием монархически-имперского дореволюционного государства. По этим линиям в 70-е годы прошлого века развернулась ожесточенная критическая кампания против нового подхода, объявленного антимарксистским, чуждым советской исторической науке»[24].

Разгром этого так называемого «нового направления» автор называет «Цусимой советской историографии». Он скрупулезно анализирует все историографические нюансы и сохранившиеся документы этого разгрома. В работе поименно названы и организаторы, и исполнители. Исследование В.В. Поликарпова – лишь первая ласточка. Наступает время, когда новое поколение исследователей будет бороться с политическими мифами и их творцами еще более жестко, без всякого пиетета и внимания к регалиям, должностям и званиям.

---

22. Сотворение Истории. Человек. Память. Текст. Цикл лекций / Ответственный редактор Е.А. Вышленкова. – Казань: 2001.

23. Поликарпов В.В. От Цусимы к Февралю. Царизм и военная промышленность в начале XX века. – М., 2008. – С. 7.

24. Там же. С. 11.

Впрочем, даже мимолетное упоминание о труде В.В. Поликарпова требует непременного подчеркивания и того, что автор не только решает задачу удаления «из обращения» мифов, мешающих пониманию прошлого. Великолепно владея отечественной и зарубежной литературой по теме, прекрасно зная источники, он вводит «в научный оборот» новые факты и данные о промышленной политике при Николае II, о стратегии процветания крупного бизнеса (на примере истории Путиловского завода), рабочем движении и «политическом масонстве» накануне и во время Февральской революции и др.

В этом же ряду публикаций, борющихся с политическими мифами советской истории, стоит и предпринятое Международным фондом «Демократия», основанным академиком А.Н. Яковлевым, серийное издание «Россия XX век. Документы». Рецензируя один из первых томов этой серии[25], я как-то писал, что понятия «правда и гражданственность» – антитеза политической мифологии, представляются мне фирменной маркой этого издания[26].

А слова героя тома Филиппа Кузьмича Миронова – казака, не убоявшегося иметь свое мнение по поводу многого из того, что творилось вокруг него в годы Гражданской войны, – «*О, много-много мы все в этом виноваты…*» – лучше всего раскрывают главный мотив яковлевского замысла всей этой гигантской публикации, продолжающейся уже второе десятилетие. И грядущий в этом году (2 декабря) 85-летний юбилей безвременно ушедшего от нас Александра Николаевича Яковлева, как представляется мне, открывает прекрасную возможность воздать должное делам и памяти этого замечательного человека, не побоявшегося в очень сложные очередные «судьбоносные» времена подняться против искусов власти, лжи и конформизма.

Вероятно, каждому для себя когда-то необходимо раскрыть незамысловатую, но суровую истину горького прозрения: «*О, много-много мы все в этом виноваты…*». Именно к этому А.Н. Яковлев призывал нас. Тогда *еще* член Политбюро ЦК КПСС! В своем единственном сборнике статей, который был выпущен в перестроечные годы[27].

В то время, насколько знаю, никто из подписавших пресловутое «Заявление 17-ти» знаменитого письма Нины Андреевой с призывом не поступаться принципами не поддержал. Сегодня же они почему-то сочли возможным кинуться, словно «коллективная» *нинаандреева*, с достойными лучшего применения энергией и энтузиазмом требовать не забывать «историческое значение» Великой Октябрьской социалистической революции, «вернуть народу

25. Филипп Миронов. (Тихий Дон в 1917–1921 гг.). Документы и материалы / Редакционная коллегия: В. Данилов, Т. Шанин (ответственные редакторы), Л. Двойных, В. Виноградов, О. Наумов. – М., 1997.

26. См.: «Общая газета», 1997, 24–30 июля. № 29 (208). – С. 6.

27. См.: Яковлев А.Н. Реализм – земля перестройки. Избранные выступления и статьи. – М., 1990. – С. 4.

праздник и правду об Октябре». Остается только выяснить, кто посягает на эту правду: те, кто пытается понять произошедшее или те, кто отстаивает его мифологическую трактовку?

Об экспозиции, экспонатах и экспонентах

Но успех выставки, конечно, не столько результат реализации какой-либо научной концепции. Это закономерный итог тяжелейшей и сложнейшей работы огромного коллектива. И прежде всего сотрудников Государственного архива Российской Федерации (ГА РФ) во главе с руководителями проекта С.В. Мироненко и Л.А. Роговой. Итог отработанного годами опыта межархивной и межведомственной кооперации, растущего от выставки к выставке понимания специфики экспонирования архивных документов, включая кинофото- и фонодокументы. Хотя, сознаюсь, несмотря на то, что работа шла легко и счастливо, и я видел ее изнутри, представить благополучный исход даже накануне официального открытия было довольно трудно.

Дня за два до этого события напросился я посмотреть раскладку – прозаический процесс, предшествующий окончательному монтажу экспозиции. Занимался ею сотрудник ГА РФ А.А. Литвин. Еще на стадии разработки научной концепции выставки он был наиболее активен, фонтанировал идеями, предлагал свои подходы и решения. Я попросил показать, что же получается в первом приближении. В ответ он попытался объяснить, чтó в экспозиции предназначено для просмотра, а чтó потребует чтения. И, видя, как мало это соотношение меня вдохновило, философски заметил: «Ничего, постепенно все образуется».

На открытии мне все же показалось, что оптимизм Литвина не оправдался. Обилие документов явно лишало выставку зрелищности. Но вот что интересно: как только монтаж и оформление экспонатов (А.Ф. Саргсян – ГА РФ, И.Г. Буланкин, В.Ю. Дормашева, А.И. Першин, А.А. Шибанов, В.И. Чечко) были завершены окончательно, выставка зажила своей непредсказуемой жизнью.

День ото дня добавлялись все новые и новые портретные и групповые фотографии. Каждая из них имела оригиналы архивного хранения, которые обязательно приводились на планшете под стеклом, рядом с увеличенными, а иногда и специально кадрированными для удобства посетителей, что при наличии подлинника не надо было даже оговаривать. Как и другие экспонаты выставки, каждая фотография имела развернутую аннотацию, так что многие застревали у них надолго, рассматривая тех, о ком, нередко, в лучшем случае, только слышали. Так, сохранив принцип комплектования выставки исключительно архивными документами, устроителям с каждым днем удавалось все больше и больше разбавлять то, что требовало «вдумчивого чтения» тем, что предназначалось «для рассмотрения».

Среди публики уже мало было тех, кто путался в лицах, представленных даже на групповых фотографиях. Ушло в прошлое время, когда в середине 60-х годов даже профессионалы, которым по роду занятий надлежало знать всех и все, ошибались там, где, казалось, и ошибиться было трудно. Помню, как в одном из двух номеров возобновившегося было журнала «Нива» появилась фотография Льва Борисовича Каменева, естественно в штатском, на одном из питерских митингов в апрельские дни 1917 г. с подписью: Сергей Сергеевич Каменев. Естественно, цензор пропустил фотографию с такой подписью. Он знал, что бывший полковник российской армии Сергей Сергеевич Каменев, ставший главкомом вооруженных сил республики в годы Гражданской войны, умер собственной смертью. Было это в 1936 г. Даже в молох 1937-го не попал. Ни в каких запретных списках не числился. Отличить же Каменева «главкома» от Каменева ленинского заместителя и фактически первого главы союзного правительства цензору начала 60-х было трудно: как они выглядели, он не знал.

Теперь же на представленных огромным монитором хроникальных кадрах из Российского государственного архива кинофотодокументов (РГАКФД) проходили члены Временного правительства – А.И. Гучков, П.Н Милюков, А.И. Коновалов, красовался А.Ф. Керенский – «первая любовь революции», раньше других ощутивший на себе истинность старой поговорки: «от любви до ненависти – один шаг», улыбались лидеры Петроградского Совета – И.Г. Церетели, Ф.И. Дан и др. И никто никого не переспрашивал, кто есть кто. Эти и другие документальные кадры должны были войти на специальную дискету, которую предполагалось разместить на вкладке между 24-й и 25-й страницами каталога. Вкладыш есть, на нем повторены наиболее выразительные плакаты из постулатов «Краткого курса». Посередине вкладыша есть даже метка, где должна была крепиться дискета, а вот самой дискеты – нет. Денег на нее не хватило.

Каждый экспонат выставки «работал». Он давал возможность посетителям увидеть и почувствовать само время. Этому же служили и построенные художником Д.К. Бернштейном выгородки, в которых размещалась экспозиция. Они напоминали лабиринт, снаружи сбитый, словно обручами, плакатами из постулатов «Краткого курса истории Всесоюзной Коммунистической партии большевиков – ВКП(б)», а тревожная цветовая гамма вобрала в себя все оттенки основных красок того времени.

Канонизированная после выхода «Краткого курса» история большевистской партии определила освещение не только рабочего и революционного движения с начала XX в., но и всей отечественной истории, а событий 1917 г. тем более. Миф о партии, которая единственная рассмотрела и верно оценила уровень капиталистического развития и степени зрелости буржуазных отношений в России, служил обоснованию социалистического характера Ок-

тябрьской революции, ее исторической закономерности. История ВКП(б) подавалась, согласно цитатам из «Краткого курса», подобранным для вводной статьи к каталогу выставки, как «история трех революций: буржуазно-демократической революции 1905 г., буржуазно-демократической революции в феврале 1917 г. и социалистической в октябре 1917 г.», «свержения власти помещиков и капиталистов, история разгрома иностранной военной интервенции во время Гражданской войны, история построения Советского государства и социалистического общества»[28].

При этом мифологизации подверглись не только победы над непрерывно растущим числом противников большевистской партии. Но и ее вождь В.И. Ленин (Ульянов), объявленный вождем мирового пролетариата. И его Апрельские тезисы весны 1917 г., в которых тот начертал курс на социалистическую революцию. И его прозорливость в оценках политических кризисов лета того же 1917 г. Ибо она доказывала безукоризненность ленинских характеристик событий и политических деятелей, принимавших в них участие, а также его вывода о том, что отныне двигаться вперед можно, лишь делая определенные «*шаги к социализму*»[29]. Мифологизирован был и «самый верный ученик Ленина» – Сталин, ставший новым вождем, учителем и отцом народов. А все это вслед за «Кратким курсом» было тут же канонизировано не только в многочисленных трудах советских историков, учебниках для средней и высшей школы, но и во многих произведениях литературы и искусства.

Подобными же масштабными политическими мифами являются: и миф о триумфальном шествии Советской власти весной 1918 г., и миф о торжестве «ленинско-сталинской национальной политики», воплотившейся в провозглашении Союза Советских Социалистических Республик, и, наконец, миф о безусловной поддержке всеми еще одного «ленинско-сталинского курса», теперь уже «на строительство социализма в СССР». Поддержке, как всегда, всеми, за исключением, разумеется, предателей и врагов. Предателями же объявлялись бывшие, но оступившиеся соратники и оппоненты, имевшие собственную точку зрения. А врагами – те, кто пытался не просто возражать, но и отстаивать свои убеждения. Впрочем, и это стало вскоре совсем не обязательным: «лес рубят – щепки летят».

В свою очередь каждый из политических мифов, обосновывающих историческую закономерность диктатуры пролетариата и начатых ею «социалистических преобразований», обрастал столь же мифической «плотью» мифов-мотыльков, мифов-анекдотов, мифов-случаев, мифов-откровений.

---

28. 1917-й год. МИФЫ РЕВОЛЮЦИЙ. Каталог выставки / Под редакцией С.В. Мироненко. – М., 2007. – С. 8–9.

29. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 192–193.

Среди них и миф-анекдот об орудийном залпе с крейсера «Аврора», возвестившем начало новой эры, призванный стать частью легитимирующей строй символики. И столь же анекдотичный миф о штурме Зимнего дворца, по аналогии со штурмом Бастилии в дни Великой Французской революции 14 июля 1789 г. И такой же мифический праздник 7 ноября – годовщины Великой Октябрьской социалистической революции, не совпадавшей с реальностью даже в названии, из-за перехода с юлианского на григорианский календарь. Праздник, который один раз – в 1941 году – все-таки объединил всех и с тех пор получил право и на новое толкование, и на новую жизнь.

Часть мифов со временем откровенно ветшала. От наиболее замшелых со скрипом, но все-таки избавлялись. Так было с залпом «Авроры», который на деле оказался холостым выстрелом из носового орудия. Так было со «штурмом» Зимнего, который остался лишь прекрасно выверенными кадрами, придуманными великим Сергеем Эйзенштейном. Так было с попыткой свести весь политический ареопаг 1917 г. сначала к Ленину и его друго-врагам, как выражался лидер социалистов-революционеров В.М. Чернов, а затем к великим зодчим новой жизни, когда Сталину даже на какое-то время удалось обойти учителя.

Теперь многие из политических мифов прошлого откровенно банальны. О них и вспоминать-то не стоило бы, если бы не одна весьма существенная «мелочь»: многие из них, к сожалению, все еще живучи и в наши дни. И не только живучи, а и получают некое новое казенное толкование.

На выставке внимание акцентировалось на трех группах таких мифов.

Первая – о привносном или «бесовском» характере русской революции 1917 г. И особое место в этой группе занимает *миф о жидо-массонском заговоре*.

Да, среди руководителей политических партий России, не только социалистических, было много евреев, были и масоны. Однако не они вызвали революцию. Она не явилась порождением некритического переноса в страну чуждых ей европейских теорий. *Никакие «бесы» не в состоянии сотворить что-либо, если нет соответствующей заводи.* Февральская революция 1917 г. в России была вызвана не только, как теперь бы сказали, глобальным кризисом, порожденным Первой мировой войной. Конечно, потрясшая всех невиданная ранее кровавая бойня с применением неизвестного ранее оружия массового поражения, вдруг, как казалось, навсегда обезличившая и обесценившая саму человеческую жизнь, породила в самых разных уголках земного шара общее желание жить по-другому, кардинально изменив сами основы человеческого существования. Эта идея присутствовала в общественной жизни всех воюющих стран. В России она дополнялась ощущением неповоротливости и косности государственных механизмов самодержавия, требованием замены их на новые более гибкие формы организации государственного

управления. Многие из документов, представленных на выставке, показывают, в чем конкретно это выражалось.

К этой группе мифов принадлежит и миф о насильственном характере свержения самодержавия в российской империи. В 1991 г. все мы стали свидетелями обвала такой колоссальной государственной махины, как советская система. И теперь запись в представленном в экспозиции дневнике Великого князя Андрея Владимировича (1879–1956) вполне корреспондируется с нашими собственными ощущениями.

Андрей Владимирович был внуком императора Александра II и двоюродным братом Николая II. Запись, сделанная им 4 марта 1917 г. в Кисловодске, весьма лаконична и емка: «В один день все прошлое величие России рухнуло. И рухнуло бесповоротно…»[30].

Самодержавие рухнуло – точнее не скажешь. И представленные на выставке документы дают возможность ощутить масштаб этой катастрофы.

А 75 лет спустя рухнул и возникший на обломках Российской империи Союз Советских Социалистических Республик. Рухнул бесповоротно, в один день.

Среди бытующих мифов данной группы следует отметить и миф *о «немецких деньгах»*, на которые и была якобы сделана *во имя интересов Германии* революция в России. Даже если считать достаточной ту маловразумительную систему доказательств финансирования ленинской партии немецкими правительственными источниками, которая сохраняется до сегодняшнего дня, она не убеждает не только в возможности развертывания подобного масштаба событий на какие-либо чужие материальные средства, но и в прогерманской направленности свершившегося в России. Имеющаяся сегодня зачаточная многопартийная система и та свидетельствует – источники партийного финансирования были, есть и могут быть в будущем весьма и весьма грязными, что определяло, определяет и будет определять некие нюансы политики той или другой партии. Однако это не может быть доказательством того, что их лидеры непременно состоят на службе интересов других стран. Мы, к сожалению, в этом случае все еще живем в системе координат, созданных политическими процессами 30-х годов.

Вторая группа мифов, которых касались представленные на выставке документы, – это мифы о великом вожде мировой революции. Они пришли во второй половине 50-х – начале 60-х годов прошлого века на смену мифу о Ленине и Сталине, творцах «новой эры в истории человечества». Экспонировавшиеся документы призваны были свидетельствовать – Ленин еще в начале 1917 г. не ожидал такого поворота событий, как те, что развернулись в России в феврале-марте. Кроме того, они же продемонстрировали и еще одну непреложную истину: даже в масштабах страны Ленин не был политическим

30. См.: ГА РФ. Ф. 650. Оп. 1. Д. 35. Л. 49 об. – 50. Позиция 47 каталога. Автограф.

лидером, пользующимся безусловным и безоговорочным влиянием. Впрочем, та же выставочная экспозиция наглядно убеждала и в том, что даже теперь, ставя рядом с именем Ленина имена не только Сталина, но и Троцкого, Каменева, Зиновьева, Мартова и многих других, мы все еще никак не можем выйти из мифологизированного круга лиц, определенных главным мифом – мифом об Октябрьской революции. Мы все еще находимся в рамках долголетней традиции, представляющей главными персонажами на политической арене 1917-го весьма узкий круг лиц. Мы все еще не можем отойти от явно тенденциозных представлений о А.Ф. Керенском, И.Г. Церетели, Г.В. Плеханове. Зачастую вовсе не касаемся политической позиции А.Н. Потре́сова, Ф.И. Родичева, Н.В. Некрасова, А.М. Никитина, В.М. Чернова, П.Н. Милюкова и др.

Словом, политическая история России 1917 г. на самом деле была много богаче и ярче, чем мы привыкли видеть ее в годы торжества ленинско-сталинской трактовки. Да и последующие периоды (так называемый «оттепельный» или, наоборот, «застойный») были в этом отношении не лучше. Это касается не только советской, но и постсоветской, в том числе зарубежной, историографии.

И наконец, последняя группа мифов, о которых шла речь в материалах, представленных в экспозиции выставки, – мифы о пролетарском и социалистическом характере Октябрьской революции и преобразований, начатых большевиками после захвата власти. Материалы выставки свидетельствовали: приход к власти большевиков обернулся *чрезвычайкой* – закрытием свободной прессы, запрещением политических партий, массовыми арестами, *разгоном Учредительного собрания*, *расстрелом рабочей демонстрации в Питере,* крахом надежд на мировую революцию, безнадежно реанимируемых заклинаниями о неизбежности торжества коммунизма в мировом масштабе, крушением иллюзий об отмирающем государстве.

Документы выставки наконец-то дали возможность зримо представить и совсем неизвестную нам ранее *реакцию общества на захват власти большевиками*. Вплоть до разгона Учредительного Собрания.

Вместе с тем никакого очернительства, никакой попытки демонизировать В.И. Ленина и его соратников, их стремление построить новое общество, их желание осчастливить трудящихся, рабочих и крестьян. Успех выставки был гарантирован именно отказом от дальнейшего политического мифотворчества, ответственностью, взвешенностью и высоким профессионализмом при построении ее концептуальных конструкций. И никакой «двойной бухгалтерии». Наступило время называть вещи своими именами. Иначе мы никогда не поймем ни того, что произошло с нами, ни того, какое значение это имело и будет иметь для нас и мира.

ПОСТСОВЕТСКОЕ ПРОСТРАНСТВО

Р.Х. Симонян

РОССИЯ И ЕЕ БАЛТИЙСКИЕ СОСЕДИ: БАЛАНС МИФОВ И ВЗАИМНЫХ ОБИД

Симонян Ренальд Хикарович – доктор социологических наук, профессор, руководитель Российско-Балтийского центра Института социологии РАН.

После распада Советского Союза накопившиеся взаимные обиды, обостренные ложными стереотипами, предрассудками осложнили и без того непростые отношения со многими бывшими союзными республиками. Кроме того, многие проблемы в отношениях с нашим новым зарубежьем являются следствием острого дефицита знания о реалиях окружающего Россию пространства. И страны Балтии здесь не исключение, а, пожалуй, самый яркий этому пример.

Если провести краткий анализ, то источники взаимной неприязни между Россией и странами Балтии легко просматриваются.

Со стороны России это, прежде всего, комплекс старшего брата, который иногда классифицируют как имперское сознание. Вполне естественно, что людям, еще вчера отдававшим указания одной из провинций, трудно воспринимать сегодня ее как независимое соседнее государство. Тем более что размеры этой провинции «не впечатляют». Так и подмывает возмутиться: да как они смеют? Советскому человеку, а ведь он никуда не делся, не просто привыкнуть к мысли о равенстве международных статусов России и ее бывших окраин. Это психологическое состояние обостряется той реакцией на социокультурную травму, которую многие испытали в результате распада СССР. Крах советской системы, в том числе обретение самостоятельности бывшими лимитрофами, явился сильным ударом по национальному сознанию, и подлинный масштаб этого стресса еще не осознан. Массы простых людей узнавали из средств информации, что русских не любят и боятся там, где, в соответствии с имперской мифологией, должны были уважать и любить. Ситуация посттравматического шока – реальность, она стала ныне предметом ряда исследований ведущих социологов и психологов стран Центральной и

Восточной Европы. Для консервативной части нынешней российской номенклатуры страны Балтии – неуважительные партнеры, которые, получив без каких-либо проблем независимость, теперь постоянно демонстрируют свою неблагодарность вместо того, чтобы благородно от этой независимости отказаться, или, по крайней мере, вступить в СНГ.

При этом в общественном сознании россиян сформировалось представление о странах Балтии как виновниках распада СССР (тем более, что они первыми вышли из него), хотя на самом же деле это не так. Именно прибалтийские республики предлагали реальный способ сохранить Союз, а центральная власть, наоборот, сделала все, чтобы его разрушить[1]. Тогдашнее руководство республик Прибалтики поверило в горбачёвскую перестройку и восприняло ее как назревшую и реальную возможность реформировать Союз. К сожалению, все их предложения по хозяйственным преобразованиям и совершенствованию федеративных отношений, как и проект Нового Союзного Договора, который они выдвинули в начале 1989 г., были отвергнуты. М. Горбачёв «созрел» для подписания подобного договора только через два с половиной года, в августе 1991 г., когда было уже слишком поздно. «Сейчас уже забыты предложения, которые, будучи приняты, вряд ли привели бы к распаду СССР – о них не любят вспоминать как “горбачёвцы”, так и по известным причинам их инициаторы, – пишет по этому поводу Ж.Т. Тощенко. – Имеются в виду концепции республиканского хозрасчета, разработанные в Эстонии и поддержанные в других прибалтийских республиках. К сожалению, эти предложения были категорически отвергнуты… В Москве прорабы перестройки слушали только самих себя»[2]. К этому можно добавить, что и массовые протестные демонстрации на этнической почве в Советском Союзе начались отнюдь не в Прибалтике. Задолго до этого уже были и Алма-Ата, и Крым, а затем и Карабах.

Негативные чувства руководителей России к странам Балтии обострялись осознанием многочисленных просчетов, которые были допущены ими в торопливо и неквалифицированно проведенной процедуре признания новых государств. Указы о независимости Латвии и Эстонии были подписаны российским президентом 24 августа 1991 г., т.е. менее чем через трое суток после разгрома путча. Спешка и крайний непрофессионализм привели к острейшим проблемам и с выводом войск, и с демаркацией границ, и с государственным имуществом, и со многими другими. А главное, с граждан-

1. Подробнее см.: Симонян Р.Х. Страны Балтии и распад СССР (о некоторых мифах и стереотипах массового сознания) // Вопросы истории, 2002, № 12.; Симонян Р.Х. Страны Балтии в годы горбачёвской перестройки // Новая и новейшая история, 2003, № 2.

2. Тощенко Ж.. Этнократия: История и современность (социологические очерки). М., 2003. – С. 17–18.

ским статусом русского населения, которое из государствообразующего большинства стало внезапно этническим меньшинством, брошенным руководством исторической родины на произвол судьбы.

Национал-радикалы первых правительств умело воспользовались благоприятной ситуацией для притеснения русских, которую создал для них глава Российской Федерации, не выдвинувший требований гарантии гражданских прав русским в качестве **условия признания независимости этих стран.** Разумеется, в тот момент эти условия были бы безоговорочно приняты, так как для вчерашних союзных республик, внезапно обретших независимость, несомненно, гораздо более приоритетной целью было официальное признание Россией их суверенитета, чем права русскоязычных (да и сам термин «русскоязычные» появился позднее). Абсолютно никто не мешал тогда первому президенту России подписать серьезный содержательный документ, а не коротенький акт о признании независимости и издать столь же краткий Указ. В те дни и русскому языку вполне можно было обеспечить определенный благоприятный статус, что признают и сами тогдашние прибалтийские лидеры. Тем более, что в Прибалтике находились части российской армии и только через 2,5 года, 24 января 1994 г., были подписаны документы об условиях их вывода.

Но в августе 1991 г. даже никакого силового давления не требовалось. Общественная атмосфера в республиках Прибалтики в те дни была готовой к принятию таких условий. Так, Председатель Президиума Верховного Совета Латвии А. Горбунов в своем интервью газете «СМ-Сегодня» 25 сентября 1991 г., уже после вступления независимой Латвии в ООН, заявил: «Когда я говорю “народ Латвии”, то всегда имею в виду всех постоянных жителей Латвии. Других критериев для меня нет. Именно демографическая ситуация налагает на нас обязанность строить Латвийское государство демократическими средствами. Нас избирали постоянные жители Латвии, и мы их представляем».

Поэтому справедливые упреки об ущемлении прав значительной части русскоязычного населения, обращенные к руководителям Латвии и Эстонии, будут еще более убедительными, если их адресовать также и к тогдашним руководителям России. Разумеется, это не должно препятствовать требованию прекращения дискриминации наших бывших соотечественников в Латвии и Эстонии.

Еще один источник неприязни к странам Балтии – их быстрые экономические успехи после распада СССР, хотя реформы в России и странах Балтии начались практически одновременно, с января 1992 г. Почему же страны Балтии ушли в социально-экономическом развитии далеко вперед?

Существенную роль в развитии материальной базы республик Прибалтики сыграло их положение как пограничного региона, что открывало дополни-

тельное финансирование из союзного бюджета для строительства первоклассных коммуникаций, аэродромов, мостов, морских причалов, складского хозяйства, ремонтных служб и прочей производственной инфраструктуры. Только в одной Эстонии было построено 15 военных аэродромов, включая и крупнейший в Европе для стратегических бомбардировщиков. Эти республики имели и развитую сферу услуг, что является одним из основных структурных признаков рыночного уклада.

Впрочем, у прибалтийских республик были и другие преимущества – выгодное географическое положение, близость Европы, а также многочисленные и хорошо оборудованные морские порты, большинство из которых незамерзающие.

А какие преимущества были у России?

Республики Прибалтики, безусловно, никак не могли равняться с тем масштабом и качеством научно-технического кадрового потенциала, которым располагала Россия. Сегодня никому не придет в голову оспаривать, что главное богатство государства, как и основное условие и источник модернизации, составляет ее человеческий потенциал. Россия обладала этим капиталом в полной мере. Военно-промышленный комплекс, сконцентрировавший к концу 1980-х годов значительную долю интеллектуального и творческого ресурса Советского Союза, был сосредоточен на территории Российской Федерации, где располагались и основные научно-исследовательские центры, и наиболее важные наукоемкие производства, применяющие новейшую технологию, по многим параметрам которых СССР в то время занимал лидерские позиции среди мировых производителей. Следует особенно подчеркнуть, что предприятия военно-промышленного комплекса на основе новейшей технологии выпускали много гражданской продукции.

В России находились и лучшие учебные заведения страны, готовящие высококлассных специалистов, которые и сегодня во многих областях (математика, физика, химия, биология, программирование и т.д.) являются, по общему признанию, наиболее востребованными на международном рынке труда.

В отличие от уникальных природных сокровищ России республики Прибалтики не имели ни собственных сырьевых, ни энергетических ресурсов для функционирования и развития народного хозяйства. Их недра не содержали практически никаких богатств, кроме небольшого месторождения сланцев на северо-востоке Эстонии, поэтому в отличие от России, у них было не так много, чтобы предложить мировому рынку. В этом они решительно проигрывали России.

Хорошо оборудованные морские порты Прибалтики, которые мы по праву отнесли к преимуществам этих стран, находились тогда, как, впрочем, и сегодня, в полной зависимости от России. Сырье, комплектующие, энергоно-

сители, в конце концов, можно приобрести у любого продавца, выбор определяет рынок. Но оказание транзитных услуг безальтернативно, – здесь все определено географией. Даже если осуществлять перевалку грузов из Центральной Азии или Дальнего Востока, их транзит пролегает через территорию России. Не случайно, что сегодня самая жесткая конкуренция между странами Балтии происходит за транзитные услуги для российских грузов.

Экономические реформы в России и в странах Балтии начались одновременно, а вот сравнение их итогов – крайне неблагоприятно как для российских реформаторов, так и для нынешней политической номенклатуры, которая возникла и оформилась в процессе (или в результате) этих реформ. Поэтому широкая российская общественность ничего не знает о том, как проходили реформы, и в первую очередь приватизация, в странах Балтии, равно как и в Чехии, Венгрии, Словении, Польше, Словакии. Вопрос, который часто сегодня задают россиянам в странах Балтии: почему в Россию нефтедоллары уже почти девять лет золотым дождем падают с неба, а вы живете хуже нас и разница увеличивается?

В России реформаторы поставили своей целью провести приватизацию в максимально короткие сроки. Начатая в середине 1992 г. в России массовая приватизация привела к тому, что более 70% государственных предприятий были переданы частным владельцам уже к 1995 г.

Среди экономистов при сравнении экономических норм и нормативов весьма популярна аналогия с биологическими. В частности, при оценке продолжительности проведения экономических реформ и ожидаемого от них эффекта в различных по величине странах, ссылаются на то, сколько времени вынашивают потомство различные по размеру животные – от нескольких недель у кошки, девяти месяцев у человека и почти до двух лет у слона. Сравнение приватизационных процессов в России и странах Балтии полностью опровергает эту естественную закономерность. Если Россия провела приватизацию за 2,5 года, то крошечная по сравнению с ней Эстония потратила на приватизацию большинства предприятий, включая и наиболее крупные, восемь лет.

Приватизационные процессы в маленьких государствах Балтии проходили значительно медленнее, чем в России, что объясняется в первую очередь их прозрачностью и реально осуществляемым общественным контролем в виде эффективной системы обратных связей. Поскольку при продаже крупных объектов использовался, как правило, публичный конкурс (тендер), то общественность стран Балтии имела возможность постоянно отслеживать все этапы и детали прохождения этой сложной и достаточно длительной процедуры. СМИ здесь уделяли данной проблематике самое пристальное внимание, а отдельные публикации заставляли правительство корректировать или даже приостанавливать ход продаж.

Так, в Литве осенью 2000 г. острые дискуссии в медиаканалах вынудили президента В. Адамкуса передать право утверждения наиболее крупных приватизационных объектов от правительства к сейму. В Эстонии попытка бывшего премьер-министра И. Тооме использовать свои связи и купить по протекционистской цене таллиннскую гостиницу «Виру» вызвала немедленную реакцию в прессе, и сделка была аннулирована. Вмешательство эстонских журналистов вызвало громкий общественный скандал в процессе приватизации Нарвских электростанций, осенью 2001 г. состоялся многолюдный митинг на площади перед парламентом, подкрепленный сбором 160 тыс. подписей протеста, в результате чего она так и не состоялась. В Латвии неоднократно предпринимались попытки протекционировать приватизацию высокорентабельных государственных предприятий, в том числе, таких как «Латвэнерго» (аналог российской РАО ЕС), государственной телефонной сети «Латтелеком». Но реакция латвийских массмедиа, поднимающих общественную волну протеста, не позволяла правительственным чиновникам осуществить выгодные для отдельной группы лиц, но не выгодные для государства сделки. Так же как и решение продать фирму «Вентспилс Нафта» не за приватизационные чеки, как с самого начала предполагалось, а за «живые деньги» во многом предопределило поражение партии «Латвияс Цельш» на парламентских выборах. Правящая с 1992 по 1998 г. политическая партия до 2007 г. вообще не была представлена в сейме.

Подобный механизм социального контроля за деятельностью власти есть важнейший элемент демократического государства. Общественный контроль за проведением приватизации свел к минимуму бюджетные потери и обеспечил высокую экономическую эффективность приватизационного процесса в государствах Балтии. Это обеспечило включение социальной энергии активной части населения в экономическое развитие этих стран. В России этот ресурс не был использован, так как население было полностью отстранено от этого процесса. Александр Солженицын так оценил приватизацию в России: «Чубайс философствовал тогда, что никогда в мире не видели такой быстрой приватизации. Так буквально и есть. Таких идиотов нигде в мире больше не было. С огромной скоростью раздали за бесценок наши благословенные недра, нефть, цветные металлы, уголь, производство. Ограбили Россию до нитки»[3]. В сентябре 1995 г. в открытом письме А. Чубайсу академик С. Шаталин обвинял его в «огромном финансовом ущербе, который понесла страна в результате скоропалительной приватизации». «Вы отлично знаете, – писал он, – сколько реально недополучил государственный бюджет от проведенной Вами по смехотворным ценам распродажи государственных предприятий и кто ре-

3. Московский комсомолец, 11. 06. 2004.

ально выиграл от внедрения в жизнь Ваших приватизационных схем»[4]. Итог проведенной в России приватизации кратко подвел Г. Явлинский: «К середине 1990-х годов мы имели огромное количество приватизированных предприятий в самых различных отраслях промышленности с неэффективным управлением, убыточным производством, огромными задолженностями перед бюджетом и своими работниками, непрозрачными и полукриминальными схемами реализации»[5].

Доход от приватизации в маленькой Латвии составил 3 315 млн. долл., в России составил 7 998 млн. долл., т.е. всего в 2,4 больше, и соответственно на душу населения в России – 54,6 долл., в Латвии – 1286,0 долл.[6]. Американские экономисты П. Редуэй и Д. Глински в своей книге «Трагедия российских реформ» приводят еще более красноречивые данные: «В период Второй мировой войны валовый внутренний продукт в СССР сократился на 24%, в период Великой депрессии в США ВВП сократился на 30,5%, в период с 1992 по 1998 г. ВВП в России сократился на 47%, а промышленное производство уменьшилось на 58%»[7]. Известный американский историк Стивен Коэн пишет, «что десятилетие реформ на самом деле есть процесс разграбления, обнищания, демодернизации и дестабилизации России»[8]. Население России ожидало, что либерализация экономики приведет к тому, что всевозможные теневые операции перерастут в законный бизнес, но произошло обратное: черный рынок засосал новые предприятия. Новый российский бизнес был загнан в мир организованной преступности. Экономические реформы 1990-х годов, проведенные без соблюдения правовых законов и нравственных норм привели не к демократии свободного рынка, а к клептократии. «Прежде всего новая система характеризовалась взяточничеством, – пишет американский писатель Д. Саттер, долгие годы проживший в России, в своей книге «Тьма на рассвете. Возникновение криминального государства». – Победители в этой гонке получали возможность купить услуги большего числа правительственных чиновников, что приводило к тому, что с ростом системы росли и взятки. Помимо взяточничества новая система также характеризовалась организованным насилием. К бандитам относились как к обычным экономическим деятелям, и такая политика узаконивала их преступную деятельность. Кроме того, новая система основывалась на воровстве. Деньги, полученные в

4. Шаталин С.С. Жизнь, не похожая ни на чью. – М., 2004. – С. 177.

5. Явлинский Г. Периферийный капитализм. Лекции об экономической системе России на рубеже XX–XXI веков. – М., 2003. – С. 20.

6. Устинов И. Приватизация по-российски // Независимая газета, 17.4. 2001.

7. Reddaway P., Ginski D. The Tragedy of Russia Reforms: Market Bolshevism against Democracy. – Wash., D.C.: US Inst. of Peace Press, 2001. – P. 249.

8. Коэн С. Провал Крестового похода. США и трагедия посткоммунистической России. – М., 2001. – С. 11.

результате криминальной деятельности, нелегально переправлялись за границу во избежание их конфискации в будущем. Эта утечка средств лишала Россию десятков млрд. долл., необходимых для ее развития»[9]. Разрушительный эффект деятельности реформаторов признает и нынешнее российское руководство. Так, в марте 2002 г., выступая на коллегии Генпрокуратуры, Президент Российской Федерации В. Путин констатировал, что значительная часть российской экономики находится под контролем организованных преступных группировок[10].

Если целью экономических реформ в странах Балтии, так же как и в странах Центральной и Восточной Европы, было освобождение от жесткого государственного регламентирования и контроля в целях социально-экономического развития общества в целом, то целью экономической реформации в России было полное освобождение от какого-либо общественного регламентирования и контроля за финансовыми спекуляциями узкой группы лиц для их личного обогащения. «Капитализм “для своих”», – так назвал президент США Билл Клинтон общество, построенное в России при Ельцине[11].

Этот вариант приватизации, который ничего не дал ни гражданам, ни обществу, ни государству стал одной из главных причин неэффективной экономики, обнищания масс, масштабной коррупции, вывоза капитала, разгула преступности, депопуляции населения, падения общественной морали, резкого снижения международного авторитета и других катастрофических последствий для России.

То, что произошло с Россией в конце XX в. по своим последствиям напоминает татаро-монгольскоре нашествие XIII в. Через 30–40 лет после нашествия Русь стала возрождаться. И сегодня, спустя 16 лет после начала гайдаровских реформ, по некоторым макроэкономическим показателям мы приближаемся к 1989 г. Помимо уникальной способности русских приспосабливаться к любым, даже самым невыносимым условиям жизни этому способствовала и продолжающаяся с 1999 г. необычайно благоприятная для России конъюнктура на мировом рынке.

Тем не менее сегодня уровень жизни в странах Балтии, хотя и уступает пока еще ниже среднему в ЕС, но значительно выше, чем в России. За верифицированную структуру экономики и инвестиционную привлекательность, за успехи в модернизации экономики и ее быстрый рост эти страны заслужили в объединенной Европе звание «молодых львов» (по аналогии с «молодыми тиграми» в Юго-Восточной Азии). Сегодня страны Балтии – самый дина-

9. Саттер Д. Тьма на рассвете. Возникновение криминального государства в России. – М., 2004. – С. 9–10.

10. Комсомольская правда, 28.3. 2002.

11. Клинтон Б.. Моя жизнь. – М., 2005. – С. 189.

мично развивающийся регион Евросоюза. В России реформы не привели ни к структурным сдвигам в экономике, ни к модернизации промышленности. Более того, она стала более примитивной, чем в советское время. Доля продукции с высокой добавленной стоимостью с каждым годом уменьшается в структуре российского экспорта, зато возрастает доли сырья и энергоресурсов. То, что российская экономика становится сырьевым и энергетическим придатком теперь уже не только Запада, но и Востока, не может оставить равнодушными российскую номенклатуру к хозяйственным успехам наших балтийских соседей.

Еще один повод для неудовлетворенности нашими соседями, это то, что мы пока сами не знаем, чего от них хотим. Сегодня даже представители нашей власти признают, что у России нет какой-либо последовательной политики по отношению к странам Балтии. За прошедшие годы российское руководство так и не решило, какие цели оно ставит в этом регионе. Внешнеполитический вектор здесь с самого начала был отдан на откуп финансово-промышленным группам (нефтяным, газовым, металлургическим и др.), в основном криминальным, что, возможно, приводило к корпоративным успехам, но почти всегда вызывало конфузы на государственном уровне. Отсутствие четкой и обоснованной политики дополнялось и ошибками в кадрах. Особенно это касается первых дипломатических представителей в 1990-х годах, которые вчистую проиграли своим американским и западноевропейским коллегам. Характеризуя глав наших дипломатических представительств в новом зарубежье, профессор Дипломатической академии МИД РФ Т.В. Полоскова подчеркивает, что «часть из них связана определенными узами (в том числе и финансовыми) с отдельными русскими общинами и организациями, а потому откровенно лоббируют их интересы в ущерб другим на государственном уровне»[12]. Прошло 17 лет, а у нас до сих пор нет специалистов по этому региону. Среди наших послов в странах Балтии можно видеть африканистов, арабистов, индологов и даже нефтяников. Мы сами шаг за шагом уступали этот важный для нас регион третьим странам. По существу, российская дипломатия потерпела неудачу в этом регионе и осознание этого не может не вызвать у нее естественного психологического дискомфорта.

А отсюда повышенная чувствительность, неадекватные реакции даже на самые мелкие укусы. Разумеется, в среде политического истеблишмента стран Балтии есть и национально-озабоченные, и примитивные русофобы, и отрабатывающие свои деньги, полученные от зарубежных заказчиков, и просто психически ущербные, каких, впрочем, немало и в российской правящей верхушке. Эти люди время от времени (особенно если намечается тенденция улучшения межгосударственных отношений) делают различные безответст-

12. Независимая газета, 17.4. 2003.

венные заявления, которые тотчас же вызывают бурю возмущений в Москве, что, разумеется, не повышает авторитет мировой державы. Но «к этому надо относиться спокойно, – справедливо замечал по этому же поводу Ю. Давыдов, – это право маленьких государств время от времени "пощипывать" великие державы и неблагородно лишать их этого удовольствия»[13].

А теперь посмотрим, что питает неприязнь к России со стороны стран Балтии. Прежде всего, такой же комплекс, но на этот раз уже младшего брата. Позиция клерка, ставшего директором и получившего возможность насолить прежнему ненавистному директору. Желание не упустить случая «пощекотать русского медведя». Для местных «ястребов» вступление в ЕС и НАТО сделали этот соблазн непреодолимым, что, в частности, проявляется в том, что на европейских мероприятиях в рамках этих организаций представители стран Балтии спешат выступить с каким-либо очередным антироссийским демаршем. Западные дипломаты комментируют так: Россия про них уже давно забыла, а они все еще никак от нее отстать не могут.

Очень большую роль в ухудшении отношений с Россией сыграла маниакальная идея национал-радикалов построить монокультурное государство и досада оттого, что вопреки стольким затраченным усилиям русские и не думают возвращаться на свою историческую родину. Теперь им приходится мириться с тем, что мечта оказалась химерой. Чувства этих людей понять можно. К примеру, Рига, как была русскоговорящей, так и осталась. Риторика реституции, которая выражала стремление национал-радикальных правительств реставрировать довоенную государственность, была весьма популярной в Латвии и Эстонии в начале 1990-х годов. Но «голубая» мечта о восстановлении этнического состава населения этих стран по состоянию на 1940 г. была очевидной утопией, истоки которой коренились не столько в наивности и романтичности местных политиков, сколько в их незнании России и особенно того, что в ней творилось в постсоветское время. И только к середине 1990-х годов стало, наконец, ясно, что большинство русских ни при каких вариантах давления на них в ельцинскую Россию не уедут. Очевидным стало и то, что они согласны на любой статус, в том числе и статус без гражданства, но только не возвращаться на историческую родину.

Раздражение национал-радикалов усиливается еще и тем, что массированное выдавливание русских из государственно-административной сферы привело к их экспансии в деловой сфере – другого выхода у них не было. Сегодня бизнес в странах Балтии в значительной степени оказался в руках русских. Неудивительно, что местные этнократы воспринимают это очень болезненно. Особенно сильны финансово-экономические позиции нашей

13. Давыдов Ю. Россия – европейская периферия? // Мир перемен, 2005, № 3. – С. 89.

общины в Латвии: многие владельцы или руководители крупных предприятий, банков, страховых компаний, терминалов, стивидорных фирм и т.п. – наши бывшие сотечественники. В этой связи можно привести оценку, данную одним из владельцев крупнейшего банка Латвии «Parex» А. Каргина: «Бизнес здесь контролируется, в основном, русскими и евреями. Латышских чиновников это нервирует, но с этим им приходится мириться»[14].

Один из лидеров правящей партии «Латвияс Цельш», министр иностранных дел В. Биркавс спустя пять лет после обретения независимости Латвии вынужден был констатировать: «Экономическая власть уже принадлежит нелатышам и не видно реальных перспектив изменения этой ситуации»[15]. Позиции русского капитала неплохо выглядят и в двух других республиках, так как многие детерминанты успехов русского бизнеса в этом регионе являются общими. Уклончивый ответ премьер-министра Эстонии на вопрос одного из шведских журналистов в январе 1998 г. «правда ли, что русские контролируют большую часть бизнеса Эстонии?» подтверждает это. Март Лаар ответил: «Все-таки не думаю, что это так. Мы приветствуем всех русских предпринимателей. Для нас они такие же, как эстонские, финские, шведские…»[16]

Сегодня страны Балтии, как и многие другие постсоветские страны, ориентированы на Запад. Психологически понятно желание порочить старого хозяина, чтобы угодить новому. Стремление выслужиться перед Вашингтоном и Брюсселем требует демонстрации соответствующего отношения к Москве. Показательный эпизод: в 2004 г. новый глава правительства А. Эмсис, приняв кабинет, не начал свою деятельность с визита в американское посольство, чем нарушил уже сложившуюся здесь традицию. Национал-радикальные массмедиа буквально зашлись в истерике. Новоиспеченный премьер-министр вынужден был давать объяснения, а его кабинет, будучи одним из самых умеренных и квалифицированных, просуществовал лишь короткое время. Неприязнь к России в кругах балтийской этнократии расценивается ныне как присяга преданности Западу. Большую лепту в атмосферу враждебности к России внесла национальная интеллигенция, значительная часть которой зациклилась на исторических обидах. С 1940 г. прошло 68 лет, уже и вечно враждующие Франция и Германия давно побратались, и даже дважды воевавшая с нами Финляндия являет пример десятилетий тесного и плодотворного сотрудничества с Россией, а многие гуманитарии в странах Балтии все так же со сладострастием расковыривают свои давние болячки и никак не могут остановиться. Почему? Прежде всего, это политический капитал. Но не только. Среди наиболее радикальных националистических поли-

14. Бизнес & Балтия, Рига, 23.9. 2001.
15. Диена, Рига, 30.9. 1997.
16. Postimees, Tallinn, 12.6. 1998.

тиков стран Балтии немало людей с научными степенями, полученными в Советском Союзе. Причем часто в условиях льготного режима, вроде так называемой целевой аспирантуры (докторантуры), когда представители союзных республик принимались туда вне конкурса. Возможно, в основе нынешнего радикализма этих людей лежит стремление как-то оправдаться за тот высокий общественный статус и сравнительно неплохой уровень жизни, который они имели при советской власти.

Существуют и другие причины у определенной части интеллектуальной элиты стран Балтии как для рефлексии по поводу своего недавнего прошлого, так и для компенсаторных синдромов, связанных с резкой переменой идеологических парадигм. Быть вчера носителем коммунистической идеи, а сегодня носителем националистической или либеральной для нормального, а тем более образованного человека – это, по меньшей мере, психологически дискомфортно. Обстоятельство, во многом объясняющее почему основное внимание гуманитарная интеллигенция стран Балтии сегодня уделяет этому прошлому, тратит время на постоянное его переписывание и «переосмысливание». При этом процесс исторической рефлексии причиняет ей неудобство уже тем, что существующие в массовом сознании латышей, литовцев и эстонцев оценки сталинских репрессий и депортаций 1940–1950-х годов как исключительно этнонаправленные, совершенно несправедливы. Интеллектуалам-то хорошо известно, что русская элита Прибалтики в сталинскую эпоху уничтожалась более жестоко, чем титульная. Судьба русских здесь была особенно трагической, зачастую и до места не довозили, расстреливали по дороге – как «белогвардейцев». Сталинские гонения носили не этнический, а политический и идеологический характер. А уж если ориентироваться на чисто этнический признак, то, будучи хотя и не слишком многочисленными, но самыми состоятельными, т.е. наиболее «социально чуждыми» новой власти, в Прибалтике более всего пострадали евреи.

И наконец, последнее. Если российская верхушка разочарована утратой прежнего экономического рычага по отношению к странам Балтии, то здесь многие деятели комплексуют от сохраняющейся еще зависимости экономики от отношений с Россией. Ее доля значительно уменьшилась за последние годы, но все же пока еще ощутима. И это, естественно, не вызывает у националрадикалов положительных эмоций. На официальном уровне заметно стремление преуменьшить значение экономического сотрудничества с Россией. Так, по данным местной статистики, бюджетные поступления от транзита российских грузов составляют не более 12–15%, что, разумеется, является явно заниженной оценкой.

Если в России за 17 лет сложилось много мифов о странах Балтии, то и в этих странах с начала независимости официальная государственная стратегия

строилась и популяризировалась на антирусской мифологии. Вот наиболее распространенные из них.

Первый. Русские жители стран Балтии нелояльны, если им дать гражданство – рано или поздно они станут «пятой колонной», и Россия вновь оккупирует эти республики под предлогом защиты этих людей. Устойчивое мнение о врожденной нелояльности русских опровергает эстонский социолог А. Семенов, посвятивший этому специальное исследование. В его рамках был поставлен вопрос: может ли целевая установка на лояльность государству быть дифференцированной, если дело касается какой-то конкретной ситуации, например в случае с необходимостью исполнять законы?

Приводим одну из таблиц этого исследования.

ОТВЕТЫ РЕСПОНДЕНТОВ НА ВОПРОС «ЕСЛИ ВАМ НАДО БЫЛО БЫ ИСПОЛНЯТЬ КАКОЙ-ТО ЗАКОН ИЛИ ПРАВОВОЙ АКТ, КОТОРЫЙ ВЫ СЧИТАЕТЕ НЕСПРАВЕДЛИВЫМ ИЛИ НЕПРАВИЛЬНЫМ, КАК БЫ ВЫ ПОСТУПИЛИ В ТАКОЙ СИТУАЦИИ? (В %)

	Население в целом N=700	Эстонцы N=338	Неэстонцы N=362
Закон есть закон, и его надо исполнять	38	33	43
Стараюсь обойти закон	14	12	16
Пытаюсь защитить свои права и юридическим путем оспаривать закон	37	45	29
Затрудняюсь ответить	11	10	12

То есть среди безоговорочно лояльных законам доля неэстонского населения больше (разница в 10%). Из чего можно сделать вывод, что проблема неустойчивой «лояльности» неэстонцев является, скорее всего, надуманной. Это, разумеется, не означает, что респонденты-эстонцы менее законопослушны. Но более широкие возможности доступа к информации по законодательству, к участию в общественной и политической жизни формируют у эстонской части населения, во-первых, более критическое отношение к государственной власти и, во-вторых, к способу решения возникающих проблем.

Второй. «Вот выгоним русских – и на всех всего хватит, будем сами хозяевами в своем государстве». Несмотря на то, что русские налогоплательщики пополняют бюджет по тем же самым нормам, что и титульное население, пока еще не все русские обладают равными возможностями в потреблении материальных благ, которые имеют представители титульного населения. Следовательно, наоборот, исход русских ухудшит материальное положение титульного населения.

Третий. Русские опережают титульных в воспроизводстве. Этот последний миф особенно глубоко укоренился в массовом сознании латышей («нела-

тыши быстрее размножаются»). Однако если подобная тенденция проявлялась в прошлом, то в течение последних двенадцати лет происходит обратный процесс. Это подтверждается государственной статистикой. Руководитель департамента труда Министерства благосостояния Э. Витолиньш свидетельствует, что «рождаемость у представителей некоренных национальностей снижалась быстрее, чем у латышей. Ни одна из народностей Латвии, кроме цыган, больше не обеспечивает даже обыкновенную смену поколений. Коэффициент рождаемости у латышей в последние годы составляет примерно 8–9 промилле, в то время как у остального населения – всего лишь 6–7 промилле. Это объясняется территориальным распределением населения республики: латыши преобладают в сельской местности, где традиционно уровень рождаемости выше»[17].

Но, разумеется, кроме мифов и обид есть и взаимные претензии. Главная претензия у России к странам Балтии – положение русских в этих странах. Действительно, неграждане в Латвии (их сегодня 370 тыс. из 750-тысячной российской диаспоры) и Эстонии (115 тыс. из 440 тыс.) не могут участвовать в выборах парламента страны, а в Латвии и в выборах местных органов самоуправления, не могут занимать должности в государственных учреждениях, и не удостоены чести служить в армии этих государств. Эта претензия вполне справедлива, да и само по себе наличие сотен тысяч неграждан в XXI в. в центре Европы – свидетельство глубокого кризиса современной международной правовой системы.

Но, с другой стороны, эти люди живут сегодня в мирных, политически стабильных государствах с самой эффективной на всем постсоветском пространстве экономикой, в условиях хорошо организованного быта, а возможность участвовать в голосовании на выборах в парламент большинству из них не представляется приоритетной ценностью – лишь одна треть русских, получивших латвийское или эстонское гражданство, принимает участие в выборах в парламент – факт, глубоко обескураживающий российских политиков. Неграждане наравне со всеми имеют социальное медицинское страхование, равные права на участие в приватизации. Размер пенсий, стипендий, детских пособий и пособий по безработице, других социальных выплат не зависит от наличия или отсутствия гражданства. А недостаток части гражданских прав они рассматривают как плату за то, чтобы жить там, где нет хозяйственного хаоса и административного произвола, всеобщей коррупции, жить там, где нет военных конфликтов. Российскому руководству, ответственному за нынешнее состояние России, разумеется, трудно признать, что их бывшим соотечественникам, несмотря на все ограничения, нравится жить в

17. Межс И., Зепа Б. Проблемы прав человека // Бюллетень Института этнологии и антропологии РАН. – № 30, март–апрель 2000. – С. 121.

странах Балтии и они не хотят жить в России. Реальность состоит в том, что русские бедствуют не в странах Балтии, а в России. Поэтому внедряемый российскими СМИ в общественное сознание россиян еще три–четыре года назад миф о массовом бегстве русских из стран Балтии ныне полностью утратил популярность. Более того, в консульские отделы посольств стран Балтии все чаще приходят письма бывших жителей этих республик с просьбой помочь вернуться обратно.

Главная претензия стран Балтии к России – оккупация 1940 г. и признание ее Россией со всеми вытекающими последствиями. То есть приехавшие сюда после 1940 г. русские рассматриваются не как этническое меньшинство, а как результат оккупации. Именно на этой основе строится нынешняя политика стран Балтии по отношению к России. И точно так же, как в России, общественное восприятие данной проблемы в странах Балтии серьезно деформировано. При этом правые национал-радикальные партии реализацией «оккупационной концепции» обеспечили себе преимущества на выборах в парламент, ловко соединив в общественном сознании политическое и этническое (левое, следовательно, русское; русское, следовательно, оккупация). Политические процессы в Латвии и Эстонии имеют четкий этнический вектор. Как только у партий левого и центрального политического спектра появляются шансы на большинство в парламенте, для электората следует строгое предостережение: «Вы хотите снова русской оккупации?». То, что даже такая демагогия срабатывает, показывает, насколько глубоки на теле балтийских народов рубцы сталинских репрессий.

Была ли оккупация или ее не было – вопрос, который сегодня активно дискутируется, во многом искусственный, противоречащий здравому смыслу. Действительно, что это за оккупация, когда власть не только никак не ущемила прав «оккупируемых» по сравнению с правами «оккупантов», не ввела никакого «оккупационного режима» на их территории, не назначила сюда своих генерал-губернаторов (как это делала, например, Германия, назначив на оккупированных территориях гауляйтеров), не ввела других соответствующих оккупационному режиму атрибутов, а решение о вступлении в СССР приняли в 1940 г. **легитимные органы власти** – парламенты Латвии, Литвы и Эстонии, избранные на основе существующих в этих странах государственных законов. В отличие, кстати, от решения о независимости этих республик в 1991 г. было принято их Верховными Советами, т.е. органами «оккупационного режима», что переводит дискуссию об оккупации в почти анекдотическую плоскость. И наконец, что это за оккупация, когда «оккупанты» последовательно осуществляют преимущественное инвестирование в «оккупированные» территории и повышение уровня жизни их населения в ущерб собственному народу, развивают там национальную культуру, безразлично наблюдая, как деградирует собственная? Например, «оккупированная»

Латвия с населением в 2,6 млн. человек получала в советское время из госбюджета в 4 раза больше, чем Воронежская область с населением в 2,8 млн. человек. При этом следует подчеркнуть, что здравый смысл все же не позволяет прибалтам не видеть абсурдность оккупационной доктрины. Словосочетание «оккупационный период» навязчиво эксплуатируется и в лексиконе политиков, и в массмедиа, но только до тех пор, пока оно не сталкивается с реальностью. Так, широко отмеченное осенью 2005 г. 60-летие системы образования музыкальных школ в Эстонии (в буржуазной Эстонии ничего подобного не было) даже самые праворадикальные газеты относили не к «периоду оккупации», а к «советскому периоду». Точно так же праздновался 60-летний юбилей образования мужского хора Эстонии, 20-летие Национальной библиотеки Эстонии – лучшей в то время в СССР (да и сейчас ей нет равных ни в одной из стран постсоветского пространства), многих других достижений культуры, созданных в советский («оккупационный») период.

Можно и дальше продолжать иронизировать над надуманностью этой дефиниции. Как известно, русские в СССР не имели никаких преимуществ перед титульными жителями Прибалтики. Наоборот, в целом положение русских в СССР было значительно хуже, чем положение многих представителей титульных этносов в союзных республиках. Это признают и западные социологи. «В глазах многих русских, – отмечает известный немецкий социолог Ян Экберт, – нерусские были привилегированными в системе национальных республик, в то же время многие нерусские называли советскую систему русской империей»[18]. Но если СССР и был империей, то она была очень странная – империя-наоборот, в которой «колонии» питались соками, выжимаемыми из «метрополии». Это по существу.

А если строго юридически[19], – **а именно так и только так следует подходить к термину, если он используется для формирования государственной правовой системы**, – то здесь следует опираться на те общепризнанные международные правовые акты, которые действовали в тот период.

Гаагская конвенция 1907 г., подписанная 44 странами, определяет оккупацию как последствие международного военного конфликта. То есть оккупации должны предшествовать военные действия между государствами. Но в 1939/1940 гг. между СССР и Латвией, СССР и Литвой, СССР и Эстонией, не было ни вооруженного конфликта, ни военных действий. Следовательно, исходя из определения, зафиксированного Гаагской конференцией, не было и

18. Экберт Я. Исследования проблем мира в период и после конфликта «Восток-Запад». Статьи последних 20 лет. – М., 1997. – С. 280.

19. Смешивание значений, неряшливость, а иногда и элементарная безграмотность в употреблении понятий, в том числе и содержащих негативную коннотацию (геноцид, фашизм), становится характерной для сегодняшнего «постмодернистского» лексикона.

оккупации. Разумеется, это нисколько не оправдывает сталинских массовых репрессий после вхождения этих стран в состав СССР. Латвию, Литву и Эстонию в 1940 г. не оккупировали, а силой при активном содействии местных компартий и поддержке части населения присоединили к Советскому Союзу. Формально даже не по инициативе Кремля, а по просьбе парламентов этих стран. А в 1945 г. после окончания войны СССР вернулся к тем своим границам, в которых ее начинал в 1941 г. Кстати, с полного согласия Англии и США, что и было зафиксировано в документах Ялтинской конференции.

Разумеется, и в самих странах Балтии есть немало серьезных историков и юристов, которые имеют свой собственный взгляд на события 1940 г., и который расходится с нынешней «генеральной линией» (например, тартуские историки Магнус Синиярв, Лаури Мялксоо[20], Магнус Ильмъяр, проведший серьезное исследование о К. Пятсе – книга называется «Молчаливая капитуляция», Энн Соовик[21] и др.). Поэтому их голоса не так слышны в общем хоре. Вот показательный пример. В конце 1991 и начале 1992 г. возник конфликт между будущим первым президентом Эстонии, а тогда министром иностранных дел Ленартом Мери, получившим пост министра еще в апреле 1991 г., т.е. при советской власти, и его заместителем – известным правоведом-международником, профессором Рейном Мюллерсоном. Причина конфликта заключалась в том, что Р. Мюллерсон, анализируя документы, связанные с присоединением Эстонии к СССР, пришел к выводу, что юридически оккупации не было. Все соглашения с Советским Союзом были подписаны президентом Константином Пятсом – легитимным тогда главой государства – без каких-либо оговорок, комментариев или последующих заявлений. После чего профессор был изгнан со своей должности. Разгорелся скандал, так как министр не имел права увольнять своего заместителя без санкции Верховного Совета республики.

Этот эпизод достаточно убедительно характеризует ситуацию, сложившуюся в Прибалтике после распада Союза. Здесь идея «оккупации» канонизирована, на ее основе построена вся система правового регулирования гражданских отношений в Эстонии и Латвии, на ней воспитано уже поколение молодых граждан этих стран, которые «оккупацию» впитали в себя с молоком матери. Слово «оккупация» зацементировалось в головах людей. Это напоминает те сказки об «ужасах» царской России, в которые свято верили советские люди, рожденные после 1917 г. Но, главное, что у титульных этносов Балтии эта проблема из когнитивной, логической, рациональной сферы давно

20. См. Mälksoo Lauri. Nõukogude anneksioon ja riigi jarjepidevus. – Tartu Ülikooli Kirastus. Tartu, 2005.

21. Соовик Э. изложил свои взгляды на эту проблему в статье «Вопрос не в МРП (Molotov-Ribbentrop-Pakt), а в агрессии» (Eesti Päevaleht, 31.1. 2005).

перетекла в сферу эмоциональную и иррациональную. Поэтому сегодня любая попытка рассмотреть этот вопрос спокойно, в академическом ключе оказывается бесполезной, так как вызывает бурную реакцию. Это расценивается среди многих латышей, литовцев и эстонцев как покушение на святые национальные чувства, кощунство.

Но безжалостная реальность заключается в следующем: даже если доказать, что оккупации не было (а строго юридически это именно так), то для русскоязычных жителей Латвии и Эстонии ничего не изменится, потому что в этих странах считают по-другому (и не откажутся от доктрины оккупации, иначе рухнет вся правовая конструкция), и на этой основе построили свою законодательную систему. Именно с этих позиций отклоняется российское обвинение Латвии и Эстонии в массовых нарушениях гражданских прав. Против такого подхода возражают многие западные специалисты в области международного права. Так, например, известный немецкий специалист по международному праву М. Виганд вполне разумно полагает, что «включение государств Балтии в состав СССР было принудительным, но ненасильственным»[22].

Анализ дефиниций, связанных с включением стран Балтии в состав СССР, по своей результативности напоминает «Игру в бисер» Германа Гессе. К этому можно лишь добавить, что, безусловно, насильственным было включение Чехословакии в состав Германии, осуществленное (стоит особенно подчеркнуть этот момент) в полном соответствии с Мюнхенскими соглашениями, которые и в политическом, и в правовом, и в нравственном планах вполне достойны пакта Молотова-Риббентропа. Действительно, во время выборов в Верховные Советы этих республик в 1940 г. в полном соответствии с межправительственными соглашениями находились части Красной Армии. Но ведь и во время парламентских выборов в 2005 г. в Ираке там находилась 250-тысячная армия США и их союзников. И при этом не на основе межправительственных соглашений, а в результате военных действий, т.е., оккупации, в строгом и точном значении этой дефиниции. Однако мировое сообщество признает легитимность этих выборов.

Пакт Молотова–Риббентропа с секретными протоколами представляет собой не что иное, как соглашение о сферах влияния двух могущественных государств. Но в пакте не говорится ничего о том, как и когда конкретно это распределение будет осуществлено. Если бы СССР отказался от осуществления расширения своей сферы влияния или использовал для этого только корректные политические рычаги (что было, кстати, вполне достижимо), то не

22. Цит. по кн. Биркенбах Ханне-Маргарет «Расследование фактов как средство превентивной дипломатии». (Взгляд международных организаций на конфликт по вопросу гражданства в Эстонии и Латвии). – М., 1998. – С. 53.

было бы сейчас ни у кого оснований говорить об МРП как о каком-то преступлении. Значительно осложнило ситуацию то, что наличие секретных протоколов к советско-германскому соглашению 1939 г., о которых знала широкая общественность Балтии, упрямо отрицалась советским руководством вплоть до самого что ни на есть последнего момента. Свойственная тоталитарным режимам практика максимального сокрытия информации, тупое отрицание очевидных событий (вроде расстрела польской офицерской элиты в Катынском лесу) сыграло злую шутку. Ибо со временем этот пакт превратился в массовом сознании прибалтов в чудовищный документ-монстр, хотя он был не чем иным как обычным в то время (да и в нынешнее тоже) циничным соглашением между большими государствами. Само по себе подписание МРП и других подобных соглашений не является преступлением. Преступными являются их последствия, в данном случае сталинские злодеяния.

Все вышесказанное дает основание сделать вывод: политики, как с той, так и с другой стороны много сделали для вражды соседних государств. «Обе стороны постоянно тестируют друг друга на реакцию на проявление крайностей, – считает рижский профессор Э. Карнитис. – Балтийские и российские радикалы очень хорошо сработались. А сотрудничество, судя по всему, ни тем, ни другим не выгодно»[23].

Каков выход из этого тупика?

Исходить не из узкополитических, а из национальных интересов. А для России они заключаются в том, что территория стран Балтии была, есть и будет зоной ее геостратегических интересов, потому что ворота в Западную Европу для России всегда были и остаются жизненно важными. В современных условиях эти ворота должны быть более широкими и функционировать бесперебойно и продуктивно. Сегодня происходит постепенное осознание этой реальности. А вступление стран Балтии в ЕС объективно увеличивает стратегический потенциал этого региона, здесь ныне проходит граница России с Евросоюзом, что позволяет наладить с ним более тесную связь. Взаимная выгода – мощный фактор сближения. Поэтому, несмотря на последовательный прессинг радикально настроенных политиков с обеих сторон, экономическое сотрудничество России со странами Балтии набирает обороты.

23. Бизнес & Балтия, 15.2. 2006.

О.Б. Подвинцев

ПАРТИЙНЫЕ СИСТЕМЫ БЫВШИХ СОЮЗНЫХ РЕСПУБЛИК КАК ОТРАЖЕНИЕ РАЗНОНАПРАВЛЕННЫХ ТЕНДЕНЦИЙ РАЗВИТИЯ ПОСТСОВЕТСКОГО ПРОСТРАНСТВА

Подвинцев Олег Борисович – доктор политических наук, профессор Пермского государственного университета.

Общность «постсоветского пространства» – это общность прошлого, что фиксируется в самом данном определении. После распада СССР векторы политического развития бывших союзных республик, ставших независимыми государствами, были различны, а в ряде случаев и меняли свое направление. Сравнение нынешних политических систем этих стран по ключевым параметрам позволяет определить не только результативность уже происшедших трансформаций, но и выявить вероятную направленность их дальнейшего развития на ближнесрочную перспективу. Кроме того, общность и различие политических режимов, хотя и не являются ведущими факторами, определяющими логику межгосударственных союзов, но все же влияют на нее.

Одним из важнейших параметров сравнения в этом отношении с необходимостью является партийная система. Основной критерий классификации партийных систем как таковых – количество партий, реально претендующих и оказывающих воздействие на власть, с нашей точки зрения, должен быть в данном случае дополнен еще одним: устойчивость этих партий, а также повестки дня, которая их формирует. Необходимость такого дополнения определяется «молодостью» данных политических систем и обилием дестабилизирующих факторов, связанных с их рождением в результате распада имперского организма.

В результате, как представляется, современные партийные системы постсоветских государств можно разделить на шесть типов.

Первый, самый многочисленный, можно определить как *«господство “партии власти”»*. К данному типу, с нашей точки зрения, следует отнести партийные системы России, Казахстана, Узбекистана, Таджикистана и Азер-

байджана. Среди многочисленных характеристик «партии власти», выделенных различными исследователями в последнее время, ключевыми нам представляются две, связанные между собой. Во-первых, «партия власти» создается «сверху» при опоре на государственные структуры. И во-вторых, как следствие, такая организация способна выполнять неполное число партийных функций. В частности, даже в условиях ограниченной политической конкуренции, она призвана и способна лишь защищать и поддерживать власть, но не завоевывать ее. Утратив тесную связь с действующими властными государственными органами, такие структуры почти мгновенно рассыпаются. Неудивительно, что в ряде случаев (Россия, Казахстан) предпринимались и предпринимаются попытки созданий дополнительных и запасных «партий власти», но, в случае если речь идет о реальной конкуренции, все они, как представляется, с неизбежностью обречены на неудачу, именно в силу отмеченных выше особенностей данного феномена.

Более эффективны в таких системах партии, постоянно или в ключевые моменты, выступающие в качестве марионеток власти, но формально противостоящие ей и обладающие своим собственным электоратом. Получить или вырастить такую политическую силу, сложнее чем «партию власти», поэтому зачастую они оказываются и более устойчивыми по сравнению с ней. Деятельность же подлинно оппозиционных партий сталкивается в таких системах с большими трудностями. В России надежды оптимистов на то, что «в 2007 году при выборах в новую Государственную Думу мы увидим рождение новой и вполне жизнеспособной системы политических партий»[1], явно не сбылись. Высокий результат, показанный на этот раз «партией власти» не сделал ее более устойчивой и менее зависимой от «спарринг-партнеров» в лице КПРФ и ЛДПР.

Подобная российской ситуация, если исходить из итогов последних парламентских выборов, существует в Таджикистане и, в какой-то степени, в Азербайджане. Казахстан в плане могущества «партии власти» в настоящее время вышел в лидеры – в 2007 г. партия «Нур-Отан», как известно, получила свыше 88% голосов избирателей и 100% депутатских мест. В Казахстане же действует и наиболее «драконовское» законодательство в отношении партий (численность каждой должна составлять не менее 50 тыс. человек – как в России, но при совсем другой численности населения). Таким образом, именно в Казахстане модель господства «партии власти» как таковая, вероятно, пройдет основное испытание на прочность.

Специфична в рамках данного типа партийная система Узбекистана. Оппозиционные партии не получали и не получают в этой стране официальной регистрации. Роль лояльных партийных структур, которые раньше носили

1. Медведев Р. Владимир Путин: Третьего срока не будет? – М., 2007. – С. 426.

формальный и декоративный характер, постепенно повышается, но не затрагивает основы существующего режима[2]. Поскольку конкурируют они между собой в лучшем случае лишь по частным вопросам, то, по сути, не какая-то из этих структур в отдельности, а лишь все они в совокупности, или большая их часть, и составляют «партию власти». При этом Ислам Каримов по своей воле выводит на первую роль то одну, то другую из них.

В отдельный тип, по нашему мнению, может быть выделен случай Туркменистана, где сложилось *«господство тоталитарной партии»*. Конечно, в отличие от классических примеров тоталитаризма, партия в данном случае не является «первичной» по отношению к режиму. Однако в Туркменистане отсутствует даже видимость политической конкуренции, а единственная партия прочно срослась с государственным аппаратом и совместно с Общенациональным движением «Галкыныш» («Возрождение») служит прежде всего инструментом политической мобилизации. Правда, три года назад прежний лидер Туркменистана пообещал, что к 2008 г. в стране «будет достигнут тот уровень общественной культуры, который обусловит появление механизма многопартийности как необходимого элемента демократического устройства»[3]. Показателем этого должны были стать президентские выборы, проводимые на альтернативной основе с выдвижением трех-четырех кандидатур. Такие выборы, как известно, состоялись уже в феврале 2007 г., и участие в них принимал уже преемник скончавшегося Сапармурата Ниязова. Несмотря на то, что количество альтернативных кандидатов было даже больше, чем обещал Ниязов, конкурентными эти выборы, даже с формальной точки зрения, никак не назовешь. Выступая в августе того же года на съезде движения «Галкыныш» и Демократической партии Туркменистана, избравших его новым председателем той и другой организации, Гурбангулы Бердымухамедов подтвердил верность словам «Великого Сердара» о том, что «какие бы партии ни возникали в нашем государстве, Демократическая партия Туркменистана как ведущая партия еще больше укрепит свою роль в обществе»[4]. Таким образом, даже возможность создания в духе «Эпохи нового Возрождения» декоративных партийных структур, на наш взгляд, вряд ли меняет ха-

---

2. См. об этом: А. Куртов. Политические партии Узбекистана: Переформатирование президентской униформы (http://www.analitika.org/article.php?story=20070517000242159). Автор определяет сложившуюся в Узбекистане систему как «систему деформированной многопартийности».

3. См.: / www.turkmenistan.ru 08.04.05.

4. «Эпоха нового Возрождения» в рамках «Золотого века». Речь президента Туркменистана Гурбангулы Бердымухамедова на совместном заседании общенационального движения «Галкыныш» и Демократической партии Туркменистана (www.turkmenistan.ru 08.08.07.).

рактеристику данной партийной системы и приближает ее к первому рассмотренному нами типу.

Следующие два типа, с нашей точки зрения составляют *«неустойчивые многопартийные системы с устойчивой повесткой дня»*. Различие заключается в том, что в Латвии и Эстонии такие системы являются *«однополюсными»*, а в Украине, Молдавии и Литве – *«двухполюсными»*. Политическая повестка дня во всех этих случаях более устойчива, чем сами партийные институты, и включает конфликтные расколы, которые не преодолеваются не только простой ротацией правительств при «однополюсном» варианте, но и радикальной сменой у власти противоборствующих лагерей при «двухполюсном». Ниши политического ландшафта здесь достаточно четко фиксированы, и соответствующие социальные акторы оказываются в состоянии заполнять их, хотя зачастую и недолговечными, но все же вполне дееспособными политическими силами.

Специфика Украины заключается в том, что противоборство двух партийно-политических полюсов здесь имеет территориальную привязку и в настоящее время выражается в известном расколе между «северо-западом» и «юго-востоком». Однако, следует учитывать, что границы этого раскола подвижны (по сравнению с 1990-ми годами они значительно изменились). Кроме того, каждый из полюсов не является монолитным не только в организационном, но и в политическом отношении, а пространство между ними постоянно оказывается востребованным различными претендентами на роль «третьей силы». Все это, по нашему мнению, делает политическую систему Украины более устойчивой, целостной и гибкой, чем это представляется на первый взгляд.

Основой электоральный разлом в Молдавии первоначально (в 1990-е годы) тоже был территориально-этническим[5]. Однако в дальнейшем, с приходом к власти Коммунистической партии Молдовы, этот разлом все больше стал превращаться в разлом между «городом» и «селом» или в разлом между столицей (где сосредоточено около трети избирателей) и провинцией. Недаром КПМ, укрепляя свои позиции, вытесняла с политической арены прежде всего аграриев.

В Литве фактически сразу после достижения независимости сложилось характерное для стран Европы и Запада в целом разделение на консервативно-либеральный и социал-либеральный полюса (единственный случай среди бывших республик СССР). Неурядицы переходного периода, неустойчивость создаваемых партий и блоков, успехи популистских «третьих сил» не изменили, на наш взгляд, сути основного политического раскола в стране. При этом националистически ориентированные консерваторы, блокирующиеся с

5. См. об этом, например: Брутер В. Политические процессы в Молдове в 1988–2003 гг. (http://www.igpi.ru/bibl/igpi_publ/moldova-brooter.html)

частью либералов, и социал-демократы, также заключавшие союз с частью либералов в Литве, не раз меняли друг друга у власти.

Та же система могла сложиться в Латвии и Эстонии, если бы этому не мешала проблема русскоязычного населения. Борьба вокруг вопроса о предоставлении гражданских прав русскоязычному населению и, шире, о его роли в будущем развитии этих стран, с одной стороны, препятствовала формированию ординарного и дееспособного социал-либерального полюса, а с другой – порождала националистическую почву для восстановления постоянно рушащихся и перегруппировывающихся консервативных и либеральных сил. Этому же способствовало время от времени обострявшееся противостояние с Россией (по сути, преимущественно пропагандистское). Постепенное расширение русскоязычного электората меняет ситуацию. В Латвии второй политический полюс вполне может сформироваться в ближайшие годы на основе существующих сейчас блоков «Центр Согласия» и «За права человека в единой Латвии». В Эстонии его основой может стать Центристская партия при условии ее дальнейшего размежевания с правящей коалицией и политической эволюции в целом. Но чтобы все это произошло, необходимо дальнейшее снижение значимости «русского вопроса» в политической повестке дня этих стран или, по крайней мере, снятие его остроты.

Следующий тип, на наш взгляд, представляют партийные системы Армении, Грузии и Кыргызстана, которые могут быть охарактеризованы как *«неустойчивая многопартийность с неустойчивой повесткой дня»*. Смена у власти одного противоборствующего лагеря другим в таких системах также возможна, но, в отличие от рассмотренного выше варианта, ведет к началу противостояния нового по своему содержанию. Более того, новые глубокие социально-политические расколы могут достаточно быстро возникнуть и без такой смены. Политические силы, несмотря на изменения названий и конфигураций в ряде случаев в таких системах оказываются более устойчивыми, чем повестка дня.

В Кыргызстане возникновение такой системы стало следствием «цветной» революции. До настоящего времени развитие партийного ландшафта Кыргызстана, с нашей точки зрения, определяется условиями революционного времени. Расстановка политических сил в таких условиях может радикально меняться не только в соответствии с официальной иерархией политических событий. Поэтому эксперименты правящего лагеря этой страны с избирательным законодательством и другие действия, фактически направленные сейчас на выстраивание системы господства «партии власти», могут и не дать желаемого результата. Например, основная оппозиционная партия «Ата-Мекен», оставленная по итогам декабрьских выборов 2007 г. за бортом парламента страны, уже провозгласила своим «Сталинградом» намеченные на осень выборы в местные органы власти и, прежде всего городской кенеш

Бишкека[6]. Территориальный политический разлом Кыргызстана на Север и Юг становится все более значимым фактором, в том числе и в отношении партийного соперничества. В то же время идеологическое оформление этого разлома изменчиво. Впрочем, наличие глубоких территориальных разломов в соседних Казахстане и Таджикистане формированию системы господства «партии власти» не помешали.

В Грузии и Армении изменчивость повестки дня обусловлена глубиной социально-экономического кризиса, остротой вопроса национально-государственного единства. Согласие, существующее в обществе относительно приоритетных целей, сочетается с высокой степенью фрагментированности мнений относительно путей их достижения. В сочетании с традициями активной политической жизни это тоже порождает революционные ситуации и собственно революции. Вряд ли в этих условиях возможно возникновение жизнеспособной «партии власти». Хотя это, конечно, не означает отсутствия авторитарных тенденций власти как таковых.

Наконец в качестве отдельного типа, как представляется, следует выделить *«непартийную систему»* Белоруссии. Авторитарный по сути режим этой страны допускает лишь очень ограниченную политическую конкуренцию или, возможно, только ее видимость. Однако, в отличие от типа, рассмотренного первым, в данном случае это не сопровождается использованием технологии «партии власти». В результате значение партий как таковых в политической системе страны неуклонно снижалось и в настоящее время оказывается крайне малым. Отсутствие «партии власти» делает партийный механизм неэффективным и неперспективным и для оппозиции, которая в условиях авторитарного режима неизбежно приобретает радикальный характер.

По сути, режим Лукашенко активно эксплуатирует широко распространенное не только в Республике Беларусь, но и в рамках постсоветского пространства в целом, скептическое и неприязненное отношение населения к политическим партиям как таковым. «Официальная пропаганда постоянно акцентирует внимание на то обстоятельство, что политические партии не пользуются поддержкой со стороны граждан, объясняя это тем, что в белорусском обществе само понятие “политическая партия” вызывает отторжение как в силу определенных исторических традиций, так и по причине слабости нынешней оппозиции» – отмечала в 2000 г. С. Наумова, выражавшая осторожную надежду на то, что партии смогут изменить неблагоприятную для них ситуацию[7]. Однако этого до настоящего времени так и не произошло.

6. Заявление партии по Горкенешу / http://www.qwas.ru/kyrgyzstan/atameken/id_95796/

7. Наумова С. Политические партии в Республике Беларусь: Динамика развития (http://www.data.minsk.by/opensociety/2.00/3.html).

При этом формально белорусское законодательство о политических партиях в последние годы является фактически более мягким, чем российское (по части требований к численности, права на создание блоков). Как представляется, в этом нет противоречия, белорусский режим более равнодушен к наполнению партийного спектра страны именно потому, что не поддерживает институт партий в целом. Более того, существует заинтересованность в том, чтобы данный институт по-прежнему дискредитировал себя, а значит, спектр должен оставаться мозаичным. В существующих условиях мозаичности и снижению стимулов к укрупнению партий способствует даже право заключать союзы, не говоря уже о формально относительно простой процедуре регистрации новых сил. Впрочем, и закрытие неугодных властям структур, в том числе партийных, в Белоруссии практикуется достаточно широко.

Современный политический режим в Белоруссии, конечно, в первую очередь характеризуется наличием сильного харизматического лидера, талантливо и умело эксплуатирующего существующие в обществе настроения и предрассудки. Уход Александра Лукашенко с политической арены или разрушение его харизмы должны привести и к смене режима. При этом, как представляется, в каком бы направлении дальше ни эволюционировала политическая система Белоруссии, роль института партий или партии в этой стране усилится. Однако как скоро это произойдет, прогнозировать в настоящее время сложно.

Подводя итоги, можно констатировать, что партийная система России за последние годы, даже в рамках постсоветского пространства, все более отдаляется от «европейских» (при этом, конечно, далеко не идеальных) моделей и все больше сближается с «азиатскими». Партийные системы Украины и Молдавии, напротив, оказываются более «европейскими», сопоставимыми с одним из прибалтийских случаев (Литвой) и даже более динамичными и адекватными по сравнению с двумя другими (Латвией и Эстонией). Специфика партийных систем Грузии, Армении и Кыргызстана показывает, на наш взгляд, что эти страны находятся на политическом распутье. Но партийные системы Грузии и Армении вряд ли при этом будут эволюционировать в направлении государств, отнесенных нами к первому типу. В отношении Кыргызстана вероятность этого несколько больше. Наконец, Туркменистан и Белоруссия, каждое государство по-своему, представляют наиболее специфические и изолированные случаи. Подобное разнообразие моделей и разнонаправленность векторов развития, с нашей точки зрения, является еще одним свидетельством того, что постсоветское пространство все больше утрачивает унаследованную от прошлого гомогенность.

РАЗМЫШЛЕНИЯ, СООБЩЕНИЯ, КОММЕНТАРИИ

О.В. Летов

И БЛАГО, И УГРОЗА: СОЦИАЛЬНЫЕ И ЭТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ НАНОТЕХНОЛОГИИ

Летов Олег Владимирович – кандидат философских наук, старший научный сотрудник ИНИОН РАН.

Зарождение нанонауки связывают с лекцией-предсказанием под названием «На дне существует много пространства», прочитанной Р. Фейнманом в 1959 г. Представители химии считают, что формирование нанонауки имело место в более ранний период, когда ученые предложили новый взгляд на изучение коллоидного состояния веществ. Одним из первых, кто обратил особое внимание на это состояние, был лауреат Нобелевской премии, автор работ в области химической кинетики и катализа В. Оствальд (1853–1932). Коллоидное состояние занимает промежуточное положение между отдельными молекулами и макрочастицами. Оствальд выдвинул предположение, что вещества, находящиеся в этом состоянии, способны проявлять необычные механические, электрические и оптические свойства и предложил ряд интересных применений этих свойств. Таким образом, некоторые рассматривают нанонауку как новый этап развития коллоидной химии, области, которой ранее не уделялось должного внимания ученых. С распространением нанонауки и нанотехнологии ожидания ученых и общественности «выросли до небес» (24, с. 124).

Представители нанонауки изучают вещества на атомном уровне, а нанотехнологи ставят перед собой задачи измерять и управлять отдельными атомами и молекулами. По сравнению с представителями нанотехнологии их предшественники – микротехнологи – оперировали с объектами гигантских масштабов (размером, например, с амебу). Иными словами, чтобы понять нанонауку и нанотехнологию, необходимо научиться мыслить о малом. Переход к этому уровню существенно расширяет границы возможного. Рост исследований в области нанотехнологии связан с уникальностью свойств, зависящих от размеров частиц того или иного вещества. Эти свойства вклю-

чают в себя оптические, магнетические, электрические и механические явления, и в наноструктурах они могут проявляться иначе, чем в обычных материалах. Нередко нанотехнологию связывают с возможностью создания нанороботов, которые способны выйти из-под контроля человека и представлять определенную угрозу. Однако П. Марфи и П. Догерти считают подобную возможность неосуществимой на сегодняшний день (19).

Термин «нанотехнология» связывают с именем Э. Дрекслера, автором нашумевшей книги «Машины созидания» (30). Он же предложил проводить различие между наночастицами и наноматериалами как продуктами нанотехнологии (НТ), с одной стороны, и нанопроизводством, или молекулярной нанотехнологией (МНТ), – с другой. Если первые целиком относятся к настоящему времени, то второе – это, скорее, категория будущего. Вместе с тем перспективы, которые открывает развитие нанотехнологии для человечества, беспрецедентны. Основной проблемой в наноиндустрии на сегодняшний день является управляемый механосинтез, т.е. составление молекул из атомов с помощью механического приближения до тех пор, пока не вступят в действие соответствующие химические связи. Для обеспечения механосинтеза необходим наноманипулятор, который должен управляться либо макрокомпьютером, либо нанокомпьютером, встроенным в робота-сборщика (ассемблера) управляющего манипулятором. Наноманипулятор должен быть способен захватывать отдельные атомы и молекулы и манипулировать ими в радиусе до 100 нанометров. (Нанометр составляет одну миллиардную долю метра или одну стотысячную долю толщины человеческого волоса.)

Нанонаука и нанотехнология как отрасли знания являются результатом развития нескольких научных направлений, связанных, в частности, с разработкой тоннельного микроскопа с низкотемпературным сканированием (Scanning Tunneling Microscope). Используя тоннельный микроскоп, позволяющий манипулировать отдельными атомами вещества, ученые добились возможности изменять такое свойство атома, как магнитная анизотропия. До текущего момента никому не удавалось даже определить анизотропию отдельного атома, так что подобное достижение может иметь далеко идущие последствия. Оно показывает, что возможно использовать атом в качестве ячейки памяти для хранения информации. На наноуровне физические свойства вещества изменяются, открывая удивительные возможности в таких областях, как медицина, фармакология, информатика, материаловедение, связь и др. Так, информация, содержащаяся в Библиотеке Конгресса США, может быть сосредоточена в материальном носителе размером с кусочек сахара. С точки зрения нанотехнологии, такие отдельные области знания, как биомедицина, информационные технологии, химия, электроника, робототехника и материаловедение, сливаются в единую научно-техническую парадигму. Союз биологии и нанотехнологии способен создать «мозги и тело» будущих

систем с заданными характеристиками. Биология, нанотехнология и информатика составляют могущественную научно-техническую триаду. Иными словами, происходит конвергенция науки и техники, локомотивом которой выступает нанотехнология. Поскольку нанотехнология может применяться к любым формам материи, традиционное понимание науки как совокупности различных дисциплин подвергается пересмотру. Нанонаука представляет собой междисциплинарный предмет. Представители физики обращаются к биофизике, применяя законы квантовой механики к биологическим системам, химики фокусируют свое внимание в области литографии и наноэлектроники, используя химические методы в процессе производства наноматериалов.

Особенность нанонауки заключается в том, что сверхмалые частицы подчиняются иным законам, чем обычные макрообъекты. Во-первых, если движение макрообъектов происходит в соответствии с законами классической механики, то движение этих частиц осуществляется по законам квантовой механики. Во-вторых, в масштабе наночастицы почти все атомы и молекулы вещества находятся вблизи поверхности. Свойства этих частиц во многом обусловлены «эффектом поверхности». На наноуровне частицы способны поглощать определенные цвета, превращая, например, белый цвет в красный. Так, еще древние римляне знали, как окрасить стекло в красный цвет, добавляя к нему немного золота, однако они не догадывались, что цвет изменяется благодаря наночастицам золота. Биологам хорошо известна голубая бабочка, столь яркая, что цвет ее крыльев виден на расстоянии сотен метров. Однако голубой пигмент не содержится в крыльях бабочки. Как показали исследования на микроуровне, крылья бабочки покрыты тесными рядами прозрачных чешуек. Эти прозрачные чешуи образуют слои, отражающие голубой свет. Толщина каждого слоя составляет 62 нанометра, а расстояние между слоями – 207 нанометров. Эти пространственные соотношения и позволяют отражать мерцающий голубой свет, иные соотношения порождали бы отражение другого цвета. Этот эффект, в основе которого лежат пространственные соотношения на наноуровне, используют в своей работе ученые, заключившие контракт с известной фирмой «Л'Ореаль». Они работают над созданием косметических препаратов, способных генерировать различные яркие цвета так же, как крылья бабочки.

Открытие в 1991 г. японским ученым С. Иижима углеродных нанотрубок позволило работать над созданием легких и сверхпрочных материалов. Эти материалы находят свое применение в области космического и авиастроения, создания легких и прочных корпусов автомобилей и мотоциклов, хоккейных клюшек, теннисных ракеток и другого спортивного снаряжения. Кроме того, изделия из углеродных нанотрубок являются отличными проводниками, что позволяет проводить электричество с наименьшими потерями. Наряду с этим ученые и инженеры работают над применением углеродных нанотрубок как

материала для создания микрочипов, что способствовало бы существенному увеличению быстродействия и объема памяти компьютеров. В настоящее время рынок нанопродуктов представлен такими товарами, как содержащий наночастицы оксида цинка солнечный экран, который спасает от вредного ультрафиолетового излучения; неподдающееся загрязнению белье, изготовленное из полученного на основе нанотехнологии особого вида хлопка; носки с вкраплением наночастиц серебра, обладающие бактерицидным действием и предупреждающими возникновение неприятного запаха и др. (19). Внедрение нанотехнологии способствовало возрождению американской текстильной промышленности, до последнего времени находившейся в упадке. Согласно прогнозам, рынок текстильной продукции в этой стране должен вырасти с 11 млрд. долл. в 2007 г. до 20 млрд. долл. в 2012 г. (17, с. 34).

Нанотехнология находит свое применение и в сфере нефтеперерабатывающей промышленности. В процессе очищения сырой нефти крупные молекулы углеводорода распадаются на более мелкие. С помощью нанотехнологии инженеры добиваются увеличения количества топлива, получаемого из каждого барреля сырой нефти.

В области энергетики керамические нанопокрытия предохраняют металлические компоненты от коррозии, продлевая срок жизни и уменьшая энергозатраты системы. Нанотехнология широко используется и в области альтернативных способов получения энергии. Так, производимые на основе нанотехнологии силиконовые элементы солнечных батарей составляют в настоящее время 95% всех солнечных батарей, представленных на рынке. В таких странах, как Германия, Дания и Испания, где широко используется энергия ветра, новое поколение смазочных материалов, содержащих наночастицы, позволяет резко уменьшить трение, возникающее в процессе вращения турбин (12). В 2007 г. компания «Дженерал моторс» заказала производимые с помощью нанотехнологии литиевые батареи, необходимые для двигателя, работающего как на дизельном топливе, так и на электроэнергии (17, с. 34).

В области медицины с помощью нанотехнологии разработано антибактериальное покрытие, в основе которого лежат антисептические свойства серебра. В сфере стоматологии нанотехнология позволяет в 3–10 раз ускорять процесс вживления имплантируемых зубов. В хирургии эта технология способствует ускорению заживления ран. В онкологии с помощью наноустройств разрабатываются методы определения, какие именно гены подвергаются мутации в случае онкологического заболевания. Группа сотрудников университета Северной Калифорнии занимается изучением методов создания наночастиц определенной формы, которые могли бы доставлять необходимые лекарства в заданные участки организма, проникая внутрь отдельных клеток (6). Использование свойств магнетических наночастиц позволяет вы-

явить микроорганизмы, вызывающие те или иные болезни. Физики исследовали подобные свойства еще в 1970-е годы, однако мало кто в то время подозревал, что эти исследования будут полезны в процессе установления диагноза болезни или поиске новых лекарств (2). Сотрудники Мичиганского университета работают над применением метода наноуровневого «троянского коня» в борьбе с раковыми клетками. Известно, что раковые клетки испытывают потребность в фолиевой кислоте. Учитывая это обстоятельство, ученые создают синтетическую молекулу под названием «дендраймер», соединив в ней молекулы фолиевой кислоты с сильным химиотерапевтическим веществом метотрексатом, токсичным по отношению к раковым клеткам. Как только «дендраймер» целенаправленно доставляется к раковым клеткам, те поглощают его внутрь. Таким образом происходит разрушение раковых клеток (19). Е. Зубарев и его студенты из университета Райса (Хьюстон, США) предложили в целях борьбы с раковыми клетками соединять лекарственное средство таксол с наночастицами золота. В обычных дозах это лекарство способно вызывать у пациентов аллергию и другие побочные эффекты. В качестве средства доставки золото было выбрано, в частности, потому, что оно не снижает терапевтические свойства лекарства. Образовавшиеся в результате соединения столь малы, что способны преодолевать иммунную систему организма. Будучи введены в кровь, эти соединения легко попадают непосредственно в зону опухолевых клеток (12). Таким образом, осуществляется «адресная» терапия онкологических заболеваний.

Ученые Монэшского университета в Австралии получили многомиллионный грант на разработку медицинских нанороботов, которые должны обладать автономной системой питания микродвигателя. Эта система позволяла бы им совершать путешествие внутри человеческого организма, выполняя задачи на основе дистанционного контроля. Нанороботы могут быть снабжены специальными сенсорами, способными определять «меченые» клетки (6). Нанотехнологии используются в процессе создания искусственных костей, хрящей и кожи, которые не отторгаются живым организмом.

В сфере фармацевтической промышленности около 60% наиболее перспективных патентов составляют открытия с использованием нанотехнологий. Одна из основных проблем в этой сфере заключается в том, что бактерии и пораженные клетки приобретают иммунитет к лекарствам. Именно использование нанотехнологии позволяет видоизменить фармацевтические средства таким образом, что они вновь обретают эффективность. Кроме того, осуществляемая с помощью нанотехнологии радиочастотная идентификация позволяет маркировать лекарства таким образом, что всегда можно определить момент истечения срока этих препаратов. Вместе с тем принципиальная новизна технологических предложений оборачивается тем, что процесс утверждения патентов существенно замедляется. Так, по некоторым оценкам, в

области фармакологии многие инновационные предложения, основанные на нанотехнологии, оказываются с коммерческой точки зрения устаревшими, по меньшей мере на три года (17, с. 32). В целом, хотя продукты нанотехнологии уже появляются на рынке, подлинные практические возможности этой технологии еще находятся в процессе своего открытия.

Инвестиции в области нанотехнологии требуют наличия определенной культуры и этики бизнеса. «С каждой новой технологией, – отмечает, например, П. Дингра, представитель крупной американской компании, связанной с производством нанокатализаторов, – необходима особая культура риска, когда люди обладают смелостью начать собственное дело и имеют для этого достаточные финансовые ресурсы» (цит. по: 17, с. 32). В этом отношении представители индустриально развитых стран обладают некоторым «естественным преимуществом». Наряду с государственными инвестициями в научную сферу в этих странах имеются частные фирмы и отдельные предприниматели, которые готовы перевести эти исследования на коммерческую основу с целью их дальнейшего промышленного применения. Так, президент американской компании по производству экологически чистых изоляционных материалов отмечал: «Потребитель поставил перед нами задачу поиска твердых и прозрачных материалов, и только с помощью нанотехнологии оказалось возможным ее решение» (там же). Прежде чем приступить к производству нового вида продукции, предприниматель ставит перед собой вопрос, как можно использовать новую технологию, чтобы товар стал лучше или дешевле, или и то и другое? «Потребитель выбирает наши продукты не потому, что их производство основано на нанотехнологии, – считает генеральный директор компании “Нанофильм” С. Риккерт, – а потому, что они обладают удивительными свойствами» (цит. по: 17, с. 35).

Для развития нанотехнологии в современных развитых странах существуют необходимые политические, экономические и научные предпосылки. Например, в США президентский бюджет 2007 г. предусматривает 1,2 млрд. долл. на нужды Национальной нанотехнологической инициативы. Всего за период с 1997 по 2005 г. на исследования в этой области правительством США было выделено 18 млрд. долл., в то время как частные инвестиции на эти цели с 1995 г. составили 2 млрд. долл. Вместе с тем только в 2004 г. в США было продано товаров, производство которых основано на нанотехнологии, на сумму 13 млрд. долл. Американское Национальное научное объединение предусматривает субсидии для Национальной нанотехнологической сетевой инфраструктуры (ННСИ), объединяющей 13 крупных университетов. Цель ННСИ – способствовать исследовательским и образовательным программам в области нанонауки и нанотехнологии. Министерство обороны США поставило перед учеными задачу создания концептуальной основы для достижения нового уровня эффективности вооружений. В Китае рынок нано-

технологических товаров, основную часть которых включали в себя наноматериалы, наноэлектроника и нанобиотехнологии, составил в 2005 г. 5,4 млрд. долл. Вместе с тем аналитики отмечают, что в этой стране не существует каких-либо этических или социальных ограничений по использованию новых нанотехнологических продуктов (32, с. 278).

В России корпорация «Роснанотех», созданная указом президента В.В. Путина 23 июля 2007 г., получит из российского бюджета 130 млрд. руб. (свыше 5,3 млрд. долл.) и будет заниматься финансированием перспективных нанотехнологических проектов. На трехлетнее финансирование создания наноиндустрии правительство уже выделило 28 млрд. руб. (свыше 1,14 млрд. долл.). Министр науки и образования РФ, председатель наблюдательного совета «Госкорпорации нанотехнологии» А. Фурсенко сообщил, что через 2–3 года объем рынка нанотехнологий будет составлять «десятки миллиардов долларов». По его словам, в настоящее время этот рынок оценивается в миллиарды рублей. В частности, Фурсенко отметил, что уже сейчас существуют проекты, где используются нанотехнологии, в том числе новые конструкционные материалы (разработка сталей, которые используются для освоения Арктики), водородная энергетика и ряд других проектов. Именно в индустрии наноструктур энтузиасты нового направления видят основной ресурс роста экономики и промышленности, отказа от сырьевого характера хозяйствования, в чем, надо отдать им должное, они смогли убедить политиков. Ожидается, что к 2015 г. благодаря корпорации объем российской продукции с использованием нанотехнологий должен составить 1 трлн. руб. (15).

Обозреватель «Бизнес уик» Дж. Буш отмечает, что 50 лет назад, когда СССР впервые запустил «Спутник», мир был удивлен, что русские могут побеждать Запад на их собственном – научном – «поле игры». Однако к началу XXI в. Россия во многом утратила свои позиции в области развития науки и техники (5). Серьезным ответом на вызов времени стало принятие в 2007 г. федеральной правительственной программы «Развитие инфраструктуры наноиндустрии в Российской Федерации на 2008–2010 годы». Основная задача программы – укрепить российские позиции в области новых технологий, которые будут вскоре определять характер мировой экономики. Помимо вкладов в государственные предприятия российское правительство предполагает инвестировать порядка 1,2 млрд. долл. в частные инновационные компании, в рамках которых 49% уставного капитала предоставляет государство, а 51% – частные инвесторы. Сходная схема совместного использования частного и государственного капитала в области инновационных технологий была применена в Израиле, где с 1993 г. успешно функционирует «Фонд Йозма». В мае 2007 г. крупный российский предприниматель М. Прохоров объявил о создании холдинговой компании с уставным фондом в 17 млрд. долл., основ-

ной целью которой будут инвестиции в области высоких технологий, включая нанотехнологию и поиск альтернативных источников энергии (14).

«Мы рассматриваем Россию как одну из возрождающихся стран с прекрасной системой образования и культурой развития высокой технологии» (цит. по: 24), – отмечал управляющий директор компании «Интел» А. Пэтел, внесший существенный вклад в область инвестирования российских инновационных предприятий. Не может не вызывать оптимизма рост сектора информационных технологий в России: экспорт российских программных продуктов вырос со 120 млн. долл. в 2000 г. до 1,5 млрд. долл. в 2006 г. С другой стороны, вклад этого сектора составляет в нашей стране лишь 1,5% совокупного национального продукта, в то время как в США – 5%, а в Ирландии – 12%, что соответствует критериям научно-технического прогресса.

Однако на пути развития новых технологий в нашей стране существуют определенные трудности. На одну из них указывает президент американского инвестиционного фонда Инновационных предприятий Т. Настас, с 2001 г. работающий на российском рынке: «В России проблема заключается не в недостатке денег, а в отсутствии достаточных инвестиционных возможностей» (5). Предпринимателям в области инновационных технологий не хватает первоначального капитала. Если в США фонд помощи малым предприятиям располагает ежегодно 2 млрд. долл., то в России подобная государственная программа имеет бюджет в 40 млн. долл. Существенным препятствием на пути использования новых технологий в России является распределение фондов на основе критерия родственных и дружеских связей. По мнению западных инвесторов, российским ученым недостает предпринимательской инициативы, у многих из них трудности с английским языком. «Есть люди способные разрабатывать интересные технологии, но очень не хватает кадров, способных выстраивать успешный бизнес вокруг этих технологических разработок», – подчеркивает бывший сотрудник компании «Интел», а ныне директор по венчурным фондам Группы компаний «Тройка Диалог» О. Кужиков (16). Вместе с тем растет число российских ученых, которые, успешно поработав за рубежом, прежде всего в США, возвращаются в Россию, чтобы организовать собственное инновационное предприятие.

Другая важная проблема заключается в отсутствии должной защиты прав интеллектуальной собственности в России. В частности, представители российского правительства неохотно позволяет ученым использовать собственные изобретения, если они были сделаны при поддержке государства. «В российских государственных научных учреждениях много замечательных ученых, и мне нравится с ними работать, однако я не могу, поскольку мое изобретение будет объявлено государственной собственностью», – указывает основатель частного предприятия в области биотехнологий Д. Кулиш (см. 5). Сходные идеи высказывает представитель в Москве крупной американской

биотехнологической компании «Дженеко» А. Облаев: «В случае с изобретением в рамках академических исследований неясно, кто является его автором. Единственной рабочей моделью в сфере предпринимательства является частный исследовательский институт» (цит. по: там же). Не случайно, что, за исключением прогресса в области информационных технологий, где требуются относительно небольшие суммы капиталовложений, немногие авторы инноваций добились в России коммерческого успеха. Вместе с тем следует указать на то обстоятельство, что наша страна находится лишь в начале пути нового этапа научно-технического прогресса. «Важнейшее ценное качество – это человеческий капитал, именно оно и имеется в России», – считает О. Кужиков (цит. по: там же).

Развитие нанотехнологии приводит к формированию динамичной социальной архитектуры, возникновению новых моделей в экономике, образовании, системе вооружений. Имеет место активная, целенаправленная милитаризация нанотехнологии. Так, Д. Форрест под эгидой Форсайтского института (назначение которого – обеспечить благоприятные условия реализации нанотехнологических проектов) пишет: «Если мы попытаемся блокировать или замедлить развитие нанотехнологии в США или других демократических странах, мы тем самым увеличим вероятность того, что прогресс нанотехнологии будет иметь место в стране, где отсутствует свобода прессы. В этом случае нет гарантии того, что эта страна не будет использовать достижения нанотехнологии в целях угрозы соседним странам или остальному миру. Таким образом, попытки замедлить прогресс создают угрозу нашей свободе» (5). С другой стороны, выдвигаются опасения, что подобный прогресс положит начало новому витку гонки вооружений. Так, в отчете по стратегии национальной обороны США (2005), в частности, отмечается, что в редких случаях революционные технологии и связанные с ними оборонные инициативы способны фундаментально изменить сложившиеся представления о способе ведения военных действий (30).

Увеличение объема субсидий в области нанотехнологии не может не оказывать влияние на научное сообщество. В последнее время «нано» становится магическим словом для исследователей: немало научных проектов было переработано с учетом требований сегодняшнего дня. Многие ученые стремятся вскочить на подножку «уходящего поезда». Не являются исключением и руководители учебных заведений, большинство из которых осознали, что нанотехнология становится синонимом научной революции, и стремятся быть готовыми к происходящим переменам. Во многих университетах учебные программы дополняются курсами по нанонауке и наноинженерии, наноструктурам и наноустройствам (24).

Несмотря на резкое увеличение числа публикаций в области нанотехнологии в таких странах, как Китай и Южная Корея, ученые США сохраняют

лидерство в общем объеме публикаций по этой теме (18). Различие между западными и восточными странами заключается, в частности, в том, что в Китае и Южной Корее публикации в области новых технологий распределяются во множестве небольших журналов, в то время как в США, Германии и Великобритании эти публикации сосредоточены в крупных и широко известных изданиях. Это обстоятельство не может не оказывать влияние на уровень цитируемости ученых, представляющих те или иные страны. Так, в США в период с 2003 по 2005 г. число наиболее цитируемых статей в области нанотехнологии равнялось 126, в Германии – 31, что в совокупности составило 40% всего объема наиболее цитируемых публикаций. Вместе с тем объем наиболее цитируемых статей ученых Китая и Южной Кореи составил около 2% мирового объема. Если разбить всю область нанотехнологии на 256 тематических секторов, то в 2005 г. США лидировали по числу публикаций в 169 из них, Китай – в 70, Япония – в 15, Южная Корея и Испания – в 1. США лидирует по этому критерию в таких областях, как физические явления, высокотехнологические средства, литография и биомедицина, в то время как Китай – в области наноматериалов, катализе и электрохимии.

В сфере биомедицины основные направления нанотехнологии включают в себя исследования в области онкологии, сенсоров и детекторов, клеток, белков, ДНК. По числу публикаций в этой сфере безоговорочное лидерство принадлежит ученым США, затем следуют Китай и Япония. Среди учреждений первое место занимает Калифорнийский университет, далее – Китайская академия наук и Национальный университет Сингапура. Что касается динамики роста числа публикаций и уровня цитируемости в области нанотехнологии, то в 1998 г. публикации ученых США в этой области составляли 25,99% общего объема, Японии – 15,72, Германии – 13,72, Франции – 7,73, Англии – 6,93, Китая – 6,1, России – 4,87%. В том же году уровень цитируемости ученых США составлял 58,8%, Германии – 12,2, Японии – 9,6, Китая, занимающего в этом рейтинге 14-е место, – 1,4, России, занимающей 17-е место, – 1%. В 2002 г. публикации американских ученых составляли 24,02% общего объема, Японии – 15,09, Китая – 11,62, Германии – 11,55, Франции – 7,43, Англии – 5,86, России – 4,83%. В том же году уровень цитируемости ученых США равнялся 58,2%, Германии – 11,4, Японии – 8,4, Англии – 6,2, Китая – 5,8, России, занимающей в рейтинге 18-е место, – 1,2% (18, с. 1497).

Развитие нанотехнологий имеет важные этические и социальные аспекты, которые не всегда учитываются в должной мере. В тех же Соединенных Штатах в действиях представителей администрации проявляется нежелание всерьез рассматривать вопрос о возможных вредных последствиях применения новых технологий. Распространяющееся знание в этой области способно стать достоянием людей, обладающих неблаговидными намерениями, а не-

предвиденные последствия использования этих технологий могут создать угрозу для отдельных социальных групп. В отчете ЕС по технологической конвергенции отмечается, что, хотя любое применение новых технологий обладает потенциальной возможностью разрешения назревших социальных проблем и улучшения благосостояния людей, в то же время оно может нести с собой угрозу культуре и традициям, человеческой целостности и свободе, политической и экономической стабильности (21, с. 4). Желания заинтересованных сторон в области применения научных достижений могут преобладать над такими требованиями демократического сообщества, как рациональность и прозрачность новых планов. В отчете экспертной группы европейской комиссии по прогнозированию новой технологической волны констатируется очевидная истина: «Хотя мировой валовой внутренний продукт за последнее время неуклонно возрастает, значительная часть населения планеты все еще страдает от таких явлений, как нехватка чистой воды и необходимого количества продуктов питания, угнетение со стороны диктаторских режимов, кровавые войны, отсутствие личной безопасности, ухудшение состояния окружающей среды, разрушение социальных и семейных связей и т.п. Развитие современных технологий не учитывает эти проблемы как первоочередные» (4, с. 20). В цепи экономической и научно-технической конкуренции развивающиеся страны оказываются наиболее слабым звеном.

Если одни видят в развитии нанотехнологии перспективу экономического подъема, то другие связывают это развитие с опасностью разрушения окружающей среды в глобальном масштабе. Дж. Уитман выдвигает опасение, что развитие нанотехнологии остается вне контроля как общества, так и государства. В этой области возникают различные объединения, преследующие коммерческие цели и лоббирующие свои интересы в правительстве (32, с. 278–279). Формируются «промышленно-университетские комплексы» или «коммерческие университеты», в рамках которых происходит ориентированная на пациента коммерциализация био- и нанотехнологии, стирается различие между академическими исследованиями и стремлением к получению прибыли.

Развитие молекулярной нанотехнологии (МНТ) содержит как прямые, так и косвенные угрозы человеческой безопасности. Прямая угроза связана, прежде всего, с процессом гонки вооружений. Использование МНТ в неблаговидных целях способно нарушить мирное сосуществование. Обладание необходимой технологией позволяет практически любой группе людей быстро и без особых затрат превратить виртуально созданное оружие в реальность. Для этого необходимы лишь проект, энергия и исходные материалы. Если производителем такого оружия оказывается государство, то изобилие высококачественного вооружения обеспечило бы ему превосходство над потенциальным противником, не обладающим МНТ. Счет времени в подобной

гонке вооружений мог бы идти на недели или месяцы. МНТ позволяет в принципе создавать «интеллектуальное» оружие массового уничтожения, такое как, например, смертельный вирус, поражающий людей лишь с определенными генетическими признаками. Производителями подобного оружия могут быть не только государства, но и группы людей и даже отдельные индивиды. «Демократизация» в сфере создания оружия является обратной стороной «индивидуального производства». Так же, как хакеры создают опасные компьютерные вирусы ради «спортивного удовольствия», так и «нанохакеры» могли бы в принципе создавать реальные вирусы, например в террористических целях. Самым опасным оружием в этом ряду были бы порождающие самих себя ассемблеры «липкой серой массы». Согласно рекомендациям по развитию НТ Форсайтского института, основанного Э. Дрекслером, следует полностью избегать использования ассемблеров или, по крайней мере, проектировать их таким образом, чтобы они не могли функционировать в условиях естественной среды (30). Другая прямая угроза, связанная с развитием МНТ, заключается в том, что с помощью этой технологии могут быть созданы такие средства наблюдения за любыми группами населения, что их использование могло бы нарушить права людей на неприкосновенность частной жизни.

Косвенная угроза, исходящая от МНТ, связана с тем обстоятельством, что ее развитие способно существенно изменить геополитическую карту мира. По некоторым оценкам, богатство, которое может быть создано в результате слияния информационных технологий и реальных физических процессов, стократно превышало бы американский бюджет (30). Никто в настоящее время не в силах описать конкретные признаки экономики будущего, однако вряд ли вызывает споры положение о том, что наиболее сложной и дорогостоящей ее частью будет этап конструирования продуктов, в то время как их производство и распределение оказываются наименее затратными. Эту экономику можно сравнить с процессом создания компьютерной программы, на разработку которой уходят тысячи и миллионы человеко-часов, тогда как пользователи без труда «прожигают» копии этой программы и с легкостью распространяют их среди клиентов, партнеров, приятелей. Так же, как и в области создания программных продуктов, в условиях экономики будущего вопрос о праве на интеллектуальную собственность приобретает первостепенное значение. Развитие МНТ угрожает тем странам, где экономика основана на массовом производстве. К примеру, экономический рост Китая опирается на массовое использование дешевой рабочей силы для производства недорогих товаров. Но зачем потребителям из других стран покупать китайские товары, если в этих странах будут созданы основанные на МНТ производственные мощности, способные выпускать высококачественные товары по более низким ценам? Эффективное использование МНТ в области нефте-

переработки и поиске альтернативных источников энергии способно поставить серьезные проблемы перед руководством нефтедобывающих стран. Кроме того, если население каждой страны, обладающей МНТ, будет способно самостоятельно обеспечить себя всем необходимым; для этих стран более привлекательным окажется не столько политика глобального разделения труда, сколько естественный изоляционизм.

Развитие МНТ может иметь не только экономические, но и социальные последствия. Это развитие порождает движение «трансгуманизма», сторонники которого предлагают использовать научно-технические достижения в целях совершенствования интеллектуальных, психологических и физических качеств человека. Более того, некоторые предлагают переход от «ранней» фазы нынешнего уровня развития человека к «постчеловеческой» фазе. Подобные радикальные идеи не могут не вызывать определенные сомнения. Так, известный историк Ф. Фукуяма назвал трансгуманизм одной «из наиболее опасных мировых идей» (11).

Прогресс МНТ несет с собой революционные изменения, а любая революция таит в себе угрозу существующему состоянию общества. К. Перес выдвинула модель технологической революции, которая включает в себя следующие два периода: 1) период становления, в течение которого новая технико-экономическая парадигма (ТЭП) получает растущую поддержку со стороны предпринимателей; 2) период развертывания, когда парадигма становится новой нормой. В период становления энтузиазм инвесторов по отношению к новой парадигме приводит к увеличению разрыва между теми, кто *имеет* выгоду от новой парадигмы, и теми, кто *не имеет* таковой, продолжая вкладывать свои деньги в рамках старой парадигмы. Безумный рост инвестиций порождает мыльный пузырь, который, лопаясь, вызывает некоторый спад. К этому времени мораль и право в обществе претерпевают существенные изменения так, чтобы соответствовать требованиям новой парадигмы (25). Если принять эту модель, то оказывается, что в процессе развития МНТ возможен период социальных, политических и экономических волнений, когда весь мир раскалывается на две части – тех, которые приняли новую ТЭП, и тех, кто держится за старое. Учитывая глубину изменений, которые несет с собой МНТ, этот период может быть напряженным. Более того, если на основе этой технологии в руках агрессивных сил окажется оружие массового уничтожения прежде, чем будут установлены институты и нормы международного контроля, указанный период может оказаться катастрофическим.

Закономерно возникают следующие вопросы. В каких пределах возможно регулирование науки со стороны общества и государства? На какой стадии научных исследований представители общественности вправе задавать ученым вопросы, касающиеся представителей всех сторон? Имеют ли граж-

дане право оказывать влияние на процессы, затрагивающие не только изменения в науке, но и в обществе? Как это право согласуется с требованием независимости ученых? Границы общественного контроля над научными разработками остаются неясными.

Выдвигаются следующие варианты государственной стратегии в отношении развития МНТ: 1) продуманное международное регулирование и контроль; 2) невмешательство, в основе которого лежит убеждение в том, что регулирование должно осуществляться на основе законов свободного рынка; 3) всеобщий запрет развития МНТ.

Основная задача международного сотрудничества в этой области заключается в том, чтобы доступ людей из разных стран к достижениям МНТ был максимальным, в то время как возможность неконтролируемых разработок наноассемблеров сводилась бы к минимуму. Представители американского некоммерческого «Центра ответственной нанотехнологии» выдвинули идею создания типовой модели «нанофабрики», которая бы отличалась максимальной степенью безопасности. Эту модель следует принять в качестве единственно допустимой, где функции ассемблеров подлежат строгому контролю. Подобные «нанофабрики» производились бы в одной или нескольких индустриально развитых странах и распределялись по всему миру, в первую очередь там, где население страдает от голода и нищеты. Преимущества типовой модели заключаются в том, что она, во-первых, служила бы важным инструментом гуманитарной международной помощи и, во-вторых, являлась бы препятствием для использования МНТ в агрессивных целях, создавала бы определенные предпосылки для того, чтобы у правительства бедных стран не было искушения осуществлять собственные, чреватые опасностью, разработки программ МНТ. И наконец, в третьих, с помощью типовой модели сводится к минимуму угроза распространения «липкой серой массы» (1). И хотя существует вероятность того, что какой-нибудь «безумный хакер» попытается «взломать» систему безопасности подобной «нанофабрики», эта система могла бы быть запрограммирована на саморазрушение в случае несанкционированного вмешательства.

Международное регулирование прогресса МНТ может осуществляться как под эгидой одного государства, так и на основе равноправного сотрудничества разных стран. Однако для того, чтобы система международного сотрудничества была действенной, необходимо исключить гегемонию одного государства в рамках этой системы. «Как бы ни был низок национальный имидж США в современном мире, он может многократно ухудшиться, если эта страна будет позиционировать себя в качестве единственной супердержавы в области МНТ, – пишет Т. Вандермолен. – Поэтому как с технической, так и с дипломатической точек зрения, преимущественное право выбора со стороны США – это не лучшее решение» (25). Уже в настоящее время среди

представителей стран – членов НАТО имеют место высказывания в поддержку основанной на принципах равноправия международной системы контроля военно-стратегических исследований в области нанотехнологии (9).

Сторонники рыночной стратегии развития выступают за саморегулируемое использование и распределение достижений МНТ. С их точки зрения, трудности в регулировании нанонауки и ее применения способны лишь замедлить прогресс МНТ так, что разрушительные последствия технологической революции будут сведены к минимуму. Согласно этой стратегии, множество различных научно-исследовательских программ должны с разной степенью успеха бороться за лидерство. Однако в этих условиях организация или государство, захватившие лидерство, вряд ли будут поддерживать идею справедливого регулирования научных исследований. Рыночная стратегия развития таит в себе высокую степень риска. Отсутствие системы регулирования в области МНТ можно сравнить с ситуацией, когда любой стране предоставляется ядерный реактор под честное слово, что он никогда не будет использоваться в целях создания атомной бомбы.

Последователи стратегии запрета выступают за введение добровольного моратория на исследования в области МНТ с последующим законодательным закреплением этого моратория. Одна из проблем, связанная с реализацией этой стратегии, заключается в способах проверки условий ее выполнения. Если даже представители всех стран согласятся с запретом этих исследований, какими средствами можно проверить это согласие? В отличие от ядерных технологий для реализации МНТ-проекта не требуются редкие материалы, которые можно выявить до того, как опасное оружие будет создано. Кроме того, ядерное оружие не способно порождать само себя. Что касается негосударственных программ МНТ, то их проверка вызывает еще большие трудности. Каждый, будь то государство, организация или отдельный индивид, заинтересован в достижениях нанотехнологии. Поэтому прогресс МНТ не может оставить равнодушным представителя ни одной, в особенности бедной страны. Стратегия запрета способна привести к тому, что исследования в области МНТ будут осуществляться в странах, не согласных с этим запретом, или проводиться втайне и в тех, и в других государствах. Иными словами, если нанотехнология окажется вне закона, только те, кто нарушает закон, будут обладать нанотехнологией.

Существенным аргументом против неконтролируемого господства нанотехнологии выступает то обстоятельство, что научно-технический прогресс может опережать возможности человека по его рациональному осмыслению. Нанотехнология служит примером прямого воплощения научных идей на практике. Только в 1999 г. в США в этой области было зарегистрировано свыше 289 тыс. патентов. Горячие сторонники научно-технического прогресса выражают убеждение, что ускоренное развитие нанотехнологии «скорее

гуманизирует технологию, чем дегуманизирует общество» (8, с. 99). Технологическую конвергенцию в этой области называют не иначе, как «новой индустриальной революцией» или «переходным периодом». В то же время философы предупреждают о том, что существуют границы темпов исторических перемен, осуществляемых в условиях дезинтеграции, поскольку целостные изменения предполагают перемены в целой совокупности культурных норм (31, с. 280). Все более возрастает разница между скоростью распространения новых технологий и временем, которое необходимо для осмысления их социальной роли – выявления того, какое место должны занять эти технологии в рамках установленной этической и правовой системы.

Эксперты выражают опасение, что наночастицы, способные проникать сквозь кожный покров внутрь человеческого организма, могут оказать неизвестным пока способом вредное воздействие на человеческие органы. По этой причине представители Европейского технологического объединения по наномедицине (ETOH) выдвинули предложение не использовать достижения новой технологии в области медицины до тех пор, пока не будет выявлена связанная с этим степень риска. «Неизвестные свойства некоторых наноструктур, – указывается в их заявлении, – заставляет обратить особое внимание на надежность и возможные побочные эффекты в их использовании» (22).

В журнале «Консьюмер репортс» (2007) отмечается (7), что, хотя развитие нанотехнологии представляет собой важнейшее достижение со времен электричества, некоторые аспекты ее применения таят в себе определенную угрозу как здоровью человека, так и состоянию окружающей среды. Правительству надлежит выделять необходимые средства для изучения подобной угрозы, а производители должны сообщать обо всех проблемах, связанных с негативным влиянием наноматериалов на здоровье людей. Эти проблемы включают в себя следующие аспекты. 1. Безвредные вещества в процессе нанотехнологии могут приобретать токсичные свойства, поскольку микроскопические частицы более активно реагируют в соприкосновении с человеческими тканями. 2. Наночастицы обладают способностью легко проникать в организм человека и его жизненно важные органы, такие, как, например, головной мозг. 3. Некоторые наноматериалы способны консервироваться в окружающей среде, представляя тем самым потенциальную угрозу экосистеме. 4. Наночастицы, используемые в косметике и иных областях, могут отрицательно воздействовать на печень и другие человеческие органы.

А. Хэллэнд и др. (27) отмечают, что аккумуляция в живом организме частиц наноматериалов способна оказывать токсическое действие на легкие и организм в целом, создают риск онкологического заболевания органов обоняния, утолщение стенок сосудов, вызывающего рост сердечно-сосудистых заболеваний. Таким образом, широкое использование наночастиц в товарах повседневного спроса может создать экологическую и социальную угрозу

для человека. В целях предотвращения подобных последствий необходима стандартизация наноматериалов, а также способов их тестирования (27). О необходимости использования единых стандартов в этой области указывал и первый вице-премьер российского правительства С. Иванов. «До тех пор, пока мы не определимся, что, собственно, является продукцией с использованием нанотехнологий, здесь могут быть различные, в том числе и негативные, последствия, – отмечал он. – То есть, необходимо эту продукцию в кратчайшие сроки стандартизировать, разработать регламенты для того, чтобы у нас было единое понятие существа самого предмета» (15).

В 2007 г. Британский совет по науке и технологии ужесточил требования безопасности, предъявляемые к новым технологическим продуктам. Представители частных компаний этой страны жалуются, что данный акт отбросил их назад: никто не захочет производить новые товары, которые затем могут быть запрещены с точки зрения экологических или медицинских критериев. В отчете американского Международного центра имени Вудро Уилсона указывается, что правительственные органы не обладают необходимыми средствами контроля за нанотехнологическими продуктами. Поскольку спектр этих продуктов весьма широк – от косметических средств до электронных микрочипов, определить, откуда исходит потенциальная угроза, является гигантской задачей. Государственные органы должны ускорить процесс, способный обеспечить безопасность этих продуктов. «Никто, кроме небольшой группы экстремистов, не желает провала в области нанотехнологии, однако любой серьезный кризис, связанный с угрозой здоровью или состоянию окружающей среды, может оказаться существенным препятствием на пути ее развития» (13).

Один из исследователей предлагает сопроводить использование нанотехнологий такими понятиями, как «любовь» и «доверие к людям». В особенности, эти качества важны для тех, кто способен причинить вольный или невольный вред другим. Проявление их в наноисследованиях более сложно, чем в вопросах клонирования, абортах, стволовых клетках. Встает задача: кто должен нести ответственность за обеспечение безопасности применения новых технологий? Если допустить, что регулировать вопросы безопасности будут сами ученые, то кто должен «охранять самих охранников»? Автор видит единственный выход в открытости и прозрачности исследований в области нанотехнологии. В этих условиях все общество будет контролировать «охранников». Сила каждого должна быть уравновешена силой остальных членов общества. «Это единственный сценарий, в рамках которого мы сохраним наши жизни, свободу и собственность» (28).

Л. Бергсон в статье «Нанотехнология: подъем или банкротство» констатирует, что, вопреки всем предостережениям, нанотехнология продолжает свое движение в сторону коммерциализации (3, с. 14). Вместе с тем в отчете

американского Объединенного экономического комитета отмечается, что аргументы против нанотехнологии могут и будут выдвинуты даже в том случае, если оценка пользы и затрат покажет, что новая технология способна принести общественное благо (29).

Таким образом, встает необходимость создания совместной стратегии международного контроля в области нанотехнологии, ибо угрозы, связанные с созданием «ассемблеров», могут возникнуть раньше, чем созреют какие-либо действенные бюрократические решения (30). Эта стратегия должна осуществляться на паритетных началах: гегемония одной страны является недопустимой. Меры максимальной безопасности в этой области не должны сдерживать развитие новых идей и ограничивать справедливое распределение научно-технических достижений среди представителей всех народов планеты.

Литература

1. About CRN. Center for Responsible Nanotechnology. – Mode of access: http://www.crnano.org/about_us.htm.

2. Alivisatos, A.P. Less is more in Medicine // Scientific American. – Special Edition, Sep. 2007. – Vol. 17, Issue 3. – Mode of access: http://www.sciam.com/issue.

3. Bergeson L.L. Nanotechnology: Boom or bust. – Mode of access: http://www.pollutionengineering. com

4. Bibel W. Converging technologies and the natural, social and cultural world. Special Interest group for the European Commission via an Expert Group on Foresighting the Newttechnology Wave, 2004. – Mode of access: http://ftp. cordis.europa.eu/pub/foresight/docs/ntw_sig4_en. Pdf

5. Bush J. Russia Bids to Become a Tech Tiger // Business Week Online, 6/27/2007. – Mode of access: http://www.Business Week Online

6. Cleaveland P. Nanotechnology: Huge Future for Small Innovation. – Mode of access: www.mdtmag. com

7. Consumer Reports. – Mode of access: http://www.ConsumerReports. org.

8. Forrest D. Regulating nanotechnology development. – Mode of access: http://www.foresight. org/nano/Forrest1989. html

9. Fukuyama F. Transhumanism // Foreign Policy. – N 144 (September/October 2004). – Mode of access: http://foreignpolicy.com/story/cms.php?

10. Goho A. Nanotherapy // Science News. – 2007. – Vol. 172, Issue 12.

11. Governments at sea over nanotechnology safety. By Staff. – New Scientist, 7/14/2007. – Vol. 194, Issue 2612. – Mode of access: http://www.newscientist.com/archive.ns

12. Helland A., Wick P., Koehler A., Schmid K. and Som C. Reviewing the Environmental and Human Health Knowledge Base of Carbon Nanotubes. – Mode of access: http://dx.doi. org/

13. http://www.nanonewsnet.ru/blog/nikst/gde-dengi-zin

14. http://www.nanonewsnet.ru/news/2007/

15. http://www.opec.ru/comment_doc.asp? d_no=61961

16. Kenney B. The next american revolution? – Mode of access: http://www.industryweek. com

17. Kostoff R.N., Koytcheff R.G., Lau C.G.Y. Global nanotechnology research literature overview // Current science. – New Delhi: Indian Academy of sciences, June 2007. – Vol. 92, N 11, 10. – P. 1492–1498.

18. Murphy P., Doherty P. Think small. – Mode of access: http://www.fictionwise.com/ Spilogale

19. Nordmann A. Converging technologies – shaping the future of European societies, 2004. – Mode of access: http://www.ntnu. no/2020/pdf/final_report_en. pdf.

20. North Atlantic Treaty Organization. Special Report: Emerging Technologies and Their Impact on Arms Control and Non-Proliferation (Brussels: NATO Parliamentary Assembly Science and Technology Committee, 2001), 16.

21. NSF / DOC, National Science Foundation / Department of Commerce. – Sponsored Report 2002. – Mode of access: http://www.wtec.org/ ConvergingTechnologies/

22. Nuthall K. Unknown risks of nanomedicine. – Mode of access: http://ec. europa. eu/ european_group_ ethics/act i v i ties/ docs/opinion_ 2l_nano.en. pdf

23. Patel A. Is ‘small’ really the next big thing? // Current science. – New Delhi: Indian Academy of sciences, 25 July 2007. – Vol. 93, N 2. – P. 123–124.

24. Pradeep H. The Power of Nanotechnology // Power engineering. – Tulsa, July, 2007. – Mode of access: http://www.power-eng.com

25. Toth-Fejel T.T. Nanotechnology and national security // Air & space power journal. – Spring 2007. – Mode of access: http://www.airpower.maxwell.af.mil/airchronicles/apje.html

26. Tucker P. Nanotech: Big Risks, Big Opportunities. – Mode of access: http:// www.wfs. Org

27. Vandermolen T.D. Molecular Nanotechnology and National Security // Air & Space Power Journal – Fall 2006. – Mode of access: http://www.airpower.maxwell.af.mil/airchronicles/apj/apj06/fal06/vandermolen.html

28. Whitman J. The governance of nanotechnology // Science and Public Policy. – Guildford, 2007. – Vol. 34, # 4, May. – P. 273–284. – Mode of access: http://www.ingentaconnect.com/ content/beech/ spp

В.В. Пациорковский

МНОГОПОКОЛЕННАЯ СЕМЬЯ – ОСНОВА ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

Пациорковский Валерий Валентинович – доктор экономических наук, профессор, заведующий лабораторией Института социально-экономических проблем народонаселения РАН.

Предмет этой статьи – наиболее спорный теоретически и сложный в плане практической реализации момент в демографическом развитии – возможность устойчивого повышения рождаемости в стране, совершившей демографический переход.

Три основных процесса обусловливают демографическое развитие: рождаемость, смертность и механическое движение населения. При нарастании тенденций депопуляции только два из них – повышение рождаемости и массовая иммиграция могут способствовать устойчивому росту численности населения. Открывает возможности роста численности населения и сокращение уровня смертности в детском возрасте. В то же время сокращение смертности в трудоспособном возрасте скорее способствует стабилизации, чем росту численности населения.

Всеобщий демографический переход, приведший к кризису воспроизводства населения, в первую очередь коснулся стран европейского ареала. Хорошо известно, что Западная Европа – колыбель демократии. Гораздо реже упоминают о том, что она колонизовала огромную часть населения всех континентов, вовлекла его в две мировые войны и нескончаемую цепь гражданских войн и национальных революций.

Все это отразилось на демографическом развитии континента. К тому же, в рамках предмета нашего рассмотрения, Западная Европа инициировала научное обоснование: идей грядущей перенаселенности, убывания потребности в детях, нулевого прироста населения и демографической стабилизации. Здесь подняли на щит сексуальную революцию, разрушив при этом у своего

населения ценностные установки отцовства и материнства, одними из первых легализовали аборты и контрацепцию, ввели общественно закрепленную практику планирования семьи, которая коренным образом изменила ее репродуктивное поведение. Имеется много свидетельств, что, подорвав репродуктивную функцию семьи, Европа уже в полной мере начала пожинать обильный урожай со своего посева.

«Народы Запада перестали воспроизводить себя, население западных стран стремительно сокращается. …Сегодня в семнадцати европейских странах смертность значительно превышает рождаемость, гробы в них требуются куда чаще, чем колыбели. Это Бельгия, Болгария, Венгрия, Германия, Дания, Испания, Италия, Латвия, Литва, Португалия, Россия, Румыния, Словакия, Словения, Хорватия, Чехия и Эстония. Католики, протестанты, православные – все они участвуют в грандиозной похоронной процессии западной цивилизации»[1].

По оценкам самих западных исследователей, в XIX – первой половине XX в. «немецкий дух» наиболее полно воплощался в милитаризме. Видимо, не в последнюю очередь в результате таких форм воплощения, «в 2050 году в Германии, весьма вероятно, будут жить около 75 млн. человек, примерно на 10 процентов меньше, чем сейчас. …Если иммиграционный поток будет незначительным, а уровень воспроизводства населения останется неизменным, то через 100 лет, в 2100 году в Германии будет проживать только 25 млн. человек»[2].

Среди стран, совершивших демографический переход к стабилизации численности населения, только США, главным образом за счет активной иммиграционной политики, пока еще удается наращивать численность своего населения. Но и здесь демографическое развитие сопровождается изменением этнического состава населения страны. В нем нарастающими темпами идет увеличение удельного веса выходцев из стран Латинской Америки и Азии.

Мы – европейцы. Это подтверждается не только географией и историей, но и демографическим кризисом, охватившим нашу страну.

Однако Россия – не член Европейского союза и НАТО. И данное обстоятельство следует рассматривать как большое благо. Даже в этом интегрирующемся мире у нас пока еще есть свобода маневра и право выбора перед

---

1. Бьюкенен П.Дж. Смерть Запада. Чем вымирание населения и усиление иммиграции угрожают нашей стране и цивилизации. 2003. Сетевой адрес: http://www.libereya.ru/biblus/bukenen/

2. Эггерт М. Демографические изменения в долгосрочной перспективе. Сетевой адрес: http://www.expert.ru/printissues/siberia/2007/35/demograficheskie_alternativy_buduschego/

лицом нарастающих угроз и вызовов времени. Именно это позволяет надеяться на возможность преодоления Россией вымирания коренного населения.

Уже в течение продолжительного времени *демографическое развитие нашей страны характеризуется низким уровнем рождаемости, высоким уровнем смертности и слабо соответствующей сложившейся ситуации иммиграционной политики*. Достижение успеха в демографическом развитии связано с необходимостью глубокого преобразования всех названных тенденций. Формирование мотивации на активизацию репродуктивного поведения семьи – одно из важнейших условий достижения целей демографического развития.

В последние 50 лет Западная Европа, решая проблемы, вызванные демографическим переходом, шла по трем основным направлениям: повышение качества жизни, что непосредственно вело к снижению смертности; стимулирование рождаемости путем увеличения разного рода выплат и льгот, что постоянно вело к краткосрочным, затухающим во времени эффектам роста рождаемости; поощрение иммиграции на первых порах из стран Средиземноморья, а уже затем из Азии и Африки.

Избыточно эффективным в плане привлечения трудовых ресурсов и повышения рождаемости оказалось последнее направление. На это обстоятельство указывает немецкий исследователь: «Повышение уровня рождаемости является насущной необходимостью, иначе через несколько поколений в составе населения страны будут преобладать выходцы из семей иммигрантов»[3].

Создание ЕС и особенно его расширение на Восток запоздало примерно на полвека. Понятно, что лучше позже, чем никогда. Западная Европа, решая задачи экономического роста, еще успеет привлечь из стран Восточной Европы остатки человеческого капитала, но в перспективе этот процесс только расширит и усугубит проблемы депопуляции коренного населения на всем континенте. Глядя на Данию и Швецию, нетрудно догадаться, кто в ближайшее время начнет заселять страны Прибалтики, Польшу и Чехию.

Видимо, в поисках позитивного решения проблем, связанных с демографическим кризисом, нам надо, учитывая опыт европейских соседей, смотреть скорее на Восток и Юг нашей страны, чем на Запад. Возможно, именно здесь и кроются истоки выхода нашей страны из демографического кризиса.

В самом деле, не где-то далеко, а у нас в Дагестане, Ингушетии, Югре сохранилась мотивация на рождение второго и третьего ребенка, обеспечивающее замещение поколений и ограниченный рост численности населения.

---

3. Эггерт М. Демографические изменения в долгосрочной перспективе. Сетевой адрес: http://www.expert.ru/printissues/siberia/2007/35/demograficheskie_alternativy_buduschego/

В то же время в основной части русскоязычных регионов эта мотивация, как и в других европейских странах, оказалась утраченной.

Для более четкого понимания сформулированного нами положения ниже приведен график изменения численности населения в 1959–2002 гг. в Республике Дагестан и традиционно русскоязычной Псковской области. На нем хорошо видно, как, начавшись практически в одной точке, довольно быстро разошлись направления демографического развития в двух регионах России в рассматриваемый период.

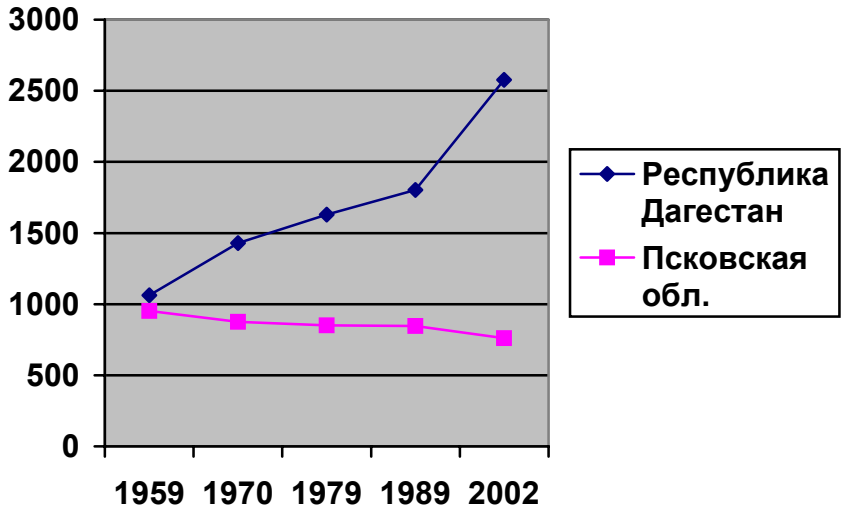

График 1. Изменение численности населения в Республике Дагестан и Псковской области в 1959 –2002 гг. (тыс. человек)[4]

Уместно обратить внимание, что в каждом из регионов приведенные результаты оказались следствием различных обстоятельств. Для Дагестана этот период характеризовался относительно высоким уровнем рождаемости, низкой смертностью и низкой миграционной подвижностью населения. Для Псковской области были характерны снижение рождаемости, рост смертности и очень активная миграционная подвижность населения, которое в 1959–1979 гг. семьями осваивало городскую местность республик Прибалтики (Вентспилс, Даугавпилс, Рига, Таллин, Тарту).

4. Демографический ежегодник России 2000. М., Госкомстат РФ, 2000. – С. 22–23. Численность и размещение населения. Итоги Всероссийской переписи 2002 г. Том 1. М.: ФСГС, 2004. – С. 91–98.

В 1999 г. естественный прирост в Дагестане составил 22 261 человек, а в Псковской области – минус 11 609 человек[5]. При этом естественное движение населения в Дагестане характеризовалось поддержанием сокращающегося, но относительно высокого уровня рождаемости и ростом смертности. В Псковской области постоянно снижалась рождаемость, и росла смертность.

Коэффициент миграционного прироста при этом в Дагестане составил 1 человек на 10 000 населения, а в Псковской области – 10 человек[6]. Иными словами, механическое движение населения в Псковской области едва заметно способствовало поддержанию численности населения.

В рассматриваемых регионах в 1959–2002 гг. менялась также структура семей по размеру, что показано на графике 2.

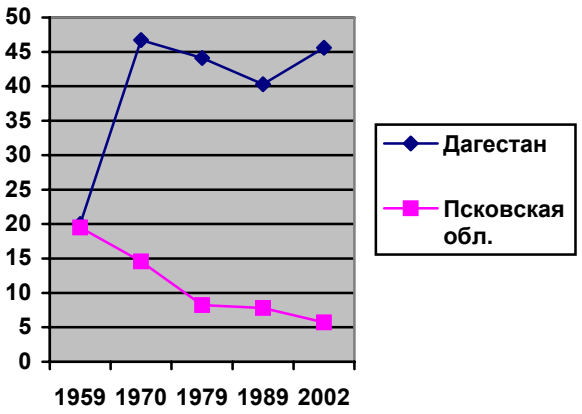

График 2. Изменение удельного веса больших семей (5 человек и более) в Дагестане и Псковской обл. в 1959–2002 гг. (%)[7]

5. Демографический ежегодник России 2000. – М., Госкомстат РФ, 2000. – С. 62–63.

6. Там же. С. 366–368.

7. Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года. РСФСР, М., Госстатиздат, 1963. – С. 438–439, 444–445; Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г. Миграция населения, число и состав семей в СССР. – М., Статистика, 1974. – С. 206–207, 212–213; Численность и состав населения СССР. По данным Всесоюзной переписи населения 1979 г. М., Финансы и статистика, 1984. – С. 228–229, 236–237; Число и состав семей Российской Федерации. По данным переписи населения 1989 г. – М., РИИЦ, 1992. – С. 118, 156; Число и состав домохозяйств. Итоги всероссийской переписи населения 2002 г. Т. 6. – М., ФСГС, 2005. – С. 10–11.

Сопоставление графиков 1–2 показывает, что резкое сокращение удельного веса больших семей в Псковской области в 1959–1979 гг. было предвестником депопуляции, развернувшейся в 1989–2002 гг.

По данным последней переписи (2002), одиночки и брачные пары пожилых людей составляли около 70% сельского населения Псковской области. На большие семьи приходилось 5%, что можно рассматривать как эпизодическое явление, почти случайную величину, которая не может обеспечить демографическое развитие. Ясно, что без повторного заселения рассматриваемая местность обречена на обезлюдение.

Напротив, резкий рост числа больших семей в Дагестане в 1959–1970 гг. позволил обеспечить большой прирост численности населения в 1989–2002 гг. Скорее всего семейная структура здесь оказалась более сбалансированной, а потому мягче и менее болезненно реагировала на все тяготы переходного периода.

Удельный вес больших семей в России, по данным переписи 2002 г., составил всего 9,4%[8]. Под большой семьей в нашем анализе понимается семья, состоящая из пяти и более человек. Такой выбор объективно обусловлен тем, что в материалах переписи 1989 г. последней дается группировка «5 и более человек», а в переписи 2002 г. – «6 и более человек».

Депопуляция, начавшаяся в отдельных регионах, в течение продолжительного периода не воспринималась государством и обществом в увязке с перспективами демографического развития страны. И это не случайно. Долгое время для людей далеких от демографии обманчивым был сам общий тренд изменения численности населения в стране.

На графике 3 видно, что в период 1959–1989 гг. в России наблюдался медленный рост численности населения и только в межпереписной период 1989–2002 гг., когда механическое движение оказалось не способным перекрыть естественную убыль населения, началось его явное сокращение. В этих условиях государству оставалось довольно мало возможностей для ухода от решения проблем, назревающих в демографическом развитии.

Поэтому правительство сначала формально приняло в 2001 г. «Концепцию демографического развития Российской Федерации на период до 2015 года», которая декларировала в качестве главной цели «стабилизацию численности населения и формирование предпосылок к последующему демографическому росту»[9]. А несколько позже уже более осмысленную и обос-

8. Число и состав домохозяйств. Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г. Т. 6. – М., ФСГС, 2005. – С. 6–7.

9. Концепция демографического развития Российской Федерации на период до 2015 г. // Народонаселение, 2002. – № 1.

нованную по ресурсам «Концепцию демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года».

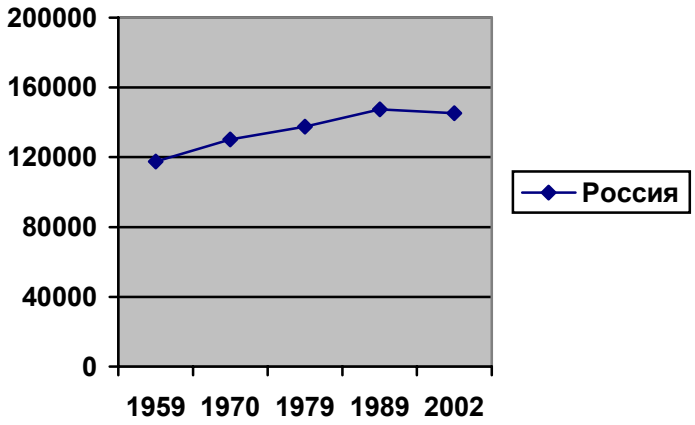

График 3. Изменение численности населения России в 1959–2002 гг. (тыс. человек)[10]

В последнем варианте Концепции отмечается: «На рождаемость отрицательно влияют: низкий денежный доход многих семей, отсутствие нормальных жилищных условий, современная структура семьи (ориентация на малодетность, увеличение числа неполных семей), тяжелый физический труд значительной части работающих женщин (около 15%), условия труда, не отвечающие санитарно-гигиеническим нормам, низкий уровень репродуктивного здоровья, высокое число прерываний беременности (абортов)»[11].

С указанным набором факторов, отрицательно влияющих на рождаемость, трудно не согласиться. Вместе с тем опыт показывает, что экономическая стабильность семьи, уверенность родителей в завтрашнем дне, возможность создать своим детям достойные условия жизни и другие факторы материального благополучия слабо влияют на поддержание высокого уровня рождаемости. Ф. Скотт Фицджеральд заметил, что «чем богаче становится страна, тем меньше в ней детей и тем скорее ее народ начинает вымирать.

10. Демографический ежегодник России. 2000. – М.: Госкомстат РФ, 2000. – С. 22. Численность и размещение населения. Итоги всероссийской переписи 2002 г. Т. 1. – М.: ФСГС, 2004. – С. 10.

11. Концепция демографической политики Российской Федерации на период до 2025 г. Сетевой адрес: http://www.archipelag.ru/ru_mir/ostrov-rus/demographyposition/concept_demography_2025/ presidental_order_demography_ till2025/.

Общества, создаваемые с целью обеспечить своим членам максимум удовольствия, свободы и счастья, в то же время готовят этим людям похороны»[12].

Вряд ли у нас есть основания надеяться на свою демографическую исключительность. Тем не менее региональные особенности демографического развития в нашей стране так велики, что они требуют к себе пристального внимания. Например, в 2004 г. в среднем по стране на 100 родов было сделано 122 аборта, а в Дагестане и Ингушетии – 29 и 13 соответственно[13]. По данным переписи 2002 г., средний размер домохозяйства в нашей стране составлял 2,7 человек. В Дагестане он был равен 4,5, а в Ингушетии – 7,1 человек[14]. Осмысление этого очень важного для нашей страны опыта показывает, «что основой высокой репродуктивности является только традиционная большесемейная организация. Родовая природа большой семьи ориентирует ее на поддержание процесса демографического воспроизводства, тогда как народы, опирающиеся на малую (нуклеарную) семью, характеризуются репродуктивным угасанием»[15].

Ссылка на исламскую традицию мало что проясняет в этом деле. Установки ислама и христианства по отношению к регулированию рождаемости близки, если не идентичны. Более того, в нашей стране такие христиане как старообрядцы, баптисты и др. все еще продолжают поддерживать мотивацию на многодетную семью. Да, ислам, как и христианские секты, осуществляет более жесткий контроль своих адептов, чем православная церковь. Но и православие трудно упрекнуть в отходе от своих позиций или их смягчении в данном вопросе.

Другое возможное объяснение указанных различий состоит в том, что Дагестан представляет собой доиндустриальное общество, которое не совсем корректно связывать с индустриально развитыми регионами страны. Конечно, если под индустриальным обществом понимать нескончаемый ряд дымящихся труб заводов и фабрик, то такое объяснение имеет право на существование.

---

12. Бьюкенен П.Дж. Смерть Запада. Чем вымирание населения и усиление иммиграции угрожают нашей стране и цивилизации. 2003. Сетевой адрес: http://www.libereya.ru/biblus/bukenen/

13. Регионы России. Социально-экономические показатели 2005. – М.: ФСГС, 2005. – С. 300.

14. Число и состав домохозяйств. Итоги Всероссийской переписи 2002 г. Т. 6. – М.: ФСГС, 2005. – С. 6–11.

15. Государственная политика вывода России из демографического кризиса. Под общей редакцией С.С. Сулакшина. – М.: ЗАО «Издательство «Экономика», Научный эксперт», 2007. – С. 784.

Здесь уместно отметить, что, во-первых, такие регионы как Новгородская, Псковская и Тверская области не упрекнешь в излишней индустриальности, а во-вторых, для последних фаз индустриального общества наиболее важным является скорее достигнутый уровень развития человеческого капитала, чем производства. По этому последнему показателю Дагестан выглядит вполне конкурентоспособным среди основной части регионов страны.

В 2004 г. общий коэффициент смертности в РФ (число умерших на 1 тыс. человек населения) составил 16,0 человек. В Дагестане он равнялся 6,0, а в Псковской области – 24,2 человек. По этому показателю Республика Дагестан занимала четвертое, а Псковская область 89-е место в стране[16].

В 2005 г. средняя продолжительность жизни населения в Дагестане составила 73 года, у мужчин – 69 лет, у женщин – 77 лет. Продолжительность жизни в целом по России в 2000–2005 гг. оставалась без изменений – 65 лет всего населения, 58 – у мужчин и 72 года – у женщин[17]. Ожидаемая продолжительность жизни населения в Дагестане стоит на втором месте среди субъектов РФ[18].

Приведенные данные показывают, что в Дагестане за многие годы перемен накоплен огромный человеческий капитал, который характерен скорее для последней фазы индустриального общества, чем для доиндустриальной эпохи. И тем не менее здесь все еще сохраняется режим замещающего воспроизводства населения. *Возможно, в понимании этого противоречивого, с точки зрения теории демографического перехода, факта и кроются пути решения проблем демографического развития всей России.*

Вряд ли справедливо упрекать инициаторов введения «материнского капитала» в непонимании того факта, что второй ребенок может появиться только после рождения первого. Всем понятно и то, что при отсутствии мотивации на рождение первого ребенка у русскоязычного населения, материнский капитал скорее уйдет в Дагестан и Ингушетию.

Труднее принять саму последовательность предполагаемых событий: сначала заводить детей, а потом строить жилье. Когда в других странах за рождение каждого ребенка устанавливают дисконт на оплату уже приобретенного жилья, то это более соответствует естественному ходу событий. Хотя и очень ограниченно влияет на поддержание даже замещающего уровня рождаемости.

---

16. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2005. – М.: ФСГС, 2005. – С. 56.

17. Статистический ежегодник. Дагестан-2005. – Махачкала: Комитет по статистике РД, 2005. – С. 23.

18. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2005. – М.: ФСГС, 2005. – С. 64.

Появление специальных программ обеспечения жильем молодежи отражает общественное признание важности этого фактора. Проблема состоит в том, что молодые семьи и люди в целом не могут и не должны ждать, когда им построят или дадут жилье. Они должны иметь возможность делать это сами. В нашей социальной организации сохраняется прямо противоположный порядок и при этом говорится о необходимости повышения рождаемости. Вряд ли правильно предполагать, что между возможностью для каждого самостоятельного мужчины построить свой дом и его репродуктивным поведением отсутствует какая-либо значимая связь.

В действительности демографический кризис может быть преодолен лишь в том случае, если у основной массы российского населения восстановится мотивация реализовать себя не только на работе, но и дома, в семье и детях. Тогда и появятся во многих семьях второй и третий ребенок.

Наивно полагаться на восстановление мотивации на рождаемость, если семья и дети и дальше будут продолжать ограничивать реализацию общественно-значимых способностей и карьерного роста молодых людей. Сегодня практически каждое отложенное рождение отражает или отсутствие у потенциальных родителей уверенности в собственном будущем и благополучии своего ребенка, или вообще отсутствие у них мотивации на продолжение рода. Другое дело, что распространение практики планирования семьи путем различных, а зачастую сомнительных способов отложенных рождений часто ведет к тому, что сначала не хотят иметь детей, а потом уже и не могут.

Понимание указанного факта предполагает реализацию огромного комплекса мер, среди которых материальная поддержка – далеко не главная и единственная. К сожалению, наука, озабоченная проблемами демографического перехода, не дает четкого ответа на вопрос: «Что нужно делать в этой ситуации»?

Поэтому на местах поиск идет методом проб и ошибок (упрощения механизма регистрации браков, завоза девушек в Иркутскую агломерацию, возвращения российских немцев в Сибирь и др.) часто вызывающий скепсис и сарказм у массы комментаторов[19]. Возможно принятие уже упоминавшейся ранее Концепции демографической политики до 2025 г., равно как и проведение «Года семьи» в 2008 г., будут способствовать упорядочению указанного поиска.

---

19. Упразднение загса. Сетевой адрес: http://www.expert.ru/news/2007/09/06/zags/; Требуются молодые девушки. Сетевой адрес: http://www.expert.ru/printissues/siberia/2007/36/news_qa_arto-bolevskiy/; 7 вопросов Владимиру Риммеру. Сетевой адрес: http://www.expert.ru/printissues/russian_reporter/ 2007/18/ interview_ vladimir_rimmer/

Нам представляется, что в поддержке мотивации на рождаемость и повышении престижа материнства два совершенно четко выраженных материально-вещественных и одновременно моральных фактора имеют непереходящее значение. Один из них – демографический тип семьи, а другой – усадебный характер индивидуального жилища.

По нашим данным, в том же Дагестане более двух третей домохозяйств составляют расширенные – сложные, многопоколенные и смешанные семьи. И живут они, как правило, в отдельных домах, имеющих собственное подворье.

В то же время в русскоязычных регионах, как и на всем Западе, основу семейной структуры общества составляет нуклеарная семья. Она состоит из двух родителей с детьми до 18 лет. Все остальные демографические типы семей: одиночки, брачные пары пенсионеров, брачные пары работающих, неполные, сложные многопоколенные и смешанные семьи, – рассматриваются как исходные условия формирования (строительный материал) или остатки нуклеарной семьи, завершающей свой жизненный цикл.

Этот тип семьи сформировался в индустриальную эпоху. Его утверждение в качестве основной ячейки общества повсеместно поддерживалось бизнесом и государством. Для них он открывал широкий доступ к хорошо подготовленным и высоко мобильным трудовым и человеческим ресурсам.

Утверждаясь, нуклеарная семья шла на смену традиционной для доиндустриального общества многопоколенной семьи, которую сегодня отдаленно напоминают сложные и смешанные семьи. Такие семьи преобладали в российской глубинке еще в 30-х годах прошлого столетия.

Ядро сложных семей – брачная пара с детьми в возрасте до 18 лет, которая как бы упрятана в ближайшее кровно-родственное окружение. Наличие этого окружения позволяет, путем создания дублирующих социальных связей, повышать защищенность материнства и детства от невзгод и рисков, идущих извне. В таких семьях, как правило, рады детям. Их не подбрасывают с рождения в системы общественного обслуживания. Здесь у них есть свое место и постоянная психо-эмоциональная и физическая защищенность.

В этом плане нуклеарная семья и «соответствующее» ей малогабаритное жилище, получившие в ушедшее столетие широкое распространение в нашей стране, как и во всех индустриально развитых странах, значительно менее комфортны для детей и их родителей. Нигде и никогда государство и общество не смогли выполнить взятые на себя обязательства по отношению к этим семьям. *Качественное общественное обслуживание семьи, материнства и детства скорее хороший замысел, чем реально решаемая задача*.

Ядро смешанных семей – брачная пара или один из взрослых родителей, интегрирующая в себя неполную семью своего взрослого ребенка или других родственников, в том числе своих взрослых (старше 18 лет) детей, внуков,

племянников. По нашим выборочным данным, в переходный период число таких семей росло опережающими темпами. В них, как под зонтиком, укрывались от невзгод происходящих перемен остатки многих распавшихся нуклеарных семей, а также дети, потерявшие своих родителей.

Особенность многопоколенных, как сложных, так и смешанных семей состоит в том, что они могут хорошо сохраняться и функционировать не только под одной, но и под разными крышами. В то же время пространственная доступность ближайших родственников, взаимопомощь и хотя бы частичная общность хозяйства служат обязательными условиями их существования.

Среднее число детей в семьях различных демографических типов, связанных с воспроизводством населения в сельской местности отдельных регионов России и в Дагестане показано в табл. 1.

Таблица 1

СРЕДНЕЕ ЧИСЛО ДЕТЕЙ В СЕМЬЯХ РАЗЛИЧНОГО ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО ТИПА В СЕЛЬСКОЙ МЕСТНОСТИ ОТДЕЛЬНЫХ РЕГИОНОВ РОССИИ И ДАГЕСТАНА

Демографические типы семьи	Регионы России			Дагестан
	1995	2001	2006	2004
Нуклеарные семьи (супружеские пары с детьми до 18 лет)	1,80	1,65	1,68	2,51
Сложные семьи (супружеские пары с детьми до 18 лет и другими родственниками)	1,55	1,56	1,55	3,18
Неполные семьи (с детьми до 18 лет)	1,75	1,38	1,40	3,10
Смешанные семьи	1,50	1,26	1,34	2,19
В среднем	1,71	1,56	1,57	2,59

Источник: Данные наших обследований. Число обследованных семей с детьми в возрасте до 18 лет: 1995 г. – 230, 2001 г. – 374, 2004 г. – 187, 2006 г. – 446.

Из этих данных видно, что в Дагестане, во-первых, во всех типах семей, воспроизводящих население, среднее число детей выше, чем в других регионах страны. Более того, оно выше порога замещающего воспроизводства (2,1 человек). Во-вторых, в то время как в нуклеарных семьях в различное время и в разных выборках наблюдается заметное колебание среднего числа детей, сложные семьи демонстрируют совершенно поразительную устойчивость рассматриваемого показателя. В-третьих, и это самое главное для предмета нашего рассмотрения, основным воспроизводящим демографическим типом в Дагестане является сложная семья, тогда как в других регионах

страны ставка сделана на нуклеарную семью. В-четвертых, сложная семья в Дагестане дает максимальное значение среднего числа детей (3,18 человек), обеспечивающее расширенное воспроизводство населения.

В последнее десятилетие (особенно в сельской местности) и в русскоязычных регионах наметилась тенденция увеличения удельного веса сложных семей. Тем не менее даже сейчас они составляют здесь лишь около 20% сельских домохозяйств, в то время как доля смешанных семей уже приближается к 30%. По существу это означает, что последствия деструктивных воздействий на семью все еще преобладают над конструктивными переменами. Мы считаем, что изменение указанного положения дел тесно связано с решением задач демографического развития нашей страны.

Приведенные данные свидетельствуют о том, что в нашей стране в переходный период основная ячейка общества – семья подверглась глубоким изменениям. Причем вектор этих изменений был и остается не в пользу нуклеарной семьи. Такое явление не наблюдалось в странах Западной Европы. Поэтому и следствия из него мы должны осмыслить самостоятельно.

Конечно, если исходить из предпосылки о линейном характере общественного развития, то увидеть какие-либо особенности в переменах, происходящих в нашей стране, довольно сложно. Но, если допустить его цикличность и спирали, то положение дел предстанет в несколько ином ракурсе.

Уместно предположить, что характерные для индустриальной эпохи формы организации жизни и быта людей уйдут вместе с этим временем. Постиндустриальное общество с нарастающей в нем информационной составляющей потребует других форм организации жизни как в быту, так и в сферах труда и занятости. Вполне возможно, что новые условия вызовут к жизни и новые формы воспроизводства населения. И, как это часто бывает, они могут оказаться хорошо забытыми старыми формами.

Другими словами, в новых условиях сложные семьи и индивидуальное усадебное жилище, когда-то уже преобладавшие в обществе, могут оказаться опять востребованными и хорошо вписанными в новые требования организации жизни. При таком развитии событий и воспроизводство населения в нашей стране может оказаться в более благоприятных условиях, чем в настоящее время.

Признание возможности таких перемен предполагает и понимание того, что для их достижения вряд ли удастся отделаться поверхностными преобразованиями. Такие перемены предполагают изменение всего общественного уклада, – от семейного законодательства, созданного под нуклеарную семью, – до системы расселения и признания новых ролей и статусов.

Достаточно сказать, что доминирование в семейной и поселенческой структуре расширенных семей фактически означает преобладание в обществе групп по происхождению (кланов и фратрий), что и наблюдается в Дагестане.

В то же время проявляемый русскоязычным населением интерес к своим родословным корням и линиям в известной мере отражает установку на готовность к переменам подобного рода.

Для многопоколенных семей совершенно неприемлемо возложение на органы опеки и попечительства защиты прав и интересов детей в случаях смерти или ограничения в правах их родителей[20]. И уже тем более непонятно для них преимущественное право органов опеки и попечительства определять порядок устройства детей, оставшихся без попечительства родителей[21].

Такое жесткое ограничение прав ближайших кровных родственников трудно объяснить даже с позиций здравого смысла. Вполне возможно, что распространение бездомности в переходный период не в последнюю очередь связано с действием преимущественного права органов опеки и попечительства в определении судеб таких детей.

Конечно, сегодня уже поздно настаивать на запрете абортов. В то же время необходимо искать и установить общественное согласие по этому вопросу. Возможно, если предложить потенциальным матерям комфортные условия на период вынашивания и рождения ребенка с последующими хорошими отступными, то многие из них предпочли бы этот путь насилию над своей плотью и будущей жизнью.

Вряд ли следует считать этически правильной и распространенную практику приема новорожденных и прерывания беременности одним и тем же медицинским персоналом в одних и тех же учреждениях. Все же давать жизнь и лишать ее – это разные обязанности. И их повседневное выполнение не может не отражаться на психике и квалификации исполнителей. Сегодня даже трудно представить хирурга и патологоанатома в одном лице, а в акушерстве и гинекологии такое совмещение скорее норма, чем исключение.

Сколько бы мы не говорили о семейных ценностях, они просто не могут поддерживаться атомарной, открытой всем капризам, ветрам и невзгодам нуклеарной семьей. В сравнении с институтами экономики она скорее напоминает фирму однодневку, чем серьезное предприятие. Она может не брать на себя никаких обязательств и жить в свое удовольствие. А может, набрав их, отказаться от их выполнения. Она стремится быть свободной от долгов, но оказывается, что и ей никто и ничего не должен. У всех, даже вчерашних детей, своя жизнь.

Лучший итог такой жизни – богадельня, которую в западном мире все стремятся поддерживать в приличном состоянии. И в этом, если и не сущест-

---

20. Семейный кодекс Российской Федерации (СК РФ) от 29.12.1995. № 223-ФЗ. Статья 121. Сетевой адрес: http://www.consultant.ru/popular/family/.

21. Там же. Статья 123.

во, то одна из ярких особенностей драмы стран, совершивших демографический переход.

Видимо, в паре семейный состав – усадебное жилище, ведущую роль играет все же семейный состав. Об этом убедительно свидетельствует опыт США. Здесь сделали доступным строительство или приобретение дома для каждого человека, имеющего постоянное рабочее место. Практически каждая вновь созданная молодая семья здесь сначала арендует, а затем строит или покупает свой дом.

При этом не приходится говорить о «родовом гнезде» для нескольких поколений. Благополучно достигнув преклонного возраста, немощные родители сами или их дети продают родительский дом под финансовое обеспечение пребывания в местах доживания с социальным и медицинским обслуживанием.

По сравнению с нуклеарной, многопоколенная семья – это другая цивилизация, к которой каждый ее член принадлежит по праву своего рождения. Благодаря ей он исходно вписан в широкий круг социальных отношений и связей, опирающихся не только на требования сегодняшнего дня, но и на прошлое и будущее.

В отношении любого ребенка в такой семье существуют четко закрепленные обязанности не только у отца с матерью, но и ближних и дальних родственников. Достаточно сказать, что обычное право распространяет такие обязанности и на крестных родителей. Так создаются и функционируют дублирующие системы тройной защиты детства.

О существовании органов опеки и попечительства, детских домах, интернатах и тем более колониях для малолетних преступников в таких системах организации жизни людей даже и не подозревают. И это очень серьезное обстоятельство, которое надо учитывать при формировании новых векторов демографического развития.

Не надо иметь семь пядей во лбу, чтобы понять, что сохранение российской идентичности и позиционирование нашей страны в окружающем мире тесно связаны и зависят от решения проблем воспроизводства населения. Вымирая, мы, как это уже давно делает Западная Европа, будем вынуждены поощрять миграцию, создавать гетто в больших городах и интегрировать огромные потоки людей с иным языком и культурой. В таких условиях довольно сложно сохранить свою идентичность.

Поэтому проблема не в том, чтобы прояснить, кто больший патриот своей страны, а кто более предан истине и науке. По большому счету мы нуждаемся в изменении уклада жизни, который привел к конфликту между биологическими требованиями продолжения рода и доминирующей негативной социально-психологической мотивацией основной части общества на материнство и отцовство, которые предполагают активное репродуктивное поведение.

Гиперсоциализация как результат воспитания ребенка в нуклеарной семье, формирует у него установку на реализацию себя в обществе любой ценой. А так как в жизни для достижения той или иной цели всегда приходится от чего-то отказываться, то наши молодые современники, мужая и превращаясь в личности, чаще всего блокируют в себе родовое человеческое начало.

При такой постановке вопроса становится совершенно ясно, что только повышением уровня и качества жизни, и стимулированием рождаемости, здесь не обойдешься. *Многопоколенная семья и ее автономное жилище как раз и являются важнейшими характеристиками того уклада жизни, который может обеспечить устойчивое демографическое развитие*.

Образно говоря, в ближайшее время надо на контрактной основе отпустить всех тех, кто имеет хорошее здоровье, и все еще желает плодиться и размножаться, на «вольные хлеба», гарантируя им достаток при выполнении взятых на себя обязательств. Если просчитать затраты бюджета на детские сады, приюты и интернаты, милицейские комнаты и армию чиновников, наблюдающих за опекунством и попечительством, то *материальная поддержка непосредственно семьи и материнства может оказаться* вполне сопоставимой с уже существующими затратами.

Вряд ли сегодня расширенные многодетные семьи могут получить широкое распространение, но они должны стать тем маяком, на который общество будет ориентировать подрастающие поколения. Вполне возможно, что со временем такая референтная группа позволит дать толчок устойчивому демографическому развитию.

Автономное жилище в малых городах и сельской местности с доступными транспортными и коммуникационными связями – основной ареал расселения такого слоя населения. В больших городах для расширенных семей, желающих укреплять внутрисемейные связи с целью создания благоприятных условий для рождения и воспитания детей полезно начать реализацию местных программ, позволяющих таким семьям иметь соседское, а при желании и общее жилище.

При этом миллионы семей сами и за свой счет смогут решить свои проблемы. Реализация таких программ крайне актуальна и необходима, так как у нас отсутствует конкурентный рынок жилья, делающий его доступным для семей с различным достатком. Отсюда повсеместная привязанность к убогому жилищу, сковывающему не только профессиональную и социальную мобильность людей, но и демографическое развитие.

Уместно предположить, что не в последнюю очередь именно жилищные условия способствовали изменению мотивации на продолжение рода у широкого круга молодых людей. Указанное положение дел необходимо менять и по возможности скорее. Как говорили древние, «дорогу осилит идущий».

ФАКТЫ, СОБЫТИЯ, ЛЮДИ

К.В. Бобков

МУЗЕЙ-УСАДЬБА «МЕЛИХОВО» В ПОСЛЕДНИЕ ДВА ДЕСЯТИЛЕТИЯ

Бобков Константин Васильевич – директор музея «Мелихово».

Перемены последних двух десятилетий, произошедшие в стране, не могли не отразиться и на жизни российских музеев. Как и большинство из них, Мелихово в перестроечные годы испытывало серьезные трудности финансового и организационного плана, что в значительной степени сдерживало его развитие.

Однако обретенная свобода инициативы, возможность маневра, поддержка властей Московской власти и помощь спонсоров постепенно меняют ситуацию.

Прежде чем познакомить читателя с жизнью музея в последнее время, нам хотелось бы сделать небольшой экскурс в историю, сообщить некоторые сведения, разговор о которых стал возможным лишь сегодня.

А.П. Чехов прожил в Мелихово с 1892 по 1899 г. Это был самый плодотворный период в его жизни: здесь им были написаны 42 произведения.

В 1899 г. Чехов продал имение лесопромышленнику М.В. Коншину с рассрочкой платежа на несколько лет и уехал в Ялту. Но Коншин так и не смог выплатить сумму полностью, и имение осталось в залоге у сестры Чехова – Марии Павловны.

В ноябре 1913 г. усадьбу покупает барон Н.Д. Стюарт. Новый владелец и его жена старались сохранить имение «в неизменном виде в память Чехова». Это были люди, близкие к миру искусства, сердечной дружбой связанные с Ф.И. Шаляпиным. Позже в 1917 г. Шаляпин тщетно пытался вызволить Стюарта из тюрьмы, много раз ходил на Гороховую в петроградскую ЧК, но Стюарта, врача по профессии, никогда не занимавшегося политикой, расстреляли вместе с братом лишь за их принадлежность к баронскому титулу, вызывавшему особую ярость у большевиков.

В мае 1919 г. Советское правительство выдало на бывшую чеховскую усадьбу охранную грамоту. В начале 1920-х годов территория Мелихова вошла в объединенное советское хозяйство, а затем ее занял колхоз.

В 30-е годы жители Мелихова, передовая общественность и Московский музей А.П. Чехова инициировали создание в Мелихове музея, и в марте 1940 г. решением Исполкома Мособлсовета был организован музей им. А.П. Чехова в селе Мелихово Лопасненского района, он стал филиалом Серпуховского музея. В сохранившемся флигеле была открыта музейная экспозиция.

Отечественная война задержала восстановление усадьбы, но уже в 1944 г., в сороковую годовщину памяти писателя, музей был вновь открыт уже как самостоятельный.

В 1950–1960-е годы небольшой штат сотрудников во главе с директором Ю.К. Авдеевым и при огромной поддержке Сергея Михайловича Чехова, племянника писателя, вел работы по восстановлению утраченных построек, парка и сада чеховской усадьбы. На основе документов и планов, составленных М.П. Чеховой, был восстановлен главный дом и флигель-кухня. Напротив флигеля в 1951 г. был установлен памятник Чехову работы скульптора Н.Г. Мотовилова.

В 1960 г. отмечалось 100-летие со дня рождения писателя. Возрождаемая из небытия усадьба уже принимала множество посетителей. Был открыт мелиховский дом, флигель, где была написана «Чайка», разбиты дорожки, сад, цветники, благоустроены парк и аллеи. Распоряжением Совета Министров РСФСР от 23 июня 1960 г. музей обрел наконец статус Государственного литературно-мемориального музея-заповедника.

На протяжении многих лет руководства Ю.К. Авдеева, вплоть до его смерти, шаг за шагом шло восстановление усадьбы. Прекращалась хозяйственная деятельность колхоза: сносились фермы, хранилища, гаражи, благоустраивалась территория.

С приходом к руководству губернатора Московской области Громова Б.В. развитие музея пошло гораздо более высокими темпами. В 2005 г. большая группа ученых, театральных деятелей и литераторов обратилась к Громову Б.В. с просьбой ходатайствовать перед президентом России о принятии решения в связи с празднованием 150-летия со дня рождения А.П. Чехова (2010). Мы не рассчитывали на быстрый успех, понимая, что юбилей всемирно известного писателя потребует длительной подготовки. Однако успех этого предложения превзошел все ожидания. 14 февраля 2006 г. за № 111 вышел Указ Президента России «О праздновании 150-летия со дня рождения А.П. Чехова». И только «родное» Министерство культуры и массовых коммуникаций РФ заявило о преждевременности выхода Указа

Президента России о подготовке к юбилею и предложило по устоявшейся практике подождать два-три года.

С этого момента в жизни чеховских музеев и исследователей творчества А.П.Чехова начинается новый этап.

Проанализировав весь опыт, накопленный нашим музеем, мы поставили перед собой следующие задачи.

– Максимально приблизить внешний вид и хозяйственную деятельность усадьбы к тем реалиям, при которых в Мелихове жил А.П. Чехов; создать нормальные условия для работы значительно возросшего по численности коллектива хозяйственных служб музея и для хранения экспонатов.

– Показать все грани таланта Чехова и его человеческие качества, гражданскую позицию, духовные искания, отказавшись от сформированного «лубочного» образа.

– Создать уникальный не только для России, но и для всего мира музейно-театральный комплекс.

– Скоординировать усилия всех чеховских музеев от Сахалина до Ялты.

Наш первый крупный выставочный проект «Служение общему благу» стартовал в 2004 г.

Мы начали серьезный разговор о гражданском служении Чехова, о Чехове – враче, земском деятеле, попечителе и строителе школ, о его поездке на Сахалин. Из этой выставки родился еще одни уникальный проект, принесший музею общероссийскую славу и первый (за ним последовали второй и третий) грант Благотворительного фонда В. Потанина за 2006 г. «Амбулатория доктора Чехова». Суть проекта – продолжение традиции социального служения доктора А.П. Чехова – бесплатная медицинская помощь жителям окрестных сел и деревень, которые долгое время вынуждены были за ней ехать в город. Объединив усилия министерств культуры и здравоохранения Московской области, администраций района и сельского поселения, нам удалось привести в порядок здание заброшенной людской, соединить в нем и мемориальную амбулаторию, из которой будто только что вышел, оставив свой картуз, доктор Чехов, и современный медицинский пункт, где не только измерят давление, сделают укол, но и проведут плановую прививку ребенку, а в случае необходимости и окажут серьезную помощь приезжим экскурсантам.

Интересная межмузейная выставка была устроена в 2007 г. – «А.П. Чехов. Вариации на тему любви». Спокойно, без «клубнички» мы попытались осветить тему, волновавшую не одно поколение почитателей и исследователей творчества А.П. Чехова – его отношение с прекрасной половиной человечества и отражение этой темы в его творчестве. Выставка имела колоссальный успех, жаль, что из-за отсутствия выставочного зала (она располагалась летом в театральном зале) нам пришлось ее рано закрыть.

Еще один комплексный проект мы планируем осуществить в первой половине 2008 г. Федеральное агентство по культуре и кинематографии финансирует создание новой экспозиции – «Эпистолярное наследие А.П. Чехова». Проект обращает наше внимание к менее изученному, но не менее интересному наследию А.П. Чехова – его письмам.

На базе этой экспозиции грант Благотворительного фонда В. Потанина обеспечивает разработку обучающей программы для школьников – «Живое письмо». Изучение эпистолярного наследия Чехова на специальных компьютерных занятиях поможет современной молодежи освоить навыки «живого письма», содержательно и эстетически обогатит их общение через СМС-ки.

Три года тому назад перед нами со всей остротой встал вопрос: почему, когда все выдающиеся режиссеры мира перед новой постановкой Чехова приезжают к нам в Мелихово и, кстати, готовы платить немалые деньги, мы не можем создать приемлемые условия для их работы? Дать ответ на этот вопрос Министерство культуры Московской области попросило уважаемую организацию «Театринформ» во главе с О.В. Сенаторовой. Ее концепция создания уникального музейно-театрального комплекса легла в основу нашей дальнейшей работы. К этому времени из основных элементов театрального комплекса мы имели лишь плохонький зрительный зал всего на 100 мест, мало приспособленный для постановок, и опыт по проведению театрального фестиваля «Мелиховская весна», приобретшего уже широкую известность в стране и за рубежом. Сегодня тот же зал уже оснащен всем возможным оборудованием для театрального звука и света, а в нашем распоряжении имеется проект строительства нового зала на 300 мест. Два года тому назад мы получили грант губернатора Московской области на создание Международной театральной школы. Для размещения театральной школы завершается воссоздание главного дома усадьбы Варенникова (сосед А.П. Чехова). Здание практически готово и скоро театральная школа начнет свою работу. Она будет работать по системе мастер-классов, work-shoров и будет рассчитана на самые разные категории как профессионалов, так и любителей театра. В начале этого года губернатор поддержал предложение о создании в структуре музея профессионального театра. Были выделены дополнительные штаты, позволившие взять на работу 20 новых сотрудников – это очень много для музея в наше время. Создание театра означает новый этап в театрализации многих сфер музейной деятельности: это и театрализованные экскурсии, это и проведение массовых праздников и других мероприятий. В прошлом году мы изменили структуру фестиваля. Наш маленький зал стал тормозом в его развитии и не позволял ставить спектакли многих выдающихся режиссеров. В 2007 г. фестиваль проводился на нескольких площадках. Основной интерес вызвали те спектакли, которые игрались непосредственно на усадьбе – это

совместный российско-французский проект Новосибирского городского театра под руководством С. Афанасьева.

Огромный интерес вызвал спектакль Петербургского театра «Приют комедианта» по охотничьим рассказам Чехова, который игрался на мемориальном пруду «Аквариум».

Вряд ли можно говорить сейчас о том, что все элементы музейно-театрального комплекса работают слаженно и в полную силу. Работы еще много, но цель ясна. Хорошим примером для нас служит шекспировский центр в Стаффорде-на-Эвоне. Но думаю, наша деятельность будет более разнообразной и масштабной.

Министерство культуры Московской области планирует выделить на реставрацию музея, на восстановление утраченных памятников и капитальный ремонт объектов музея около 400 млн. руб., около 40 млн. руб. обещало и Федеральное агентство по культуре и кинематографии. Успешно идут работы по телефонизации и газификации объектов музея, завершается восстановление главного дома усадьбы соседа А.П. Чехова – Варенникова, в котором разместится Театральная школа. Начато восстановление конюшни, бани, людской, реставрация школы в селе Новоселки. В 2007 г. вошла в строй первая очередь дренажной системы, которая позволит предотвратить заболачивание мемориальной территории.

Однако нам придется полностью перекроить границы мемориальной усадьбы. Разрабатывая историко-опорный план музея, коллектив проектантов из ЦНРПМ под руководством Скрынниковой Е.В. на основе глубоких архивных изысканий обнаружил серьезные неточности в границах мемориальной чеховской усадьбы, установленных при организации музея. Так, любимый всеми «четырехугольник» (это большое чистое поле, где проводятся массовые праздники) должен быть разрезан пополам забором, и на нем будут размещены восстанавливаемые хозяйственные постройки: рига, овин, амбар, конюшня и т.д. Наши лошади ждут не дождутся конюшни, она будет использоваться по прямому назначению. Все это потребовало полной ревизии сложившихся экскурсионных маршрутов и хозяйственных связей. Можно сказать, что мы с честью вышли из создавшейся ситуации: немного вдалеке разместили поле для массовых праздников, рядом очень удобно устроился зеленый театр, пятиметровый прогон для скота, который существовал между усадьбами мы отдадим для катания на лошадях. Ряд других усадебных построек мы приспосабливаем под фондохранилище, главный дом усадьбы Кувшинниковой – под визит-центр, а бывший скотный двор – под выставочный зал.

Проведенные два года тому назад социологические исследования специализированной организацией дали паспорт аудитории музея: на 80% она состоит из школьников г. Москва и близлежащих областей.

Исследования, проведенные в 2007 г., показали, что наши усилия не пропали даром: резко возросло число одиночных посетителей и семей, посещающих музей в выходные дни. Этому способствовало проведение массовых семейных праздников, таких, как Новый год, Рождество, Масленица. На открытии фестиваля, которое мы провели в рамках акции «Ночь в музее», присутствовало более 600 любителей театра.

19 августа 2007 г. мы впервые устроили семейный праздник «Яблочный Спас» в традициях чеховского Мелихово. Около 1 тыс. человек участвовали во всех мероприятиях этого праздника: в обряде освящения яблок, ярмарке народных промыслов, сельскохозяйственной ярмарке. В амбулатории посетители могли получить консультации врачей-специалистов. Любители музыки и театра присутствовали на концерте заслуженной артистки РФ Наталии Васильевой, посмотрели театральную постановку. И взрослые, и дети катались на лошадях и просто отдыхали с народными коллективами.

Создание специализированных экспозиций и выставок способствовало притоку в музей учителей, врачей, театральных деятелей и и.п. Получившая грант президента России летняя школа учителей в августе прошлого года вызвала необычайный интерес у работников народного образования, которые приезжают в музей, чтобы ознакомиться с материалами этой школы, методиками проведения интерактивных занятий.

В фестивале «Таксы Чехова», кроме почти сотни любимых собачек Чехова, участвовали вдвое больше их хозяев.

Изменяется не только качественный состав аудитории музея, резко возросло и число посетителей. За последние четыре года поток посетителей вырос с 40 до 70 тыс.

В марте 2007 г. на наши традиционные международные научные встречи съехались практически все директора чеховских музеев от Сахалина до Ялты. Мы были едины во мнении, что пора объединять наши усилия. Не каждый любитель сможет приехать и на Сахалин, и в Сумы, и в Ялту, и в Таганрог, чтобы лучше осознать истоки творчества А.П. Чехова. Современные средства коммуникаций создают благоприятные условия для объединения экспозиций и фондов всех музеев с целью создания цельного образа этого великого человека. Современный проект – «Виртуальный музей А.П. Чехова» – получил грант Благотворительного фонда В. Потанина и уже работает на сайте www.chechovmuseum.com.

Сейчас обсуждается тема совместной выставки, которая должна пройти в Москве в преддверии юбилея, есть общие издательские инициативы и замыслы по проведению конференции.

Крупные совместные планы потребовали иного уровня координации усилий, поэтому все музеи поддержали идею организации «Сообщество че-

ховских музеев». Договор об организации «Сообщества» был подписан в Мелихове в марте 2007 г.

В рамках небольшой статьи не удается коснуться многих интересных вопросов в работе нашего музея. Речь, в частности, идет о нашем филиале – усадьбе «Лопасня-Зачатьевское». Жизнь этой усадьбы связана с именами великих родов России: Васильчиковых, Ланских, Гончаровых, детей А.С. Пушкина. В цокольном помещении ее особняка создан Детский музейный центр. Идет реставрация школы в селе Новоселки, построенной А.П. Чеховым, где планируется создание нового литературного музея с новыми экспозициями.

Но это предмет уже другого разговора.

Н.К. Меден

РУССКИЕ МОГИЛЫ В ВИСБАДЕНЕ

Меден Наталия Кирилловна – научный сотрудник Института экономики РАН.

Связь культур и отношения стран определяются не только действием людей и политикой сегодня, но и слоями исторической памяти, контактов прошлого. Наши предки из прошлого могут влиять на нынешнее взаимовосприятие народов. Хорошее свидетельство этому – книга российского историка, сотрудницы Государственного музея истории Санкт-Петербурга Марины Вершевской «Гробницы рассказывают историю»[1] – о расположенной в германском Висбадене русской православной церкви святой праведной Елисаветы и относящемуся к ее приходу кладбищу[2]. По сравнению с парижским «пантеоном русской эмиграции» в Сент-Женевьев-де-Буа некрополь в Висбадене не столь знаменит, хотя здесь, на одном из старейших в Западной Европе православном кладбище, похоронены более 800 человек – принявшие православие немцы, служившие в России, и русские, закончившие свой век в Германии.

Висбаден, нынешняя столица федеральной земли Гессен, имеет особые исторические связи с Россией, прежде всего потому, что в XIX в. как известный курорт он пользовался большой популярностью у российской аристократии; об этом рассказано во вступлении к настоящей книге, изданной в Висбадене «Союзом лечебно-оздоровительных и транспортных предприятий» – добровольным объединением граждан и предприятий города, которое ставит своей целью сохранение памятников истории и культуры, развитие туризма. В частности, общество регулярно организует для своих членов экскурсии в

1. Werschewskaja M. Gräber erzählen Geschichte. Die russisch-ortodoxe Kirche der hl. Elisabeth und ihr Friedhof in Wiesbaden. – Wiesbaden, 2007. – 172 S.

2. Строго говоря, храм находится за городской чертой, на расположенной вблизи Висбадена горе Неро; его называют также греческой капеллой.

церковь св. Елисаветы и на русское православное кладбище[3]. В городе ведет работу также общество «ГЕРУС», организующее основанный на исторически сложившихся связях культурный обмен между Гессеном и Российской Федерацией[4]. Это общество немецких спонсоров проекта. Другими спонсорами с немецкой стороны являются Служба по культуре – Городской архив Висбадена и Фонд русской православной церкви охраны памятников, науки и милосердия (Бад Хоннеф). Кроме того, проект поддержали российско-германские организации – Европейская академия естественных наук и «Форум Кох-Мечников».

Издание книги М. Вершевской представляет несомненную ценность для историков и специалистов в области генеалогии, поскольку вводит в научный оборот значительное количество документально подтвержденных фактов, собранных автором в результате многолетних изысканий в библиотеках и архивах Москвы и Петербурга, а также в земельных и городском архивах Висбадена, Гессенской библиотеке и в архиве церкви св. Елисаветы.

Первая часть книги подробно описывает судьбу племянницы императоров Александра I и Николая I, великой княжны Елизаветы Михайловны (1826–1845), скончавшейся в Висбадене от родов менее чем через год после замужества с Адольфом, герцогом Нассауским. Традиция династических связей дома Романовых с немецкими правящими домами, заложенная еще при Петре Великом, имеет непосредственное отношение к Елизавете: ее мать – урожденная принцесса Фредерика Шарлота Мария Вюртембергская, тетка (императрица Александра Федоровна) – дочь прусского короля, кузина Ольга Николаевна – в замужестве королева Вюртембергская, племянница – принцесса герцогства Саксен-Альтенбург и т.д. Благодаря светской хронике, почерпнутой из репортажей редактора газеты «Северная пчела» Н.И. Греча и из других источников, перед читателем встают картины из жизни высшего света – соперничество между матерями в поисках выгодной партии для великих княжон, сватовство, помолвки и свадьбы (с. 18–26). Перипетии вокруг правового статуса церкви (с. 45–51), который окончательно определился покупкой земельного участка вокруг нее императором Николаем II, отражают постепенное превращение храма из усыпальницы великой княжны в духовный центр русской эмиграции: когда послереволюционная волна эмиграции достигла Висбадена, русская община объединилась вокруг православного храма, в котором с этого времени появился постоянный приход.

---

3. Сайт Союза транспортных и культурно-оздоровительных предприятий http://www.kvv-wiesbaden.de.

4. Название общества – HERUS – образовано от сокращения названий федеральной земли Гессен (HEssen) и Российская Федерации (RUSsische Föderation). Второй председатель общества – Клотильда фон Ринтелен, правнучка дочери А.С. Пушкина, одной из героинь книги. Сайт общества http://www.herus-ev.com.

Согласно авторской методике, работа над вторым разделом книги, посвященном некрополю, включала составление полного плана некрополя (он представлен в книге), за которым следовали ознакомление с историческими документами в российских и германских архивах и библиотеках, а также беседы с русскими эмигрантами и их потомками, интервью с членами православной общины Висбадена. Материалы устных интервью с современниками событий прошлого по традиции не рассматривались российскими историками в качестве источника информации, по достоверности не уступающего документальным свидетельствам. Однако такая практика широко используется, в частности, американской исторической школой при изучении такой специфической с точки зрения достоверности исторических документов темы, как история ГУЛАГа. В случае с изучением биографий людей, захороненных на православном кладбище Висбадена, личные контакты автора позволили в ряде случаев восполнить пробелы, вызванные отсутствием архивных материалов, и, кроме того, открыли доступ к ценным архивам семейств, представители которых в прошлом играли заметную роль в российском обществе – графов Лорис-Меликовых (на кладбище захоронена младшая дочь влиятельного при Александре II министра внутренних дел), графов Игнатьевых и др.

Около трети могил появились на кладбище до 1917 г. В тот период на кладбище были захоронены представители многих старинных русских аристократических семейств: князья Юрьевские (сын и дочь Александра II от морганатического брака с Е. Долгоруковой), графы Воронцовы-Дашковы, князья В.С. Кочубей, Н.В. Репнин, Р.Г. Гагарин, граф Б.С. Шереметьев, княгиня Бутера ди Радали (урожденная Шаховская); известные представители остзейской аристократии барон Пален, Корфы, П.К. Розен, К.И. Остен-Закен; русские дипломаты Н.Д. Глинка, граф М.И. Хрептович-Бутенев, К.В. Струве; литератор Н.В. Всеволожский и сестра друга Пушкина, декабриста В. Кюхельбекера. Кроме того, в заключительном разделе книги, посвященном православным захоронениям на других кладбищах Висбадена, рассказано о жизни младшей дочери А.С. Пушкина, Наталии, во втором браке – морганатической супруге принца Нассаусского (с. 124–126). Об этих известных людях в книге приводятся краткие биографические сведения, в ряде случаев представлены портреты, имеются также некоторые фотографии надгробий, представляющих интерес как произведения прикладного искусства (с. 61–97). В связи с тем, что история, подобная романтической судьбе Н.А. Пушкиной, вызывает повышенный интерес среди широкого круга общественности, М. Вершевская выступает нередко автором сценариев научно-популярных передач по российской истории.

До Октябрьской революции 1917 г. существовали жесткие ограничения на выезд за границу российских подданных: для этого требовалось личное разрешение императора. Русские за рубежом (в частности, в Германии) пред-

ставляли собой совершенно иной слой, нежели иностранцы (включая, безусловно, немцев как наиболее многочисленную диаспору) в России. Еще после указа Петра I, приглашавшего иностранцев на русскую службу, в Россию приехали десятки тысяч немцев, голландцев, французов, шведов, англичан и других европейцев. Как известно, приехавшие на службу немцы создавали российскую бюрократию, стояли у истоков Академии наук и многих отраслей промышленности; но основную массу составляли обычные люди, причем традиционными «немецкими» профессиями считались ремесло, врачевание, преподавание, наука и предпринимательство. Ситуация с выходцами из России в Германии, и это показано в книге, была абсолютно иной. Только представители высшего сословия постоянно жили и умирали за границей; людей других сословий (речь может идти, разумеется, лишь о тех, кто мог себе позволить отдых и лечение на дорогом курорте), внезапно умершие в Висбадене, также похоронены на православном кладбище, но это редкие случаи. Поэтому М. Вершевская может рассказать только о троих: архитекторе Н.В. Султанове, китаеведе С.М. Георгиевском, экономисте и статистике академике И.И. Янжуле (с. 95–97).

Особый интерес представляет раздел книги, посвященный русской эмиграции (с. 98–120), тем более что эта тема стала доступной для российских историков и широкого круга читателей лишь после 1990-х годов. В книге можно познакомиться с биографией оказавшихся в эмиграции бывших видных политических деятелей (депутат 3-й и 4-й Государственной Думы Н.Е. Марков), представителей крупной буржуазии (семейство Гюлих), бывших офицеров и участников Белой армии (князь В.С. Кочубей), а также людей менее знаменитых (придворный повар Ф.И. Зеест) и обычных эмигрантов, бежавших из России в годы Гражданской войны. В этом же разделе – рассказ об известном художнике Алексее Явленском (с. 107–108), который, в отличие от своего более известного коллеги, также одного из участников объединения «Синий всадник», Василия Кандинского[5], считал себя последователем русской художественной традиции.

Что касается представителей второй волны эмиграции, относящейся к периоду после Второй мировой войны, не вполне привычной, хотя и не новой оказывается информация о том, что какая-то часть так называемых остарбайтеров, угнанных нацистами на работу в Германию гражданских лиц, добровольно остались после окончания войны в западных оккупационных зонах. Представленная в книге фотография 1942 г. общественной столовой остарбайтеров производит впечатление рекламного плаката, приглашающего на

5. Кандинский писал: «Я только наполовину русский… Как художник я привязан к Германии, и все немецкое, немецкие древности значат для меня больше, чем для многих немцев».

работу в Германию (с. 109). Во вторую волну эмиграции попали, кроме того, представители первой волны, перебравшиеся в Германию от наступления советских войск из стран Восточной Европы. К числу наиболее известных деятелей этого круга относится Н.А. Цуриков[6] – общественный деятель, журналист, литературовед, убежденный противник советского строя, возглавлявший немецкое отделение Союза борьбы за освобождение народов России. В Висбадене покоятся также останки основателей другой влиятельной антикоммунистической организации – Народно-трудового союза. Здесь похоронены Е.Р. Островский, В.Я. Горачек и др.

Закономерно большое место в книге отведено информации о религиозной жизни. Здесь содержатся сведения о священниках храма и о активных членах общины – например, церковном старосте, руководительнице хора и т.д. Пример храма св. Елисаветы подтверждает ту важную роль, которую играла в жизни эмигрантов церковь как место, где прихожане всегда могли рассчитывать на духовную помощь и просто человеческую поддержку.

Книга М. Вершевской находится в ряду других немецких изданий, посвященных этому православному храму[7]. Такое внимание, безусловно, свидетельствует об уважительном отношении к памятникам истории не только со стороны потомков бывших эмигрантов и представителей туристического бизнеса, но и со стороны официальных государственных инстанций. Церковь св. Елисаветы и православное кладбище включены в список достопримечательностей Висбадена; с 1974 г. храм охраняется государством как памятник культуры. Благодаря этому статусу государство выделяет средства на ремонт здания: реставрационные работы проводились в середине 1970-х годов, в 1990-е были заново покрыты позолотой купола и отремонтированы их стеклянные окна, проведена реставрация фресок и т.д. В 2005 г. под эгидой городского совета, под патронатом премьер-министра Гессена Р. Коха (ХДС) и посла РФ в ФРГ В.В. Котенева в городе широко отмечалось 150-летие храма; в программу юбилейных мероприятий был включен «Русский бал» (органи-

6. Информация о Цурикове, представленная автором книги, противоречит другим источникам (см., например http://zarubezhje.narod.ru/tya/ts_004.htm), согласно которым он скончался в США.

7. См.: Russische Kirche auf dem Neroberg in Wiesbaden – Geschichtlicher Überblick und Beschreibung der Kirche, Eigenverlag des Kirchenvorstandes Wiesbaden – Russische Kirche, Kloster des Hl. Hiob von Počaev in München, 3. Auflage. – Berlin–München, 2000; Baedeker Wiesbaden Rheingau, Karl Baedeker GmbH, Ostfildern-Kemnat, 2001; Das verkannte Jahrhundert. Der Historismus am Beispiel Wiesbaden, Gottfried Kiesow, Deutsche Stiftung Denkmalschutz, 2005; Dr. Dirk Becker: Vivat Wiesbaden, Spaziergänge zwischen Tradition und Moderne. Ein Stadtführer für Wiesbaden und Umgebung. – Wiesbaden, 2006.

зованный графиней Игнатьевой), средства от которого были направлены на организацию диализного центра в больнице Петергофа.

Возвращаясь в заключении к вопросу о значении гуманитарных связей в развитии двусторонних германо-российских отношений, проведем параллель между судьбой православного храма в Висбадене и римско-католического храма в С.-Петербурге, также посвященного св. Елисавете и, подобно висбаденскому, являвшегося кладбищенской церковью[8]. Храмы построены почти одновременно, причем архитектор петербургского – Николай Бенуа, потомки которого похоронены и в Висбаденском православном некрополе. В разрушительном антирелигиозном порыве советская власть не видела различий между храмами разных вероисповеданий, и, пожалуй, католическому храму выпала не самая жестокая участь: в помещении собора с 1932 г. разместился научно-исследовательский институт, на территории некрополя был построен гараж. Сейчас в храме проходит богослужение, предпринимаются попытки реставрации кладбища, где могилы покрывал примерно 40-сантиметровый слой бетона. Настоятель прихода, священник Рихард Штарк, убежден: «Мы обязаны сохранить память о наших предках, продолжая их добрые начинания, трагически прерванные десятилетия тому назад, возрождая духовную память о них, восстанавливая материальные знаки этой памяти». Пока «мы» – это добровольцы, участники реставрационных работ и генеральные консульства Германии, Франции и Польши, которые оказывают поддержку приходу. Встречная инициатива со стороны российских государственных органов, направленная на поддержку этих усилий, бесспорно, могла бы способствовать развитию гуманитарных контактов нашей страны с европейскими партнерами и, в конечном счете, повышению ее международного авторитета.

Это тем более важно, что в последнее время, в преддверии выборов президента РФ в Германии одна за другой вышли книги о России и ее отношениях с Европой: А. Рар «Россия дает газ», Д. Загер «Пороховая бочка Россия», В. Панюшкин и М. Зыгарь «Газпром. Сделка с властью», М. Моммзен и А. Нуссбергер «Система Путина». Броские названия определяют угол зрения авторов, под которым российско-германские отношения представляются густо замешанными на нефти и газе. Между тем чрезмерная политизация взгляда на двусторонние отношения, в том числе и сугубо экономические, приводит не только к схоластической схематизации, а в ряде случаев, к искаженному восприятию современной российской политики, но также затушевывает многогранный характер связей между двумя странами, имеющих дав-

8. Некрополь стал местом упокоения многих знаменитых деятелей российской культуры: архитектора Шарлеманя и композитора Пуни, лицейского друга и секунданта Пушкина Константина Данзаса; сюда же был перенесен прах героев Отечественной войны 1812 г.

нюю историческую традицию. Не случайно и посол РФ в Германии Владимир Котенев в интервью журналу Park Avenue обвинил немецкие СМИ в предвзятом отношении к России[9]. В результате к стереотипам взаимного восприятия, оставшимся в наследство от эпохи тоталитаризма, времен «холодной войны» и более ранних периодов совместной истории, добавляется новый негативный образ.

Поэтому значимым представляется и издание книги М. Вершевской. Оно совпало по времени с проведением именно в этом городе очередных российско-германских межправительственных консультаций; очевидно, единственный российский спонсор – представительство Газпрома в Германии, по достоинству оценивает значение подобного издания для немецкой читательской аудитории. Книга по духу близка идее общеевропейского дома, поскольку еще раз документально свидетельствует об исторической близости России и Германии.

9. О содержании интервью и реакции на него немецких политологов см.: http://www.dw-world.de/dw/article/0,2144.2804589,00.html.

НАУЧНАЯ И КУЛЬТУРНАЯ ЖИЗНЬ

П.М. Шульгин

МАРИИНСК – ИСТОРИЧЕСКИЙ ГОРОД СИБИРИ: ПЕРСПЕКТИВЫ КУЛЬТУРНОГО РАЗВИТИЯ

Шульгин Павел Матвеевич – кандидат экономических наук, заместитель директора Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д.С. Лихачёва.

Свою более чем 300-летнюю историю Мариинск ведет с поселения Кийского, появившегося на карте России в конце 1690-х годов. Оно было основано на берегу красивой сибирской реки Кии и стало еще одним пунктом на пути, по которому шло освоение русским населением богатств Сибири. Поселенцев привлекали сюда места, богатые рыбой и дичью, а в петровские времена были предприняты и первые попытки освоения недр: к юго-востоку от Кийского был открыт прииск по добыче серебра.

Дальнейшему развитию этого населенного пункта способствовало строительство Московско-Сибирского тракта, начатое по указу Сената в 1733 г. Местное население обслуживало проезжающих по тракту, занималось торговлей, охотой и сельским хозяйством. У Кийского находилась переправа через реку Кию, здесь была сооружена пересыльная тюрьма.

Однако наиболее мощный импульс развитию поселения придала «золотая лихорадка», начавшаяся здесь в первой трети XIX в. До конца 1830-х годов этот район оставался одним из главных золотопромышленных районов России. Выгодное положение Кийского способствовало росту численности населения. В декабре 1856 г. село Кийское получило статус окружного города и название Кийск.

Однако в следующем году Кийск был переименован по имени супруги Александра II в «Мариинск» и с 1857 г. стал центром Мариинского округа, а затем уезда Томской губернии.

В настоящее время Мариинск входит в список наиболее интересных исторических поселений Российской Федерации. На государственном учете и охране значатся около 70 памятников истории и культуры и вновь выявлен-

ных объектов, однако реальное наследие города намного богаче. Мариинск сохранил каменную и деревянную застройку, дающую яркое представление об облике уездного сибирского города XIX в. Город не имеет выдающихся памятников архитектуры, но общая сохранность и цельность исторического облика позволяет специалистам назвать его одним из самых примечательных небольших сибирских исторических городов. Известность Мариинска уступает известности Тобольска, Енисейска или Кяхты, но он, несомненно, заслуживает бóльшего внимания и входит в первую десятку сибирских исторических мест.

Можно выделить следующие особенности историко-культурного наследия Мариинска:

1. Сибирский тракт стал одним из главных факторов экономического и культурного развития Мариинска. Положение Мариинска на Сибирском тракте у переправы через Кию надолго определило его сильные экономико-географические позиции. Торговые, посреднические функции способствовали развитию не только экономики Мариинска, но и росту его культурного потенциала. Дальнейшему развитию города содействовало строительство Транссибирской железнодорожной магистрали, спроектированной по направлению от Оби к Мариинску. В изысканиях на участках будущей дороги принимал участие начальник партии Н.Г. Михайловский, более известный как писатель Н. Гарин.

2. С Сибирским трактом связана не только историю культурного и экономического освоения Сибири, но и история каторги и ссылки. По Сибирскому тракту в XVIII в. проехал А.Н. Радищев. Через Кийское пролегал путь декабристов. В Мариинске отбывал ссылку Болеслав-Артур Шостакович (дед всемирно известного советского композитора Д.Д. Шостаковича), который оказался привлеченным по делу Каракозова, стрелявшего в царя. Маршрутом ссыльных впоследствии проехал А.П. Чехов, направляясь на Сахалин.

Одна из наиболее драматических страниц в истории Мариинского района связана с периодом сталинских репрессий. Местные исправительно-трудовые (до 1930-х годов – «концентрационные») лагеря являются старейшими на Кузбассе, они появились еще во второй половине 1920-х годов. В 1930 г. было организовано Мариинское отделение Сибирских лагерей особого назначения, или Сиблаг. В 1930-е годы Мариинск фактически стал официальным центром сибирских концлагерей.

Через Сиблаг в качестве заключенных прошли выдающие люди нашей страны. Среди них маршал К.К. Рокоссовский, певица Л.А. Русланова, узбекский поэт Усман Насыров, ученый-этнограф Л.Н. Гумилёв, актер С.В. Мишулин и многие другие известные стране люди. В Антибесском отделении Сиблага отбывала наказание А.М. Бухарина-Ларина – жена одного из руководителей Советской России Н.И. Бухарина. В Сиблаге почти два года

находилась Н.И. Сац – инициатор создания первого постоянного детского театра, в своих воспоминаниях она рассказывает о работе театра в Мариинске. Среди заключенных был архитектор и реставратор, родоначальник охраны памятников в нашей стране П.Д. Барановский, которому было предъявлено обвинение в утаивании «богатого материала, собранного по периферии по памятникам искусства и старины» и в аполитичной защите памятников. В Сиблаге он занимал должность заместителя начальника строительств.

Вклад заключенных Сиблага в культурное и экономическое развитие этого края до сих пор не изучен полностью. В этот период в Мариинске по проекту Барановского создаются сельскохозяйственный музей, опытное поле и электростанция. На месте городского Никольского собора с шатровой колокольней, выстроенного еще в 1824 г. в эпоху настоящего классицизма, задолго до превращения села Кийское в город Мариинск, возводится монументальное здание управления Сиблага, жилые дома для офицеров (поселок с неофициальным названием «Кремль»), комплекс спиртзавода.

3. Мариинск вошел в российскую историю как отправная точка военных действий, послуживших началом Гражданской войны. С ним связано одно из ключевых событий в истории страны. В годы Гражданской войны именно Мариинск становится первым центром драматических событий вооруженного выступления белочехов. К маю 1918 г. эшелоны с солдатами корпуса растянулись от Пензы до Владивостока, движение десятков эшелонов было приостановлено. Около месяца один из эшелонов простоял на станции Мариинск.

Командующий сибирской группой чехословацкого корпуса в ночь на 25 мая дал телеграмму командиру Мариинской группы войск с приказом арестовать Мариинский совет, восстановить земскую власть и продвигаться к Красноярску. Приказ был выполнен. Для противостояния белочехам 26 мая 1918 г. образовался Мариинский фронт. Военные действия, которые стали прологом Гражданской войны в России, охватили значительную территорию как самого города, так и его окрестностей. Это событие послужило началом консолидации антибольшевистских сил на огромной российской территории и непрекращающегося в течение нескольких лет вооруженного противостояния.

В настоящее время в Российской Федерации практически нет музеефицированных полей исторических сражений за исключением Бородинского и Куликова поля, Прохоровского поля танкового сражения на Курской дуге. С Гражданской войной связан, пожалуй, только один музей, посвященный волочаевским событиям на Дальнем Востоке. В этом контексте историческая территория Мариинска заслуживает особого внимания и нуждается в сохранении.

* * *

Значение Мариинска, несомненно, превосходит просто региональный статус. Богатство и разнообразие наследия Мариинска, интересные исторические события и люди, связанные с этим городом, живописность ландшафта, создают уникальные условия для формирования здесь особой историко-культурной заповедной территории.

Экономическое развитие Мариинска воспроизводит ситуацию, характерную для страны в целом и для ее средних и малых городов. В последнее время, однако, наметилась тенденция к улучшению экономических показателей. Закрепление достигнутых успехов и выработка современной стратегии развития способны переломить ситуацию.

Историко-культурный потенциал Мариинска позволяет с уверенностью говорить о возможности развития здесь культуры как особой отрасли городской специализации. В перспективе это потребует реализации следующих мероприятий:

– проведения полной паспортизации объектов культурного наследия Мариинска и Мариинского района;

– разработки первоочередных реставрационных проектов по наиболее ценным и интересным зданиям города, в том числе историческим деревянным сооружениям;

– определения охранных зон исторической части города; введения строгого регламента на новую застройку исторических улиц с учетом высотности, типа здания и используемых материалов в соответствии с традиционным обликом городской среды.

Отрадно видеть, что конкретные работы в этом направлении уже начались. К 150-летию получения Мариинском статуса города (2006) были выделены средства на косметический ремонт и реставрацию исторических зданий в центре города. И если еще 15 лет назад Мариинск имел вид какого-то «серого» городка, то к настоящему времени красота исторического центра города, разнообразный и выразительный декор его старинных зданий производят удивительно приятное впечатление. Подготовлен список памятников истории и культуры, который необходимо принять на охрану, в нем присутствуют не только дореволюционные здания, но и ряд интересных объектов советского периода.

Развитие музейной сферы предусматривает расширение системы музеев, раскрывающих историческую специфику Мариинска. В их число, помимо существующего краеведческого музея, могут войти следующие объекты.

Дом природы – музейный комплекс, отражающий специфику сибирской тайги, который уже создается на базе существующего дома-музея известного писателя В.А. Чивилихина, родившегося в Мариинске. В настоящее время

этот небольшой музей сформировал несколько экспозиций. Среди них – небольшой деревянный домик при железной дороге, в котором в семье рабочего-железнодорожника родился будущий знаменитый земляк. В соседнем здании, соединенным крытым переходом с мемориальной частью, работает выставка, посвященная творчеству писателя. Здесь же расположена литературная гостиная, проводятся Чивилихинские чтения. В.А. Чивилихин значительное внимание уделял взаимоотношению человека и природы, боролся за сохранение озера Байкал, кедровых лесов Сибири, формулировал экологические заповеди.

Девиз «экология – символ нравственности» определил одно из приоритетных направлений работы музея. Он является центром экологического воспитания в районе, объединяющим школьные движения «Голубой патруль» и «Юные друзья природы». Продолжается работа по созданию на базе литературно-мемориального музея В.А. Чивилихина комплексного музейного и культурно-образовательного центра, связанного с информацией о природном мире Мариинского региона.

Близки к завершению работы по созданию Музея сибирской бересты. Для него выделено одноэтажное историческое здание на центральной улице города, бывший дом купца Юдалевича. В здании проектируется не только музейная экспозиция, но и выставочный зал, где будут представлены работы мариинских мастеров, изделия из других районов Сибири. В перспективе этот музейный объект будет играть роль художественного центра Мариинска, своеобразной художественной галереи. В ней будут демонстрироваться предметы декоративно-прикладного искусства, устраиваться выставки художественных произведений, ученических работ, детского рисунка и пр.

Очень интересной представляется идея создания Музея Сибирского тракта как одного из главных стимулов развития Мариинска. В настоящее время на территории Российской Федерации есть только единичные предложения по организации музеев на базе исторических дорог, хотя в мировой практике подобные объекты существуют и являются чрезвычайно привлекательными для туристов (например, знаменитая древнеримская Аппиева дорога). Для музеефикации дороги важно сохранить ее старинные участки, инженерные сооружения и почтовые станции, придорожные поселения.

В Мариинске для создания такого музея существуют все необходимые условия. Исторические участки тракта проходят через город, что, несомненно, имеет большое градостроительное значение, существуют и объекты, связанные с трактом. В таком музее обязательно должна быть отражена тема Транссибирской железнодорожной магистрали, история мариинского железнодорожного узла, паромных переправ, мариинского управления судоходства по малым рекам, а также история почтовой связи в регионе.

Мариинск имеет все предпосылки для создания Музея сибирской тюрьмы и ссылки. Город и его район наглядно иллюстрируют общесибирскую историю мест лишения свободы – тюрем и исправительно-трудовых лагерей. В пределах Сиблага через них прошли не менее ста тысяч заключенных (половина – по политическим статьям). В поселке Первомайский (около 20 км к востоку от Мариинска) до начала 1960-х годов размещался Лагпункт-1 Сусловского отделения Сиблага.

Мемориальная сеть могла бы объединить все сохранившиеся сооружения, включить их в своеобразный маршрут по местам тюрем и ссылок, в который могли бы войти также действующий томский музей «Следственная тюрьма НКВД» и другие объекты в регионе. Специализированный тюремный музей целесообразно создать в поселке Первомайский на базе бывшего лагерного комплекса.

Очень интересным представляется проект музеефикации территории, связанной с событиями Гражданской войны, 100-летие которой Россия будет отмечать через 10 лет. В последние годы представления об этом историческом времени все больше отходят от упрощенной трактовки и приближаются к оценке его как общей трагедии России. 100-летие Гражданской войны – это важный повод для осмысления прошлых схем и выработки более обоснованной точки зрения. Мариинск – место не только первых залпов Гражданской войны, но и место, где до настоящего времени сохранились мемориальные свидетельства этих дней. Возможно, в городе будет проведена представительная конференция по этой теме. Поэтому очень важно сберечь и музеефицировать следы этих далеких событий. Других отчетливо сохранившихся мест сражений Гражданской войны в Российской Федерации почти нет, тем более связанных с событиями такого уровня.

Существуют и другие музейные инициативы. Чрезвычайно важно для сохранения истории города создать музей городского быта. Оригинальным может быть музей сибирской водки. В Мариинске уже действует ведомственный выставочный зал на ликеро-водочном заводе (завод имеет более чем столетнюю историю), он может быть расширен, стать очень интересным и оригинальным музеем. Выдвигаются предложения и о создании Музея картофеля – своеобразном отражении мирового рекорда звена Юткиной, о проектировании музеефицированного золотого прииска.

В этих музейных проектах надо отметить следующее:

– большая часть из них не будет чисто дотационной, во многом они сами будут стимулировать развитие инфраструктуры и экономики города (например, Музей городского быта, соединенный с историческими торговыми лавками; Музей Сибирского тракта, связанный с железной дорогой и индустрией гостеприимства, Музей сибирской водки, опирающийся на опыт современно-

го завода и пр.). Эти музеи могут рассчитывать на помощь работающих предприятий или инвесторов;

– развитие музейной сети и восстановление исторического облика города создадут предпосылки для организации историко-архитектурного музея-заповедника «Мариинск исторический».

Последний фактор следует отметить особо. Как музей-заповедник Мариинск будет выступать и как своеобразный исторический музей под открытым небом. Продолжением музейной экспозиции должен стать специальный маршрут по историческим городским улицам, что в свою очередь даст существенный импульс городскому развитию. Основной целью организации музея-заповедника является сохранение своеобразия исторической среды старой части города, ее памятников архитектуры и ансамблей. Создание музея-заповедника должно обеспечить условия для сохранения всего культурного пространства города, повысить статус Мариинска и поставить его в один ряд со знаменитыми малыми историческими городами (такими, как Суздаль, Ростов Великий, Изборск, Каргополь и др.).

В перспективе Мариинск может стать важным элементом местного туристского кольца, включающего, например, музей-заповедник «Томская писаница» (как археологический объект), этнокультурные музеи в Горной Шории, объекты промышленного наследия Кузбасса и др.

Положения разрабатываемой стратегии направлены на реализацию принципиально нового тезиса: комплекс историко-культурного наследия Мариинска – это очень важный экономический ресурс исторического города, он должен стать основой для особой отрасли культурной специализации, способствовать развитию экономики города и района. Работы в этом направлении уже начались. Помимо реставрационных работ, уже несколько лет ведется (хотя и не такими быстрыми темпами, как хотелось бы) новое музейное строительство. Музейными специалистами Мариинска собирается уникальная информационная база по истории сталинских лагерей, по персоналиям заключенных. В 2007 г. на центральной улице города установлен памятник императрице Марии Александровне. Во многом такое развитие связано с позицией губернатора Кемеровской области А.Г. Тулеева, включившего культуру в пятый национальный проект, реализуемый на территории региона.

С.П. Глинкина

ТРАНСФОРМАЦИИ XXI ВЕКА В ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ ПРОГРАММАХ ОТДЕЛЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ И ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ ИЭ РАН

Глинкина Светлана Павловна – доктор экономических наук, директор Отделения международных экономических и политических исследований ИЭ РАН.

Трансформационные реформы традиционно были в центре внимания предшественника ОМЭПИ – Института международных экономических и политических исследований РАН (до 1990 г. – Институт экономики мировой социалистической системы АН СССР), объединившегося в 2005 г. с Институтом экономики Российской академии наук. Практически это было единственное в стране научное учреждение, где проводился комплексный анализ теории и практики реформ, обобщался международный опыт реформирования социалистической системы хозяйствования, существовал большой исследовательский задел по анализу хозяйственных механизмов и политических систем стран, приступивших на рубеже 80–90-х годов к трансформационным преобразованиям. Это позволило Институту в последующие годы заниматься анализом развернувшихся в постсоциалистическом мире процессов трансформации профессионально, используя потенциал коллектива высококвалифицированных специалистов, хорошо представляющих реалии постсоциалистического мира.

Главными задачами ОМЭПИ сегодня являются изучение теории и обобщение практики общественных трансформаций в государствах, совершающих переход к рынку; выяснение места и роли этих государств в мировых процессах глобализации и интеграции; определение главных направлений и перспектив внешнеэкономических связей постсоциалистических стран; исследование новой мировой геополитической ситуации и роли бывших социалистических государств в международной политике. Наличие в рамках Института экономики РАН Отделения международных экономических и по-

литических исследований позволяет крупнейшему в стране экономическому научному центру подходить к анализу российских экономических реформ как к части общего потока трансформационных процессов в мире[1].

Одной из главных тенденций мирохозяйственного развития является регионализация международного экономического сотрудничества. ОМЭПИ ИЭ РАН является ведущим в РАН центром по изучению трансформационных процессов, в которые включены государства, возникшие на территории бывшего СССР. Среди разрабатываемых исследовательских тем:

– взаимные экономические связи этих государств, включая межрегиональные и приграничные;

– внутренняя дифференциация и регионализация постсоветского пространства, функционирование региональных союзов стран Содружества (СНГ, Союзное государство России и Белоруссии, ЕврАзЭС, ШОС, Единое экономическое пространство «четверки») и их возможная эволюция;

– место России и стран СНГ в процессах глобализации и регионализации мировой экономики.

Без преувеличения можно сказать, что сотрудники ОМЭПИ ИЭ РАН выступают в качестве ведущих в стране экспертов практически по всем принимаемым решениям, связанным с развитием интеграционных процессов на пространстве бывшего СССР. В течение последних двух лет они подготовили для законодательных и исполнительных органов Российской Федерации серию аналитических материалов по вопросам реформирования СНГ, а также по проблемам оптимизации функционирования ЕврАзЭС, СГБР, ЕЭП[2].

В секторе стран СНГ и Балтии впервые в российской научной литературе разработана периодизация трансформационных процессов в СНГ; на основе анализа социально-экономических и политических факторов развития новых

---

1. Евстигнеева Л.П., Евстигнеев Р.Н. Теория экономической трансформации как исследовательская программа // Общественные науки и современность. – 2007, № 5. – С. 16.

2. Среди опубликованных работ: Гринберг Р., Косикова Л. Возможно ли единое экономическое пространство в рамках СНГ? – М., 2004. – 46 с.; Косикова Л.С. Интеграционный проект «Единое экономическое пространство России, Украины, Белоруссии и Казахстана» (концепция, содержание, правообеспечение, этапы и перспективы реализации) // Российский экономический журнал. – 2004, № 11–12. – С. 51–73; Косикова Л. Пока есть название, но не государство. (О Союзном государстве России и Белоруссии) // НГ-Дипкурьер. – 2006, 13 марта. – С. 12; Отношения России со странами СНГ: Сложившаяся ситуация и необходимость новой стратегии взаимодействия // Российский экономический журнал. – 2007, № 9–10; Головнин М.Ю., Либман А.М., Ушкалова Д.И. Перспективы развития интеграционной группировки ЕврАзЭС. – М.: Институт экономики РАН, 2007; К каким альянсам ведет «цивилизованный развод» / Отв. ред. Б.А. Хейфец. – М.: Институт экономики РАН. 2007.

независимых государств дана качественная характеристика отдельных стадий системной трансформации в постсоветском пространстве; рассчитаны количественные показатели перехода из одной стадии в другую, в том числе отражающие процессы дезинтеграции и внешнеэкономической переориентации[3].

В результате анализа влияния трансформационных процессов на внешнеэкономическую сферу стран СНГ исследователями Центра выдвинут тезис о происходящей сейчас смене модели взаимных торгово-экономических отношений между Россией и другими странами СНГ, а именно – о переходе от центрально-периферийной структуры связей к модели «паутины», что ставит новые задачи перед Россией в плане формирования региональной интеграционной системы[4].

В работах исследователей ОМЭПИ глубокому анализу подвергаются отдельные сферы сотрудничества новых независимых государств – финансовые рынки и рынок труда, рынок углеводородного сырья и транспортных услуг. Так, в коллективном научно-аналитическом докладе «Взаимодействие финансовых систем стран СНГ»[5] рассматриваются состояние и перспективы взаимодействия финансовых систем стран СНГ, анализируются общие тенденции валютно-финансовой либерализации на постсоветском пространстве на фоне мировых тенденций, а также состояние валютно-финансовой либерализации в каждой из стран Содружества. Изучается мировой опыт финансовой интеграции на примере двух моделей: европейской и азиатской и возможности его применения на постсоветском пространстве[6].

Глубокое изучение социально-экономических и политических процессов в отдельных странах СНГ, а также в сфере их взаимодействия актуально сегодня как никогда. В 2004–2006 гг. вяло текущий кризис СНГ резко обострился. Ухудшение ситуации связано с завершением переходного, постсоветского периода трансформации новых независимых государств как некой региональной общности. По времени этот период совпадает со сменой пост-

---

3. Косикова Л.С. и др. Формирование национальной инновационной политики в рамках единого экономического пространства: Ресурсы, приоритеты, координация // Россия в глобализирующемся мире: Инновационный маневр. – М., 2008.

4. Отношения России со странами СНГ: Сложившаяся ситуация и необходимость новой стратегии взаимодействия // Российский экономический журнал. – 2007, № 9–10.

5. Взаимодействие финансовых систем стран СНГ / Отв. ред. М.Ю. Головнин. – М., 2008.

6. См. также: Головнин М.Ю., Абалкина А.А. Финансовая интеграция в Европе и Азии / Информационно-аналитический бюллетень / Центр проблем глобализации и интеграции ИЭ РАН. – 2005, № 2. В докладе сделан вывод о перспективности применения азиатской модели на постсоветском пространстве, в частности, использования опыта проекта развития регионального рынка облигаций.

советских элит, с волной «цветных» революций, с расширением Евросоюза до границ СНГ и включением шести стран в орбиту европейской политики соседства, а также с расширением НАТО и втягиванием в него Украины и Грузии. Дифференциация и неоднородность пространства СНГ в политическом и экономическом отношении резко возросла, геополитическое соперничество между РФ, США, ЕС и Китаем на этом пространстве усилилось. Особые права России на контроль пространства СНГ не признаются мировым сообществом. Политически и экономически окрепшие страны СНГ проводят многовекторную политику, российский вектор не является для большинства из них единственным. Таким образом, в основе современного кризиса СНГ лежит множество причин объективного и субъективного характера, действие которых в сумме предстает как размывание идентичности постсоветского региона.

В работах сотрудников ОМЭПИ анализируются такие причины стагнации СНГ, как особенности переживаемого периода, для которого характерно формирование национальной государственности и самоопределение новых государств в быстро меняющемся мире; различия в созданных политических системах и складывающихся моделях хозяйствования; влияние различных центров силы на ситуацию в регионе, ставшем ареной борьбы глобальных полюсов за ресурсы, инновационный потенциал и рынок[7].

СНГ существует в окружении других интеграционных образований. США и ЕС активно предлагают для пространства Содружества проекты сотрудничества и модернизации[8]. Речь идет на первом этапе о приобщении Грузии, Молдовы, Украины и Азербайджана к западным стандартам демократии в обмен на материальную и интеллектуальную помощь, а в последующем – об интеграции ряда стран в евроатлантические структуры. Необходимо отметить, что для этой интеграции данные страны готовы поступиться своим суверенитетом. Участие в них рассматривается ими как альтернатива членству в СНГ.

---

7. Анализу этих вопросов был посвящен круглый стол «Основные факторы, влияющие на становление отношений России с новыми независимыми государствами», прошедший в ОМЭПИ ИЭ РАН 26 января 2006 г.

8. О проблемах сотрудничества на постсоветском пространстве см.: Косикова Л. Несостоявшаяся интеграция, или почему России не удается объединить страны СНГ // Мир перемен. – 2004, № 1. – С. 108–123; Россия – Евросоюз – страны СНГ: Экономические и политические отношения на пространстве общего соседства / Отв. ред. С.П. Глинкина. М., 2007. Анализу этих процессов посвящена коллективная монография Центра глобализации и интеграции ОМЭПИ ИЭ РАН «Участие зарубежных стран СНГ в интеграционных процессах: Внутри- и внешнеполитические предпосылки» / Отв. ред. Е.Д. Фурман. – М., 2008.

Наиболее активен в этом плане сегодня Европейский союз, членами которого стремятся стать многие западные страны СНГ (Украина, Молдова, страны Южного Кавказа). Анализ целей ЕС на постсоветском пространстве, содержание Европейской политики соседства и методы ее реализации[9], перспективы участия стран СНГ в европейских интеграционных проектах, пути разрешения противоречий, возникающих между РФ и ЕС в связи с реализацией ЕПС и российских интеграционных планов – важные задачи исследовательского проекта ОМЭПИ «Россия – Евровосток – Европейский союз»[10]. В рамках проекта получены интересные и практически значимые результаты.

Первой научной публикацией в рамках исследовательского проекта явился доклад «Россия – Евросоюз – страны СНГ: экономические и политические отношения на пространстве общего соседства»[11]. Доклад, подготовленный при содействии Национального инвестиционного совета, был представлен в рамках первого заседания созданного по инициативе ИЭ РАН и НИС Клуба «Наука и бизнес за единое экономическое пространство» и получил широкий резонанс, позитивно воспринят в МИД РФ, аппарате Президента, Министерстве экономического развития и торговли РФ.

В докладе отмечается, что расширение Евросоюза привело к существенным геополитическим изменениям на востоке Европы. В своем новом составе (ЕС-27) мощный европейский региональный блок приблизился непосредственно к границам постсоветских государств. После «стыковки» Большой Европы с СНГ прежнее «ближнее зарубежье» России стало особой контактной зоной между Россией и ЕС. Заранее планируя свои отношения с новыми «восточными соседями», Брюссель принял концепцию «Широкая Европа – новое соседство», на основании которой в настоящее время проводится европейская политика соседства (ЕПС). Ее суть – целенаправленное формирование «кольца друзей» ЕС, по существу «освоение» Евросоюзом постсоветского пространства по сценарию, реализованному им в отношении государств ЦВЕ, однако без перспективы полноценного членства постсоветских стран в Европейском союзе. Шесть стран СНГ – Украина, Белоруссия, Молдова, Армения, Грузия и Азербайджан – стали объектами ЕПС.

---

9. Подробнее см.: Косикова Л.С. Отношения Евросоюза со странами СНГ в рамках европейской политики соседства // Доклады РЕЦЭП. 2006, № 13Б; Синициной И.С. EU Eastern Neighborhood: Economic Potential and Future Development (Восточное соседство ЕС: Экономический потенциал и перспективы развития) // CASE Network Reports, N 74. – Warszawa, 2007.

10. «Евровосток» – группа восточноевропейских стран СНГ (Украина, Молдова, Беларусь) – особая контактная зона между Россией и ЕС после его последнего расширения.

11. Россия – Евросоюз – страны СНГ: Экономические и политические отношения на пространстве общего соседа / Отв. ред. С.П. Глинкина. – М.: НИС, 2007.

Европейская политика соседства – это определенный вызов присутствию России на постсоветском пространстве, ее планам региональной интеграции в СНГ и переговорному процессу России с ЕС.

В докладе также проанализированы актуальные тенденции взаимных связей по линии Россия – Евросоюз, Россия – СНГ, а также Евросоюз – СНГ. Рассмотрены противоречия в интересах сторон; даются практические предложения о переходе от «конкуренции интеграции» к сотрудничеству в рамках сложившегося треугольника «Россия – страны Евровостока – СНГ».

В сборнике научных докладов «Страны СНГ между Россией и ЕС. Экономика и внешние связи государств в поясе "новых соседей"»[12] рассматриваются вопросы экономического развития и региональной интеграции государств СНГ, ставших объектами европейской «политики соседства», специфика нового формата отношений расширившегося ЕС со странами Содружества. Анализируются тенденции развития экономики и внешнеэкономических связей в шести странах, расположенных в «поясе соседства». Оценивается влияние фактора соседства с ЕС на отношения между Россией и ее партнерами по СНГ.

Тематика рассматриваемого исследовательского проекта представляется перспективной, многоаспектной и имеющей непосредственный выход, что позволяет сформулировать несколько дополнительных направлений исследования. Среди них:

1. Европейская политика соседства (ЕПС) как внешнеполитическая стратегия ЕС в отношении стран СНГ, как универсальный инструмент «освоения» постсоветского пространства расширенным Евросоюзом (требуется постоянный мониторинг и анализ конкретных шагов Евросоюза по реализации ЕПС в трех группах стран СНГ – восточноевропейских, южнокавказских и центральноазиатских «соседях»; интерес представляют приоритетные сферы взаимодействия, конкретные механизмы, финансовые инструменты).

2. Приграничное и региональное сотрудничество ЕС – СНГ (включая РФ) в рамках ЕПС (еврорегионы, их функционирование; приграничное сотрудничество; трансграничные связи; плюсы и минусы для России от активизации этих форм сотрудничества в проекции на конкретные российские регионы).

3. Конкуренция России и ЕС на постсоветском пространстве (в каких отраслях экономики нарастает, в каких формах проявляется, где ущемляются интересы России, как можно снизить риски).

4. Отношения новых стран – членов ЕС и государств – «соседей» ЕС (взаимодействие государств ЦВЕ и СНГ в рамках проектов добрососедства).

---

12. Страны СНГ между Россией и ЕС. Экономика и внешние связи государств в поясе «новых соседей» / Под ред. С.П. Глинкиной и Л.С. Косиковой. – М.: Институт экономики РАН, 2007.

Разработка названных тем объединит практически все структурные подразделения ОМЭПИ ИЭ РАН, даст основания для научного сотрудничества с другими научными центрами в России и государствах СНГ.

Растущая конкуренция глобальных центров предполагает активизацию политики России по созданию региональной экономической группировки, способной к восходящему развитию. В последние годы значение стран СНГ для нее существенно возросло с точки зрения восполнения сокращающегося населения и сохранения позиций одного из крупнейших игроков на мировом энергетическом рынке.

Развитию инвестиционного сотрудничества в рамках СНГ посвящен ряд работ сотрудников ОМЭПИ: д.э.н. Хейфеца Б.А. и к.э.н. Либмана А.М. Так, в монографии о российском капитале в странах СНГ[13] на большом фактическом материале анализируются особенности глобализации корпоративного сектора России и его участия в мировых процессах транснационализации. Рассматриваются приоритетные направления экспансии российского капитала в государства Содружества, причины и эффективность инвестиций в ближнем зарубежье. Особое внимание уделено проблемам, с которыми сталкиваются компании, просчетам в их инвестиционной политике. Анализируется роль государственной политики в расширении инвестиционной экспансии российского бизнеса. Предлагаются меры по расширению и повышению эффективности инвестиций российских компаний в странах СНГ.

В последней работе Хейфеца Б.А. и Либмана А.М.[14] отмечается, что взаимная экспансия бизнеса превращается в силу, подталкивающую интеграцию «снизу»; впервые в российской научной литературе дается оригинальное толкование этого нового явления – корпоративной интеграции, исследуются отдельные направления и формы ее проявления. Особое внимание уделяется оценке влияния бизнес-интересов на прогресс интеграционных процессов на постсоветском пространстве, выявляются трудности и конфликты в их развитии.

В работах исследователей ОМЭПИ в качестве фактора, подталкивающего к более тесному сотрудничеству в регионе СНГ, отмечается рост глобального значения топливно-сырьевого потенциала стран Содружества и евразийских коммуникаций. Эффективное освоение природных и позиционных ресурсов возможно только при широком сотрудничестве стран СНГ. Речь

13. Либман А.М., Хейфец Б.А. Экспансия российского капитала в страны СНГ. – М., 2006; см. также: Лебедев А.Е., Либман А.М. Конкуренция российских и национальных бизнес-структур и международных ТНК в постсоветских странах // Информационно-аналитический бюллетень / Центр проблем интеграции ИЭ РАН. – 2006, № 3.

14. Хейфец Б.А., Либман А.М. Корпоративная интеграция. Альтернатива для постсоветского пространства. – М., 2008.

идет о кооперации в освоении природных ресурсов, создании международных транспортных коридоров и построении системы трубопроводов, позволяющей странам-экспортерам поставлять энергоресурсы максимально широкому кругу поставщиков (как в Европе, так и в Азии).

Среди важных предпосылок активизации сотрудничества – сохранение мультикультурности постсоветского пространства. Несмотря на формирование национальных государств, сохраняется взаимная совместимость культур. Россия как союз славянских, тюркских и кавказских народов находится в центре процессов культурного взаимодополнения. Несмотря на сужение зоны применения русского языка на пространстве, он остается средством общения, образования народов, культурного взаимопроникновения. Мультикультурная устойчивость – важный ресурс экономической консолидации, который нельзя недооценивать. Она во многом поддерживается сохранением возможности безвизового перемещения граждан стран – членов СНГ по территории других стран Содружества (за отдельными исключениями). В результате сохраняются социальные, гуманитарные и иные связи между гражданами стран СНГ, решаются вопросы перемещения рабочей силы, хотя и во многом на стихийной основе, порождая проблему нелегальной трудовой миграции.

Учитывая перечисленные факторы, позволяющие активизировать сотрудничество новых независимых государств, исследователи ОМЭПИ ИЭ РАН утверждают, что следует перестать говорить о Содружестве как механизме развода или как о некоем преходящем историческом этапе в развитии бывших союзных республик. Но для того, чтобы вдохнуть в Содружество новое содержание, важно подвести какую-то базовую идею под стратегию консолидации. Такой базовой идеей может быть содействие экономическому развитию и борьба с бедностью. Деятельность СНГ следует развернуть именно в этом направлении.

По мнению ученых Отделения, реформирование СНГ в сложившихся условиях целесообразно осуществлять по модели «открытого регионализма», которая последовательно применяется в АТР, в частности в АСЕАН. Ее суть состоит в сочетании развития кооперационных связей и снятия ограничений на движение товаров, капиталов и рабочей силы в пределах региона с принятием обязательств по отказу от протекционизма и стимулированием вне региональных экономических связей. При таком подходе страны-участницы не имеют каких-либо обязывающих ограничений в своих внешнеэкономических связях со странами других регионов мира[15]. Необходимо отказаться в обозримом будущем от идеи превращения СНГ в структуру с наднациональными органами, которым делегируется часть суверенитета, поскольку это грозит

15. Михеев В. Азиатский регионализм и Россия // Про и Контра. 2002, № 2. – С. 110–113.

расколом Содружества. Помимо России на пространстве СНГ должны присутствовать и другие региональные (или субрегиональные) центры, например Украина и Казахстан, со своей зоной ответственности. Полицентричная конфигурация позволит снять многие существующие сегодня противоречия. Организация СНГ должна предусматривать возможность заключения отдельных, более детальных секторальных соглашений между заинтересованными странами.

Сотрудники ОМЭПИ ИЭ РАН рассматривают возможность разноскоростной интеграции на пространстве СНГ, что потребует отказа от стратегии интеграции в отношении всего постсоветского региона как от универсального подхода к сотрудничеству с новыми независимыми государствами – наследниками СССР. Такой подход предусматривает необходимость использования двух взаимодополняющих стратегий – интеграции и взаимодействия (интеракции) с учетом возросшей внутренней дифференциации условий развития в регионе СНГ, внутренней регионализации и конкуренции России с другими игроками – США, ЕС, Китаем – на постсоветском пространстве. Обе стратегии в таком случае должны проводиться одновременно, не углубляя водораздел между «пророссийскими» и прочими региональными группировками стран СНГ, а стремясь сгладить различия[16].

Важным полем деятельности Центра политических исследований ОМЭПИ ИЭ РАН является изучение современных тенденций развития международных отношений, особенностей современного геополитического положения России и возможностей укрепления ее позиций в мире, исторической перспективы евразийской цивилизации, а также геоэкономических и геополитических факторов, определяющих выбор стратегических направлений участия России в глобальных и региональных процессах развития. В рамках названных исследовательских тем ведущими сотрудниками Центра подготовлены аналитические материалы, а также многочисленные публикации – Б.А. Шмелёв (новая геополитическая ситуация в XXI в., проблемы европейской и евразийской безопасности), В.И. Дашичев (международные уроки распада Советского Союза, угрозы однополярного и перспективы формирования многополярного мироустройства), Л.П. Делюсин (Китай в современном мире), И.И. Орлик (отношения России со странами ЦВЕ), В.Л. Мусатов (внешняя политика России), С.А. Романенко (безопасность на Балканах), А.В. Вахрамеев (внешнеполитическая концепция РФ), Н.Я. Лак-

16. Гринберг Р., Косикова Л. Интеграция на разных скоростях // Стратегия России. – 2004, № 4. – С. 39–39; Косикова Л. Россия: 2008–2015; Консолидация постсоветского пространства // Мир перемен. – 2007, № 3. – С. 24–34; Отношения России со странами СНГ: Сложившаяся ситуация и необходимость новой стратегии взаимодействия // Российский экономический журнал. – 2007, № 9–10.

тионова (Европа и Евразия в системе глобального мира), Я.Р. Стрельцова (проблемы международной трудовой миграции).

В ОМЭПИ ведется разработка долгосрочных сценариев внешнеэкономической стратегии России на основе авторских прогнозных оценок, которые носят вариантный характер и год от года совершенствуются. Прогнозирование осуществляется в двух вариантах – инерционном и инновационном, по трем основным направлениям геоэкономических связей России (с Европейским союзом, странами СНГ и странами АТЭС), одновременно по семи основным товарным группам российской таможенной статистики, основным видам международных услуг, элементов трансграничного движения капитала и, наконец, по семи крупным экономическим районам страны – ее федеральным округам.

Наиболее важным направлением внешнеэкономических исследований является разработка методологии и методики составления долгосрочных прогнозов внешнеэкономических связей России. Составляются прогнозные оценки развития внешнеэкономических связей России до 2015 и 2025 гг. с выделением факторов, определяющих основные сдвиги в структуре экспорта и импорта товаров и услуг, в международном движении капитала и рабочей силы. При этом в сценариях используется вариативный подход, даются геоэкономические оценки, характеризующие сдвиги в географических направлениях этих связей (Евросоюз, постсоветское пространство, АТЭС), структурные сдвиги в составе экспорта и импорта, отраслевая и географическая ориентация крупных экономических районов России.

Так, в коллективном монографическом исследовании Центра внешнеэкономических исследований (ЦВИ) «Внешнеэкономические связи России в глобализирующемся мире (сценарии до 2025 г.)»[17] даны подробные варианты сценариев долгосрочного развития России на фоне сценариев развития мировой экономики. Рассмотрены четыре основные темы внешнеэкономических связей (ВЭС) РФ: стратегические партнеры страны; направления реформы ВЭС; тенденции территориальной структуры, а также возможные сценарии участия России в международном движении капитала.

Особое внимание в деятельности ОМЭПИ ИЭ РАН уделяется стратегическим последствиям присоединения России к ВТО, долговременному влиянию новых условий на различные стороны российской экономики: сферу

17. Внешнеэкономические связи России в глобализирующемся мире / Отв. ред. А.Н. Барковский – М., 2005; Внешнеэкономические связи России в глобализирующемся мире (сценарии до 2025 г.): Научное пособие. 2-е изд. / Отв. ред. А.Н. Барковский. – М.: Институт экономики РАН, 2006.

производства (занятость и конкурентоспособность отраслей и видов производств), финансовую сферу и, особенно, ситуацию в российских регионах[18].

В рамках научного проекта центра внешнеэкономических исследований изучаются внешнеэкономические проблемы перехода России на инновационный путь развития на фоне общемировых процессов. Так, в вышедшем под редакцией академика С.А. Ситаряна коллективном монографическом исследовании[19] анализируются возможности активизации участия России в мировом научно-технологическом обмене на основе перехода к инновационному развитию национальной экономики. В этой связи высказывается ряд концептуальных соображений по формированию внешнеэкономической деятельности страны, а также разработке современной системы регулирования и стимулирования процесса ее интеграции в мировое глобализирующееся хозяйство.

В коллективной работе «О внешнеэкономических ориентирах инновационной стратегии России в условиях глобализации»[20] анализируется целесообразность перехода на инновационный путь развития в условиях нарастающего дефицита углеводородного сырья при росте внешних обязательств России по их поставкам в различные регионы мира. Исследуется формирование двух энергетических стратегий России: внешней, направленной на сотрудничество с другими странами в удовлетворении их потребностей в нефти и газе, в том числе сжиженном, и внутренней, основанной на реконструкции энергетического потенциала России с упором на возобновляемые и нетрадиционные источники энергии за счет финансовых поступлений от продажи углеводородов за рубеж. В еще одной монографии в рамках рассматриваемого проекта «Россия на мировых рынках традиционной и новой энергетики»[21] анализируются современные позиции России на мировых рынках традицион-

18. Коллективная монография «Оценка социально-экономических последствий присоединения России к Всемирной торговой организации» (М., 2007) посвящена анализу проблем присоединения России к Всемирной торговой организации (ВТО). Дана краткая характеристика ВТО и ее деятельности; анализируются процессы глобализации в мировой экономике, экономическое положение России и ее регионов, состояние переговорного процесса о присоединении России к ВТО, угрозы экономической безопасности и эффекты, ожидаемые от присоединения России к ВТО.

19. Проблемы эффективности интеграции научно-технического потенциала России в мировое хозяйство / Под. ред. Ситаряна С.А. М., 2007. Этим же проблемам посвящен доклад «Россия в условиях глобализации и регионализации современного мира (2007–2015 гг.)» (Отв. ред. Марковский А.Н. М., ИЭ РАН, 2007).

20. Краснов Л.В., Алабян С.С., Рогов В.В., Шуйский В.П. О внешнеэкономических ориентирах инновационной стратегии России в условиях глобализации. – М.: ОМЭПИ ИЭ РАН, 2006.

21. Россия на мировых рынках традиционной и новой энергетики/ Под ред. Ситаряна С.А. – М., 2007.

ных видов энергии (жидкое топливо, газ, уголь, электроэнергия), сделана попытка оценить возможность и целесообразность расширения экспортных поставок на перспективный период.

В ряде публикаций Отделения детально анализируются изменения внешнеторговых отношений стран Центральной и Юго-Восточной Европы в условиях их включения в процесс европейской интеграции. Так, в коллективной монографии «Внешнеэкономические связи стран Центральной и Юго-Восточной Европы: последствия трансформации для России»[22] рассмотрены основные черты современной экономической политики, проблемы внешнеторгового обмена и позиции на мировых рынках стран Центральной и Юго-Восточной Европы, изменения географической структуры их внешней торговли. Особое внимание уделено определению возможных форматов сотрудничества России со странами региона в условиях углубления европейской интеграции[23].

Более 15-ти лет в ОМЭПИ (ИМЭПИ РАН) существует исследовательский проект «Россия и Центрально-Восточная Европа» (руководитель И.И. Орлик). За это время опубликована серия монографий, статей, проведены «круглые столы» и международные конференции[24], подготовлены десят-

---

22. Внешнеэкономические связи стран Центральной и Юго-Восточной Европы: Последствия трансформации для России / Отв. ред. Н.В. Куликова, Н.В. Фейт. – М., 2008.

23. Состояние, перспективные направления и формы сотрудничества России со странами Центральной и Юго-Восточной Европы освещены в сб.: Россия и Центрально-Восточная Европа: Взаимоотношения в 2004–2005 гг. / Отв. ред. И.И. Орлик. – М., 2006; Россия и Центрально-Восточная Европа: Взаимоотношения в 2006–2007 гг. / Под ред. Н.И. Бухарина, С.П. Глинкиной, Н.В. Куликовой, И.И. Орлика. – М., 2008.

24. Россия и Восточная Европа / Редкол.: С.П. Глинкина, И.И. Орлик (отв. ред.), Б.А. Шмелёв. – М., 1992; Орлик И.И. Россия и Центрально-Восточная Европа. – М., 1995; Россия и Центрально-Восточная Европа // Вестник научной информации. – 1993, № 12–13; Орлик И.И. Россия и Восточная Европа // Россия и современный мир. – 1994, № 1; Россия и Центрально-Восточная Европа в первой половине 90-х годов: В 2 ч. / Редкол.: С.П. Глинкина; И.И. Орлик (отв. ред.), Б.А. Шмелёв. – М., 1997; Экономические и социально-политические трансформации в Центральной и Восточной Европе во второй половине XX века / Отв. ред. И.И. Орлик. – М., 1998; Центрально-Восточная Европа и Россия: Проблемы трансформации // Новая и новейшая история. – 1998, № 3; Россия и Центрально-Восточная Европа: Взаимоотношения в конце XX века / Редкол.: С.П. Глинкина, И.И. Орлик (отв. ред.), Б.А. Шмелёв. – М., 1999; Демократические революции в Центральной и Восточной Европе: Десять лет спустя // Новая и новейшая история. – 2000, № 2; Россия и Центрально-Восточная Европа во второй половине 90-х годов XX века: В 2 ч. / Редкол.: С.П. Глинкина, Н.В. Куликова, И.И. Орлик (отв. ред.), Б.А. Шмелёв. – М., 2002; Россия и страны Центральной и Юго-Восточной Европы: Взаимоотношения в начале XXI века / Редкол.: С.П. Глинкина, Н.В. Куликова, И.И. Орлик (отв. ред.). – М., 2003; Орлик И.И. Уроки «потерян-

ки информационно-аналитических материалов для министерств и ведомств РФ, занимающихся практическими вопросами взаимоотношений России и стран ЦВЕ.

В ОМЭПИ проводятся исследования по тематике внешнеэкономических стратегий стран СНГ и их влияния на отношения с Россией; сравнительный анализ сходства и различий между Россией и другими странами СНГ в отношении целей и задач долгосрочной внешнеэкономической политики, форм и методов ее реализации, инструментов регулирования внешних связей.

Взаимоотношения России со странами Центральной Азии стали предметом исследования в рамках коллективной монографии сектора стран СНГ и Балтии[25]. Глобализация, распад Советского Союза, возникновение на постсоветском пространстве новых независимых государств, трансформация их хозяйственных систем радикально изменили природу и характер отношений России со странами Центрально-Азиатского региона. Для понимания природы, динамики, рисков и перспектив этого взаимодействия в условиях глобализации важны рассмотренные в работе теоретические аспекты организации экономического пространства региона и, исходя из этого, возможные пути консолидации экономического пространства СНГ. В книге исследуются проблемы двустороннего сотрудничества России с государствами Средней Азии, анализируются отношения субъектов Российской Федерации с административными образованиями стран этого региона, деятельность субрегиональных и международных группировок: ЦАС, ЕврАзЭС, ШОС, ОЭС. Особое внимание уделяется сотрудничеству в сфере энергетики, научно-технического взаимодействия.

Важным направлением работы Центра внешнеэкономических исследований, а также сектора Восточной и Юго-Восточной Азии является тема «Россия в АТЭС и страны АТЭС в России». Она связана в том числе с необходимостью научного обоснования позиции российской стороны в процессе подготовки к саммиту АТЭС в 2012 г. во Владивостоке, где принимающей страной и автором концепции форума будет Россия.

Существенное место в исследовательском блоке «Сотрудничество» занимают материалы, анализирующие двусторонние внешнеэкономические и внешнеполитические связи России с отдельными, наиболее важными (либо проблемными) странами. Исследовательские подразделения ОМЭПИ стали разработчиками стратегии сотрудничества с Украиной, инициированной На-

---

ного десятилетия» // Россия и современный мир. – 2003, № 4; Орлик И.И. От «развода» к сотрудничеству // Мир перемен. – 2004, № 1; Орлик И.И. Россия и Центрально-Восточная Европа: Геополитические факторы взаимоотношений в XXI веке // Мир перемен. – 2008, № 1.

25. Россия и страны Центральной Азии: Взаимодействие на рубеже тысячелетий / Под ред. Л.З. Зевина. – М., 2006.

циональным инвестиционным советом. В работе руководителя Центра проблем интеграции и регионализации д.э.н. А.Е. Лебедева «Перспективы экономического сотрудничества России и Украины на взаимовыгодной основе»[26] рассматриваются российско-украинские экономические отношения в условиях политических осложнений между двумя странами. Принимая во внимание опасения Украины в отношении России и выбор ею евроинтеграционного вектора, автор считает необходимым сосредоточить усилия на разработке и реализации взаимовыгодных проектов экономического сотрудничества двух стран. В качестве таковых он предлагает совместные проекты в области авиастроения, приграничного сотрудничества (а в его рамках – строительство доступного жилья) и др. Основные проблемы и перспективы сотрудничества России с Украиной нашли отражение в многочисленных работах Л.С. Косиковой[27].

Особую роль в российской политике на восточноевропейском направлении играет Польша. Именно поэтому появление в свет монографии Н.И. Бухарина «Российско-польские отношения (90-е годы XX в. – начало XXI в.)»[28] – важное событие в научной жизни России. В этой работе освещаются проблемы становления и развития политических, экономических, научных и культурных отношений России с самой крупной страной Центрально-Восточной Европы на этапе происходящих в обеих странах системных преобразований. Автор берет на себя смелость дать прогноз развития российско-польских отношений на ближайшие 10–15 лет.

* * *

Результаты своих исследований ученые ОМЭПИ представляют на многих международных конференциях и «круглых столах». Среди наиболее ин-

---

26. Лебедев А.Е. Перспективы экономического сотрудничества России и Украины на взаимовыгодной основе // Информационно-аналитический бюллетень / Центр проблем глобализации и интеграции ИЭ РАН. 2007, № 2.

27. Косикова Л.С. Российско-украинские экономические отношения: До и после «оранжевой революции» // Проблемы постсоветских стран / ОМЭПИ ИЭ РАН. 2006. Вып. 7. Косикова Л.С. Проблемы и перспективы экономических отношений России и Украины в контексте расширения ЕС и формирования общеевропейского экономического пространства // Россия – Украина – ЕС: Конструктивные подходы к общему будущему: докл. междунар. «круглого стола». – М.: Фонд Ф. Эберта; Фонд перспективных исследований и инициатив. 2005; Косикова Л.С. Украина // Постсоветское пространство в глобализирующемся мире. Проблемы модернизации / Отв. ред. Л.З. Зевин. – М., 2007.

28. Бухарин Н.И. Российско-польские отношения (90-е годы XX в. – начало XXI в.). – М., 2007.

тересных конференций последних лет следует назвать международный научный симпозиум «Россия и Центральная Европа в новых геополитических реалиях: отношения России с государствами Восточной Европы в условиях расширенного ЕС», международную научную конференцию «Российская политика соседства», российско-чешскую научно-практическую конференцию «Экономическое и гуманитарное сотрудничество России и Чехии: новые перспективы», серию «круглых столов» с учеными Вьетнама, Китая, Венгрии.

ОМЭПИ поддерживает тесное международное сотрудничество с учеными многих стран мира. Среди его зарубежных научных партнеров: Федеральный институт восточных и международных исследований (ФРГ), Институт стран Восточной Европы и России (КНР, Пекин); Институт мировой экономики ВАН (Будапешт); Институт международных отношений (Чехия, Прага); Институт развития Казахстана (Алма-Ата); Университет Монг Джи (Южная Корея, Сеул); Немецкий институт экономических исследований (Берлин); Институт экономики Монгольской академии наук (Улан-Батор); Научный центр социальных исследований Института европейских исследований (Вьетнам, г. Хошимин); Европейская экономическая комиссия; Европейская ассоциация экономистов по проблемам труда и др.

Таковы основные научные направления и некоторые результаты деятельности Отделения международных экономических и политических исследований Института экономики РАН, раскрывающие сложную взаимозависимость различных уровней трансформаций, происходящих в начале XXI в. и непосредственно влияющих на Россию – объекта и субъекта глобализации и региональной интеграции, активного участника международного сотрудничества.

ОБЗОРЫ. РЕФЕРАТЫ

Хаунер Д.

ЭФФЕКТИВНОСТЬ ГОСУДАРСТВЕННЫХ СОЦИАЛЬНЫХ РАСХОДОВ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Hauner D.
Benchmarking the efficiency of public expenditure in the Russian Federation // IMF Working paper. – Wash., 2007. – N 246, Oct. – 42 p.

Быстрый рост государственных доходов в РФ, обусловленный главным образом высокими ценами на нефть, считает эксперт Международного валютного фонда, предоставляет российским властям уникальную возможность улучшить положение в сфере социальных услуг. Однако недостаточно лишь наращивать их финансирование, а надо обеспечить эффективное использование ресурсов, чтобы достичь намеченных результатов.

Для оценки эффективности государственных расходов на социальную сферу в РФ, в том числе на здравоохранение, образование и социальную защиту населения, автор, используя эконометрические методы, сопоставил их с минимальными расходами, теоретически обеспечивающими тот же результат. Кроме того, он провел межстрановой анализ эффективности государственных социальных расходов в РФ и 11 странах с переходной экономикой (Венгрия, Хорватия, Словения, Украина, Польша, Чехия, Болгария, Латвия, Румыния, Литва, Казахстан).

Эффективность комбинации «затраты – результаты» оценивается на основе непараметрического метода – комплексного анализа данных (data envelopment analysis, DEA). DEA широко применяется для измерения эффективности, в частности в сфере услуг, поскольку данный метод не требует предположения о частной функциональной модели, отклонения от которой при применении параметрических методов неправильно интерпретируются как неэффективность. Расчеты эффективности показывают, какая часть фактических расходов достаточна для получения того же результата при условии, что государственный сектор работает максимально эффективно. Например, оценка 0,7 подразумевает возможность экономии 30% фактических

расходов. Оценки эффективности рассчитаны для двух уровней государственных расходов – федерального и регионального.

Затраты на федеральном уровне измеряются через бюджетные расходы в конкретных социальных областях, а результаты (выход) – с помощью показателей, отражающих влияние этих расходов на указанные области. Так, в сфере здравоохранения для измерения результатов использованы такие показатели, как детская смертность и количество койко-мест в больницах; в образовании – отношение численности преподавателей к численности учащихся, количество зачисленных в вузы студентов, оценки при тестировании учащихся; в сфере социальной защиты – коэффициент Джини, характеризующий дифференциацию доходов населения.

По удельному весу в ВВП расходы федерального бюджета РФ, в частности на образование и социальную защиту, в сравнении с другими странами с переходной экономикой выглядят как умеренные. Данный показатель по трем социальным секторам у России ниже, чем во всех рассмотренных странах за исключением Казахстана. Причем наиболее близкий к другим странам у России показатель доли расходов на здравоохранение в ВВП. По удельному весу расходов на три сектора в общих расходах федерального бюджета Россия также отстает от указанных стран (за исключением Казахстана и Латвии). Напротив, по суммарной доле в федеральном бюджете расходов на оборону и госзаказы (1/5 часть) Россия является лидером.

Исключительно высокими у России остаются плохо распределяемые субсидии на жилищный сектор, коммунальные услуги и электроснабжение. Жилищные субсидии и субсидии на коммунальные услуги «нуждающимся гражданам» оцениваются в 2% ВВП, причем, по оценкам Всемирного банка, они почти в 6 раз превышают расходы на социальную помощь. Большую часть подобных субсидий получают семьи с высокими доходами, в то время как их главное назначение – поддержка социально уязвимых слоев населения. Жилищные субсидии не только неэффективно распределяются, но они еще способствуют слабой конкуренции, низкому качеству услуг и недостаточному инвестированию в жилищный сектор. Первый шаг к отмене системы привилегий в РФ был сделан в ходе монетизации социальных льгот; в дальнейшем необходимо реформировать субсидии на оплату электроэнергии, а также постепенно до 2011 г. перейти на рыночные цены на электроэнергию и газ.

Согласно расчетам, в сфере здравоохранения те же самые результаты можно было получить при федеральных расходах на уровне 60–70% от фактических. Делается вывод о необходимости реформы здравоохранения. Его текущее финансирование имеет чрезмерно сложную схему: финансирование из федеральных и региональных фондов медицинского страхования дополняется бюджетным финансированием. Такая организация финансирования затрудняет работу фондов медицинского страхования, у которых снижаются

стимулы к мониторингу провайдеров медицинских услуг. Бюджетное финансирование, составляющее около 60% всех вложений в отрасль, стимулирует чрезмерное расширение числа койко-мест, что наносит ущерб эффективности амбулаторной помощи. Кроме того, частные и государственные страховые компании, которые пытаются создать конкурентный рынок, редко достигают этой цели, так как страховщиков обычно выбирает работодатель (часто не принимая в расчет результаты их деятельности), а провайдеры находятся под управлением местных органов власти.

Финансирование здравоохранения следует упростить и придать ему стимулирующий характер. В 2005 г. была принята правильная стратегия, в которой основной акцент сделан на страховом финансировании и финансировании по результатам деятельности (output-based funding), а также на более эффективной по затратам первичной медицинской помощи. Экспериментальный проект, предусматривающий переход на финансирование из единого источника (single-source funding), финансирование (outcome-based financing) и оплату медицинских услуг в зависимости от результата (performance pay), охватил около 20 регионов, и в дальнейшем должен распространиться на всю страну. Однако еще предстоит решить некоторые проблемы, в частности, связанные с региональными различиями в налогообложении доходов и уровне доходов населения.

Эффективность расходов на образование в РФ выше, чем в здравоохранении, особенно в среднем и высшем образовании. Так, в последнем Россия получила оценку 1 благодаря тому, что по доле поступающих в вузы и проценту грамотного населения страна имеет высокие показатели при относительно небольших расходах. Однако эффективность в сфере начального (включая дошкольное) образования по соотношению «учителя – ученики» и по результатам тестирования в рамках международного исследования образовательных достижений ПИЗА (Programme for International Student Assessment, PISA) у РФ ниже – соответственно 0,7 и 0,8. Это следствие избыточного количества учителей, главным образом в сельских школах, а также низкого качества образования.

Проблема низкого качества образования связана прежде всего с низкой оплатой труда учителей (едва достигающей ½ от оплаты труда их коллег в развитых странах), что ведет к снижению их квалификации и мотивации к труду. Повышение зарплаты, несомненно, оправданно, но оно должно проводиться с акцентом на результаты. Высшая школа получает значительное дополнительное финансирование за счет платы за обучение, но качество полученного в вузах образования вызывает большие сомнения: до 75% выпускников устраиваются на работу не по своей специальности. Решению проблемы качества могут способствовать предоставление вузам большей автономии

и возможностей установления связей с предпринимательским сектором, а также переход на подушевое финансирование.

Эффективность расходов на социальную защиту – лишь 0,5. Необходимо улучшить адресное выделение расходов на социальную защиту. Затраты на соответствующие программы в России составляют всего 0,5% ВВП, в то время как различные льготы и привилегии отнимают значительную часть бюджета. Лучше всего таргетируются программы детских пособий и децентрализованной социальной помощи, но и они достигают соответственно всего 30 и 28% наиболее нуждающихся потенциальных претендентов.

На уровне региональных властей (79 регионов) помимо показателей DEA рассчитаны два показателя – производительность (public sector performance, PSP) и эффективность государственного сектора (public sector efficiency, PSE) (по социальным сферам в отдельности или по всем вместе).

Расходы на здравоохранение, образование и социальную защиту на уровне регионов осуществляются через консолидированные региональные бюджеты (включающие бюджеты региона, местных органов власти – муниципалитетов и внебюджетных фондов). Эти бюджеты обеспечивают 85% финансирования здравоохранения, 80 – социальной защиты, почти 100 – дошкольного и общего среднего образования и около 65% – профессионального образования. Однако политика в соответствующих социальных сферах обычно вырабатывается на федеральном уровне.

Доля расходов региональных консолидированных бюджетов относительного региональных ВВП сильно различается – от 15 до 25% регионального ВВП, но есть регионы, где данный показатель существенно выше. Такое различие отражается на социальных расходах: удельный вес региональных расходов на здравоохранение колеблется от 2 до 4% регионального ВВП, но в отдельных регионах достигает 15%; на образование – от 3 до 5% (максимальная цифра – 20%); на социальную защиту – от 1 до 3% (максимальная цифра – 9%). Отмечается также отрицательная корреляция между объемом расходов регионального консолидированного бюджета и уровнем дохода на душу населения, что свидетельствует об отсутствии для регионов России эффектов Баумоля (Baumol effect) (рост доли государственных расходов в ВВП, так как рост производительности в государственном секторе обычно ниже, чем рост ВВП) и Вагнера (Wagner effect) (повышение спроса на общественные блага по мере развития общества).

Наиболее удивительный вывод из проведенных расчетов состоит в том, что указанное выше значительное различие в региональных социальных расходах относительно регионального ВВП не материализуется в различие результатов: показатели PSP у регионов очень близки. Напротив, колебания показателя PSE значительны. Так, коэффициент вариации PSP (по трем сферам) составляет только 0,10–0,17, а показателя PSE – 0,38–0,42.

Оценки DEA показывают, что в среднем регионы могли получить тот же результат, израсходовав только 64% средств, в том числе в здравоохранении – 62%, образовании – 68 и в социальной защите – 59%.

Разница в эффективности региональных расходов объясняется отчасти некоторыми экзогенными факторами. Они разделяются на пять категорий: социальные условия и окружающая среда; зависимость от федерального правительства; качество управления в регионе; гражданское общество; государственные и частные расходы. Проводится эконометрический анализ влияния этих факторов (с помощью уравнений регрессии). Он свидетельствует, что показатели PSP и PSE лучше в регионах с высоким уровнем дохода на душу населения, которые имеют эффективную систему управления и сильное гражданское общество. Другой ключевой вывод – высокая доля региональных расходов в региональном ВВП и федеральных трансфертов в совокупных региональных доходах снижают эффективность региональных расходов. Как известно, более бедные регионы не только получают больше федеральных трансфертов, но и вынуждены больше тратить на социальные нужды. Причем у региональных властей нет стимулов к снижению социальных расходов, так как за этим может последовать и уменьшение федеральных трансфертов. Кроме того, региональные расходы определяются, главным образом, полученными доходами, а потому регионы обычно стремятся скорее потратить неожиданно полученные суммы денег, нежели сэкономить их. Отсюда вытекает волатильность расходов, ведущая к снижению их эффективности.

Хотя в последние годы был достигнут существенный прогресс во взаимоотношениях между разными уровнями государственной власти в РФ, сохраняется потребность в улучшении управления финансами регионов. Недавно федеральные власти выступили с инициативами, предусматривающими совершенствование управления региональными финансами (в рамках многолетнего бюджетирования, ориентированного на результаты) и учет достижений регионов при определении размеров выделяемых им трансфертов на образование и здравоохранение. Однако окончательный срок их реализации пока отодвинут на 2009 г.

Ключевую роль играют введение бюджетирования, ориентированного на результаты, и расширение автономии региональных властей в принятии решений, касающихся расходов, которые входят в сферу их ответственности, при одновременном усилении их подотчетности, включая установление более жестких бюджетных регламентаций. Приоритетные национальные проекты являются примером целевой федеральной интервенции, которая создает риск непрофинансированных полномочий и риск отказа от первоначальных шагов в направлении передачи ряда полномочий на региональный уровень. В отличие от этих проектов создание автономных учреждений, имеющих глобаль-

ные бюджеты (global budgets)[1] и стимулы для конкуренции, должно повысить эффективность государственных расходов. В этом случае государственные власти смогут тщательно контролировать финансовые риски.

Результаты проведенного эконометрического анализа показывают, что имеются значительные возможности для повышения эффективности государственных расходов, особенно в сфере здравоохранения и социальной защиты и, в меньшей мере, в сфере образования.

Г.В. Семеко

1. Глобальный (годовой) бюджет рассчитывается не на ресурсы, а на результаты деятельности учреждения, выраженные в объемах предоставляемых услуг. Например, объем финансовых средств, предоставленных больнице, не зависит от ее коечного фонда и других ресурсных показателей. Оплата медицинской помощи осуществляется не по факту ее предоставления (ретроспективно), а на основе разработанного и согласованного заказа на вполне определенный объем помощи. – Прим. реф.

РАЗВИТИЕ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ В 2007–2008 гг.

Perspectives 2007–2008 pour l´économie mondiale // Lettre de l´OFCE. – P., 2007. – N 290. – P. 1–5.

Сотрудники Французской обсерватории экономической конъюнктуры (Observatoire francais des conjonctures économiques) пишут, что вплоть до середины лета 2007 г. мировая экономика демонстрировала высокие темпы роста (в 2006 г. темп составил 5,2%). Однако события на, казалось бы, узком сегменте ипотечного рынка в США, а именно – на рынке низкокачественных ипотечных кредитов (subprime-кредитов), произвели эффект «разорвавшейся бомбы». В первую очередь они вызвали уменьшение ликвидности на межбанковском рынке, что способствовало повышению процентных ставок на этом рынке на 50 базисных пунктов и затруднило получение банковских кредитов для финансирования инвестиций. И хотя общие потери банковского сектора оцениваются в 250 млрд. долл., главное следствие кризиса на рынке subprime-кредитов заключается в снижении уровня доверия между экономическими субъектами. Поскольку такой кризис преодолевается небыстро и требует определенных изменений монетарной политики, он, наряду с другими факторами, будет способствовать снижению темпов роста мировой экономики с 5,2% в 2006 г. до 4,9 в 2007 г. и до 4,5% в 2008 г. (с. 2).

В целом 2007–2008-е годы для мировой экономики являются благоприятными, несмотря на некоторое снижение темпов роста. Рост мировой экономики будет поддерживаться экономическим ростом в развивающихся странах (РС), темпы которого составят в среднем 7%. Лидером роста останется Китай с темпами, превышающими 10%.

Экономический рост в США начал замедляться с весны 2006 г., когда стали появляться первые признаки ухудшения ситуации на рынке жилья. В некоторых штатах начали снижаться цены на жилье и объемы продаж как нового, так и вторичного жилья. В 2006 г. инвестиции в жилье уменьшились на 4,6%, а в 2007 г. – на 16,1% (с. 3). Перед лицом развертывающегося финансового кризиса Федеральная резервная система (ФРС) снизила официальную процентную ставку, которая, по прогнозам, во втором квартале 2008 г. уменьшится до 3,25%. До лета 2007 г. экономика США довольно успешно

сопротивлялась надвигающемуся кризису на рынке недвижимости. Однако замедление темпов роста потребления домохозяйств продолжается под влиянием обострения финансовых трудностей, которые возникли из-за снижения цен на жилье и более жестких условий получения кредитов. Темпы роста частного потребления, составлявшие в 2006 г. 3,1%, в 2007 г. снизились до 2,6 и составят 1,2% в 2008 г. Совокупный внутренний спрос в США замедлится также вследствие снижения объема инвестиций, о чем свидетельствует уменьшение заказов на оборудование. Поддержанию темпов роста будет способствовать внешняя торговля: ее вклад составит в 2008 г. 0,7 процентных пункта. Продолжающееся снижение обменного курса доллара будет способствовать увеличению экспорта американских товаров. При этом импорт значительно замедлится под влиянием конъюнктурных факторов. В целом темпы роста американской экономики снизятся с 2,9% в 2006 г. до 1,9 в 2007 г. и до 1,8% в 2008 г.

Экономический рост стран с развивающимся рынком (СРР) во главе с Китаем, Индией и Россией позволяет поддерживать высокие темпы роста мировой экономики. В 2006 г. вклад Китая в мировые темпы экономического роста оценивается в 1,5 процентных пункта, тогда как вклад США и ЕС составляет всего 0,6 пункта для каждого. В 2007 г. общий вклад промышленно развитых стран (ПРС) в мировой рост составил всего 1,2 процентных пункта, тогда как вклад СРР – 3,7 пункта (с. 4). Динамизм экономического развития азиатских стран позволит компенсировать снижение темпов роста экономики США. Экономика Китая, которая во втором квартале 2007 г. достигла рекордных темпов роста в 11,9%, обнаруживает все признаки перегрева. В 2008 г. темпы роста китайской экономики составят 10,6%.

РС за пределами Азии достигли в 2006 г. рекордных для себя темпов экономического роста в 5,8%. За последние четыре года страны Латинской Америки смогли воспользоваться благоприятными условиями для возобновления экономического роста, укрепления своей производственной базы и уменьшения внутренних и внешних дисбалансов. Будучи экспортерами сельскохозяйственного и промышленного сырья, они смогли использовать такой фактор, как повышение мировых цен на сырье. В 2006 г. активное сальдо их совокупного торгового баланса составило рекордную сумму в 50 млрд. долл. Хотя финансовый кризис лета 2007 г. затронул финансовые рынки стран Латинской Америки, улучшение их фундаментальных экономических показателей и меньшая уязвимость перед лицом внешних шоков могут позволить им привлечь дополнительные капиталы для финансирования развития. Темпы экономического развития региона снизятся с 5,0% в 2006 г. до 4,4 в 2006 г. и до 3,7% в 2008 г. (с. 4).

Благоприятная динамика отмечается в России, где рост нефтяных доходов позволил увеличить активное сальдо торгового баланса и за семь послед-

них лет снизить отношение государственного долга с 90 до 10% ВВП. Приток иностранной валюты в страну стимулировал внутренний спрос, однако при этом подстегнул инфляцию, уровень которой стал повышаться с конца 2006 г. В целом темпы роста экономики России, оцениваемые в 2007 г. в 6,8%, снизятся в 2008 г. до 6,2%.

Очень динамично развивается экономика в новых странах – членах ЕС, что сопровождается быстрым ростом объемов кредитования, снижением уровня безработицы и повышением заработной платы. Вместе с тем с начала 2007 г. в этих странах ускоряется инфляция, что заставляет их монетарные органы проводить ограничительную денежно-кредитную политику. В целом темпы их экономического роста снизятся с 6,5% в 2006 г. до 6,0 в 2007 г. и до 5,4% в 2008 г. (с. 4).

В целом темпы роста экономики стран зоны евро прогнозируются на более высоком уровне, чем в США, поскольку в 2006 г. этим странам удалось динамизировать внутренние факторы роста, которые сохранят свое действие и в 2008 г. Это прежде всего внутренние инвестиции и рост потребления, связанный с повышением зарплат и созданием новых рабочих мест. Домохозяйства получат главную выгоду от бюджетной политики, которая впервые с 2003 г. перестала быть ограничительной. Вместе с тем повышение обменного курса евро до 1,5 долл. в 2008 г. приведет к снижению темпов роста в зоне евро на 0,5 процентных пункта. Среднегодовые темпы роста экономики стран зоны евро снизятся с 2,9% в 2006 г. до 2,6 в 2007 г. и до 2,5% в 2008 г. (с. 4).

В современных условиях, когда развитие экономики сталкивается с многочисленными рисками, проводимая в разных странах денежно-кредитная и бюджетная политика приобретает существенное значение. ФРС, склонная к быстрой реакции, уже проводит снижение официальной процентной ставки, что позволяет смягчить условия предоставления кредитов. К тому же американское Казначейство ослабило бюджетную политику. Эти два фактора позволят в 2008 г. повысить темпы роста американской экономики на 0,2 процентных пункта (с. 5).

В зоне евро после нескольких лет бюджетных ограничений, связанных с Пактом стабильности и роста, в 2007 г. бюджетный дефицит во всех странах, кроме Португалии, составит менее 3% ВВП. В целом по зоне евро отношение бюджетного дефицита к ВВП снизилось с 2,4% в 2005 г. до 1% в 2007 г. (с. 5). До середины 2008 г. не стоит рассчитывать на то, что Европейский центральный банк (ЕЦБ) ослабит условия денежно-кредитной политики. Что касается инфляции, то в четвертом квартале 2007 г. она превысит барьер в 2% годовых. Можно ожидать, что во второй половине 2008 г. ЕЦБ снизит официальную процентную ставку, мотивируя это повышением обменного курса евро и необходимостью борьбы с инфляцией.

В мировой экономике, переполненной сбережениями, долгосрочные процентные ставки сохраняются на низком уровне, и они могут еще более снизиться, если инфляция останется под контролем. Однако в некоторых быстро растущих СРР, особенно в Китае и Индии, инфляция ускоряется. В результате эти страны ужесточают денежно-кредитную политику, но влияние такого ужесточения на реальную экономику ограничивается тем, что экономические субъекты имеют возможность финансировать свою деятельность. Впрочем, усиление инфляционного давления в СРР вряд ли распространится на остальной мир. Несоответствие между предложением и спросом характерно для внутренних рынков указанных стран, тогда как на экспортных рынках царит такая конкуренция, что повышение цен будет быстро «задушено в зародыше».

Л.А. Зубченко

Огг Дж., Рено С.

ЖИЗНЬ НА ПЕНСИИ: РАЗНООБРАЗИЕ И СХОДСТВО

Ogg J., Renault S.
Vivre a l`heure de la retraite: Diversites et similitudes // Etudes de la documentation fr. – P., 2007. – N 5256. – P. 105–112.

Французские специалисты рассматривают основные отличия и сходства в образе жизни пенсионеров в европейских странах, сравнивая такие параметры, как семейное положение, проживание в семье, отношения с детьми, ответственность и обязанности в семье, наличие собственного или арендованного жилья, сохранение независимости и независимого проживания, получение медицинских услуг, благосостояние, удовлетворенность жизнью и др.

Во всех европейских странах большая часть населения в возрасте 65 лет и старше живет в браке, а меньшая часть – это вдовцы и вдовы. В странах Южной Европы – Греции, Испании, Португалии, Италии – супружеские пары редко разводятся. Аналогичная ситуация в Ирландии и Польше. Однако в других странах, таких как Германия, Швейцария, Австрия и скандинавские страны, более 10% пожилых граждан пережили развод.

Пожилые граждане сохраняют очень тесные взаимоотношения со своими детьми, особенно в странах Южной Европы. Во всех европейских странах, включая скандинавские, люди данной возрастной группы поддерживают отношения с детьми постоянно. В целом более половины европейцев в возрасте 65 лет видятся со своими взрослыми детьми (с которыми они вместе не живут), по меньшей мере, один раз в неделю.

В разных странах по-разному смотрят на ответственность по отношению друг к другу детей и родителей. В странах Северной Европы и Великобритании менее 15% жителей согласны с мнением, что взрослые дети должны заниматься своими пожилыми родителями. Более высокий процент согласных – в континентальной Европе, в частности во Франции.

В Норвегии, так же как и в Финляндии, в 60-х годах была отменена обязанность поддержки детьми пожилых членов семей. В других странах семей-

ные обязательства либо ограничены отношениями «родитель – ребенок», как, например, в Германии, либо распространяются одновременно на других родственников, как во Франции. Однако такие обязательства во Франции не выливаются в более тесные семейные отношения. Наоборот, здесь отношения между родителями и детьми похожи скорее на отношения в странах Северной Европы, чем на отношения в других европейских странах.

На жизнь пожилых людей оказывают влияние топографические условия государства. В принципе проживание в городе, субурбанизированной зоне, сельской местности порождают разные условия жизни населения с точки зрения доступа к предприятиям торговли и сферы услуг. Особенно это влияет на возможности пожилых людей получать необходимое медицинское обслуживание. В некоторых странах население старше 65 лет концентрируется в основном в городских центрах, как в Греции (32%), или на периферии городов, как в Дании и Великобритании (25%). В других странах более распространено проживание в сельской местности. Так, в Ирландии и Финляндии соответственно 40 и 25% лиц старше 65 лет проживают в деревнях.

В целом в Европе отмечается высокая стабильность проживания лиц этой возрастной группы в одном географическом регионе в течение более 40 лет. В Ирландии и Франции отмечается очень низкая мобильность пожилых людей, и их срок проживания в одном месте приближается к 50 годам, так же как и в бывших социалистических странах Восточной Европы.

Как правило, пожилые люди живут в индивидуальном жилье. Однако в странах Северной Европы – это обычно арендованное жилье, а в южных – собственное. Большинство пожилых граждан отдают предпочтение отдельному жилью, так как стремятся сохранить свою независимость.

Анализ позволяет автору сделать вывод, что условия жизни европейцев старше 65 лет значительно различаются в странах Северной и Южной Европы. Кроме того, существенные различия отмечаются между «старыми» странами ЕС и недавно присоединившимися к этой организации государствами.

В действительности подмеченные различия отражают условия жизни населения в целом, а не только пожилых граждан. Эти условия зависят одновременно от системы социального страхования, структуры семьи, особенностей государственного устройства, культуры, образа жизни и т.д. Выделяются северный, средиземноморский и континентальный образы жизни, которые оказывают влияние на структуру семьи, поведение детей, взаимоотношения между членами семей. Однако, несмотря на эти различия, для пожилых жителей всех стран характерно желание сохранять независимость проживания и в то же время тесные отношения со своими детьми.

Страны ЕС, руководствующиеся принципом социальной сплоченности и унификации политики в отношении пожилых граждан, должны улучшать условия их жизни в каждой из стран, сохраняя при этом национальные особен-

ности этой социальной группы. Кроме того, учитывая приближение к пенсионному возрасту многочисленного послевоенного поколения и тот факт, что условия жизни являются результатом культурных и институциональных усилий, Европа должна контролировать решения, касающиеся работы системы социальной защиты и механизмов перераспределения дохода в пользу наиболее пожилых граждан, особенно системы пенсионного обеспечения по старости и обеспечения доступности предприятий сферы услуг.

С.Н. Куликова